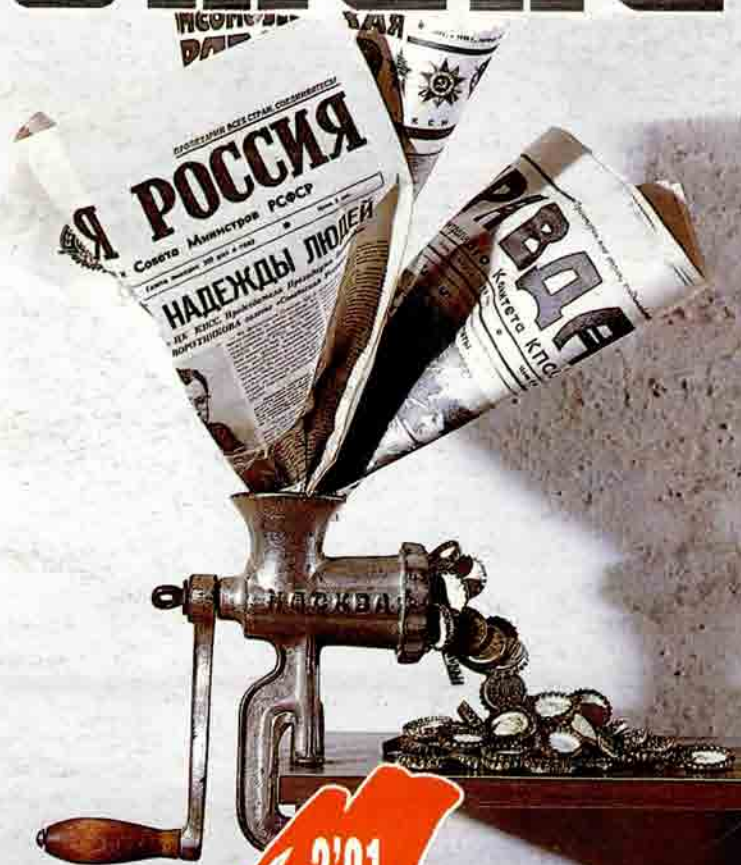

СМОЛО

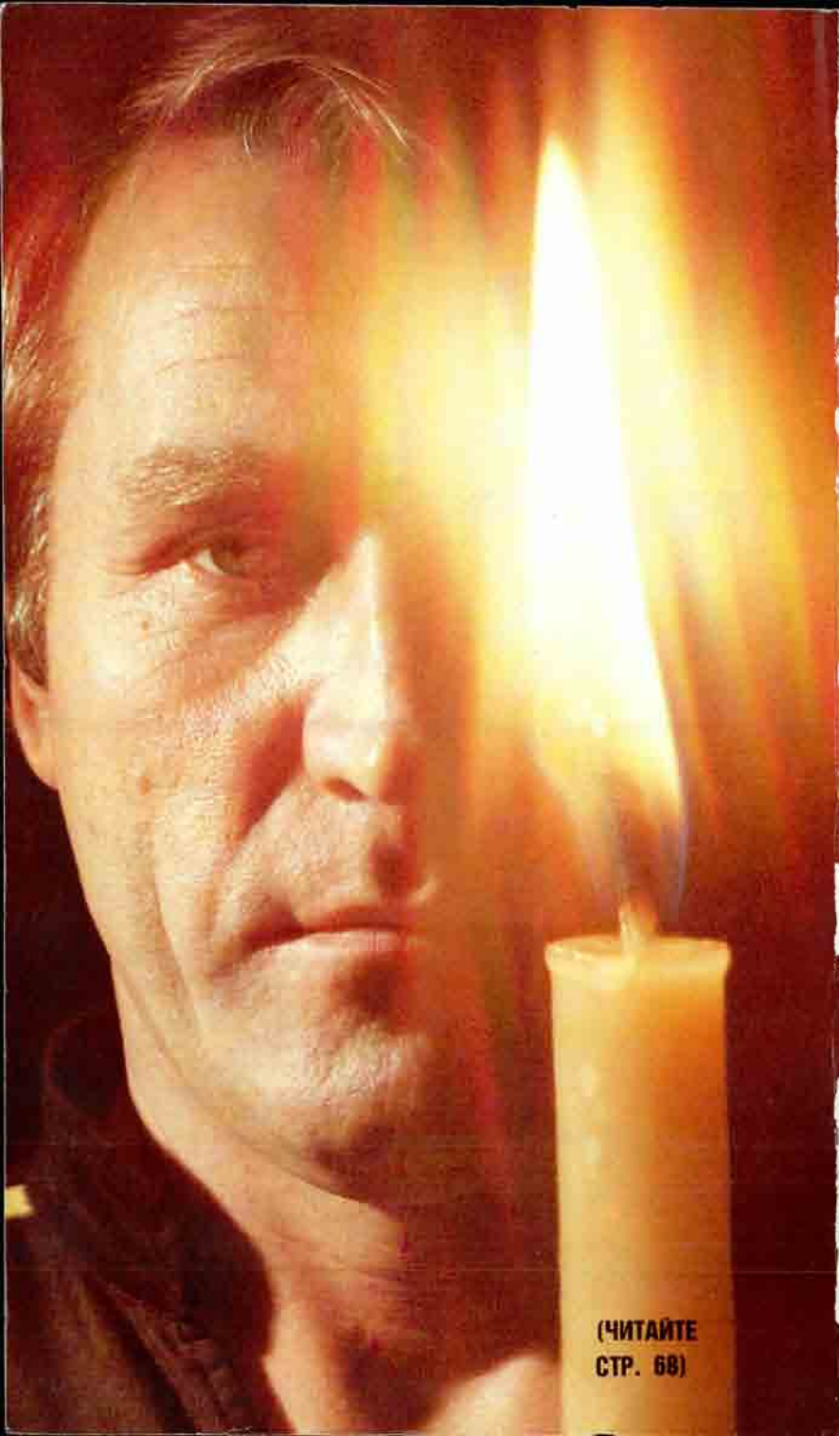

ЦЕЛЬ. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ АЛЕКСАНДРА БУКЛЕШЕВА

ВИКТОР ВОСТОКОВ.

ИСКУССТВО РАССЛАБЛЕНИЯ

2'91

**(ЧИТАЙТЕ
СТР. 68)**

2'91

Смена

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБИЧКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА

Технический редактор
ЕКАТЕРИНА ЗЮКОВА

Сдано в набор 19.11.90.
Подписано к печати 26.12.90.
Формат 84 × 108^{1/2}.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 680 000 экз. (из общего
тиража 1 880 000 экз.).
Заказ № 3185. Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок,
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

2 (1516) ФЕВРАЛЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда»
«Смена», 1991.

ПРОЗА

10

АЛЕКСАНДР БУКЛЕШЕВ. ЦЕПЬ
Фантастический рассказ

57

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ. ЗАПИСКИ ПОЛТИННИКОВА. ЛАМПА
ПОСРЕДИНЕ МИРА
Наши публикации

82

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ. ИДИ НА ГОЛГОФУ

166

УИЛЬЯМ ПИТЕР БЛЭТТИ. ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА.
Роман

ПОЭЗИЯ

35

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

152

АРТУР ДОЛЯ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ВОДА В СТУПЕ...

7

ШАНС ЕЩЕ ЕСТЬ! 22 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ЗЕМЛИ

40

ЛЕОНИД ГОРДОН. БЕЗ МОЛОТА И ПЬЕДЕСТАЛА

68

ВИКТОР ВОСТОКОВ. ИСКУССТВО РАССЛАБЛЕНИЯ

128

ИГОРЬ ЯКОВЛЕВ. БАЗАР-ВОКЗАЛ...
Фотоочерк

156

ПАВЕЛ ПЭНЭЖКО. НА СЕМИ ОБРАГАХ

МОРАЛЬ И ПРАВО

30

НИНА ЧУГУНОВА. «Я СТАРАЮСЬ ВО ВСЕМ ПОХОДИТЬ
НА СВОЕГО СЫНА»

На нашей
обложке:
фотозтюд
ВИКТОРА
БРЕЛЯ

144

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. БЕЗОТКАЗНЫЕ ДЕВОЧКИ.

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

48

ТАМАРА ИВАНОВА: «ЖИТЬ В ОБЪЕДИНЕННОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ»

64

ВИКТОР ОРЛОВСКИЙ. ПЕЙЗАЖ ДЛЯ СОЗЕРЦАНИЯ

125

«СУПЕР Р»? ЭТО ЖЕ НАДО...

288

АНАТОЛИЙ СМИРНОВ. РОЗОВЫЕ ФЛАМИНГО

282

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

3-91

3

■ «Атомный король». Лаврентий Берия — куратор советского уранового проекта.

■ Тимур Зулфикаров. Восточные любовные притчи.

■ «Первое марта». Покушение на императора Александра II глазами историков.

■ «— Ты, с-сукин сын,— прошептал Каррас, и эти слова рассекли воздух, как сталь.— Ты, подонок!..»

Бес перестал смеяться и зло уставился на него:

— Ты проиграешь! Ты всегда проигрывал!

— Да, ты прекрасно справляешься с детьми! —

Дэмыен дрожал, как в лихорадке. — С маленькими девочками! А ну-ка, давай посмотрю, способен ли ты на что-нибудь большее! Давай же, попробуй! — Он выставил свои огромные руки и медленно поманил к себе. — Давай, ну, давай же! Попробуй, возьми меня! Оставь девочку, возьми МЕНЯ! МЕНЯ!..»

Читайте окончание романа Питера Блэтти «Изгоняющий дьявола».

АНОНС:

Какие страсти кипели!

Два старика, одному — восемьдесят лет, другому — семьдесят, взбудоражили всю область. Студенты поднялись на их призыв. Взяли топоры и пошли на реки — ставить плотины.

Я их видел, эти деревянные плотинки на маленьких тверских речках. Они совершенно естественны, как будто всегда здесь были, как часть деревенского пейзажа: река, лес, дома на косогоре... В том-то и дело, что они и раньше здесь стояли: сорок, пятьдесят, шестьдесят лет назад.

Прошли десятилетия — и следа не осталось от тех мельничных плотин и запруд, что ставили тверские крестьяне в незапамятные времена. Но вот пришли студенты и поставили плотины на тех же местах. Им так и сказали: не надо состязаться с предками в знании реки, здесь и только здесь.

Для студентов не прошли даром те летние месяцы. Сотни их сверстников проходили практику на крупных гидроузлах, а они — здесь, на берегах тверских речушек, которые иногда и перепрыгнуть можно. Они жили в тверских деревнях, где и дома-то особые, с налобниками, и вечерами на фоне темнеющего неба эти налобники похожи на острия копий, в деревнях, где многие крыши еще покрыты дранкой, сделанной, быть может, на тех же мельницах, где еще совсем недавно, полвека назад, мельничное громадное ко-

лесо крутило заодно и маховик щеподрального станка.

Крыши эти заросли мхом, почернели от времени, а кое-где, наоборот, просветлели, высеребрились, и светятся, серебрятся в ночи, как светятся крытые такой же дранкой купола храмов Ростова Великого. Ребята сделали своими руками то, что испокон веков делали их деды и прадеды: срубить избу, поставить плотину — такое не забудется. Как не забудутся и названия речек: Тифина, Топалка, Палейка, Ривица, Ворожба...

Они и потом, через несколько лет, приезжали сюда. Но уже только посмотреть.

Студенты работали на речках два сезона. А потом им запретили. И как ни бились их патриархи-прорабы: семидесятилетний преподаватель-гидротехник из Твери и восьмидесятилетний пенсионер, бывший инженер леспромхоза из Максатихи — ничего уже восстановить не удалось. Хотя канцелярская война была долгая. Долгая...

Сейчас, по прошествии немалого времени, та эпопея семидесятых годов представляется мне даже загадочной. Возникло движение стихийно — и так же угасло, как бы само собой, как бы изжив себя. И — ни итогов, ни анализа, ни раздумий — ничего не осталось. Как будто ничего и не было.

...А правда ведь, речки пересыхали. И засухи тогда ударили сильные. В тверских краях, боло-

В СЛУХО...

тистых, всегда избыточных влагой, вода ушла из колодцев. А колодцы-то глубиной в 15—20 метров. Молога, большая река, впадающая в Рыбинское водохранилище, обмелела так, что по ней на плоскодонке пройти было трудно. А уж о ее притоках — речках и ручьях — и говорить нечего.

Тогда-то, в конце шестидесятых — начале семидесятых, и стали возникать комитеты по спасению малых рек.

Первым — и самым крупным, самым знаменитым — был комитет по Десне. Во главе его встало высокое брянское начальство, и вскоре комитет превратился в мощную межреспубликанскую организацию. Десна — река пограничная, и в комитет вошли несколько областей России и Украины. И деньги нашлись, и материалы, и строительство плотин развернулось во всю ширь общественного энтузиазма. (Считалось, если поставить на месте старых мельничных плотин новые, то уровень притоков Десны поднимется, а значит, станет полноводнее и сама Десна.)

Тогда же в мало кому известном поселке Максатиха (тогдашняя Калининская, а ныне Тверская область) возник комитет по Мологе. На Десне никаких конфликтов не было: кто ж осмелится выступить против организации первых секретарей обкомов? Может, кто из специалистов и затаял скептическую улыбку, но в основном-то

участвовали все: и расчеты делали, и одобряли, и чуть ли не научную базу подводили, и деньги радостно изыскивали. Поначалу и в комитете по Мологе все было спокойно. Два сезона ставили плотины. Прославились. Мало того, тогдашнее Министерство сельского хозяйства издало и разослало повсюду циркуляр, рекомендуя использовать опыт максатихинцев. В Максатиху посыпались письма, комитет по Мологе всем желающим рассылал фотокопии чертежей и описания плотин...

Но вот в самой Максатихе дело вдруг застопорилось. Один из областных начальников, Б. Бологуров, смело пошел поперек желаний своего же министерства и не дал денег на строительство плотин.

У него была мощная поддержка: гидротехники, мелиораторы, то есть специалисты, профессионалы. Они в один голос доказывали, что максатихинская самостоятельность губительна для малых речек. Понатыкать на них плотинки — это все равно что перекрыть артерии у человека.

Что тут сказать?

Я-то, по существу, ничего не могу. Так, вокруг да около. Видел я те плотины. Залущены, заброшены; щиты-створы везде подняты, вода идет насквозь. Зачем же тогда их ставили? Говорят, некому за щитами смотреть, регулировать. Мол, для этого штатная единица нужна, а колхозы-совхозы не вы-

деляют: и денег жалко, и людей нет. Ни на одной речке, ни в одном селе те плотинки не работали — стояли просто так, словно памятник энтузиазму, общественному движению...

Но тут ведь важно — спасают те плотины малые речки или нет? Может, энтузиазм в данном случае вред, а не пользу природе принес?

И этого не знаю. Не могу сказать.

Разговаривал я... Да, разговаривал с большим специалистом из ба-альшого проектного института, можно сказать, главного по водной части. Но странным был тот разговор.

Я ему долго рассказывал о максатихинских делах. А он вскакивал то и дело с места, ходил по кабинету, ерошил волосы и бормотал: «Ну, дают! Не может быть! Кто же им позволил?»

Потом надолго замолчал, сцепив пальцы. Формулировал:

— **Первое.** Каскад плотин резко снизит скорость, то есть проточность, воды. А значит, наносы будут выпадать в осадок, река заилится.

— **Второе.** Подтапливание. Река — дренаж окружающей местности. Если мы поднимем уровень ее по всему течению, то поднимется везде и уровень грунтовых вод, начнется заболачивание.

— **Третье.** Сбросы в реки в наше время увеличились в сотни, в тысячи раз. Очистка зависит от скорости, от проточности. Плотины задержат течение. Реки будут загрязняться... А вообще — откуда все это пошло? Кто разрешил?

— Как «откуда»? — удивился я. — С комитета по Десне началось.

— С какого комитета по Десне? — удивился он.

— Как это — «с какого»? — удивился и я. — Который по Десне, в Брянске.

— Первый раз слышу...

Я покачал головой и посмотрел вниз, на Москву: кабинет был на бог знает каком этаже стеклянной башни, известной всем, знаменитой.

И я начал ему рассказывать. О деньгах немалых, что ушли на энтузиазм, о сотнях плотин, поставленных только на притоках Десны, не говоря уже о всей России.

— Так вот в чем дело! — вскопчил с места мой собеседник. И забегал по кабинету.

Потом, заметив мое изумление, остановился.

— Понимаете, мы сейчас в верховьях Десны проектируем большое водохранилище. На полмиллиона кубометров. В нем — спасение малых рек. Но чтобы все рассчитать, надо знать сток, общий водный баланс. А мы понятия о нем не имеем, не можем рассчитать, потому что какой-то дурак понаставил на притоках чуть ли не сотни плотин — и они торчат, словно кость в горле! Значит, это комитет? Ну, теперь все ясно...

— А вы и правда ничего не знали о комитете по Десне?

— Да что вы! — рассмеялся он. — Честное слово вам даю: первый раз слышу!

...Это что же: главный человек, который мог рассудить и сказать, ничего не знал? И десять лет труда и кипения общественных страстей ушли только лишь на сотрясение воздуха и трату нервов, энергии и денег? Воду в ступе толкни?

Абсурд какой-то...

22
APRIL
1991

ШАНС ЕЩЁ ЕСТЬ!

*Митингами
и манифестациями
беду не одолеть.
Приказами
и постановлениями —
тем более.
Обращаемся
к совести вашей,
к здравому смыслу. Мы
стояли и стоим на
том, что главное —
результат. Пусть
малое, но движение
вперед. Поэтому
предлагаем
сосредоточить
силы, средства на
конкретной
задаче — спасении
малых рек.*

«Время не ждет!» —
обращался к читателям журнал
«Смена» год назад, призывая
принять участие в международной
экологической акции День Земли.
...Напомним: инициатором этой
беспримёрной по масштабам акции
стал американский ученый,
яростный пропагандист «зеленых
идей» Дэнис Хэйз (1970 год —
первый национальный День Земли
в США). Сегодня его знает весь
мир. «Программа Хэйза» не

замыкается городом, страной, континентом. Она — достояние планеты. Только в прошлом году в Дне Земли — 22 апреля — приняло участие двести миллионов человек из 131 страны!

Как же выглядели мы на этом радужном фоне?

Да никак...

Наше отечественное умение заорганизовать, превратить в «кампанию» любое здоровое начинание сработало и здесь отменно. Было много призывов. И очень мало конкретных дел.

Скажем сразу, есть в этом доля и нашей вины. (Редакция журнала «Смена» — один из координаторов под эгидой Фонда социальных изобретений СССР проведения Дня Земли в Советском Союзе.) Но не в оправдание, а как факт, подтверждающий общую экологическую инфантильность, отметим, что десятки крупнейших государственных и общественных ведомств вообще не откликнулись на наш призыв «Время не ждет!».

Они, видимо, считают — подождет, как проситель в приемной...

Загадочно промолчало Всероссийское общество охраны природы. Ни копейкой не помогло. А ведь на счетах его — миллионы рублей как раз для охраны и спасения природы. (Или, может быть, мы ошибаемся, и деньги эти предназначены совсем для иных целей?..) Госкомприроды СССР отреагировал в привычном духе — издал приказ. По стилю («осуществить», «принять к сведению», «утвердить мероприятия», «принять необходимые меры»...) — образец позавчерашнего канцеляризма. По существу — бесполезная, ни к чему не обязывающая бумага. Союзное Министерство культуры, видно, сочло, что экологические

беды не касаются культурного общества и его отдельных граждан никаким боком — и тоже отомолчалось. Как, впрочем, и металлурги, и авиаторы, и...

Стоит ли продолжать?

Проще, читатель, глянуть окрест. Много ли радителей родной природы из числа хозяйственников, аппаратчиков, номенклатурных руководителей увидим?

...Понимаем: время на дворе сегодня сложное. Дыр черных, куда проваливаются бесследно средства, здравый смысл, силы, надежды, порывы вести, не счесть. Развалена экономика, рвутся хозяйственные и человеческие связи, споры из-за клочка земли оборачиваются братоубийством... Необходимо спешно перекраивать, латать, строить. Словом, хоть как-то налаживать, обустраивать жизнь.

Вот и обустраиваем «как-то», не задумываясь, что экологические бедствия сведут на нет даже слабые, конвульсивные потуги наши. Да и нас самих попросту не станет...

Здоровье Земли — это здоровье человека, общества, государства. Нехитрая мысль, а многие ли умом, сердцем восприняли ее? И тут нас ждет парадоксальное «открытие» — да, многие! Потому что, по данным социологических опросов прошлого года, самое массовое общественное движение в стране — движение «зеленых». И... одно из самых бесправных, беспомощных. Его, движение это, никто не запрещает. И — не помогает никто. Ни деньгами, ни специалистами, ни делом реальным... (А что привносят в нашу жизнь голый энтузиазм и «кампанейщина», видно из истории, рассказанной писателем Баймухаметовым...)

НО — ШАНС ЕЩЕ ЕСТЬ!

В прошлом году День Земли поддержали **Минэнерго, Минуглепром, Минтрансстрой, Миннефтехимпром, «Совтрансавто», ЗИЛ ...** Пусть же нынче к ним присоединятся десятки, сотни других: **22 апреля 1991 года мы вновь включаемся в международную акцию День Земли.**

Митингами и манифестациями беду не одолеть. Приказами и постановлениями — тем более. Обращаемся к совести вашей, к здравому смыслу. Мы стояли и стоим на том, что главное — результат. Пусть малое, но движение вперед. Поэтому предлагаем сосредоточить силы, средства на конкретной задаче —

спасении малых рек.

Но, не повторяя прошлых ошибок, сделать это **продуманно, профессионально.**

Мы «сменовцы», постараемся помочь малым рекам Москвы. Ведь до 1917 года их было более ста. Рачка, Золотой Рожок, Рыбинка, Пресня, Непрудная... Где они нынче?

...Дэнис Хэйз убежден — настоящее экологическое прозрение нашего общества не за горами. Очень хочется в это верить.

Альтернативы — нет.

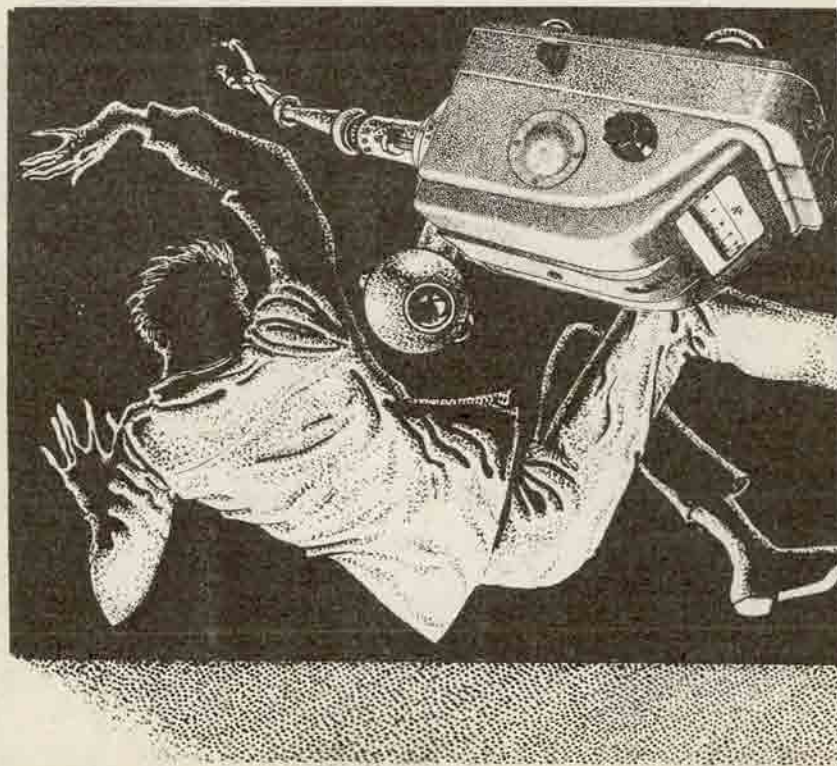
Редакция журнала
«Смена»

ЦЕПЬ

Александр Буклешев родился в г. Уральске, ему 33 года. Окончил Куйбышевский медицинский институт. Живет и работает в г. Новочебоксарске. По профессии — врач-реаниматолог. Публиковался в городской и республиканской молодежных газетах. В центральной печати выступает впервые.

**АЛЕКСАНДР
БУКЛЕШЕВ**

Фантастический
рассказ

«Женщины — животные ночные, и до сих пор, при кажущейся доступности и простоте контакта, их поведение остается малоизученным, а порой и вовсе необъяснимым и загадочным...»

Он вынул отпечатанный лист из машинки и положил на самое видное место письменного стола, не сомневаясь, что она прочтет; завтра же, пока он будет завтракать, по привычке заглянет в кабинет навести чистоту и порядок и, перевернувшись бумагами, украдкой посмотрит, что он успел сделать за ночь.

Раньше он не скрывал своего недовольства, заставляя ее за чтением рукописи. Он свято верил в приметы и считал, что неоконченные вещи нельзя показывать никому, иначе из них ничего толком не получится.

Иногда по утрам он выходил из кабинета со стопкой листков в руках или в кармане халата, желая прочесть ей наиболее удавшиеся, как ему казалось, куски. Он спешил в гостиную, где она обычно ждала его, сидя за накрытым столом, усаживался напротив, многозначительно прокашлявшись, заявлял:

— Я кое-что написал... Хочу, чтобы ты послушала...

Прочитав несколько предложений, он замолкал и смотрел на нее. Она перепархивала к нему на колени и, обняв за шею, говорила, улыбаясь:

— Ну интересно же, милый. Мне понравилось, честное слово! Умница!

А после, чмокнув его в лоб, садилась рядом, откладывая рукопись в сторону и, потрянув головой, приказывала: «Ешь!»

До еды ли ему было, когда, словно увидев впервые, он не мог оторвать глаз от ее лица, одухотворенного радостью и потребностью жизни, от непокорной завитушки спадавших на лоб и пьянящих своим запахом и цветом волос, от обтянутой легкой тканью халата груди. Желание слиться с нею, прикоснуться губами к ее шее, к ее мягким податливым губам вытесняло все другие желания и мысли. С глубоким вдохом, несколько ослаблявшим его внутреннее напряжение, он осторожно касался ее руки.

Она мгновенно поворачивала к нему голову, и в ее вопрошающем выражении лица и глаз появлялись едва уловимые искорки всепонимающего лукавства.

Сейчас он удивлялся, как можно было что-либо скрывать от нее, запрещать что-то, уходить в себя, удаляясь от ее жизни. Конечно, он смирился с тем, что она читает его сочинения в зародышевом виде, для нее он готов был открыть не только свои записи, но и душу, вывернуть всего себя наизнанку.

Вспоминать о тех прекрасных солнечных днях их совместного житья было особенно горько и тоскливо. Он облокотился на стол, подперев висок ладонью, и тяжело вздохнул.

«Я давным-давно ничего не писал... Признаться, ничего стоящего на ум не приходит... А стоит ли вообще писать? Я же чувствую, что не получается так, как раньше». Он снова вздохнул и, подняв вокруг себя непроницаемым щитом многочисленные и тяжелые волны былых воспоминаний, погрузился в прошлое так же, как погружается в холодную мутную воду бассейна белый медведь, доведенный до отчаяния зноем, мухами и толпой зевак, наполняющей зоосад.

Раньше... Просто рядом была она — его Муза из плоти и крови, дарящая ему и свое зрение, сливавшееся с его видением, и свои нервы, переплетавшиеся с его нервами, и любовь, благодаря чему ему было доступно многое, что ускользало от других, и он мог писать, не стыдясь за свой труд. Во всяком случае, так ему казалось сейчас.

Он представлял ее прежней, живой, улыбающейся из окна отходящего поезда. Поезда, канувшего в никуда и не достигшего станции конечного назначения, потому что спустя час сорок минут с момента отправления весь состав и все его пассажиры были погребены под снежной лавиной. Лишь единицам повезло выжить среди искореженной груды металла и пластика под безжалостно удушливой громадой снега, камней и льда.

Он вспомнил, как все началось...

Они позвонили во вторник, через три месяца после ее похорон. Было десять часов утра. Обычно в это время по многолетней привычке он садился работать, но в тот день, как, впрочем, и во все предшествовавшие дни бесконечно тягучих и липких своей горечью трех месяцев одиночества, скорбь господствовала над его мыслями и сердцем.

Поэтому он не сразу услышал сигнал видеотелефона.

Мягкий мужской голос участливо спросил:

— Господин Юл Кейн? Добрый день. Говорит представитель компании «Нью Велд Электроник Систем» Клод Бьюар.

— Добрый день,— нехотя ответил он и потянулся включить экран, но передумал.— Слушаю вас.

— Приносим вам свои глубокие соболезнования, господин Кейн. Извините за внезапное вторжение. Как известному писателю и человеку, уважаемому в общественных и деловых кругах, наша компания желает оказать одну очень важную, как нам кажется, услугу, касающуюся вашей жены, госпожи Санты Фло... Не могли бы вы уделить нам полчаса на этой неделе? Время и место выбирайте сами. Если желаете, я могу посетить вас. Если нет — после обеда, с вашего позволения, вам доставят проспекты нашей фирмы, где указаны адрес и телефон.

— Не беспокойтесь, мистер Бьюар. Могу встретиться с вами в четверг в одиннадцать часов. При возможных изменениях предупрежу вас заранее.

— Благодарю, господин Кейн. До скорой встречи.

— До свидания,— ответил Кейн и положил трубку.

До четверга он жил в смутном беспокойстве ожидания, догадываясь, что должно произойти нечто важное. Казалось странным, что совершенно посторонние люди проявляют интерес и не забывают о Санте, в то время как друзья и близкие уже свыклись с мыслью о ее кончине.

В четверг он подъехал к одиноко стоящему на небольшой площади высотному зданию, на котором огромными, сияющими перламутром буквами светилась надпись: «Нью Велд Электроник Систем».

В вестибюле его ждал Клод Бьюар. Поднявшись на восемнадцатый этаж, они долго шли по длинным, хорошо освещенным коридорам, устланным каким-то мягким синтетическим покрытием, поглощающим практически все звуки, миновали массу дверей со всевозможными надписями на входных сигнальных табло и, наконец, вошли в зал, две дальние стены которого составляли наружные стеклянные окна.

Направо от двери, в самом углу, стоял массивный подковообразный стол, за ним сидел худощавый светловолосый мужчина с правильными, почти классическими, чертами лица. При их приближении он встал, протянул руку и, поздоровавшись, представился: «Пол Исон».

Исон предложил им сесть и улыбнулся.

— Мы искренне рады видеть у себя такого известного человека, как Юл Кейн. Но, разумеется, не желание познакомиться с вами поближе дало повод для приглашения.— Говоривший замолчал и внимательно посмотрел на Юла.— Мы действительно заинтересованы оказать вам... не знаю, как лучше выразиться. Давайте посмотрим кое-что, может быть, тогда нам легче будет объясняться.

Окна автоматически задернулись плотными белыми шторами, не пропускающими свет. Наступивший полумрак прошли два тонких пучка света. Коснувшись штор, они превратили их в киноэкран.

Санту он узнал сразу. На двух огромных экранах, в незнакомой ему обстановке, она танцевала в широком голубом наряде, кружась под какую-то приятную мелодию. Сначала он решил, что его просто шантажируют и, желая содрать как можно больше денег, показывают пленку, порочащую репутацию его бывшей жены. Но затем на экране произошло событие, приведшее его в полное замешательство, и мысль о шантаже он сразу отбросил.

Санта подошла к телевизору и, нажав кнопку включения, встала рядом, пальцами указывая на загорающийся экран. Вскоре на нем появилась заставка ведущей телекомпании страны, означавшая начало передач, и известный миллионам телезрителей диктор с торжествующей стандартной улыбкой провозгласил:

— Доброе утро, сограждане! Начинаем нашу программу. Сегодня — четверг, четырнадцатое мая 20...6 года.

После этой фразы Санта выключила телевизор и, подойдя к столу, написала на лежавшем там перекидном календаре: «Милый, я очень прошу тебя верить этим людям». Последнее было показано крупным планом.

На этом кадре пленка кончилась. Шторы автоматически разошлись в разные стороны, и в комнату снова полился дневной свет.

«Пленку можно смонтировать... и двойника найти несложно... Если это шутка, то дурная, — лихорадочно размышлял Юл. — Впрочем, на шутку не похоже. От меня явно чего-то добиваются, поэтому лучше подождать объяснений».

Он повернулся к человеку, сидящему за столом, ожидая, когда тот начнет говорить.

— Вам это кажется по меньшей мере странным, не правда ли? — спросил Исон. — Поверьте, мы не хотим ничего плохого. Все, что вы здесь видели и слышали, делалось для того, чтобы как-то подготовить вас к дальнейшему разговору. Прошу заранее отнестись к тому, что будет сказано, весьма серьезно и не спешить с эмоциями.

— Хорошо, — согласился Юл. — Я тоже прошу, больше не надо готовить меня к неожиданностям, говорите сразу, в чем дело.

— Итак, вы видели свою жену живой и невредимой, — начал Исон. — Это не двойник Санты Фло, и пленка не смонтирована — на ней сняты действительные события сегодняшнего утра. Вы меня понимаете?

— Санта жива? Я хоронил другого человека?! Останки были страшно обезображены...

— Нет, Санта Фло мертва, как и большинство пассажиров того поезда. Я кое-что хочу вам напомнить, господин Кейн. Четыре года назад ваша жена забеременела, и ей необходимо было кесарево сечение.

— Я не понимаю, мистер Исон, какая связь между этими событиями, — перебил его Юл.

— Самая прямая. По существующему сейчас в акушерстве правилу перед планируемыми заранее операциями у женщин

берут кровь, чтобы в случае осложнений возместить кровопотерю их собственной кровью. Кровь эта надежно консервируется и может храниться годами. Ваша жена не была исключением... Женщина, которую несколько минут назад вы видели на экране, создана искусственно из клеток собственной крови...

При этих словах у Юла все похолодело внутри, во рту стало сухо, и он судорожно сглотнул, стараясь не выдавать своего волнения.

— Так что ваша жена воскресла,— продолжал Исон,— но у нее, к сожалению, есть ряд особенностей. Она появилась на свет чуть более полутора недель назад. Это новорожденный в образе взрослой женщины, и мозг ее практически пуст, как и подобает мозгу младенца.

— А как же на пленке?! Она ведь писала! — воскликнул Юл.

— Сейчас я все объясню, потерпите,— вмешался в разговор Клод Бьюар, до этого молча наблюдавший за говорившими.— Чтобы новая женщина Санта Фло проделала все, что мы недавно видели, с ней пришлось заниматься целую неделю.

Вся информация, точнее программа, была внушена ей под гипнозом, а затем она выполнила задание, находясь снова под гипнозом, уже перед камерой.

Наша компания тесно сотрудничает с проблемными лабораториями. Санта Фло — одна из первых людей, полученных искусственно. Положительных результатов, откровенно говоря, мало — всего полтора десятка человек. Сами понимаете, для исключения недоразумений в опытах используются случайно сохранившиеся живые ткани умерших людей.

Разумеется, о ведении таких работ широкая публика знать не должна, и вот почему.

Известно, что клетка любой ткани или органа хранит информацию о строении всего тела и при наличии определенных условий может воссоздать его полностью, причем до того возраста, в котором была изъята из организма. Воссозданный организм, образно говоря, помнит свое прошлое, но воспроизводит его крайне неохотно, особенно мозг. Этого удастся добиться особой методикой гипнотического внушения, но она настолько кропотлива, медленна и требует такой отдачи гипнотизера, что применима в течение весьма непродолжительного времени... Мозг воскрешенного, как мозг новорожденного, подобен листу чистой бумаги. Этим людям надо учить, учить долго и по специальной программе около десяти лет, только тогда они способны на самостоятельное существование как полноценные члены общества. Окончательных результатов пока нет, потому что обучение началось совсем недавно, и какими они будут, эти воскрешенные люди, еще неизвестно... Может, им предстоит доживать свой век в домах скорби из-за слабоумия... Вероятнее всего, мы сможем заставить мозг вспомнить свое прошлое, но сумеем ли научить его жить в настоящем — покажет время.

— Так какое же вы имеете право?! — Юл старался говорить как можно спокойнее, хотя внутри у него все клокотало от возмущения.— Зачем вам эти несчастные?! Зачем вам понадобилась моя жена?!

Бьюар замолчал и, растерянно посмотрев на Юла, опустил глаза, а Пол Исон произнес извиняющимся тоном:

— Вы вправе думать о нас все что угодно. Я очень прошу вас выслушать, господин Кейн... Существует еще один способ, возвращающий новую, полноценную жизнь. Мы, собственно, и пригласили вас сюда, чтобы его обсудить...

Юл повернулся и с недоверием воззрился на человека, сидящего рядом с ним.

— Да, да,— повторил Бьюар, утвердительно закивав головой,— есть еще один вариант, который нас устраивает больше, мы им практически и занимаемся... Это пересадка искусственного мозга, или создание искусственного интеллекта. Речь идет об электронном мозге, уместающемся в черепной коробке человека, полноценном и думающем не хуже, чем мой или ваш. Мозг искусственный, все остальное — нормальное; человеческое тело, подверженное обычным человеческим недугам и, так же, как ваше и мое, истекающее слюной, желчью и кровью, ломающееся при травмах с треском в костях... Если вы пожелаете, господин Кейн, мы попытаемся вернуть вам жену с искусственно восстановленным интеллектом, одним словом, пересадить ей электронный мозг. Такие люди у нас уже созданы, мы наблюдаем за ними, и, представьте себе, никаких отклонений.

— Больше всего мне хочется,— перебил его Юл,— чтобы бред прекратился.

— Господин Кейн,— Исон коснулся его руки.— Простите, пожалуйста, мы действительно желали вам помочь. И посвятили в тайны, о которых не знают даже члены правительства. Все потому, что случайно, поймите, случайно воссоздали вашу жену. Мы имели полное право, может, это и звучит кощунственно по отношению к личности, воспользоваться ее оболочкой, как нам заблагорассудится. Хотя в данном случае никакой личности, по сути, нет, так как пока в ней нет разума...

Мы предлагаем вернуть вам жену почти такой же, какой она была несколько месяцев назад. Единственное, что будет отличать ее от прежней,— искусственный мозг.

— А если ее обучать... без пересадки,— возразил Юл.

— На это потребуются годы. По самой совершенной программе, с учетом развития кибернетических систем — около семи лет. Кроме того, если вообще удастся пробудить разум, человек получится иным. Для него все будет ново: и семья, и муж, и дети. Вы с сыном будете относиться к ней, как к жене, матери, а она... Я не знаю, как она будет относиться к вам, вашему сыну, заметьте, к вашему, а не ее. И вообще, сможет ли она полюбить его... вас. Представьте, вы прождете много лет, а ваши надежды будут обмануты. Исключить этого нельзя.

— Так вы полагаете... с искусственным мозгом... Боже, зачем я согласился на встречу с вами,— простонал Юл.

— В случае отказа, господин Кейн,— донесся до него голос Бьюара,— мы просим подписать несколько бумаг о неразглашении корпоративной тайны... Но мне кажется, вам надо подумать,— добавил он, доставая из стола тонкую папку с документами.— Меня не покидает ощущение, что вы обожали свою

жену. Я читал ваши книги, и все они посвящены женщинам, а героини внешним описанием напоминают Санту Фло. Простите, конечно, это всего лишь предположение...

— Я любил свою жену, если хотите, обожал,— ответил Юл.— И вы правы — многое написано про нее и для нее... Я подумаю над вашим предложением, господа.

— Не хотите ли посмотреть на свою жену? — спросил вдруг Исон.— То есть... на эту женщину...

Юл почувствовал, как тяжелая волна щемящей тоски поднялась откуда-то снизу и перехватила дыхание свинцовым комом. Осевшим от волнения голосом, с трудом выговаривая слова, он ответил:

— Пожалуйста, если можно.

— Клод, проводите господина Кейна,— обратился Исон к Бьюару. Затем, слегка поклонившись Юлу, вежливо произнес:

— До свидания, господин Кейн.

— Прощайте, господин Исон,— отозвался Юл и вышел вслед за Бьюаром.

Она сидела посреди комнаты на высоком вращающемся стуле полностью обнаженная, застыв в неудобной, как ему показалось, позе. Черная бархатная накидка с капюшоном сползла с ее плеч и, зацепившись краем за спинку стула, тяжелым шлейфом стелилась по полу. На черном фоне ее тело смотрелось неестественно белым и потому неживым. Он подошел поближе и стал жадно и придирчиво рассматривать ее.

18 Это была она, его Санта, вернее, ее точная копия. Те же глаза и лицо, характерный разрез мочки уха и волосы, уложенные тяжелой волной на затылке, та же родинка телесного цвета на левой груди возле самого соска и маленькая изящная кисть, застывшая на бедре,— все было так близко и знакомо.

Ему захотелось прикоснуться к ее телу, ощутить мягкость, бархатистость ее кожи. Он вдруг, как прежде, ощутил ее запах, пряный, ни с чем не сравнимый запах новорожденного ребенка, который источало ее тело. У него перехватило дыхание, невыносимо запершило в глотке, и глаза наполнились слезами.

Три месяца назад он похоронил Санту, но только сейчас, рядом с ее копией, понял весь ужас и невозможность потери.

Прикрыв пальцами рот, правой рукой по привычке потирая губы и подбородок, Юл едва слышно прошептал: «Санта, кто знал, что я увижу тебя снова... Какая ты?»

Его глаза в который раз ловили плавные линии ее тела и спокойные, немного отрешенные, до боли родные черты красивого лица в тщетной попытке найти что-то чуждое, незнакомое. Именно сейчас ему предстояло решить судьбу сидящей перед ним женщины с внешностью Санты, именно сейчас где-то глубоко внутри него уже зрело окончательное решение.

Он подумал, что может подарить ей жизнь, второе рождение... пусть даже таким необычным способом.

«Чеду сейчас чуть более трех,— вспомнил он о сыне.— Почувствует ли он разницу?... И какой она будет матерью, женой?..

Ведь нам придется жить вместе. Делить кров, пищу... ложе. Господи! Так можно сойти с ума!

Отказаться? Нет! После того, как увидел ее,— поздно. Не смогу».

Юл сознавал, что в своем решении исходит из эгоистических соображений и лишь потом думает о сыне, о последствиях, связанных с тем, что рано или поздно тайна матери станет ему известна. И второе рождение Санты он невольно связывал со своим возрождением, потому что после ее гибели его нормальная жизнь оборвалась, и зияющая пустота с монотонной однообразностью дней, лишенных для него всякого смысла и интереса к окружающему, напоминала о том, какое место жена занимала в его судьбе.

«Нет, нельзя отказываться от нее, она моя жена. И я ее никому не отдам, тем более для сомнительных экспериментов».

Юл встал перед ней так, чтобы заслонить собой от чужих взглядов, и ощутил, что за ними наблюдают и, вероятнее всего, снимают скрытой камерой.

Его окликнули и сказали, что свидание закончено.

Клод Бьюар вывел его из здания по тем же пугающе унылым, длинным и пустым коридорам. Перед самым выходом он протянул Юлу конверт:

— Здесь перечень необходимого для ее программирования: письма, дневники, ваши рассказы, посвященные ей, описание привычек... Ознакомьтесь, если, конечно, надумаете, господин Кейн.

Более двух недель Юл собирал необходимые для программирования Санты документы и материалы, перечисленные в пакете. Весь последующий месяц ему пришлось посещать филиал компании, где проводились многочисленные медико-психологические обследования. К концу месяца он просто выдохся от различного рода анкетирований, тестирований, энцефало-, флюидо-, гамма- и спектрограмм. Ему казалось, что не осталось ни одного вопроса, касаемого ее или его личной жизни, увлечений, интимной сферы, на который бы он не ответил.

Более всего их интересовало отношение к ней: как он ее видел, воспринимал, чувствовал, любил; как она относилась к нему, к сыну. Каждый штрих, каждую черточку ее характера, поведения, речи и даже смеха он должен был воскресить в своей памяти и в подробностях донести до чужих людей, до безучастных микрофонов и датчиков равнодушных приборов, не увлывающих ни мучительного стыда, ни боли, которые он нередко испытывал. Юл воспринимал происходящее как пытку, которая рано или поздно должна кончиться. И она кончилась. Он даже запомнил точную дату: тридцатое июня. Ему сказали, что необходимые исследования проведены, и нужно несколько дней для того, чтобы систематизировать полученную информацию и кодированными блоками поместить в «мозге» Санты Фло.

Позже он узнал, с какой кропотливой настойчивостью древних кладоискателей Пол Исон и Клод Бьюар создавали алиби Санте Фло. Оно должно было быть так же невероятно, как и правдопо-

добно, без темных пятен и шероховатостей, могущих испортить все дело.

Лучшие социопсихологи корпорации разработали версию спасения Санты. Двумя неделями позже она была перепечатана всеми ведущими газетами и журналами и передавалась три дня в новостях по радио и телевизионным каналам.

«Счастливая ошибка»

Мы еще не успели забыть об ужасной железнодорожной катастрофе, случившейся пять месяцев назад в Трильских горах, когда магнитоэкспресс, шедший из Монрова в Клостерн, был погребен под снежной лавиной.

Трагедия, унесшая 306 жизней, была крупнейшей по числу жертв и первой за последние 38 лет на нашем континенте. Сегодня она вновь напомнила о себе совершенно неожиданным образом.

Среди погибших пассажиров обнаружили жену известного писателя Юла Кейна, госпожу Санту Фло. Он самолично опознал ее останки на месте крушения. Но, видимо, потрясенный происшедшим, Юл Кейн ошибся.

На самом деле Санта Фло осталась жива и в тяжелом состоянии была доставлена в нейрохирургическую клинику Клостерна, где ее здоровье постепенно поправлялось.

Единственное, что беспокоило пациентку и врачей, — развившаяся после травмы ретроградная амнезия, то есть потеря памяти на прошлые события. Пострадавшую нашли на месте катастрофы без сознания, рядом с ней отырыли дамскую сумочку с документами на имя Аниты Манк, каковой она и считалась до самого последнего времени. Пациентке пытались вернуть память, раздражая специальными электродами соответствующие участки коры головного мозга. Добившись результата, врачи обнаружили свою ошибку, поистине счастливую.

Благодаря ей Юл Кейн и его сын Чед вновь обрели любимую мать и супругу. Сейчас Санта Фло в кругу своей семьи и старательно избегает всяческих интервью».

Юл прекрасно помнил удушливые июльские дни, когда они поселились на загородной вилле в надежде быстрее привыкнуть друг к другу, а Клод Бьюар и его люди старались сделать все возможное, чтобы избавить Санту от круглосуточной назойливости репортеров и изысканного любопытства праздношатающихся.

То была самая короткая и самая легкая часть задачи.

Гораздо сложнее было поместить в блоках памяти компьютеров, следящих за госпитализацией, пребыванием и выпиской больных, несуществующие данные о Санте Фло, а также отснять километры пленки палатными камерами наблюдения именно в той палате, где она якобы находилась вместе с роботами персонального обслуживания и лечащими врачами.

Третьего июля Санту выписывали, и Юл поехал за ней в Клостерн.

Он стоял на площади святого Лаврентия перед ступенями у входа в клинику нейрохирургии и ждал ее. Мимо проходили люди, на мгновение застывая и исчезая во входных дверях. Со

стоянки, начинавшейся за его спиной, медленно и бесшумно отползали автомашины, но он не замечал всего этого, напряженно наблюдая за входом и ожидая ее появления.

Когда он увидел Санту, она уже спускалась по ступеням ему навстречу в бирюзовом платье с короткими рукавами и небольшим вырезом на груди, плотно облегавшем ее красивую фигуру. Пышные светлые волосы, переливаясь, блестели на солнце и мягкой кошной плавной взлетали в такт ее шагам.

Санта подошла к нему вплотную. Юл внутренне напрягся и не мог вымолвить ни слова. Заметив, что ему не по себе, она слегка щелкнула его по носу и спросила:

— Ну что, Юл, заждался? — Затем уткнулась лбом в его щеку и заплакала, всхлипывая по-детски горько.

Он ожидал чего угодно, но такого не мог предположить. Ледяной столб, который он совсем недавно ощущал внутри себя, лопнул и растаял. Подняв ее на руки и целуя в мокрые, ставшие красными от слез глаза, он понес Санту к машине.

Как только они выехали на автостраду, Санта прильнула к его плечу, пристально посмотрела на него снизу вверх и тихо сказала:

— Юл, как ты хоронил меня, если я жива...

Ему пришлось остановиться. Глядя в ее широко раскрытые, полные ожидания и слез глаза, он произнес:

— Я никогда не предавал тебя, Санта.

— Спасибо тебе, Юл... Прости меня. Ты еще не привык ко мне воскресшей.— Санта теснее прижалась к нему и закинула правую руку на его плечо.

Юл отчетливо увидел на внутренней стороне предплечья маленькое, величиной с горошину, родимое пятно — единственное, чего не было у прежней Санты Фло.

Ему вспомнился Клод Бьюар, с его монотонными наставлениями.

— Вот кнопка выключения,— говорил Бьюар, поднимая правую руку Санты и указывая пальцем на родимое пятно,— почти что рядом с местом прощупывания пульса. Думаю, будет удобно... при необходимости. Нажать с силой, отключение через две секунды. Попробуйте, под кожей должно быть плотное образование.

Юл послушно нажал на родимое пятно, ощутив под ним плотный выступ, похожий на кость.

— Помните, каждые шесть месяцев надо менять нейтронные батареи для нормальной работы мозга. Выключать мы будем сами. Завтра получите свою супругу живой и невредимой. Удачи вам и счастья. И не бойтесь, все будет в порядке.

— А Чед ждет меня? — спросила Санта, прервав его воспоминания.

— Конечно, поехали быстрее.— Юл осторожно освободился из ее объятий, и машина тронулась с места.

Всю дорогу до дома, слушая Санту и отвечая ей шутками

и внимательной улыбкой, Юл думал о том, как Чед прореагирует на возвращение навсегда потерянной матери.

Увидев друг друга, оба застыли на противоположных концах длинного коридора. Санта стояла, беспомощно опустив руки, и не отрываясь смотрела на малыша, по-взрослому прислонившегося к стене и крепко сжимающего в руках игрушечное ружье.

— Чед,— одними губами прошепстела Санта и медленно пошла навстречу сыну.

— Чед,— повторила она тихо, и голос ее дрогнул,— Чед!

Ребенок отпрянул от стены, быстро присел, бережно положил ружье на пол и рванулся к матери.

— Мама, мама, где ты была? Папа говорил, что ты больше ко мне не придешь. Ты останешься, мама?!

Санта обернулась к мужу, и в ее взгляде одновременно смешались укор, растерянность и обида. Юл подошел к ним, поцеловал каждого и уверенно сказал:

— Мама теперь от нас никуда не уйдет, малыш. Я больше ее никому не отдам, не бойся.

— Слышишь, Чед! С сегодняшнего дня мы всегда будем вместе,— успокоила сына Санта, и они втроем направились в детскую комнату.

Весь вечер Чед не отпускал мать от себя ни на минуту. Засыпая, он держался за ее указательный палец и просыпаясь каждый раз, как только она хотела освободиться. Юл сидел рядом и был благодарен сыну за то, что тот оттягивает момент, когда они с Сантой останутся один на один перед лицом наступающей ночи.

Когда Санта в последний раз поцеловала спящего сына и ее рука, словно птица в гнезде, привычно и мягко поместилась в его ладони, он понял, что перед возрастающим желанием обладать ею как женой и женщиной ширится пропасть отчуждения и боязни ее, как неестественного, чуждого и, может быть, опасного механизма. Но отступать было некуда. В конце концов он сам выбрал и сам стремился вернуть свое прошлое, хотя мог отказаться еще вначале.

Он обнял ее, удивляясь привычности и надежности своих движений, и решил усыпить разум, полный страхов и сомнений, в надежде, что их руки, тела и губы на древнейшем языке чувств скорее договорятся и найдут выход из нелегкой ситуации.

Все прошло нормально. Юл мог поклясться, что с ним была его прежняя жена.

В упоении возвращенной, ставшей на привычные рельсы, полновесной жизнью пролетели первые шесть месяцев. Вспоминая о том времени, Юл признавался себе, что был счастлив, насколько это слово могло отразить его состояние и мироощущение.

Когда первый раз пришлось отключать Санту для замены батарей, волна предчувствия приближающейся пустоты и непредсказуемой потери захлестнула его, не давая проделать эту процедуру быстро и незаметно.

Трудно было нажать на кнопку... Видеть, как застывает жизнь в любимом существе, сознавать, что отдал Санту в чужие руки в виде неподвижного, беспомощного манекена.

Поневоле пришлось переступить через свое «не хочу», и однажды Юл, проводив Санту в отдаленную комнату, чтобы Чед случайно не увидел происходящего, посадил ее в кресло перед столиком, на котором лежала маленькая коробочка для ювелирных украшений.

— Что это? — спросила она, с изумлением наблюдая за Юлом.

— Не догадываешься? Сегодня ровно полгода, как ты возвратилась к нам.

Он наклонился над столом, желая открыть коробочку.

— Юл... спасибо.

Санта потянулась к нему, и Юл, прижав ее правую руку к своему плечу и быстро нащупав кнопку под кожей, резко надавил на выступ.

— Прости, Санта, — прошептал он и пошел звонить Бьюару. Через два дня Санту привезли обратно. Ее принесли в спальную комнату и осторожно уложили в постель. Включение должно было осуществиться радиосигналом в четыре утра.

Всю ночь он просидел у ее постели. Перед самым включением его охватило волнение. Он часто вставал, ходил по комнате, приближался к ней, заглядывал в лицо и тут же отходил, чтобы не испугать ее, когда она откроет глаза.

Утром они встретились в гостиной за завтраком. Юл постарался вести себя так, чтобы не выдать недавних волнений и усталости от проведенной в напряженном ожидании ночи.

И снова он привыкал к ней, намеренно забывая, откуда ее привезли и зачем отвозили. Привыкал к тому, что каждые полгода Санта умирала, и к тому, что для продления жизни жене надо было отдавать и получать обратно неподвижным беспомощным существом, оживление которого никак от него не зависело.

Незаметно для Юла в сумасшедшем ритме прощаний и возвращений пролетело два года, может быть, самых счастливых из тех, что он прожил с ней.

День тот отчетливо стоял перед его глазами.

С самого утра Санта была очень весела, еще до завтрака она устроила в детской шумные игры с Чедом. У всех было прекрасное настроение. Чед с Сантой без конца хохотали над шутками, понятными им одним, а Юлу ничего не оставалось, как поддерживать компанию довольной улыбкой главы счастливого семейства.

После трапезы Юл засел в своем кабинете, а Санта с малышом поехали на прогулку за город.

Когда они возвратились, Юл заметил, что Санта чем-то взволнована, но старается скрыть свое состояние за чрезмерной суетливостью движений.

— Санта, — улыбаясь, спросил он, — наш мальчик опять натворил глупостей, несовместимых с твоими взглядами на воспитание? Отвечай, проказник, почему мама не в духе? — обратился он к Чеду, шутливо встряхнув сына за плечи.

— Все в порядке, Юл. Он у нас молодец. Пойдем, мне нужно сказать тебе кое-что,— смеясь, ответила Санта.

Она взяла мужа под руку и повела его в кабинет.

— Чед,— повернулась она на ходу к сыну,— я сейчас приду, и мы поиграем.

— Юл,— начала она, как только они переступили порог кабинета,— Юл, у нас будет еще один малыш... Ты рад?

— Санта! Сокровище мое!— воскликнул он.— Я счастлив, и больше мне нечего сказать.

Поболтав немного о грядущих приятных переменах, они разошлись по своим делам. Санта поспешила в детскую, где ее ждал Чед, а Юл направился в редакцию журнала, собираясь утрясти кое-какие финансовые неурядицы.

Домой он вернулся часа через два в хорошем расположении духа, ему удалось решить спорный вопрос в свою пользу. Он нашел Санту в детской, где она вместе с Чедом играла в пинг-понг.

Не отрываясь от игры, они приветствовали его радостными восклицаниями. Юл присел в кресло, смакуя прохладный коктейль, принесенный заботливой роботом-служанкой.

Прошло около получаса, а оптимизм игравших и их энергия не убывали. Даже сейчас Юл помнил в малейших деталях, как Чед сделал крайне неумелую подачу. Шарик перелетел через сетку и, выписав замысловатое на на столе, внезапно нырнул в сторону.

Санта, пытаясь его достать, отчаянно рванулась с противоположной стороны стола, нанося сильный и резкий боковой удар. Она промахнулась, с громким стуком ударившись правой рукой о край стола. Ракетка выпала из ее рук, лицо исказила гримаса отчаяния и боли. Санта схватила правое запястье здоровой рукой и, застонав, затрясла им. На ее лице появилось необычное для нее выражение гнева и жестокости.

Юл и Чед одновременно поспешили к ней. Юл первым получил удар невероятной силы прямо в корпус. От неожиданности голова его дернулась назад. Он почувствовал сильную боль и остановился, схватившись руками за грудь.

Все, что последовало затем, виделось ему, словно в замедленном кино. Санта с диким воплем, потрясшим Юла не меньше, чем удар, взялась за край теннисного стола и в мгновение ока перевернула его одной рукой. Чед, стоявший рядом и едва увернувшийся от массивной крышки, просвистевшей над его головой, заплакал навзрыд, испуганно вытаращив глаза на приближающуюся мать.

— Мама! Я боюсь, не надо! — закричал он и побежал в угол, где в больших ящиках и на стеллажах лежали его игрушки. Санта направилась за ним. Она с треском вырвала ножку стола и швырнула ее вслед убегающему сыну.

Тяжелый квадратный брус, вращаясь, задел Чеду по ногам, он закричал от боли и испуга, упал на ящик с игрушками и, перевернув его, вывалил на пол кучу мячей и плюшевых фигурок.

Робот-служанка, вежливо огибая Санту, поспешила убрать явное, на ее взгляд, безобразие, но была остановлена могучим

ударом деревянного бруса, незамедлительно оказавшегося в руках хозяйки. Следующий удар пробил металлическую обшивку, вырвал столб искр и дыма из недр машины одновременно с аварийным сигналом.

Юл очнулся, услышав резкий звук сигнала, и бросился останавливать Санту, подходившую к сыну. Чед истошно кричал, схватившись обеими руками за пах и суча ногами по полу. Юл видел, как расплзается пятно под его пальцами, как оно ползет вниз по его светло-голубым штанам, образуя прозрачную лужу возле правой ноги.

— Беги, Чед! — закричал Юл, что есть силы обхватив Санту сзади за плечи и пытаясь свалить ее на пол. — Позвони господину Бьюару, скажи, что мама заболела! Скорее, Чед. Или поручи телесекретарю, он знает ном...

Договорить Юл не успел. Он почувствовал дикую боль в кистях, и его затошнило.

Санта рывком освободилась из объятий и медленно повернулась к нему лицом. Оно было покрыто испариной и пунцовыми пятнами, на лбу вздулись вены, глаза наполнились кровью и пылали ненавистью, щека нервно подергивалась, то и дело вскидывая угол рта и показывая белые ровные зубы. Краем глаза Юл заметил, как мимо них прошмыгнул Чед.

— Санта, господи, что с тобой?! Успокойся, — прохрипел Юл, ощущая сильную боль при дыхании. У него были сломаны ребра и, вероятно, обе кисти.

— Санта, родная, что с тобой? — переспросил он, как можно спокойнее, окончательно понимая бессмысленность попытки достучаться до нее.

Она глубоко вздохнула, медленно подняла руку, с трудом отвела ее назад и тяжело, открытой ладонью, ткнула ему в лицо. Огненные круги вспыхнули перед его глазами, верхняя губа лопнула и моментально набухла, рот наполнился соленой кровью, и тонкая струйка теплой дорожкой заскользила по подбородку.

Когда в глазах прояснилось, он увидел, как ее руки, бывшие совсем недавно такими нежными, тонкими и хрупкими, а теперь обладающие невероятной силой, тянутся к лацканам его пиджака. Через мгновение он ощутил себя поднятым над полом и услышал, как трещит одежда, вдавливающаяся в его шею. Цепенеющим взглядом Юл уставился на родимое пятно, обезображенное рваной раной, на дне которой виднелась белая кнопка отключения.

Из последних сил скрюченными, непослушными пальцами обеих рук он потянулся к этой заветной белой точке, зная, что именно от нее сейчас зависит его жизнь. Он сумел нащупать и надавить на кнопку прежде, чем розовая пелена полностью наполнила на его глаза.

Санта вскрикнула и резким толчком отшвырнула мужа от себя. Юл отлетел далеко в сторону, сильно ударившись при падении головой. Острая боль в затылке вернула ему сознание. Санта стояла, обхватив голову руками, и плавно раскачивалась из стороны в сторону.

Юл попытался отползти к дверям, но успел сделать лишь несколько нелепых движений ногами. Санта, заметив его бахраханье, нагнулась к лежащей рядом роботу-служанке, легко подняла пятидесятикилограммовый, напичканный электродами корпус машины и метнула его в Юла. Ужасный снаряд обрушился на левую голень. Юл почувствовал, будто электрическая дуга прошла все его тело, но сознания не потерял. Наоборот, ярость и дикая злоба захлестнули его, вырвавшись наружу звериным рыком погибающего животного.

Здоровой ногой он спихнул с себя останки машины, все еще издающей сигнал бедствия, и, оставляя на полу широкий кровавый след от быстро пропитавшейся кровью штанины, пополз к выходу, не спуская горящих злобой глаз с неподвижно стоящей невдалеке от него Санты. Он тысячу раз проклял себя и тех людей, что уговорили его на этот ужасный и, как оказалось, опасный эксперимент. Он ненавидел стоящую перед ним женщину, дорожке которой полчаса назад никого на свете не было и которую он сейчас хотел видеть только мертвой, пусть даже такой обезображенной, какой он запомнил ее после крушения в Трильских горах.

Он видел, как Санта пытается сдвинуться с места, но это ей не удавалось. Ноги, по-видимому, не слушались ее. Может быть, произошло отключение, но не полное, подумал он, и в ту же секунду Санта плашмя упала на пол и, подтягиваясь на руках, поползла к нему.

Она настигла его и железным кольцом сомкнула пальцы на его шее. Юл конвульсивно забился, стремясь разорвать смертельное кольцо, но волна блаженства и безразличия ко всему охватила его...

Он смутно помнил, как очнулся. Единственное, что отложилось в памяти, — склоненное над ним встревоженное лицо Клода Бьюара и рядом — медицинские роботы персонального обслуживания.

От Бьюара он узнал, что Чед позвонил вовремя, и Санту отключили сигналом с дистанционного пульта. Со слов Клода, когда они приехали и зашли в детскую, то нашли там насмерть перепуганного плачущего Чед, пытавшегося стащить Санту с отца.

В комнате был такой хаос, будто там минуту назад разорвалась пластиковая бомба.

Юла срочно доставили в больницу. Санту отвезли в ближайший филиал компании, где сразу же занялись ее восстановлением, а Чед — в детский санаторий, объяснив происшедшее психическим нездоровьем матери, возникшим после катастрофы в Трильских горах...

С той поры Чед резко изменился. Он внезапно повзрослел, и на его лице постоянно отражались внутреннее напряжение и забота, навсегда залегшие глубокой складкой сведенных бровей, столь неуместной на детском челе. Юл более никогда не заставлял его смеющимся.

После того злополучного дня отец и сын сблизились и очень много времени проводили вдвоем, но открытости, полного доверия в их отношениях уже не было. Изменения в характере и поведении сына Юл объяснял недавним потрясением, и был убежден, что со временем Чед снова станет веселым и доверчивым мальчиком.

С Сантой все было гораздо сложнее. Юл получил приглашение на фирменном бланке «Нью Велд Электроник Систем».

Держа в руках маленький сверкающий выпуклыми перламутровыми буквами кусочек плотной бумаги, Юл чувствовал себя человеком, получившим уведомление о дне Страшного суда.

Пол Исон долго беседовал с ним, старательно внушая, что происшедшее с Сантой — случайность, о которой никто не мог догадаться заранее. «Потребление энергии организмом Санты Фло, — разъяснял Пол, — было строго рассчитано на полгода, с достаточным запасом прочности на установленный срок. Нам в голову не могло прийти, что ваша жена захочет иметь ребенка... Видимо, следовало уведомить нас. Развивающийся в ее теле организм быстро израсходовал энергетические ресурсы, принадлежавшие одной матери. Мозгу Санты Фло «питания» явно недоставало, и он впал в состояние, схожее с глубокими психическими нарушениями у людей, поведение которых непредсказуемо и часто опасно для окружающих.

Конечно же, это наш явный просчет, и мы понимаем, какую травму нанесли вам и вашему ребенку. Захотите вы или нет, чтобы она жила вместе с вами, решать вам... Она восстановлена, но, если потребуются, она уйдет из вашей жизни навсегда.

Юл слушал не перебивая, одновременно думая, что самым прекрасным и самым ужасным за последние годы своей жизни он обязан человеку, сидящему напротив. Откажись он от Санты сейчас, кто знает, чем все кончится. Что с ним будет, как он будет жить?..

«Что будет дальше? — спрашивал он себя, уже не слушая собеседника. — Как жить с человеком, которого боишься? И пройдет ли это, может ли забыться? Стоит ли попробовать еще раз?..»

— Простите, — обратился Юл к Исону, — я хочу взглянуть на нее.

— Хорошо, — согласился Исон.

Санта снова вошла в жизнь по его желанию.

В течение трех последующих лет Юл надеялся, что его отношение к ней изменится и он станет чувствовать себя рядом с женой так же безмятежно, легко и свободно, как в прежние времена, когда они с Сантой только познакомились. Случившееся с ними разрушило все его попытки вернуть к жизни те особенные чувства и краски, по которым он тосковал и без которых не мог нормально жить, и перебороть страх он уже не мог.

В конце концов он признался себе самому, что живет с ней ради сына, ради манящего своей недоступностью и спокойствием прошлого, ради той, безвозвратно утерянной Санты, которую он хотел вернуть уже дважды, и оба раза до обидного неудачно.

Это мучило его, заставляло жить в постоянном внутреннем самоистязании, проявляющемся и в отношении к сыну, и, разумеется, к жене. Он стал замкнут, неразговорчив, редко выезжал из дому.

Юл запирался в своем кабинете, садился за машинку и старался выжать из себя хоть что-нибудь новое, свежее. Но во всем, что у него получалось, сквозило мучительное беспокойство и раздражение.

Вот и сегодня весь день до позднего вечера он просидел за столом и ничего не написал, кроме каких-то нелепых строк про женщин.

Он отодвинулся от стола, намереваясь встать, но услышал шаги, приближающиеся к его кабинету. Юл поудобнее устроился за столом и притворился, что сосредоточенно работает.

Санта тихо постучала и, не услышав ответа, открыла дверь. Юл сидел к ней спиной, подперев голову руками, и не двигался.

Она подошла поближе и коснулась его плеча. Юл не пошевелился. Санта заглянула в его лицо и увидела голубые, удивленно раскрытые, безжизненные глаза с большим, до предела расширенным зрачком.

Она быстро нажала на его шею, пытаясь определить пульсацию сонной артерии — пульса не было...

Санте вспомнился голос Клода Бьюара:

— При отключении сердце остановится сразу. У людей, бывает, оно сокращается еще некоторое время за счет более медленного отмирания подкорковых отделов мозга, когда сама кора уже мертва. Здесь же все дело в батареях — при их отключении жизнь остановится сразу.

«Не успела, — с досадой подумала Санта, — отключился сам... Боже, кто бы знал, что это за мучение — отключать его».

Ласково поправив волосы, она поцеловала его в висок, потом присела рядом на стул, устало прижалась щекой к его плечу и разрыдалась.

Успокоившись, она вытерла слезы и, шмыгая носом, стала наводить порядок на рабочем столе. Взяв отпечатанный лист Санта поднесла его ближе к глазам и прочла то, что осталось невычеркнутым:

«Женщины — животные ночные, и до сих пор, при кажущейся доступности и простоте контакта, их поведение остается малоизученным, а порой и вовсе необъяснимым и загадочным...»

«Странно, — подумала она. — Зачем писать такое?... Мне кажется, я не давала повода... Да-а, он стал совершенно чужим, далеким, отрешенным от всего: от меня, от сына. Отчуждени пролегло между нами, глубокое и непоправимое, как походка слепого... Может, я поторопилась, давая согласие на его восставление? Ах, если бы я не лежала тогда в больнице, возможно все было бы по-другому...»

Услышав шаги в коридоре, Санта прервала чтение. Ей хотелось, чтобы Чед увидел отца в таком жутком виде. Она решила встретить сына до того, как он войдет в кабинет, и ответить обратно в детскую.

Мальчик открыл дверь и заглянул в комнату. Отец неподвижно сидел за столом; казалось, он о чем-то сосредоточенно думает, уставившись взглядом в одну точку. Мать застыла рядом; лицо ее было растерянно и встревожено, словно недавно ей сообщили неприятное известие.

Чед вошел и осторожно приблизился.

— Па? — спросил он, тронув отца за плечо. — Она отключилась? Па?

Он хотел спросить отца еще о чем-то, но стремительно отдернул пальцы и отскочил назад. Тело отца медленно поехало на стол, одновременно заваливаясь в сторону, и остановилось. Мать по-прежнему стояла неподвижно, держась за спинку стула.

Мальчику стало страшно, губы его задрожали, он захотел выбежать из кабинета, но, подумав, что будет в пустом доме один, ощутил еще больший прилив страха и решил остаться на месте.

Было тихо. Чед боялся пошевелиться и, замерев, попеременно наблюдал за обоими родителями. Они не двигались.

И тогда он заплакал, сначала негромко всхлипывая, словно боясь, что его услышат, затем все громче и громче, давясь своими рыданиями и сотрясаясь всем телом.

Простояв несколько минут и не переставая судорожно всхлипывать, Чед на цыпочках подошел к телесекретарю, стоявшему за отцовском столе. Набрал нужное имя на клавишах, он поднял трубку, одновременно включив изображение на экране.

— Клод Бьюар слушает вас, — донесся до мальчика голос из трубки.

— Пожалуйста, приезжайте скорее, — запинаясь, заговорил Чед. — Они оба... Я боюсь.

«Я стараюсь во всем походить на своего сына»

НИНА ЧУГУНОВА

Ему почти шесть, и уже, наверное, два года, как я пытаюсь кое в чем брать с него пример. Иногда это удается, и мы от этого бываем оба счастливы...

Когда он родился... нет, спустя некоторое время, когда уж стало совсем трудно и начали в голову приходиться разные дурные мысли, что жизнь кончена и т. п. (все, кто помнит себя в роли «молодой мамы», меня поймут), я попыталась пожаловаться своей маме и получила совет: «Ты должна брать пример с меня: вас у меня было двое».

Да-да, разумеется, я должна была повторить подвиг самоотверженности. Беда лишь в том, что я не помню собственного младенчества. Но некоторые вещи легко конструируются. Самоотверженность во все времена имеет общие черты. Что тут выдумывать. Надо отвергнуть себя.

Надвигался жупел страшного семейного счастья...

Наверное, я слабая натура, и мой подвиг самоотверженности мог привести только к одному: наша жизнь моими руками превращена была бы в премиленький ад. Догадываюсь, с каким занудством я бы рассказывала о своей усталости, с каким торжеством валилась бы с ног!.. Сначала я сопротивлялась этой силе из принципа, и какое-то время удавалось соединять пеленки с пишущей машинкой.

Но потом он подрос.

Он сказал: «От твоей машинки у меня живот болит».

То есть пришло то время, когда родители вспоминают, что ребенка надо воспитывать...

Конечно, я знаю истину, что воспитание начинается с момента рождения. Мы так и поступали: старались, чтоб он был веселым, а если он капризничал, превращал

пись в глухонемых. Ко времени, когда все начинают воспитывать, так сказать, сознательно, у нас подрастал веселый, в меру хитрый, в меру покладистый и очень самолюбивый малыш.

Трудности первого года бледнеют перед соблазном воспитать положительного ребенка. Если в первом случае есть большой риск потерять любимого человека, то теперь настает опасность потери любви собственного ребенка.

Вот что я поняла. Взрослым вообще-то нечем похвалиться со своим ребенком, они не должны особенно настаивать на том, чтобы дети брали их пример, потому что они такового как раз и не подают. Взрослые не каждый день демонстрируют гражданское мужество, спасаются из огня и т. п. Каждый день ни заняты самыми обыденными вещами и притом избегают обнаруживать себя перед ребенком. Взрослые вообще стремятся избежать разоблачения по пустякам. Но они как будто не догадываются, что в доме появились уши-шпионы и всевидящие яркие глазки!

...Мой муж ведет машину. Мой сын сидит на заднем сиденье. Опасная ситуация на дороге. «Чертов водила!» — восклицает муж.

— Папа, папа, как ты скал! — радостный крик сзади.

Я очень люблю забираться ногами на диван. Но сыну говорю: «Сядь по-человечески». Это же игра, рассчитанная только на меня. Я люблю свою работу. Но прихожу домой и «буквально плююсь с ног». Трудности первого года приучили меня постоянно откладывать себе занятие, отчего я разилась бездельничать, плевать на потолок и так далее. Я начала бывать, как хорошо ничего не

делать и какие прекрасные идеи мне приходили в голову в такие минуты. Когда-то я любила расхаживать по дому с большим бутербродом (с маслом, обмакнутым еще и в сахар!) — но теперь я полагаю, что мой сын должен садиться за стол, как робот, быстро и бесчувственно съедать положенное, вставать из-за стола, не уронив на скатерть ни крошки.

Мы обращаем внимание на те вещи, которые есть самые пустячные пустяки. Мы особенно упираем на исполнение пустяков, потому что это успокаивает нашу воспитательскую совесть и освобождает наше никому не нужное время. Ну чем я занимаюсь, если ребенок мой ест, как маленький робот? Да ничем. Стою и строго смотрю на него.

Я не хочу видеть грустного и послушного сына. Я буду учиться у него чему-нибудь хорошему. Мне надоело в конце концов стремиться к собственному совершенству! Если за столько лет постоянных усилий я не пришла к блестящим результатам, значит, совершенство не мое призвание.

Еще мысль: прежде чем начать выдавливать из себя раба, надо по крайней мере сделаться рабом. Мой сын не раб.

Маленькие эпизоды, дающие повод осудить меня как воспитателя, я вспоминаю, как солнечные зайчики счастья.

Все книги по воспитанию твердят: дети не должны видеть, что взрослые демонстрируют свои предпочтения за обедом. Ребенок должен съедать все, что ему подадут. Хорошая мысль. Но я говорю сыну:

— Я вижу, что ты как твой папа. Ты совершенно не ешь вареную морковь. Это, конечно, безобразно, но ничего нельзя изменить.

Он в полном восхищении. Он говорит: а что еще не любит папа? Он говорит: я вырасту, я буду по утрам пить кофе, как папа.

Бог с ней, с морковкой. Правда, когда они оба принимаются за пельмени!..

Раньше я старалась скрывать плохое настроение от сына. Но теперь я думаю так: он должен видеть разные настроения. Несомненно, что ребенок не должен видеть ссор. Но это значит, что ссор не должно быть вообще. А слезы пусть бывают. Однажды, когда с сыном оставались одни и это уже тянулось достаточно долго, мы решили поплакать вдвоем.

— Начинать ты первая, — сказал он.

И мы рассмеялись.

Если скрывать свое настроение, превратишься в одинаково безрадостное существо. Ведь и взрослые требуют от ребенка быть равным — это удобно. А у них бывает плохое настроение ни от чего.

— Ну, какой ты сегодня? — спрашиваю я его утром. — Злой или добрый?

— Еще не понял, — говорит он спросонок и улыбается.

— Расскажи, как я был злой? — говорит он.

Дети страшно любят рассказы о том, какие они были раньше. Ведь это было так давно! Сколько, наверное, было историй...

— Да, — говорю я с удовольствием, — ты был злой и прокусил мне коленку через джинсы! Вот какой ты был злой однажды... давно уже!

Эту историю он готов слушать часто.

Считается, что взрослые безупречны в глазах детей. Но это всего лишь самообман, делающий детей удобными. И то не на самом деле.

В глазах своего сына я не са-

мый справедливый человек. Это я ему внушила сознательно. Я не очень-то и умная. Вот почему мне иногда так трудно принять решение. Мне надо давать советы. (Одна я вообще не могу прожить. Без них. Без их советов и их помощи.)

— Взрослые честные? — спросил он перед сном.

— Нет, — сказала я. — Есть много нечестных взрослых.

— А папа? — спросил он, подумав.

— Папа! — сказала я с большим подъемом...

Я была возмущена, когда однажды, вернувшись из командировки, узнала, что они, забравшись под стол, играли там в партизанскую избушку и там же ели вареную колбасу. Все было безобразно! И вообще неизвестно, из чего делается эта вареная колбаса. И конечно, было столько крошек. И какой пример!

На самом деле я отлично помню, что меня задело... им было весело без меня. Такой строгой. Такой скучной. Такой справедливой.

Мне трудно меняться, потому что я успела подхватить эту заразу — быть «строгой мамой». Надо стараться. Я не смогу закрывать под стол. Но я смогу сказать:

— Сегодня не делаем ничего полезного! Вообще! Не убираем даже! Так... посуду помоем. И то!.. Будем делать, что захотим.

— В «Детский мир»! Ура! — кричит он.

— Ладно, — говорю я, подавая вздох. — Но пешком. Как в поход.

Это было довольно тяжело. Но мы победили себя. Мы запомнили, как вдруг опять стало легко идти. Мы вошли в «Детский мир» как входят мятежники в столицу. Мы купили, что нам понравилось.

(найти это было мудрено, сын сказал: «Они не подготовились к нашему приходу»). Мы трещали автоматом на улице...

Очень трудно присматриваться к собственному ребенку. Но потом делаешь открытие за открытием. Например, он счастливый человек. Это — врожденное качество. Мы, счастливые оттого, что он у нас есть, научили смеяться, улыбаясь ему бесконечно, бесконечно...

— Я не буду тебе улыбаться! — сказал он, осердясь.

Вот так наказание. Это настоящее отлучение от его улыбки.

А мы нечасто улыбаемся детям, когда они уже могут оценить это как награду. Мы настаиваем, что надо что-то совершить, чтобы мы их любили... недолго, до первого проступка.

Меня воспитали так, что всю жизнь боюсь: вот войдет некто и скажет, что я плохая. Так было во время экзаменов в десятом классе и во время вступительных в университет. Так было и есть. Страх справедливого осуждения, страх некоего разоблачения, страх узнать себе правильную цену (все, за что прежде хвалили, было поддельным, те, кто хвалил, находились под действием гипноза...) преследует меня всю жизнь и сделал меня очень неуверенным в себе человеком. От добрых слов я отмахиваюсь и жду, когда наконец мне вдарят.

Можно подумать, что меня забрали из девичьей колонии и с тех пор я реабилитируюсь в глазах общества...

Безусловные вещи, связанные с воспитанием, есть, но их не более пяти.

Нельзя не выполнить обещание. Нельзя лгать.

— Ну как, как такое могло получиться? — ахнула я, увидев на

новой простыне внушительную дыру.

— Не будешь ругать? — спросил он.

— Нет.

Он наклонился к моему уху.

— Я ее... вырезал большими ножницами!

— Но ножницами надо пользоваться только при маме, — сказала я.

— В следующий раз, — пообещал он.

Нельзя лгать! Но он слышит, что я лгу по телефону... Это большая проблема. Может быть, не лгать исключительно ему? Поверит?

Ну и все. Остальное уместается в принцип, который можно сформулировать так: «Поддаваться порывам». Да. Порыву любви и порыву гнева. Вы скажете: что же, кричать в гневе? Но разве в порыве любви мы хватаем ребенка и зацеловываем его? Сердечный порыв, если ему дать настоящую волю, человечен по существу и форме. Он благороден. В противном случае не надо было делаться родителями, раз ваши порывы безобразны и нечисты.

В конце концов нет другого способа узнать, что мы представляем собой на самом деле. Ибо «тот, кто придет и скажет правду», — это ребенок. Не надо трепетать от близкого разоблачения. Надо попытаться счастья...

Он спрашивает, какая я была маленькая.

— Я была ужасным ребенком, — говорю я, и он восхищен правдой.

А потом я стала старательной ученицей и отличницей.

Но теперь у нас с ним каникулы любви.

Я поднимаю глаза и вижу нечто, что застит солнце. ШКОЛА... Это надвигается на нас, как гора, как слон, как танк, как зима.

Папа ему дарит портфель...

— Ты меня любишь? — спрашивает сын осторожно: — Всегда?

— Всегда! — говорю я.

— А когда я плохой? — говорит он недоверчиво.

— Ужасно, но все равно люблю.

Я хорошо помню, когда родители назвали меня плохой девочкой. Вопрос был принципиальный. Кажется, я противопоставила себя коллективу в спортивном лагере. С тех пор различные коллективы безвинно страдают, но я не могу пересилить себя...

— Люблю, но страдаю! — добавляю я поспешно...

Один известный политический деятель сказал о своих родителях: «Ну что они могли дать своим детям... они лишь любили нас. Безумно».

Я молю Бога, чтобы сын когда-нибудь сказал так!

Может, остальное все приложится?

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСЕЙ ФЛОТСКИЙ
ВИКТОР МАКАРОВ
ИГОРЬ БАРАНОВ
ВИТАЛИЙ БОРИСПОЛЕЦ

АНАТОЛИЙ ЗАШИХИН
НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ
ВЛАДИМИР ПЕНЬКОВ
СВЕТЛАНА ТИХОМИРОВА

АЛЕКСЕЙ ФЛОТСКИЙ,

археолог, 42 года,
Ленинград

КАПИЩЕ

*Долины свет линейный, разреженный
на холмах идола собрали в горсти.
Горят зрочки,
живицей по затесам
стекают волосы на щебенъ жженный.*

*От блеска — боль глазам.
Что мастер ищет,
с подков сбивая чернь кузнечных ржавчин,
горшечные вылащивая днища
и дерева на службу снаряжая?
От боли — блеск глазам:
вороний, вещей.
Час послепраздничный,
без ветра зыбкий,
без года, без сезона,
как вокзальный...
Голодными зеркальными глазами
глядит мне в душу идол безъязыкий.*

ВИКТОР МАКАРОВ,

электрик, 28 лет,
Кривой Рог

==

*слова отстранив
отдерни завесу
темных следов*

*удивительно возникает
поэзия цвета
таинственной ночи*

*так давно началось
что связи лишилась
в небе плодоносящая ветвь*

Игорь БАРАНОВ,

переводчик, 28 лет,
Москва

==

*...Я холодел, тонул в провалах звонниц,
С моей Россией вместе умирал.
Я в норах жил, я пил вино бессонниц.
Под градом оскорблений и похвал
Порой терял дар речи. Бог печали
В меня словами тяжкими входил;
Я шел во тьме с потухшими свечами,
Но музыка, что выше всех светил,
Во мне звучала. Перевоплощенье
Дало мне силы, веру и судьбу;
Я обретал иные поколения,
Как обретают скорбную мольбу,
Но не просил пощады, не злословил,
Не клеветал, и много, много «не»,
За каждое расплачиваясь кровью,
Руками, пригвожденными к стене...
Земля неисчерпаемого горя,
Земля неискупаемой вины,
Моя земля, безлюдная, как море,
Моя земля во власти сатаны...
Спасенным — рай, но был ли кто спасенным
В том городе, охваченном чумой,
Когда проклятья слали обреченным,
Когда во лжи клялись перед собой?..
Смотри — наш мир приблизился к исходу,
И все же пережитое страшней —
Бесовщина под знаменем свободы,*

*И равенство, и братство палачей...
Нет! К прошлому такому не привыкнуть,
Хотя бы и во имя красоты.
Приходит смерть, чтоб жизнь могла возникнуть,
Но продлевает в ней свои черты.
Страна усталых лиц, страна бессилья —
В любви и злобе, в мыслях и в делах;
Здесь все смешалось — небыли и были,
Цари, цареубийцы, боль и страх.
Нас тьмы и тьмы — мы входим в этот эпос,
Чтоб жертвой стать иль жертву принести,
Но час придет — и станет целый этнос
Одной пылинкой крестного пути...*

ВИТАЛИЙ БОРИСПОЛЕЦ,

журналист, 28 лет,
Киев

ТЕОРИЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ

*Человека
знающего
где зарыт клад
менее других
интересует
где зарыта
собака
Человека
знающего
где зарыта собака
менее других
интересует
где зарыт
клад
Человека
знающего
где зарыто
и то
и другое
менее других
интересует
где зароят
его самого*

37

АНАТОЛИЙ ЗАШИХИН,

бригадир комплексной бригады, 29 лет,
г. Чайковский Пермской обл.

*«ПАП, ЭТО Я»
«Кто там?» —*

за дверью спросили меня.

«Пап, это я!»

Пап, это я!»

Две с лишним недели
вдали от тебя.
«Пап, это я! Пап, это я!»
Два года в чужбине,
Уставы зубря.
«Пап, это я! Пап, это я!»...
Пройдет сколько лет,
не ведаю я?!
Но будет не дверь предо мною —
земля!
«Пап, это я! Пап, это я!»

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ,

сторож, 38 лет,
г. Александрия
Кировоградской обл.

Я вижу, как она разгоняется
и прыгает с обрыва,
прикрывая глаза воздухом.
Ее падение безмолвно,

как речь глухонемых.
Ее полет монотонен,
как объятия разуверенных.
Собравшаяся за ночь,

ложится на песок темной коркой
и к полудню просачивается
во влажные поры памяти —
тень от скалы...

ВЛАДИМИР ПЕНЬКОВ,

служащий, 35 лет,
Москва

Я на людей
Давно не обижаюсь.
Могу обидеться на дерево, на птиц...

На взмах
Ленивых сомкнутых ресниц,
Которые, как стрелы, обнажают
Сокрытый равновесный мир,
Шагающий, не нарушая строя,
Через мое живое и святое

*По кругу центробежных сил,
Все более и дале удаляясь...
Я так давно уже не обижаюсь!
Могу обидеться на дерево, на птиц.*

*Могу обидеться на горы и поля,
На небо, солнце, камни...
На тебя?*

*Я на тебя совсем не обижаюсь!
Но видит Бог,
В душе понурой маюсь
Тобой...
И не преиспугует душа
Бесстрастных выводов холодного ума,
В котором Я собой же отрицаюсь.
Я на тебя давно не обижаюсь...
Могу обидеться на горы и поля.
Могу уйти, не обманув себя...
Упасть на равных с параноичным веком:
Рожденный в естестве быть человеком —
Не свергнет идола живого естества!
Еще в утробе зыблется душа...
Могу забиться в угол и читать
Молитвы...*

*Возвращая Богу
От первородства смутную тревогу —
В колени звезд уткнуться и...
Пропасть.
Могу забиться в угол и читать!
Молитвы возвращая Богу...*

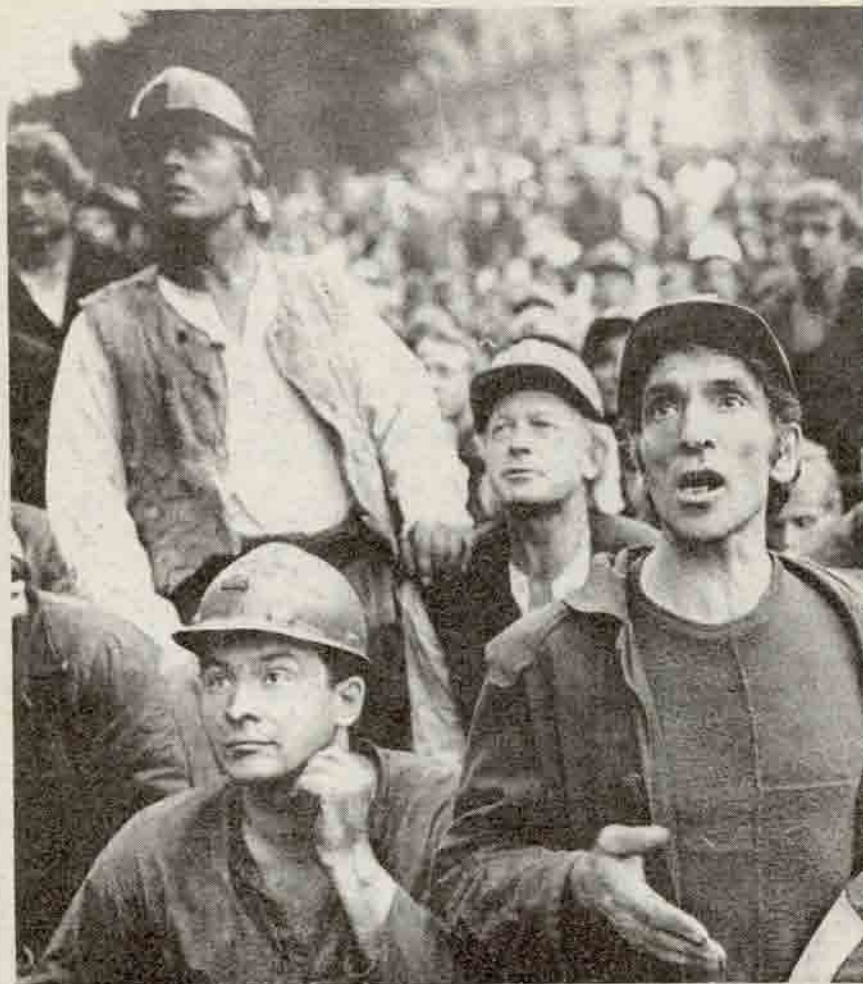
СВЕТЛАНА ТИХОМИРОВА,

**инженер, 24 года,
Москва**

==

*Разобраться в своем одиночестве
не могу, все вопросы не те.
Я замешана в чьем-то пророчестве,
не разгадана по темноте.*

*И сменяется черными красками
за окном моим дня бирюза...
Вновь сверкают под черными масками
осторожного зверя глаза.*

ЛЕОНИД ГОРДОН
доктор исторических наук

БЕЗ МОЛОТА И ПЬЕДЕСТАЛА

Долгое время он был на пьедестале. На пьедестале мухинского памятника, на пьедестале съездовских трибун, откуда возглашал о полной и безоговорочной поддержке всего, что ни делали партия и правительство.

И вот пришел июль 1989-го, когда он сошел с пьедестала и мы увидели его рядом — усталые глаза, каска, лицо, испачканное угольной пылью...

Итак, рабочий класс вышел на арену социально-политической

борьбы. И в обозримом будущем не уйдет — разве что весь ход революционных преобразований будет насильственно прерван.

Сразу же оговорюсь: слово «рабочий» я употребляю в широком, современном толковании, имея в виду всех наемных работников, независимо от того, заняты они преимущественно физической или же умственной деятельностью. Рабочее движение в нашей стране выражает интересы всех людей наемного труда...

Что привнесло это движение в жизнь нашу, в наше сознание?

На начальном этапе главными силами перестройки были группы реформаторов в высших эшелонах власти, а также многие средства массовой информации, значительные слои интеллигенции и демократическая часть национальных движений. Оказалось, однако, что сил этих достаточно для начала перестройки, но мало, чтобы расширить ее, углубить и довести до конца.

Многие носители власти не хотят перестройки. Это со всей очевидностью показали выступления ряда партийных и государственных деятелей на съездах народных депутатов и пленумах ЦК КПСС в 1989—1990 годах, на XXVIII съезде партии и I съезде РКП. Преобразования, осуществляемые властью, одна часть которой склоняется к продолжению их, а другая, по сути, сопротивляется новому, приобретают половинчатый, нерешительный характер. Причем половинчатость эта проявляется не в том, что процессы происходят медленно, а в том, что разрушение старых порядков, структур — общественных, политических, экономических — идет быстро, а новые вообще не создаются. Нерешительность оборачивается острым кризисом...

Продолжение реформ в прежних формах — в виде классиче-

ской революции «сверху» — уже невозможно. И тут огромное значение приобретает соединение элементов власти, которые готовы идти на решительную радикализацию преобразований, с массовыми демократическими движениями.

Рабочее движение как раз и может стать одной из ведущих новых сил, необходимых для успеха революционных реформ. Оно, как мне видится, сыграет особую роль прежде всего потому, что обладает чрезвычайной мощью. Сила его (а это показал опыт) далеко превосходит возможности интеллигенции, печати, отдельных политических деятелей, даже занимающих ключевые посты.

В самом деле, в течение двух лет были практически блокированы бюрократами решения 1987 года о предоставлении предприятиям самостоятельности, и ни у кого — ни у прессы, ни у интеллигенции, ни у Горбачева — не нашлось сил изменить положение. Но вот прошли летние забастовки позапрошлого года — и... были внесены поправки в Закон о предприятии, изменены проекты плана и бюджета, обнародована новая стратегия реформ...

В этой статье остановлюсь на рабочем движении среди шахтеров. Я неоднократно встречался с ними. Бывал на шахтах Кузбасса и Донбасса. Вел там научные исследования по данной теме. Но понятно, что основные моменты этого движения (о них у нас и пойдет речь) характерны и для железнодорожников, и для металлургов, и для строителей... То есть почти для любой промышленной отрасли.

Силу шахтеров показала их борьба за выполнение летнего постановления № 608. Здесь же произошла бюрократическая манера подменять действие решениями и намерениями. Под угрозой новых забастовок и в ходе их (к примеру, Воркута, ноябрь 1989

года) бюрократии пришлось выполнять обещанное.

Особо подчеркну вот что: реальной силой является не столько забастовка, сколько ее угроза.

Противников коренного переустройства жизни труженников можно заставить идти на компромиссы и уступки путем организованного давления, не прибегая к стачке. Кстати, рабочие начинают это хорошо понимать. Летом 1989 года в Кузбассе и Донбассе около четверти бастующих (а среди молодежи — до трети!) признавали стачку нормальным, хорошим средством разрешения конфликтов. Осенью при всей решительности воркутинских забастовщиков такую позицию занимали уже менее 15 процентов шахтеров; подавляющее большинство — почти 80 процентов — оценивали забастовку как крайнее средство, оправданное только чрезвычайными обстоятельствами.

Кроме того, рабочее движение проявляет великолепные способности к организации. Никогда, даже в самые острые периоды забастовок, в нем не было ни грана, ни капли того, что Пушкин назвал «бунтом бессмысленным и беспощадным...».

И это не случайность. Уроки прошлого не канули бесследно для народа. Мне кажется, что большинство рядовых людей поняли: одним только разрушением, насилием, ненавистью сложнейших общественных проблем не решишь...

Я помню разговоры с делегатами шахтерского съезда в Донецке. Серьезными и надежными рабочими, приехавшими не по разнарядке, а может быть, впервые за всю нашу историю избранными своими шахтами. В их речах была слышна ненависть к порядкам, при которых мужчина честным и тяжелым трудом не может обеспечить благополучие своей семьи. Почему его дети растут в бараках, а жена разрывается между работой и бегом-

ней по магазинам, теряя здоровье и красоту? Почему он должен мириться с такой техникой и организацией производства, при которых каждая миллионная тонна угля стоит одной-двух человеческих жизней? (Людские потери в мирной угольной промышленности не слишком отличаются от потерь в афганской войне.)

Шахтеры, возмущаясь, говорили, что с этими порядками надо покончить. Но одолеть их, не прибегая к силовому нажиму. Мне запомнились слова одного из рабочих вожаков: «Только бы не было гражданской войны». Я вижу здесь пострадавший народом исторический урок: для достижения прогресса и социальной справедливости нужно не организованное насилие, а организованное **ненасилие**.

В угольных бассейнах страны рабочее движение с лета восьмидесят девятого и до сих пор — главная опора порядка. Оно стало самостоятельной общественной властью, когда сотрудничающей, а когда и противостоящей официальным органам управления. Причем эта власть пользуется доверием людей, и население охотно ей подчиняется. (Заметим: в период, когда официальная власть ослабла, это очень важно — опираясь на авторитет рабочих вожаков, новой власти, можно избежать разброда и хаоса...)

Вопреки расхожим суждениям рабочее самоуправление направлено на защиту радикальных социально-экономических реформ, а не против них. Такую позицию занимают шахтеры и примкнувшие к ним трудящиеся Кузбасса, Донбасса, Воркуты, Караганды, другие независимые организации, провозгласившие в мае 1990 года создание советской Конфедерации труда.

На первом съезде шахтеров в июне 1990 года по этому поводу

разгорелись жаркие, подчас драматические споры. Перед участниками съезда выступал экономист, который доказывал, что рабочим не нужна рыночная экономика, что все дело в том, что такие-то и такие-то министерские чиновники не выполняют постановление № 608. И зал рукоплесканиями приветствовал беспощадную критику чиновников, потому что каждому из шахтеров, как и каждому из нас, приходилось на собственном горьком и унижительном опыте сталкиваться с равнодушием бюрократов, их некомпетентностью, неумением решить пустяковый вопрос, их чванством и стремлением показать свою власть.

А в кулуарах представители министерства убеждали рабочих, что рынок не нужен, потому что он грозит им безработицей и потому что исчезнет министерство, «выбивающее» миллиарды для строительства шахт, жилья, детских садов. И опять же некоторые из этих доводов выслушивались с одобрением, поскольку в них была немалая доля правды. Но вот шли часы и дни заседаний, и было видно, как в сознании делегатов все прочнее укреплялась мысль: доводы о плохой работе бюрократов, о неизбежных издержках перехода к рынку верны, но они только часть правды. Главное же состоит в том, что надо изменить всю социально-экономическую систему общества. Ликвидировать всеобщее огосударствление, при котором всегда будут сохраняться всевластие бюрократов и отчужденный труд с нищенской оплатой, что немногим легче безработицы. И пришло понимание сути вещей, когда постепенно выработались принятые большинством формулировки:

— мы хотим сильной социальной защиты;

— мы хотим знать, какая пер-

спектива имеется у каждой из наших шахт;

— мы хотим ограничения безработицы и ее социальных последствий;

— но мы хотим всего этого не вместо рыночных реформ, а вместе с ними.

Нелегко дается рабочим активистам понимание необходимости рыночных реформ, осознание того, что без таких реформ будет не лучше, а хуже, но каждый, кто видел работу съезда, вряд ли станет сомневаться, что такое понимание зреет в рабочей среде.

Рабочее движение с самого своего начала поддержало демократизацию общества и экономические реформы. Убедиться в этом легко — достаточно заглянуть в протоколы, заключенные между стачками и представителями Совмина СССР и ВЦСПС. Основа этих документов — требования сделать шахты самостоятельными, дать возможность на рыночных принципах распоряжаться частью добытого угля, ограничить всевластие административно-хозяйственного аппарата.

В договоре Воркутинского городского рабочего (стачечного) комитета и Союза объединенных кооператоров СССР (октябрь 1989 года) говорится, что рабочие будут всеми доступными средствами вести «борьбу за ликвидацию монополии бюрократического административного аппарата», за право «людей свободно трудиться и самостоятельно распределять результаты своего труда». Вскоре после этого в Воркуте началась забастовка, и среди прочих требований бастующих — «утвердить статус рабочих комитетов как постоянно действующих органов социальной защиты, включая право на издание собственной печатной продукции», а также кардинальная реформа профсоюзов, отмена

6-й статьи Конституции СССР (горняки были одними из первых, кто потребовал этого!). А в ноябре был создан (по инициативе рабочих комитетов) Союз трудящихся Кузбасса, в программном заявлении которого совершенно недвусмысленно звучало: «Рыночные отношения — это бесценный опыт человеческой цивилизации, и отсутствие рынка наносит советской экономике ущерб».

Думаю, людской веры в такое программное заявление куда больше, чем в выступлениях профсоюзных лидеров и дежурных ораторов «от трудового коллектива»....

Обратим на это внимание еще и потому, что рабочим нередко приписываются огульные антирыночные и примитивно-уравнительные настроения.

Сегодня — во всяком случае, в применении к активистам демократического рабочего движения — это совершенно неверно. На том же съезде шахтеров в Донецке в июне 1990 года наша группа провела экспресс-опрос делегатов. Среди прочих им задавался вопрос: за какую форму экономики они лично выступают? Оказалось, что за всяческие варианты плановой экономики (в привычном для нас смысле) и уравнилельного распределения выступают лишь 4 процента опрошенных; напротив, 55 процентов высказались в поддержку рыночной экономики и сильной социальной защиты, а 34 процента — просто за свободный рынок. Разумеется, это настроение людей, еще не имеющих реального опыта жизни в условиях рынка, но оно ясно показывает, что современный квалифицированный рабочий видит невозможность сохранения старых, «безрыночных» порядков.

Столь же определенно выражает демократическую ориентацию

Союза и его политическая программа. «На нынешнем этапе развития общества,— отмечается в ней,— наиболее актуальной является задача передачи всей полноты власти Советам, изъятия ее у других политических структур и лиц. Советы должны стать органами подлинного народовластия». И далее: «Союз трудящихся Кузбасса отдает себе отчет, что дальнейшая демократизация общества невозможна без радикальной реформы политической системы...»

...Итак, главное, чего добивается рабочее движение,— демократические преобразования в экономике и политике, создание условий, в которых рабочие смогут жить свободно и эффективно трудиться, обеспечивая собственное благополучие, а с ним и благополучие общества. Если мыслить глобально, все остальные требования имеют второстепенное значение.

Конечно, эти «остальные» требования — от повышения зарплаты за вечерние и ночные смены до регулярного снабжения мылом и спецодеждой — для шахтеров вовсе не безразличны. Однако представлять, как это делалось в некоторых средствах массовой информации, что именно они являются главными,— значит оглулять самих же рабочих.

Также не один раз заявлялось, что рабочие-де выступают против интеллигенции и кооператоров... В документах независимого рабочего движения мы не найдем ничего подобного. Напротив, там говорится: «...без связи с демократической интеллигенцией у рабочего движения нет будущего. Мы поборем казарменно-бюрократическую систему, обеспечим глубину и реалистичность выдвигаемых задач, избежим экстремизма в методах, если будем действовать в союзе с профессионально грамотной и граждански ответственной интеллигенцией».

Кстати, в действиях организации отчетливее, чем у отдельных тружеников, проявляется «сердце рабочего класса», его способность к своего рода социальному великодушию. Вот, например, о чем рассказал на втором Съезде народный депутат от Коми АССР А. Филиппов.

Одно из важных требований осенней забастовки 1989 года в Воркуте было связано с тем, что работники при переходе с одного предприятия на другое теряли северные надбавки, которые составляют значительную часть общего заработка. Проще говоря, рабочие напрямую зависели от произвола администрации. В итоге месячной забастовки горняки добились все же права менять работу по собственному желанию с сохранением надбавок. Но у государства сейчас нет возможности предоставить точно такое же право всем труженикам Воркуты. И тогда рабочие комитеты шахт по собственному почину решили отложить введение нового порядка до той поры, пока льготой этой смогут пользоваться все... Рабочие комитеты Кузбасса, рассматривая в январе 1990 года итоги выполнения протоколов, заключенных после летних забастовок, выдвинули перед правительственной комиссией проблемы, касавшиеся не только шахтеров. Они потребовали социальной справедливости и в отношении деревни — в частности, такого формирования цен на аграрную продукцию, при котором в расчет принималось бы удорожание машин и энергоносителей, поставляемых сельскому хозяйству...

Мы все убедились: перестройка сопряжена с огромными трудностями, снижением жизненного уровня. Перед тем как сильные стороны рынка начнут реально ощущаться в каждодневном быту, всем нам придется пережить тяготы переходного периода. При разумной политике тяготы эти мож-

но уменьшить, но их нельзя избежать полностью...

А вот в области социально-политической перестройка может сработать гораздо быстрее. Гласность и свобода творчества уже вошли в жизнь. Но их влияние пока что сильнее всего ощущает интеллигенция. Дать широким массам трудящихся возможность наконец-то ощутить себя не винтиками в проржавелом госмеханизме, а личностями, от которых зависит ход истории, судьба отечества, — это может сделать (и делает!) рабочее движение. Собственно, события в Донецке, Кузбассе, Воркуте — яркое тому свидетельство...

...Летом 1990 года на встрече группы социологов с руководителями Совета Министров СССР я говорил то, что вполне могу повторить и сейчас: люди, которых видел во главе рабочих Кузбасса, могут сегодня, завтра войти в правительство. Они сочетают в себе достаточную мудрость, знание людей и жизни, чтобы находить специалистов и в своей работе опираться на них. Они-то знают, что такое ездить в автобусе, а не на персональной машине, жить в бараке, а не на даче и покупать (точнее, не покупать) в пустых магазинах.

В этих людях развита политическая культура. Они умеют находить — и находят — компромиссы. (Сколько раз был свидетелем непримиримых, казалось бы, споров, и всегда находился человек, который говорил: «Мужики! Попоплам!» — то есть давайте искать компромиссы...)

Попутно замечу: к сожалению, среди лидеров рабочего движения практически нет молодежи. В основном его возглавляют, что называется, «мужики в соку»: семейные, сорокалетние. Молодых почти нет. Это одна из слабостей рабочего движения — да, пожалуй, и всей перестройки.

Почему такое происходит?

Во всем мире развитие общества приводит к тому, что различие и конфликт поколений становятся зримее, сильнее, чем прежде. У нашей молодежи к естественному «размежеванию» плюсуется ощущение обмана и фальши со стороны «отцов». Одна из объяснимых и бедственных реакций на это — абсолютный негативизм: молодые считают обманом все, что ни говорит старшее поколение. Дескать, они, старики (те, кому за сорок...), вешают нам лапшу на уши, пудрят мозги... «Не надо нам никакого вашего рабочего движения. Это все — лажа».

Старые профсоюзы пытаются изменить свою природу, структуру: роспуск ВЦСПС и создание Всеобщей конфедерации профсоюзов — наглядный тому пример. Но далеко не все рабочие верят, что такое преобразование возможно. Слишком сильны старые традиции. ВЦСПС-то распущен, но тысячи его сотрудников по-прежнему сидят за своими столами, только под другой вывеской... Создание новых профсоюзов, никак не связанных с прежними, — одна из важнейших сторон рабочего движения. Яснее всего она в тех отраслях, где прошли массовые забастовки, где возникли самостоятельные рабочие организации (стачкомы). В первую очередь это угольная промышленность.

На первом съезде шахтеров в июне 1990 года было решено создать независимый профсоюз горняков. Делегаты разъехались, чтобы обсудить на шахтах. На второй съезд (октябрь 1990 года) большинство шахтерских коллективов послали своих представителей с наказом: такому профсоюзу быть!

Избрали Совет председателей и исполнительное бюро. Приняли уставные принципы, главный из которых — независимый профсоюз объединяет только рабочих. Директора шахт, объединений, их

заместители, работники министерского аппарата не будут входить в него. Только при этом условии, считают рабочие, новая организация сможет защитить их интересы.

Я не удивлюсь, если профсоюзы, возникшие на базе прежних, будут чаще выражать интересы менее квалифицированных рабочих — в отраслях, трудно приспособляемых к рынку. В профсоюзах, что возникли заново, наоборот, чаще будет слышен голос рабочих наиболее квалифицированных, культурных...

Теперь — о минусах. Когда говорят об этом, обычно указывают на экономические издержки. Конечно, они есть: крупномасштабная стачка лихорадит экономику не только региона — всей страны. Тем более такой, где государственный монополизм приобрел столь чудовищные формы.

Однако хозяйственный ущерб — не самая серьезная опасность рабочего движения.

Во-первых, рост рабочего движения не обязательно будет сопровождаться забастовками. Особенно если власть ищет не конфронтации с рабочими, а разумного компромисса, стремится двигать реформы совместно.

Во-вторых, экономический урон от забастовок частенько преувеличивается. Во всяком случае, он не идет ни в какое сравнение с убытками, что несем из-за пороков нашей хозяйственно-политической системы. Во всех забастовках 1989 года потеряно около 7 миллионов человеко-дней. А по причине общей бесхозяйственности за этот же период только в промышленности и строительстве потеряно 40 миллионов человеко-дней.

А вот еще информация к размышлению: в простоях, прогулах, перекурах из-за отсутствия сырья и комплектующих теряется 20—30 процентов рабочего времени, или в тысячу раз больше, чем в ходе стачек.

Забастовки стоили стране примерно 0,8 миллиарда рублей. Но прочие убытки и потери, неизбежные в данной системе, достигают ежегодно 450 миллиардов рублей — чуть не половины стоимости всей промышленной продукции. Мы давно привыкли к такого рода потерям и говорим о них куда спокойнее, чем о забастовках.

Рабочий сошел с пьедестала, замешенного на лжи, фальши и лести. На нем грубые башмаки, брезентовая роба. Лицо — в цементной пыли, угольной крошке — не освещает «киношная» улыбка.

Он отбросил в сторону ненужный молот — много ли им нынче наработаете? А рушить он устал...

Но скажу честно: такой вот — без помпезных подпорок и котурнов, сильный в своих поисках и сомнениях — он мне гораздо ближе и симпатичнее.

И — надежней...

ТАМАРА ИВАНОВА:

«ЖИТЬ В ОБЪЕДИНЕННОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ»

48

Однажды Пушкин, желая подчеркнуть особенность русского чтения, заметил, что печатный лист для нашего читателя кажется святым, ибо все напечатанное воспринимается им как нечто священное, получившее благословение высшее.

Достоинство интервью состоит в обратном доказательстве. Записанный устный рассказ доставляет нам радость живого рассказчика, особенно если повезло с собеседником, как, например, в нашем случае. С Тamarой Владимировной Ивановой, вдовой замечательного писателя Всеволода Иванова и не менее замечательной самой по себе, мы говорили, пытаясь не соблюдать дистанции интервьюер — интервьюируемый.

Тамара Владимировна говорила просто, но было в этой простоте какое-то особенное значение, волшебство каждой фразы, сказанной по-русски. Чудо интонации редко остается в тексте, а чудо это — едва ли не гений. Услышать за письменным словом голос человека, его дыхание, его судьбу, его сердце — вот бы чего услышать. Услышим ли?

— Тамара Владимировна, в книге ваших воспоминаний есть, по-моему, один пронзительный эпизод 1918 год. Вы, молодая учительница начальной школы для девочек, ведете своих воспитанниц на Первомайскую демонстрацию. Неожиданно навстречу вам выходит их прежняя наставница и, держа в руках распятие, закликает бывших своих учениц одуматься и уйти «из вертепа». В этом малом, единичном факте истории угадан и осмыслен, по-моему, какой-то высокий трагедийный жест. Жест судьбы, жест века...

— Мой молодой энтузиазм — это был энтузиазм жеребенка на лугу. Конечно, Октябрь велик. Это был взрыв. А я оказалась сразу погруженной в эти невероятные перемены. Я была сверхэнтузиасткой. Всю свою судьбу я сориентировала так, чтобы быть максимально полезной своему народу. Ведь меня готовили в студии Художественного театра дублировать Тарасову. Но как раз в это время происходил саботаж школьных работников низшей ступени обучения и было воззвание партии и правительства к молодежи. Второй муж моей матери, Б. И. Сыромятников, депутат Учредительного собрания от кадетской партии, посчитал меня штрейкбрехером, идущим против своего класса. Он был прав. Но я его считала ретроградом, потому что совершенно ничего не понимала в политике. Когда мне, девчонке, поручили после краткосрочных курсов вести инструктаж инспекторов и директоров гимназий, — это было абсурдом. Заведующий школьным отделом народного образования Бауманского райсовета Москвы Михаил Потемкин, управлявший делами в это время, был человеком образованным, но и он счи-

тал, что я справлюсь, и давал мне направление на эту работу, напутствуя меня советами. А у меня хватало нахальства инструктировать этих людей, куда более образованных, чем я, не говоря уже об их жизненном и педагогическом опыте, начисто у меня отсутствовавшем, ведь мне было всего-навсего 18 лет.

— Тамара Владимировна, расскажите, пожалуйста, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Маяковским?

— С Маяковским я познакомилась в тот период, когда была студенткой режиссерских мастерских Вс. Мейерхольда. Они назывались ГВыРМ. Со мной вместе на одном курсе учились С. Эйзенштейн и С. Юткевич. Окончание занятий первого курса — это был 1922 год — мы праздновали на даче, принадлежавшей матери моего первого мужа Н. В. Неврева. На даче этой были выбиты окна, она носила следы сильных повреждений, грабежа и насилия. Но тем не менее мы все на ней приютились и праздновали. И вот тогда на этот наш праздник Рита Райт привела с Акуловой горы, где ему наносило визит солнце, Владимира Владимировича. Какое-то время я часто встречалась с ним, а он уже познакомил меня с Бриком, и я встречалась с ними обоими. Потом, когда приехала Лиля Юрьевна Брик, которая во время моего знакомства с Маяковским и Бриками была в отъезде, Маяковский пригласил меня на капустник к Форегеру. Капустники эти были очень знамениты в Москве, и проходили они в мастерской Форегера на Арбате после 12 часов ночи, когда закончены все спектакли в театре. И вот Маяковский пригласил меня туда и познакомил с Лилей Брик, которая тогда меня проигнорировала. Маяковский очень быстро напил-

ся, и поэтому я отказалась уехать вместе с ним, тем самым поставив себя в очень затруднительное положение, потому что никакого ночного транспорта не существовало. В то время я жила на Разгуляе, в Токмаковом переулке, а это от Арбата путь не близкий. На мое счастье, в свите Лили Юрьевны нашелся некто Малкин, который, рискуя властью в немилость, вызвался отвезти меня на своей машине. Так я не претерпела возможных напастей, отказавшись от общества напившегося Маяковского.

— Лилиа Юрьевна Брик, кажется, одна из самых загадочных фигур в русской литературе. Миф о ней может успешно сопоставляться с античной традицией.

— Это была замечательная женщина. Тогда, в 1922 году, Лилиа Юрьевна меня совершенно не признала, а подружилась мы в Доме творчества имени Райниса в Дубултах в 1938 году. И она мне сказала: «Когда Володя меня с вами познакомил, я вообще молодых привлекательных женщин категорически не признавала». Она была женщиной, наделенной большим чувством юмора... Это все сплетни, что у нее был какой-то «*mélange en trois*». Просто в определенных кругах тогда так было принято, что новый человек должен жить по Чернышевскому, чьи произведения были у Лили Юрьевны на уровне заповедей. Я вот, например, терпеть не могу Чернышевского, и эти сны Веры Павловны — настольная книга Лили Юрьевны — мне всегда трудно давались. Она же свою жизнь строила по Чернышевскому. Брик оставался другом, когда Маяковский стал мужем. В среде художественной интеллигенции существовали и другие такие тройственные союзы. Например, мой друг, художница Валентина Михай-

ловна Ходасевич, не рассталась с первым мужем Дидерихсом, когда появился второй муж Басов. Когда она полюбила Басова, Дидерихс остался с нею рядом как близкий друг.

— История русской литературы XIX века тоже знает тройственный союз, который очень остро переживали современники: Некрасов, Панаева и Панаев.

— Вы правы. Можно вспомнить еще одно дружество — между Борисом Пастернаком, его женой З. Н. Нейгауз и ее первым мужем — Г. Г. Нейгаузом. В доме у Пастернаков Генрих Густавович был дорогим и любимым гостем. Это было свойственно интеллигентским кругам, которые искали новые формы во всем, в том числе и в семейных отношениях.

— У меня появился вопрос, не связанный с перипетиями предыдущих тем, но словно сфокусировавший в себе проблемы целого пласта прожитого и еще предстоящего нам витка культуры. Итак, как вы относитесь к авангарду?

— В живописи я признаю только авангард 20-х годов. В литературе в особенности мне нравятся ленинградские обериуты. Они очень талантливы. Обериуты — это Хармс, Введенский и Заболоцкий, а Алейников не примыкал к их сообществу, но был другом Хармса, и мне лично нравятся произведения Хармса и Алейникова. Из зарубежных абсурдистов мне очень близок Ионеско. Современный авангард лично мне чужд, как и научная фантастика. Стругацких я читать не могу. Для меня это не явление культуры. В литературе знаковая система, слово, имеет, по-моему, решающее значение, то есть без каких-то достижений в области языка я произведение воспринимать не могу. Я хорошо знаю французский язык и переводила много как классиче-

ской, так и современной литературы. И всегда убеждалась, что в любой литературе есть писатели и псевдописатели. Так, однажды я переводила роман женщины, которая сначала работала на конвейере, а потом взяла и написала роман. Это совсем не литература. Это чистая социология. Без отобранных знаков, без языка литературы быть не может.

— *Как вы относитесь к проблемам христианства, Бога, веры?..*

— Дело в том, что я чуждаюсь всякого схематизма. Поэтому, скажем, разделяя многие мысли Всеволода Иванова относительно буддизма, я все равно никогда не могла бы принять буддизм как догму. Но в буддизме мне нравится то, что там человек обязан сам найти в себе Будду, который изначально ему присущ, но он должен сам, своим трудом найти этого Будду. (Для меня Будда идентичен совести.) И вот разница между монашеством буддийским и христианским: христианский монах, в особенности в православии, если он был отшельником или столпником, признавался святым, а по буддийской религии это уже от дьявола, когда он сосредоточился на самом себе, потому что из буддийского монастыря настоятель этого монастыря посылал монаха в мир тотчас же, как тот ощущал, что уже познал в себе Будду. А столпничество с точки зрения буддизма — эгоизм. С моей точки зрения, не может человек познать самого себя замкнувшись. Если говорить о современной церкви, я думаю, что, уничтоживши ее в начале революции, сейчас, пока не изжита до конца коммунистическая, командная система, ее не восстановишь. Убиенный Александр Мень — исключение, а правила ужасающи. Православная церковь выродилась. Священники стали чиновни-

ками. Крестят уже не погружением в купель, а происходит массовое окропление, вместо исповедника и исповедующегося — массовая исповедь, священник читает Евангелие, и хором ему отвечают: «Грешен, батюшка». Он отпускает грехи толпе, а не индивидууму. Недавно я была приглашена на свадьбу в здешнюю переделкинскую церковь. Я, к ужасу своему, увидела, что священник венчает одновременно четыре пары, перепутывая, кого он с кем венчает. Та девушка, на свадьбу которой я была приглашена, звалась Людмилой. Она венчалась с Вячеславом. Священник же назвал Вячеслава Иваном, потому что Иван был в другой паре. Понимаете, вера без дела мертва есть. Это нужно всегда помнить. Важны не слова, не обещания, не прокламации — важно дело, живое дело. Поэтому, когда искажается дело, не может не исказиться и поступат. Я считаю, что религия в современном виде не может быть принята молодыми людьми (она выродилась в моду). При переходе в новый век нужны новые постулаты. На пустом месте ничего нельзя строить. Нужно исходить из корней и развивать их. Но какие все это приметы формы, трудно определить. Я думаю, что недаром во всех религиях, как бы они ни отличались друг от друга, первая заповедь — «не убий». И именно эта заповедь на наших глазах катастрофически нарушается. Такого падения цены человеческой жизни, какое мы наблюдаем сейчас, никогда не было. Я считаю, что от этого завета человечество не имеет права отступить. Недаром он един во всех религиях. Человек, посягающий на жизнь другого человека, посягает и на свою жизнь. Понятие «не убий» — это совершенно точное понятие, оно не

нуждается ни в какой расшифровке.

— А ваш муж, Всеволод Иванов, был верующим человеком? Один мой хороший приятель однажды признался мне в том, что серьезное увлечение буддизмом настигло его после прочтения знаменитых «Похождений факира» — романа, обильно налитанного душистой восточной аурой.

— Всеволод Иванов верил в то, что есть высшая сила, но он не был религиозно-верующим человеком, он не признавал церкви. Из религий ближе всего ему было не христианство, а буддизм. Так было потому, что главный постулат буддизма — человек — рождается при наличии в нем Будды, иными словами, души — совести. Каждый человек рождается гениальным, но от условий жизни, воспитания он либо развивает свою душу, либо притупляет, гасит то лучшее, что в ней было заложено. Пример Вс. Иванова в этом отношении очень показателен. Когда в 1921 году он прибыл из Сибири в Ленинград и Горький познакомил его с «Сералионовыми братьями», то Зоценко его спросил при второй же встрече: «Не валяй дурака, Всеволод, а скажи прямо, какой университет ты закончил?». Он сам, самоучкой, образовал для себя многие университетские факультеты и до последних дней своей жизни читал книги по всем научным дисциплинам, отводя на чтение и размышление по многу часов в день. Восточная культура его чрезвычайно интересовала. У него была большая библиотека именно по этой тематике. В ней были собраны книги философские и религиозные, такие, как, например, сочинения Блаватской. К несчастью, все это сгорело. В Переделкине, на той даче, которая была построена Литфондом в начале 30-х годов, во время войны

в ней был расквартирован штаб армии, когда немцы были под Москвой. На этой даче сгорела библиотека, в которой было, по мнению экспертов, которые прибыли потому, что мы намеревались безвозмездно пожертвовать все книги Библиотеке им. Ленина, примерно шестьдесят тысяч томов. Это была редчайшая библиотека.

— Тамара Владимировна, не кажется ли вам, что феномен отечественной литературы 20—30-х годов XX века так и остается непознанным? Не нашли себе достойного, проникновенного читателя многие произведения Вс. Иванова, Мих. Слонимского, Б. Пильняка, не прочтен и Маяковский. Прочтены же и усвоены лишь некоторые мнения о них...

— У нас вообще искусственно разорвана история, разорваны литература и все виды искусства. Скажем, откуда вообще в нашей литературе мог появиться этот дикий абсурд, который провозгласил директор Института мировой литературы Ф. Кузнецов, что русская литература кончилась на эмиграции? Это самый дикий абсурд, который только можно выдумать. Нашу литературу перестригли. За лучший свой философский роман Зоценко претерпел неслыханные мучительства. Всеволод Иванов на момент своей смерти имел восемь неопубликованных романов. Все неслыханно накинулись на Маркеса, на его «Сто лет одиночества». Но если бы у нас были своевременно напечатаны «Кремль» и «У» Всеволода Иванова, то мы бы поняли, что он был предтечей Маркеса. У нас все по живому рубилось... У нас заменили литературу апокрифом. На одном доме Васильевского острова в Ленинграде даже сделана надпись без имени: «Здесь жил автор «Бронепоезда». Правда, Луи Ара-

гон писал в некрологе: «Настанет время, когда «Бронепоезд» будет нужен пролетарскому читателю, как глоток воды умирающему от жажды в пустыне». Я не разделяю таких канонизаций. Никого никогда нельзя поставить выше облака стоячего. Нельзя талдычить, что Горький — великий писатель, потом его уничтожить. Какие бы ни были грехи у Ленина, разбивать его памятник кувалдой — вандализм. МонуMENT Ленина работы Шадра в Грузии разбили кувалдой, а безобразный памятник Сталину оставили. Полное бескультурье, если не помешательство. Тот, кто науськивает толпу, — преступник. Толпа не ведаёт, что творит. Она разбивает памятник и потом столь же недуманно обращает свой гнев против тех, кто ее подучил.

Современная критика сомкнулась с рапповцами, которые обращали внимание только на пролетарскую и партийную принадлежность художника. Теперешние критики вторят им: каково бы ни было творческое бессилие писателя, прошедшего опыт лагерей, его произведение становится неприкосновенным. Если то, что написано в лагере или после лагеря, имеет бесспорное право на существование, даже без наличия литературной квалификации, ибо это является фактором истории, то применение такого же принципа к эмигрировавшим творцам представляется весьма сомнительным. Возвеличивание малоталантливой поэтессы Одоевцевой, с моей точки зрения, абсолютно ничем не оправдано, если учесть, что одновременно с нею творившая Шкапская, никуда не эмигрировавшая, абсолютно забыта. Таких примеров можно привести много. И невольно возникает вопрос к современной критике: почему, с ее точки зрения, факт эмиграции — до-

блесть? Я уже опубликовала пять не изданных при его жизни романов Всеволода Иванова, но нет ни строчки критики. Всеволод Иванов остается непрочтенным.

И потом необходимо учитывать тот факт, что все советские писатели в разное время их жизни не равны самим себе изначально. Скажем, Федин 20-х годов — одно, а в «Необыкновенном лете» — это уже писатель, раздавленный сталинизмом. Нельзя о них судить поверхностно. Надо различать, когда они были творцами вдохновенными, а когда, как писал Бабель, «отдали вдохновение на поругание».

— *Слава по-прежнему светит мертвым...*

— Слава вообще, по-моему, от лукавого. Никогда пророк не бывает признан. Ненапечатанные романы Вс. Иванова — это пропасть в 60 лет. Одна из последних его записей в набросках к последнему роману «Сокровища Александра Македонского» гласит: «Почему же все-таки, работая над этим и другими романами не покладая рук, я оставляю их неоконченными?» И мужественно сам себе признается: «Очевидно, не хватало сил выйти за черту тюрьмы». Морально он ощущал себя в тюрьме. Вы понимаете, что это значит?

— *Судьба и время оказались сильнее и тверже многих духовных человеческих качеств. Особенно показательна и жестока развязка «серапионов».*

— Я считаю, что из «Серапионовых братьев» только два брата — Зоценко и Вс. Иванов — остались верны принципам, которые были заложены в основе их содружества: «свобода творчества, свобода фантазии, свобода вдохновения». Роман Зоценко «Перед восходом солнца» я считаю очень значительным произведением.

— Поскольку мы уже немного говорили о Маяковском, у меня к вам вопрос достаточно простодушный: ваше отношение к футуризму?

— Футуризм, как всякий экстремизм, лично мне не близок. Все должно иметь твердое обоснование, корни. Маяковский потенциально был очень талантлив, но это был человек, который никогда ничего не читал. Он с голоса Брика получал образование. «Учение бесконечно», — говорил Всеволод Иванов. Наука идет вперед, дальше, а человек, который презирает науку, не может быть тем, кто поведет людей по правильному пути. Человек, который не осознает необходимости постоянно учиться, придет к просчетам левых. Маяковский ушел к пролетарским писателям. Но его самоубийство свидетельствует о пропущенном времени, о невозможности найти себе место в жизни. По поводу его смерти любят цитировать его метафору: «любовная лодка разбилась о быт». Так вот, о быт разбилась не любовная лодка, о быт разбилась лодка футуризма.

— Василий Розанов в «Опавших листьях», говоря о «завершении литературы», писал: «О, фантазировать, творить еще можно: но ведь суть литературы не в вымысле же, а в потребности сказать сердце». Усилие и возможность «сказать сердце» есть дар, гений. «Сказанное, рассказанное сердце» — вечный, непреходящий критерий культуры. У Горького есть символ как бы обратного рода — Данко, лишающий себя сердца. Наша литература, если воспользоваться этой метафорой, тоже как бы теряет сердце, обреченная только фантазировать, только вымышлять...

— Сердце... Здесь я не согласна. Можно это назвать душой. Без

души невозможно быть поэтом, писателем, художником. Непропущенное через вашу душу не может быть творчески преобразено. Душа — эманация всех лучших сил, а сердце — мышца, у которой есть свои функции, как они есть у листьев, почек, у души нет определенного места в человеческом организме, у души астральные функции. Бездушный человек — это человек бессовестный. Для меня душа и совесть едины. Самый трагический дефицит — это отсутствие ответственности перед своею совестью. Человек не отдает себе отчета в том, что, греша против совести, он прежде всего наносит вред себе, а дальше своему народу и всему человечеству. Сейчас ведь обычное дело — недобросовестность. Надо относиться к своему труду трепетно. Найдите-ка теперь такого работника, который бы спрашивал за свою нерадивость отчета перед своей совестью. Ведь одна недовинченная гайка может послужить аварии, уносящей многие человеческие жизни, а тот, кто ее недовинтил, и не помышляет о своей чудовищной вине и ответственности перед собственной совестью. Что касается души, то мне нравится одна восточная сутра, в которой говорится о том, что такое смерть — начало или конец. Если считать, что земное существование подобно пребыванию бабочки в куколке, то по смерти душа выпархивает из тела, как бабочка из куколки, но куда она девается — непостижимо, как и само существование Вселенной.

— Тамара Владимировна, вы говорили о том, что в современной отечественной литературе сейчас нет властителя дум, духовного пастыря. А как вы считаете, возможен ли он в объединенном человечестве?

— Вы знаете, мне девяносто

лет, я много повидала на своем веку, и много ошибок совершила, и много видела людей, которые на моих глазах переставали быть людьми и которые психически перерождались и нравственно разлагались. Их разлагало их окружение, время, страх, но я не могу быть пророком, я отказываюсь что-либо предсказывать, однако думаю, что если человечество пойдет по пути объединения усилий, то обязательно должен появиться такой властитель дум, не только одного народа, но и в общечеловеческом масштабе, ведь все-таки влияние Льва Толстого или Федора Достоевского — это не только влияние на русский народ.

Это — влияние на народы мира. Ведь под их влиянием складывалась литература в общемировом масштабе. Так что светочи мысли, такие, как Толстой и Достоевский, они, по-моему, могут и должны появиться в объединенном человечестве. Даже скорее всего они не могут не появиться как предтечи объединения, ибо человечество жило до сих пор по каким-то предначертанным законам. Иными словами, сперва причина, потом уж следствие. Сперва Христос, а до него Иоанн Предтеча, а потом уж как следствие — христианство.

Беседу вел АНДРЕЙ КАВАДЕЕВ.

ЗАПИСКИ ПОЛТИННИКОВА

От долгого употребления слово стирается. Тогда на выручку приходит синоним. Есть скука. Но есть хандра, уныние, сплин. Но все-таки без основного слова не обойдешься, какие ни применяй синонимы. Как ты с хандрой ни носись, а к скуке вернешься.

Моя жизнь была жизнью синонима. Я по профессии тенор, пою в театре, который, в свою очередь, тоже синоним — не то опера, не то оперетка, не то все вместе — музыкальная драма, черт знает что такое! Да и с помещением у нас плоховато. То мы поем на окраине, то нас перебрасывают в центр, а то отправляют на полгода гастролировать на периферию. Я замещаю первого тенора. Мне уже сорок пять лет, через пять лет голос сядет, придется переходить в преподаватели куда-нибудь в заводской клуб. Обо мне иногда упоминают в статьях, когда нужно показать, что вторые роли тоже роли и вторые актеры тоже актеры. Я читаю их с удовольствием, верю, что это так, что автор глубоко прав, восхищаюсь собой, но в конце концов понимаю, что навсегда останусь на вторых ролях, всегда буду синонимом.

Зачем я это пишу?

И сам не знаю. Времени у меня мало, пишу урывками, большей частью ночью или в перерывах, в антракте, на папиросной коробке, с которой и переписываю.

Мечта о печати? Вряд ли. Ханжи, которые на Руси никогда не переведутся, найдут мои записи порнографическими, приравняют их к стихам Баркова, хотя я ни разу не употребил ни одного похабного слова, только синонимы.

Откровенность? Но кому она нужна, если она остается в моем чемодане?

Почему я откровенен? Может быть, потому, что одинок, нет семьи, детей, перед которыми я бы стыдился. При жене, наверное, мне и в голову бы не пришло рассказать то, что вы услышите.

Нечто оригинальное, небывалое в моих похождениях? Но, по моему, если бы люди были откровенны, мои похождения не казались бы столь оригинальными, как вам покажется.

Сладострастие, которое выливается на бумагу? Возможно.

Конечно, ханжи меня прежде всего причислят к сумасшедшим. Я приписан к хорошей поликлинике. Предполагая приступить к писанию своих записей, где решил быть совершенно

откровенным, в чем мать родила, я направился к психиатру, пожаловавшись на легкое недомогание и некоторую мозговую усталость. Он нашел у меня склеротические явления, чуть повышенное давление, и все. Я был еще у двух. Последний, почтенный высокий старик, ласково глядя на меня, сказал:

— Ваши физические показатели не хуже, чем у тысячи других людей вашего возраста. Скажите, что вас волнует, будьте откровенны.

Я объяснил. Он тихо засмеялся:

— Человек хочет быть откровенным и идет к психиатру, чтобы узнать: не сумасшедший ли он? Пишите, друг мой, все, что вам хочется, и чем вы будете откровенней, тем скорее излечитесь от ваших недугов, если они вообще у вас есть. Какую задачу вы себе ставите рассказом?

Я рассказал. (Вспомнить все, чтобы не попасть впросак, когда приду к бывшим любовницам. Но зачем приду? Раскаиваюсь. Нельзя ли чем помочь? Нет ли в этом болезненного любопытства? И хорошо ли это?)

— Первую половину рассказа я понимаю,— сказал врач,— но вторая, так сказать, гуманистическая, мне не ясна. (Вы себя чувствуете глубоко виноватым и притом настолько, что неспособны уже обладать женщинами, превратившись в импотента? Попробуйте. Я уверен, что поможет. Я бы не осмелился предложить вам такой радикальный способ лечения. Сколько их, которых вы хотите видеть? А, вы хотите главных, с которыми встречались часто, не считая проституток? Пытайтесь. Возможность есть? Очень хорошо.)

Но не подумайте, что я гонюсь за половыми наслаждениями. Я давно уже не испытываю вожделения, у меня его нет и не может быть. Но у меня чувство мучительной вины перед женщинами. Я понимаю: глупо, не мог же я дать им такое наслаждение, которого им не дал никто другой, и этим разбил их жизнь? А что иное давал я им, кроме наслаждения?

Боюсь, ничего. Тогда зачем им помнить обо мне? Зачем им нужна моя помощь? Да и в чем она может быть выражена? Денег у меня нет — не накопил, разве что на переезды; значит, собирался ехать, раз копил? Да и вообще это деньги небольшие — одеть двух-трех, и то в недорогую одежду, а люди ведь больше, чем в одежде, нуждаются в квартире. Так моих денег, доложу вам, не хватит на кооперативную квартиру, даже двухкомнатную, будь она мне предложена.

Я живу в старом домишке возле Донского монастыря, неподалеку от крематория.

Происхожу я из рабочей семьи, даже потомственной. Мой прадед работал на Тульском оружейном заводе мастером — делал оружие, а дед переехал в Москву, отец работал слесарем на «Амо», а затем на автомобильном, теперь имени Лихачева, до войны я тоже работал слесарем, затем ушел солдатом, и здесь, в солдатском хору, у меня обнаружился голос, и сразу же после окончания войны генерал-полковник, командующий армией, отправил меня учиться. «Не забудь прислать билет на премьеру, когда будешь петь в опере», — сказал он, когда я пришел

благодарить его. Я не забыл. Он пришел за кулисы и поздравлял меня.

Ранен я не был, хотя участвовал в отчаянных боях. Больше ранений я боялся простуды: как бы не потерять голоса. Но и тут мне везло.

Изагая свою биографию, я испытываю некое затруднение. Вдруг да мои записки попадут в руки добродетели, которая и глаза вытаращит, читая их: «Рабочий класс не может так поступать и так думать. Это извращение, декадентщина! Он выходит из буржуазии». В том-то и дело, что не выходец. И, может быть, предвидя эти возгласы, я и попал к психиатру?

Я тоже уважаю рабочий класс, знаю — там тоже есть «всякие» и в конце концов те же люди. Но нам так долго вдалбливали, что рабочий класс особый, что он преисполнен семейных доблестей, патриот — словом, ангел, — что мы глубоко поверили в это. Да, патриоты. Да, мужественно умирали. Да... но в сталинские-то времена некоторые работнички, применявшие пытки средневековья, тоже ведь были из рабочего класса? И небось наслаждались этими «изысками», и небось были крайне удивлены, когда их за эти «изыски» поставили к стенке.

Могут, конечно, сказать, что начитался декадентских книжек. Где мне их взять? Я даже, если уж говорить откровенно, толком не знаю, что такое декадент. Читал я Л. Толстого, Бальзака, Тургенева, Горького, современных писателей. Если я в чем-либо виноват, винить тут некого.

До всего, что я описываю, до всего, что будет (чувствую!) коробить душу вашу, читатель, я дошел собственными размышлениями, во всем — если уж виноват — виноват я сам. Я встречал и проституток, которые пытались посвятить меня в «тайны любви», но я знал эти тайны и без них и только удивлялся на их убогое воображение.

А может быть, писания мои происходят от моей гордости? Чем гордиться? Тем, что они делали ради меня, а я — ради них? То есть тем, что они меня любили, а я их? Да мало ли любят, мало ли свершают жертв ради любви и будут свершать? Гордиться тут нечем, тем более что иногда я оказывался ниже той любви, которой меня любили.

Перечитал я начало своей повести и все-таки не понимаю: зачем я пишу? Добро бы для заработка; эта профессия не хуже всякой другой, но никто и ничего не зарабатывает на моих записках.

Значит, ни славы, ни денег, ни самовосхваления, ни для потомков...

И все-таки пишу?

Поразительно, вот что я вам скажу.

Конец.

Как попали ко мне эти записки?

Соседки с негодованием сообщили. Обычная квартирная склока. Собрание у баптистов его любовниц. В записках указаны их адреса, фамилии, приложены письма некоторых. Его обвинили в половых извращениях, чисто уголовное дело его «сообщ-

ниц» осталось недоказанным, а может быть, по нему ведется следствие. Его сослали в исправительно-трудовые лагеря.

А дальше история и обычная, и необычная. На Волге был ледоход. Правда, слабый. Но при современных самолетах нетрудно сказать, что сверху идет лед. Пароходик тащил баржу с сыльными. Затерлю. Взорвалась поблизости взрывчатка, которую надо было взорвать на двадцать километров выше. Масса случайностей, но из них-то и складываются, к сожалению, драмы нашей жизни. Уж кто-кто, а мы убедились в этом, живя нашей многотрудной жизнью.

Пароходик, желая помочь барже, защитить ее от льда, подошел ближе. Взрывной волной его ударило о баржу, и баржа начала тонуть. Сыльные по льду поползли на пароход. Кто-то упал в воду, стал тонуть: едва ли не женщина, которая — выходит, в последний раз — понравилась нашему автору, одна из его бывших; арестованная по его записям, она стала тонуть, автор бросился ее спасать. Спасти-то ее он спас, но сам, попав между льдом, не смог схватить брошенный ему матросом багор и пошел ко дну. Тело его нашли среди нескольких других утопших.

Мне попал список. От А. Н., имя которой и адрес он не захотел назвать на следствии. Она принесла список ко мне. Зачем? Значит, он делал-таки списки? Любопытно. Я ее спросил:

— Зачем? Это же нельзя напечатать.

— Сегодня нельзя, завтра можно, — ответила она. — Вы авось доживете.

Она была молода и красива, в сто раз красивее меня и в два раза моложе: ей было около тридцати.

— А почему вам не дожить?

Она промолчала.

— Скажите, это хотя и нескромно, но вы не сами раскрыли загадочные буквы, и я знаю, что здесь написано, — это о вас, правда?

— Правда, — ответила она, прямо глядя мне в глаза. — Правда. Поэтому-то я и пришла во второй раз.

— То есть...

— То есть, я надеюсь, вы их сохраните, а мне не удастся.

— Вы же в два раза моложе меня.

— Мало ли что!

— Вы больны?

— Нисколько. То есть я больна любовью к нему. И умру от этой любви.

— Вы верите в бессмертие?

— То есть то, что мы там, в зазеркальном мире, сойдемся снова? Нет! Мне без него скучно.

— Он был бунтарь?

— Нисколько. Да и надоели мне все эти бунтари.

— Эпикуреец?

— Наслаждение было для него мучительно. Он ненавидел меня в эти минуты и поэтому бежал к другой.

— Вам нравилось, что он каялся?

— И это нет. Мне нравилось, что он есть. И все. Прощайте. Недели две спустя один мой знакомый, видевший меня (я пошел ее проводить, полный необъяснимого беспокойства) вместе с ней, сказал, что он узнал — моя знакомая повесилась.

А вы говорите, что мало странных людей на свете. Они не переведутся.

ЛАМПА ПОСРЕДИНЕ МИРА

(Первый рассказ о волшебной лампе)

Долгое время назад — еще до войны 1914 года — довелось мне стать единственным наборщиком единственной типографии Павлодара, города, что и поныне прославляет добродушные степные берега Иртыша.

Второй раз в своей жизни получив жалованье, — и опять за целый месяц! — я понял, что передо мной важное событие. Первую получку я распределил настолько зыбко и неуловимо, что стеснялся теперь и вспоминать о том.

Я робко-невнятно задумался над деньгами. Необходимо ознаменовать эти полные величия дни, это несомненное вступление в жизнь. Но как? Позвать гостей? Я знал едва ли десяток людей во всем городе. Пожертвовать эти девять рублей с высокой целью? Куда? Где эта высокая цель? Приобрести что-нибудь из одежды или вещей?

Таким образом, в раннее воскресное утро я пошел на базар.

Базар в Павлодаре столь велик и длинен, что можно подумать, будто город собирается торговать с целым континентом. Двери магазинов широко распахнуты. Я иду от магазина к магазину, от окна к окну и беспрепятственно сближаюсь с теми товарами, которым почему-либо суждено быть моими. Я извертываюсь, выдумывая предлог, чтоб уйти от витрины часовщика.

Хоть бы встретить какого-нибудь знакомого, хоть бы появился Насосец. Так зовут городского потешника, проказника, служащего в казначействе. Он сквернослов, свистун, лицо его слащаво, как медовый пряник, но купцам он нравится, и они любят калить с ним о пустяках. Но и его нет еще. Рано.

Я гляжу уже не в магазины, а между них, и вдруг я вижу, что возле чайного магазина сидит, прислонившись к стене, босая. Возле ног его медно-красная лампа, широкая, без фитиля и без стекла, да и приспособления, сжимки для стекла, нет. Пожалуй, это сооружение можно назвать светильней. Она

медно-красная, но давно не чищена и покрылась грубой паутиной.

Лампа лежит возле колена, а колени в ссадинах, видно, босяк недавно упал. Он дышит мерно, заснул. Мешкать нельзя. Утащат.

Я шевелю его за плечо:

— Эй, дядя.

Он подергивает плечом, носом. Я сильнее надавливаю на плечо. Он открывает глаза, думаю, что он будет меня ругать.

Он говорит:

— А чего не уступить. Торговаться не буду. Уступлю.

Удивление охватывает меня: зачем мне эта старая лампа?

У меня и дома-то нет, а для вещей нужен дом, по крайней мере собственный угол, чтобы создавать там домашний уют.

Босяк опережает мои возражения:

— Чего плянешься? Это, брат, не простая лампа, а волшебная.

— Волшебная?

— А как же! Небось читал в книжках.

Книжек я читал много — и о путешествиях, и о прошлом, и о загадочной, далекой Индии. Да-да, что-то припоминаю такое... Конечно, как я сразу не мог сообразить, о волшебной лампе я читал в арабских сказках. Стоит загадать желание и потерять лампу...

— Продаешь? — спрашиваю я у босяка.

— Эка, продаешь... Здесь одного материала, может, на гривенник, да волшебство, да работа. Вот и считай, сколько набегает... Денег не хватит расплатиться. — Он смотрит на меня, прищурился, будто оценивает — стоит со мной заключать сделку или поискать другого. — Уступаю во временное пользование. Сроком на час.

— И сколько же ты берешь за час? — Голос мой дрожит от волнения. Я уже твердо знаю, что не напрасно пришел на базар, что именно о такой лампе я мечтал всю жизнь. И к чему целый час, мне достаточно пяти минут, только хватит ли денег, чтобы расплатиться за воплощение мечты? Нащупываю получку, лежавшую в кармане. — Сколько?

— А сколько есть у человека. Если он и вправду захочет получить лампу, а не так, для баловства, то отдаст все, что есть, хоть даже и тысячу рублей.

Протягиваю ему деньги на раскрытой ладони. Босяк опять смотрит на меня с прищуром, удовлетворенно улыбается и встает с земли. Он перекладывает мою получку к себе в карман и направляется важным шагом к ближайшему кабаку. По дороге останавливается и через плечо кивает на лампу, которая так и лежит в мягкой павлодарской пыли:

— Лампу-то подбери. Спешу. Твой час уже начался.

Босяк уходит медленно, а я схватываю лампу и крепко прижимаю ее к груди. Мысли теснятся лихорадочно в голове. «Что же пожелать? Что? — спрашиваю сам себя. — Странно. Так много желаний, и не знаешь, с чего начать. Просить одежды или еды — глупо, стоит ли на это тратить силу волшебства? Ведь у меня были деньги, чтобы купить необходимое. У меня еще

будут возможности заработать, мне и надо-то совсем немножко. Просить здоровья? Но я здоров, молод, мне всего восемнадцать лет. Что еще?»

Лампа острой своей гранью впивается мне в грудь, давит. Я стою в нерешительности, а солнце за моей спиной движется, и вместе с ним движется тень у меня под ногами. Еле-еле, медленно, однако движется. «Что же пожелать?»

Вдруг я слышу за спиной шаги, чья-то чужая тень сливается с моей, кто-то кладет руку мне на плечо. Свежий запах вина и жареной картошки обдаёт меня. Босяк стоит рядом, нетвердо пошатываясь.

— Все, брат, вытекло время. Впредь будь поворотливей.

Неужели целый час прошел? Босяк забирает лампу, сует ее под мышку, но не уходит, а все стоит. Я прошу его тихим голосом, без особой надежды:

— Я уже придумал. Дай лампу на минутку, я только потру...

Он говорит укоризненно и серьезно:

— Какое же волшебство в нарушение уговора? Обман, а не волшебство.

Я подумал: «Но для того, чтобы попросить Духа перебросить меня из эпохи в эпоху, разве не стоило побеспокоиться... Допустим, что я сам, своим поэтическим чутьем смогу быть и царем, и рабочим, и рабом, и солдатом, и ученым. Но смогу ли я сам выбрать такую эпоху, из которой, как из бинокля, можно было бы разглядеть и понять все эпохи. Какие основания, что эта эпоха, в которой я нахожусь, есть именно та, на которую я рассчитывал».

Я стою опечаленный, опустив голову, и размышляю: «Вот и вторую получку потратил без смысла. Но не денег жалко. А вот когда же я стану взрослым, рассудительным?»

А босяк мне сказал, читая мои мысли:

— Но только ты зря убиваешься, что не дотронулся. Дело в том, что когда я проходил через Лебяжий, то эту штучку видела твоя мать, когда ты не родился еще. И, кто знает, быть может, она дотронулась и пожелала, чтоб ты родился именно в ту эпоху, которую желаешь.

Так как он прочел именно то, что я думал, я решил, что передо мной была именно волшебная лампа, и я поверил тому, что не я, а моя мать дотронулась и вызвала соответствующего Духа. Должен сказать, что моя мать, не будучи практической женщиной, все же была решительна. Я говорю потому практической, что, если б она заботилась о моем благополучии, она б вызвала меня в другую эпоху. Но она знала, что не практическое благополучие составляет счастье людей. И она выбрала именно ту эпоху, в которой мы с вами, читатели, находимся. Я на нее не сетую, хотя меня не печатают наполовину и хотя эти рассказы вряд ли будут напечатаны при моей жизни. Дело в том, что книгопечатание изобретено так недавно и сетовать на то, что все твои писания будут и должны быть непременно напечатаны,— глупо. У человечества и без того много хлопот.

1943 г.

Из личного архива
ТАМАРЫ ИВАНОВОЙ.

ПЕЙЗАЖ ДЛЯ СОЗЕРЦАНИЯ

64

— Когда архитектор становится вдруг художником, значит ли это, что в архитектуре ему не повезло?

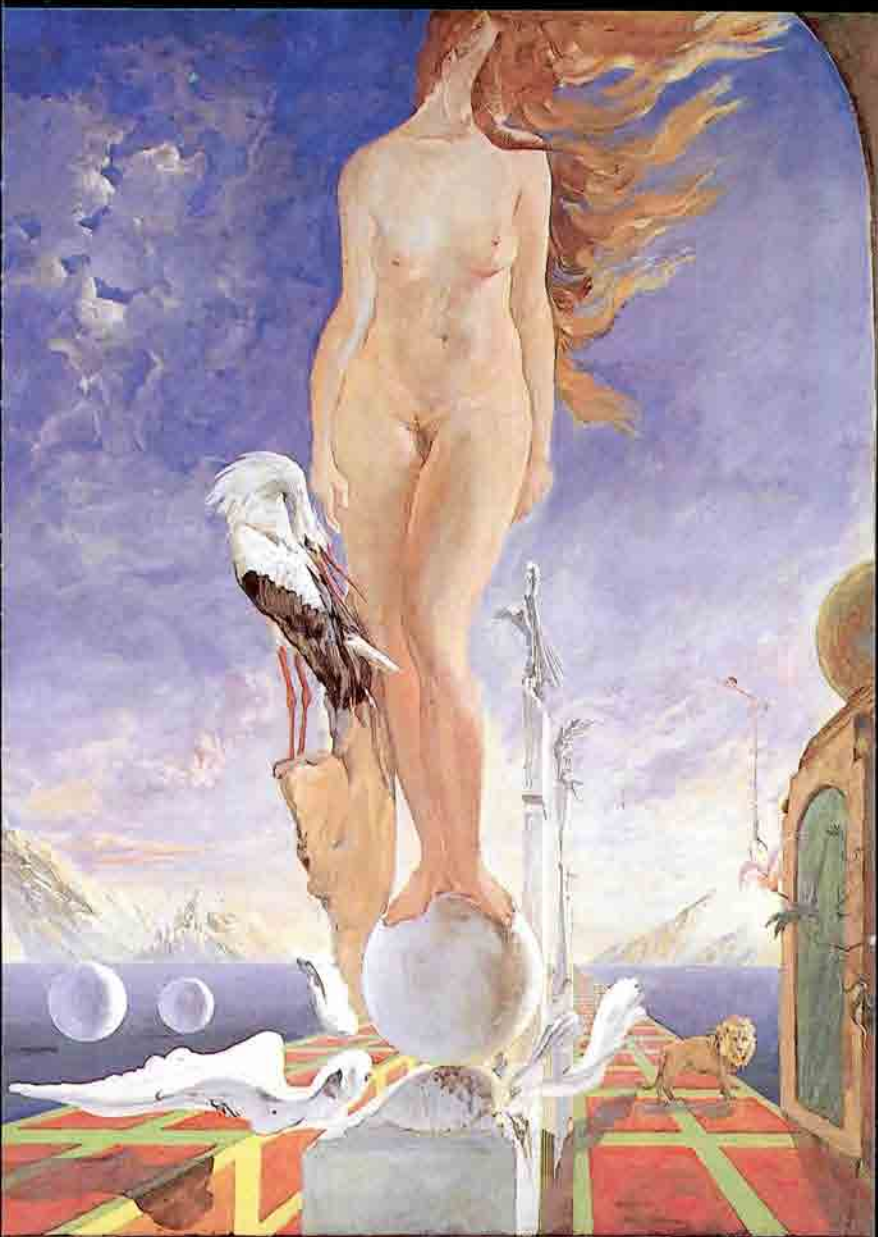
— Видите ли, я двадцать пять лет отдал архитектуре. Мое творчество в этой области совпало с известным периодом застоя, и я в полной мере испытал на себе стиль командно-административной системы — удушливой, казарменной атмосферы, невыносимой для творческого человека. Многие мои коллеги не выдержали: одни «ушли из архитектуры», другие же вообще уехали за границу. Я люблю архитектуру и поэтому по мере сил и возможностей творил, насколько было возможно в тех условиях. Когда создалась невыносимая ситуация, я ушел, оставив архитектурные проекты незавершенными. Решение это далось мне нелегко. Но в настоящее время, к счастью, изменилась ситуация в стране и появилось много возможностей для творческого чело-

века реализовывать свой потенциал. Я формирую творческую мастерскую при московской организации Союза архитекторов СССР, где надеюсь заниматься и архитектурой, и живописью, и искусством.

Вы говорите: вдруг стал художником. Когда-то, в эпоху Возрождения, архитектор был универсален. Не только писал картины, но и строил города, военные укрепления, был гениальным инженером, музыкантом. Это в наше время произошло четкое разграничение. А насчет везения в архитектуре говорить как-то неуместно. Все мы ходим по улицам и видим, что там «понастроено». Непросто быть архитектором, когда твои лучшие проекты остаются только на бумаге.

— Каким образом ваша профессия архитектора отражается в создании картин?

— В отличие от многих архитекторов, занимающихся живописью,

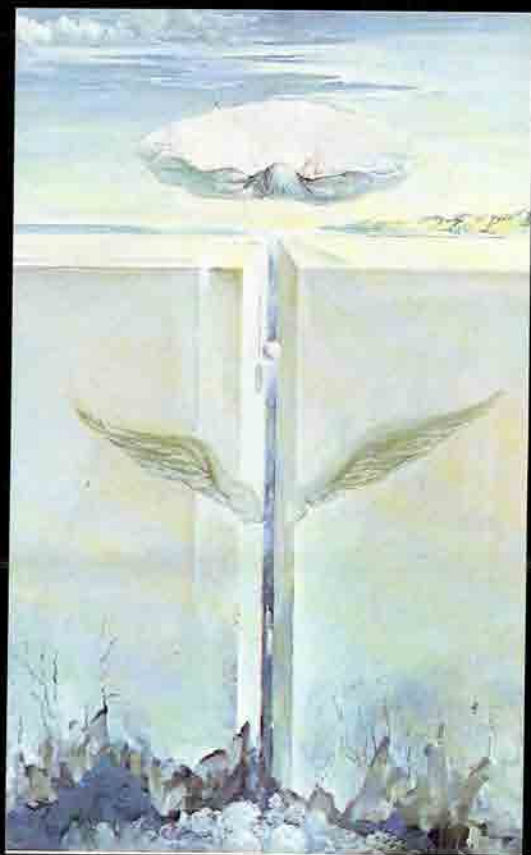
Аллегория юности. Часть триптиха «Дорога цивилизации», 1990.

Пейзаж для созерцания. 1986.

Лестница надежды. 1986.

Меланхолия. 1982.

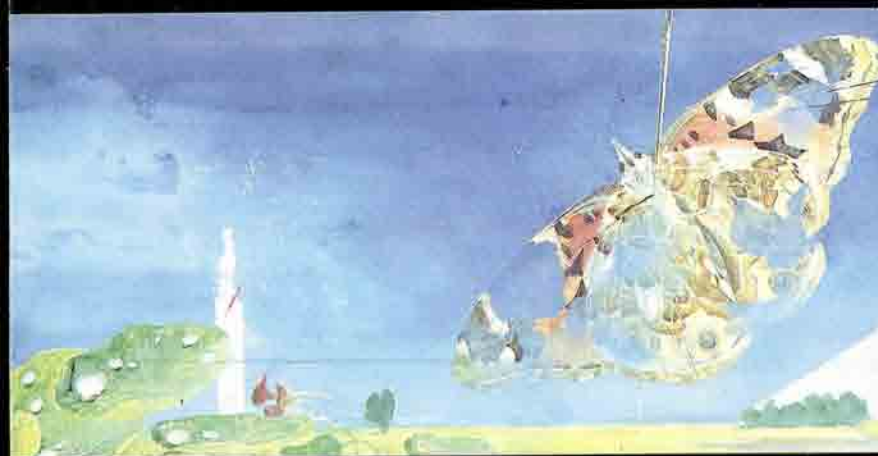

Облом прошлого. 1985

Пейзаж с купальщицами. 1985.

Этика эстетики. 1985

я архитектор-художник, что качественно отличается как от творчества архитектора, так и творчества художника, но органично вбирает в себя главные элементы обоих видов деятельности.

Взять, к примеру, композицию «Пейзаж для созерцания». Для меня, архитектора-художника, творчество было бы полноценнее, если бы была возможность творить свою композицию непосредственно на практическом материале: беря в основу космический масштаб и понимание человеческой души. Представьте, что вы не созерцаете пейзаж на картине, а живете в ней, видите и ощущаете ее. Это как бы картина, созданная в натуре. Вот вам полноценный пример творчества архитектора-художника будущего. Здесь иллюстрируется мой подход к созданию картин. Они рождаются как бы изнутри, по принципу сотворения мира. Я особенно люблю импровизировать, опираясь на свое эмоциональное состояние. Импровизация представляется процессом, позволяющим учесть случайности, которые приводят к неожиданным результатам и удивляют порой самого автора. Таким образом, архитектура и художественное творчество в конечном счете «выливаются» в ту или иную композицию. Но четкой закономерности здесь нет. Бывает и так, что работа над архитектурной идеей перерастает в творческий акт создания картин, как было, скажем, с композицией «На пути к Аркадии». Во время работы над конкурсным проектом музея Арктики в Финляндии появилась идея создания картины, где холод, просторы Арктики вызвали бы ассоциацию бесконечности космоса и конечности земной цивилизации. Я могу привести много примеров создания картин, где движущим мотивом были и другие художественные крите-

рии. Так, диптих «Облом прошлого» возник на основе моих пристрастий к романтическому течению в искусстве XVIII века. Здесь взят как некий архитектурный облом куб воздуха, света, скал, моря той эпохи и помещен в безжизненное космическое пространство. Такое сопоставление позволяет по-новому взглянуть на привычные символы нашей обитаемой Земли. Вторая часть диптиха — «Постулаты времени» — опирается на архетипы подсознания человека, говорящие о бренности нашей цивилизации. Атрибуты времени — это как бы айсберг, верхняя часть которого, трансформированная временем, проступает в картине «Облом прошлого».

— *Видимо, в каждом архитекторе живет живописец...*

— Необязательно. Некоторые зарубежные коллеги-архитекторы, приезжая к нам, приятно удивляются тому, что в Московском архитектурном институте существует кафедра живописи. «Зачем архитектору быть еще и художником? Ведь есть компьютеры, на дисплее можно выстроить любую комбинацию». Вообще, хороший архитектор всегда и большой «эстет». Мировоззрение его органично включает высокие художественные качества, которые позволяют говорить о независимой творческой личности. Для творчества необычайно важна свобода. Чтобы не было диктата администратора, не давили сроки сдачи, всевозможные планы, графики... Все то, что убивает мысль, притупляет фантазию. Художник должен быть свободным. И, конечно же, должна быть полная творческая реализация его потенциала. Поэтому многие архитекторы, просидев в конторах не одно десятилетие, видят последнюю возможность творческого выражения в живописи.

— Вы преподаете в архитектурном институте. Стало быть, своим студентам, кроме профессиональных знаний, вы прививаете и любовь к архитектуре, доставившей вам столько хлопот...

— Я все время раздваиваюсь. Во мне как бы два человека: архитектор с холодной логикой, необычной точностью, строгостью линий и конструкций, и художник с неумной, как мне часто говорят, фантазией. Устраиваясь на преподавательскую работу, я представил в институт на конкурс все свои работы. Кроме живописи, конечно, были и проекты. Увидев их, мне предложили кафедру проектирования, но я выбрал кафедру живописи, где преподаю дисциплину, связанную с формированием архитектора-художника.

Современная архитектура — коллективное творчество. Это когда-то архитектор мог сказать: этот дом, завод, дворец создал я. На соседней с моим домом улице стоит величественный храм Мартина Исповедника, построенный в конце XVIII века. Сейчас там какие-то мастерские, склады и еще невесть что. И, несмотря на «поруганную красоту», он поразителен! Я говорю знакомым, впервые увидевшим его: это работа Родиона Казакова. Этого достаточно. Ни о себе, ни о своих коллегах, к сожалению, я такого сказать не могу. И не потому, что «перевелись» на Руси мастера, способные создавать такую красоту. Конечно, нет. Время изменилось. Вот поэтому я преподаю на кафедре живописи и стараюсь воспитывать творческую индивидуальность в своих студентах.

— Ваши полотна необычны. Невозможно точно определить, к какому направлению они относятся. Сюрреализм? Метафизическое направление? Ирреализм?

— Что за вечная привычка все расчленять, раскладывать и препарировать! Зачем? Я не могу да и не хочу давать четкое название той манере, в которой работаю. Когда я пишу картину, выплескиваю то, что во мне живет в данный момент. Мое сиюминутное состояние, мои мысли. Даже, если хотите, мое самочувствие... Кстати, я никогда не делаю копий своих картин.

— А в этом есть необходимость?

— Конечно. Я стараюсь не продавать свои работы, а после каждой выставки предложения о продаже поступают. Получив отказ, предлагают сделать копию. А я не могу. Не получается. Ведь то настроение, то состояние, которое присутствовало при написании, ушло. И получается совсем другая картина.

— А почему не продаете?

— Некоторые мои работы хранятся в частных коллекциях в Америке, Европе... Но мне обидно, как у нас в настоящее время приобретают картины. Работы художников используются как товар, на котором выгодно спекулировать. Но главное — хочется, чтобы лучшие работы оставались в России.

Записала СВЕТЛАНА ТОНИНА.

ВСЕСОЮЗНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СЛУЖБА

«Алые паруса»

ПРЕДЛАГАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ УСЛУГИ:

ПОДБИРАЕТ оптимальные варианты для знакомства с целью создания семьи. При этом проверяется психологическая совместимость партнеров. Если вы еще не нашли надежного спутника жизни и вам очень одиноко, не теряйте времени, обращайтесь в «Алые паруса» — ваши шансы на успех возрастут во много раз, поскольку вы получите уникальную возможность доступа в крупнейший в Союзе банк данных лиц, желающих создать семью.

ЗАНОСИТ в банк данных информацию о лицах, желающих выехать на временную или сезонную работу за рубеж. «Алые паруса» готовы помочь тем, кто желает предложить свои профессиональные знания, опыт и квалификацию международному рынку рабочей силы. Вы сможете получить предложения от заинтересованных фирм и организаций из многих стран мира.

ФОРМИРУЕТ картотеку девушек, желающих испытать себя в качестве фотомоделей.

СОСТАВЛЯЕТ древнеиндийские гороскопы на различные периоды жизни. Современная астрология, используя информацию о расположении небесных светил и их взаимном влиянии, поможет вам по-новому оценить события вашей жизни, сориентироваться в настоящем, узнать многое о себе и окружающих вас людях, сделать прогнозы на будущее.

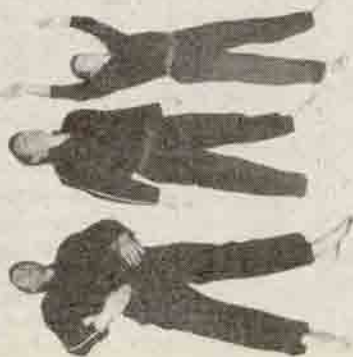
ПРОИЗВОДИТ расчет интеллектуальных, физических и эмоциональных биоритмов на год.

ВЫПОЛНЯЕТ расчет дней, наиболее благоприятных для зачатия, и дней физиологической стерильности. Расчет производится по модернизированной методике Огино — Кнауза; периоды плодovitости и бесплодия определяются на основании анализа индивидуальных данных о менструальном цикле.

Письма с запросами отправляйте по адресу: 125190, А-190, Москва, а/я 68. По каждому направлению следует посылать отдельное письмо с запросом. В письмо не забудьте вложить пустой конверт со своим адресом. В нем будут высланы условия обслуживания и анкеты для заполнения. На конверте сделайте соответствующие пометки: «ЗНАКОМСТВО», «РАБОТА», «КАРТOTEKA», «ГОРОСКОП», «БИОРИТМ», «ЦИКЛ».

Искусство расслабления

ВИКТОР
ВОСТОКОВ

После публикации в 7-м номере «Смены» за 1990 год интервью с тибетским ламой Виктором Востоковым в редакции зазвонили сразу все телефоны, на отдел дисем обрушились тысячи посланий.

Мы понимаем чувства людей, которые в последней надежде обращаются в редакцию, но, к сожалению, В. Востоков не в состоянии лично принять всех желающих. Он считает, что «в каждой семье должен быть свой врач» и каждый человек может овладеть основами народной медицины, простыми и безвредными системами саморегуляции. *Медитация, дыхательные упражнения, психогигиена и правильное питание* — необходимые условия, соблюдение которых поможет вам сохранить активность и здоровье на долгие годы.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию статью Виктора Востокова о правилах сна, расслаблении и основах медитации.

«Расслабление есть жизнь, напряжение — смерть».

Тибетские законы космоса.

ВВЕДЕНИЕ

Напряжение — основа многих болезней. Оно медленно, но неотвратно убивает человека. Быстрый ритм, высокая интенсивность современной жизни и неумение управлять собой приводят к тому, что человек постоянно находится в напряжении. Напряжение — главный недостаток в культуре современного человека. Поэтому расслабление — главное условие его исцеления.

В тибетских монастырях учеников обучают расслаблению (ментальной релаксации), и прежде всего — искусству падать. Нужно уметь падать так, чтобы вставать красиво и без переломов. Почему маленький ребенок падает очень часто, но в большинстве случаев обходится без переломов? Взрос-

тые не могут так планировать. Почему дети падают больно, а встают почти всегда здоровыми? Потому что они расслаблены.

Совет для всех: будьте расслаблены, как дети!

Наблюдая за европейцами, я вижу, что они полностью утратили способность расслабляться. Даже якобы «здоровому» человеку, прежде чем он встанет на путь физического и духовного совершенства, то есть управления мыслью, необходимо тренироваться в выработке состояния внутреннего покоя. Согласно восточной философии, для выработки состояния внутреннего покоя необходимо достичь равновесия инь-ян, гармонии космос — природа — человек. Но мы постараемся не углубляться в мир восточных понятий, незнакомых большинству читателей. Скажем просто: должное спокойствие и отдых — первые условия, необходимые для того, чтобы восстановить здоровье. Этот первый барьер — самый важный, для его преодоления нужна тренировка.

В повседневной жизни человек обычно сталкивается с умственным и физическим напряжением. Естественным расслаблением является сон. Еще в древности мудрецы Индии заметили, что находящиеся в работе и под напряжением мускулы образуют продукты распада, что в конечном счете вызывает чувство утомления. А расслабленная мышца позволяет крови нейтрализовать токсины. Это наблюдение навело ученых древней Индии на мысль путем специальных упражнений произвольно добиваться мышечного и психического расслабления. И йоги в этом преуспели.

Что такое расслабление?

Это такое состояние сознания, при котором ваша энергия никуда не движется — ни в будущее, ни

в прошлое, она просто присутствует в вас. Вы погружаетесь в безмолвную теплоту вашей собственной энергии. Этот момент — все! Нет других моментов, время останавливается — это и есть релаксация. Если оно движется, релаксации нет. В этом моменте заключено все. Вам больше ничего не нужно, вы просто наслаждаетесь. Можно наслаждаться обычными вещами, потому что они прекрасны. Мысленно бродить по лужайке, когда роса еще не высохла. И пребывать там всем своим существом. Прохлада росы освежает босые ноги, утренний ветерок целебным ароматом наполняет легкие, восходящее солнце согревает космической энергией. Что вам нужно еще для счастья?

Ночью, когда вы лежите в прохладной и чистой постели, ощущая плотность и свежесть ткани, вы чувствуете, как постель становится все теплее и теплее. Вы скрываетесь в темноте и безмолвии ночи и с закрытыми глазами ощущаете самого себя.

Что вам еще нужно? И этого уже слишком много — в вас возникает глубокое чувство благодарности. Это и есть та самая релаксация — расслабление ума и тела. В состоянии релаксации того, что есть в данный момент, более чем достаточно. Вам ничего не надо, у вас всего больше, чем вы могли бы пожелать. Вы остановили бег времени, все часы остановились в безмолвии.

Запомните это состояние сознания. В процессе жизнедеятельности происходит постоянная трансформация сознания. Всего у человека 33 состояния сознания. Современный человек деградировал: большинство из нас живет и работает на 2—3-м уровне сознания. Это в основном животные уровни. Вражда, животные страсти, нена-

висть, зависть. «Если сосед Вася живет хорошо, давайте сделаем ему плохо». Таков зачастую современный уровень мышления.

Вот почему Будда повторял: «Станьте бесстрастными». Он знал, что, если есть страсти (желания), расслабиться просто невозможно. Он говорил: «Похороните прошлое, потому что, если вас слишком заботит прошлое, вы не сможете расслабиться».

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ В НАСТОЯЩЕМ!

Современный человек постоянно в деле, постоянно напряжен и находится в болезненном состоянии; по выражению советского ученого Брехмана, «в 3-м состоянии ни здоровья и ни болезни». Расслаблены только дети. Ребенок упал больно — встал здоровым. А взрослый падает, как говорит артист Никулин в «Бриллиантовой руке»: «Упал — очнулся —

гипс». Так происходит потому, что дети расслаблены, а взрослые напряжены, чем сокращают себе жизнь. Ребенок танцует, прыгает и бежит, а вы его спрашиваете: «Куда ты бежишь?». Но он никуда не бежит, ваш вопрос кажется ему глупым. Дети всегда считают взрослых глупыми. Ребенок просто наслаждается энергией, которой он переполнен. Он бежит не потому, что ему нужно куда-нибудь добраться, а потому, что не может не бежать. Один из законов космоса, которые соблюдают монахи буддийских монастырей, гласит: «Находи учителя даже в плохом человеке». А у своего ребенка и давно вы можете научиться очень многому.

Некоторые люди находятся в состоянии такого высокого напряжения, что оно приводит к внешним проявлениям, например, к дрожанию мышц (нервно-му тикю). Когда вы действительно

расслабитесь, это дрожание прекратится. Вы расслаблены, молчите, внутри вас не происходит никакой деятельности. Уста сомкнуты, вы не думаете ни о чем. Создайте ощущение «пустой головы».

Что делать, чтобы опустошить ум? Мысли приходят, вы наблюдаете. Но наблюдение должно быть не активным, а пассивным!

Например, вы ждете девушку или своего возлюбленного. Это активное наблюдение. Когда кто-нибудь проходит мимо двери, вы бежите посмотреть, не пришла ли она. Скрипнула дверь, а вам кажется, что пришла «ваша любовь». Вы часто вздрагиваете, ваш ум активен и жаждет. Будьте пассивны, как если бы вы сидели у реки и смотрели, как она течет. Ничего не происходит. Вы просто сидите на берегу реки и смотрите, а река течет...

ИСКУССТВО СНА

«Освободи мускул, сила — в покое».
Хатха-йога

Хорошо спит тот, кто хорошо расслабляется.

Нельзя недооценивать роль сна в жизни человека. Во время сна происходит своеобразный текущий ремонт наших биоструктур: усиленная нейтрализация и выделение токсических веществ, а также нормализация таких важных процессов, как обмен веществ и энергетический обмен. Кроме того, во время сна (в норме) происходит зарядка организма физиологически нормальной энергией, о чем свидетельствует тот факт, что при естественном пробуждении наблюдается преобладание энергии инь в организме. (Ян — бодрствование, инь — сон.)

Известно, что принцип психосо-

матического взаимодействия осуществляется в организме не только во время бодрствования, но и во время сна. Поэтому для максимальной эффективности сна засыпание должно происходить на фоне смелой настройки сознания, чувства спокойствия, оптимизма и уверенности в себе.

Для того чтобы сон был максимально эффективным, необходимо соблюдать следующие условия.

1. Ложиться спать нужно обязательно на пустой желудок, и потому ужинать следует примерно за 3 часа до сна. В крайнем случае, во избежание неприятных (сосущих) ощущений в желудке, можно принять немного легкой пищи, не содержащей злаков и концентрированных белков. Например, расщепленное молоко с фруктовыми соками и медом или шоколад с яблоками.

Во время сна дыхание автоматически становится диафрагмальным, и если желудок наполнен пищей, то желудок и находящаяся непосредственно под ним диафрагма будут взаимно мешать друг другу. Диафрагма будет мешать желудку выполнять его пищеварительную функцию, а желудок будет мешать диафрагме выполнять ее дыхательную роль. Это приведет к патологическому пищеварению, способствующему сдвигу кислотно-щелочного равновесия в сторону ацидоза (избытка кислоты) и недостаточной эффективности дыхания.

Поэтому ужин должен быть легким. Лучше всего употреблять кисломолочные продукты, белки и фрукты.

Итак: нельзя наедаться на ночь!

2. Ложиться спать с бледной конъюнктивой (слизистая оболочка век и глазное яблоко) означает обречь себя на полную бессонни-

цу или на малоэффективный патологический сон. Для обеспечения длительного, глубокого и оздоровительного сна необходимо отрегулировать состояние крови по цвету конъюнктивы и состоянию ноздрей следующим образом:

— убедившись в том, что пища уже перешла из желудка в двенадцатиперстную кишку, о чем свидетельствует легкое чувство голода, принять оздоровительные средства, содержащие щелочи (отвар трав, тмин, кожуру цитрусовых, карамель «холодок», ментоловые пастилки или углекислый кальций);

— приготовить и принять содовую ванночку: 1 ч. л. соды на 2 литра кипяченой воды; продолжительность — 15 мин.;

— при бессоннице растереть стопы и голени пихтовым маслом, надеть чистые хлопчатобумажные носки;

— нюхать перед сном настойку из валерианового корня;

— провести психотерапевтическое дыхание одной левой ноздрей с применением лавандового масла или без него. Правая ноздря при этом закрывается пальцем, дыхание продолжается до тех пор, пока правая ноздря не станет дышать намного легче, чем левая. Отметим, что виватон, лавандовое масло являются чрезвычайно эффективными снотворными.

3. Для того чтобы изолировать мозг от патологического шума ультра- и инфразвуков, следует закапать в уши витаон и заложить их ватой.

4. Постель должна быть не слишком мягкой, так как в этом случае трудно расслабить мышцы, и не слишком жесткой, так как при этом имеет место сильное давление на мышечную и костную ткани, что приводит к их ацидозу. Укрываться желательно шерстя-

ным одеялом. Под голову класть только одну подушку, но достаточно мягкую, чтобы постель не давила на голову и уши. Нельзя подкладывать подушку под плечи. Недопустимо, чтобы голова свисала с подушки. Не следует подкладывать под голову руку во избежание ухудшения кровообращения и отеков.

5. Для более быстрого засыпания и хорошей эффективности сна необходимо ощутить расслабление мышц. Расслабленная мышца отличается следующими свойствами: теплая, наполненная кровью, тяжелая, отключена от мозга и не слушается его приказов.

Когда мышца находится в состоянии расслабления, для ее жизнедеятельности достаточно небольшого количества энергии. При релаксации значительно уменьшается вероятность перехода мышечных клеток на гликолиз (распад углеводов без участия кислорода) с образованием молочной кислоты и сдвигом кислотно-щелочного равновесия в сторону ацидоза, что приводит к удлинению сна. Кроме того, при релаксации мышц уменьшается функциональная нагрузка на сердце и на центры мозга, связанные с мышцами.

Если сразу не удастся произвести одновременное расслабление мышц всего тела, то надо это делать постепенно, по частям: начать с ног, затем расслабить мышцы рук, потом мышцы брюшного пресса, спины и, что особенно важно, шеи, так как при напряжении мышц шеи активно работает головной мозг, и при этом заснуть труднее.

6. Чтобы не вызвать возбуждения соответствующих нервных центров при световых помехах, ложась спать, следует положить на глаза легкую темную повязку. В качестве такой повязки может

быть использован обычный хлопчатобумажный носок.

7. Во время сна тело должно находиться в горизонтальном положении. При некомпенсированном ацидозе ни в коем случае нельзя спать на левом боку, и не столько из-за того, что будет зажато сердце, сколько потому, что дыхание правой ноздрей (а по учению йогов, правая ноздря связана с Солнцем и дыхание ею приводит к увеличению тепла в организме; левая же ноздря связана с Луной, и дыхание ею приводит к увеличению холода) приведет к перегреву мозга, к ацидозу и, следовательно, к бессоннице. Это вызвано тем, что правое легкое функционально связано с правой ноздрей, а левое легкое — с левой. При лежании на левом боку левое легкое будет зажато и поэтому не сможет полноценно функционировать, основная часть дыхательной нагрузки придется на правое легкое и связанную с ним правую ноздрю, дыхание которой приводит к перегреву мозга и всего организма.

При нормальном состоянии организма лучше всего спать на спине, так как при этом температура подкорковых структур мозга, а значит, и всего тела будет регулироваться при дыхании самим организмом.

Категорически не рекомендуется спать на животе, так как при этом сильно затрудняется дыхание вследствие увеличения нагрузки на диафрагму.

При ощущении, что еда переварилась не полностью, следует засыпать на правом боку, так как только в этом случае пища легко будет поступать из желудка в двенадцатиперстную кишку.

Когда жарко, засыпать следует на правом боку, когда холодно — на левом, если нет отмеченных выше противопоказаний.

В сильную жару можно закрыть правую ноздрю ватой и спать на правом боку. Соответственно в сильный холод для согревания следует закрыть ватой левую ноздрю и спать на левом боку.

8. Оптимальная продолжительность сна, безусловно, сугубо индивидуальна и зависит от состояния организма в момент засыпания, а также от комплекса внешних условий. Ориентировочно для климата средней полосы ее можно принять равной семи с половиной часам для летнего периода и восьми часам для остальных времен года.

9. Если для сна остается мало времени, то для повышения его эффективности следует закрыть левую ноздрю ватой, надеть шерстяные носки и тепло укрыться. Это приведет к увеличению тепла в организме и как следствие к повышению эффективности сна. Холод, наоборот, понижает эффективность сна, и для того, чтобы выспаться в холоде, требуется больше времени.

10. Известен мудрый афоризм: «Спокойная совесть — это лучшее снотворное». Чтобы ускорить самосовершенствование, человек обязательно должен перед сном проанализировать все свои мысли, слова и действия, имевшие место в течение прожитого дня, который следует рассматривать как учебно-трудовой.

Жизнь — это великая школа мудрости, и разум проявляется только в труде, как в физическом, так и умственном. Не случайно все долгожители отличаются большим трудолюбием. Также закономерным является и то, что трудолюбие — это важнейшая предпосылка для проявления творческих способностей.

Возможно, вначале потребуется некоторое напряжение для того, чтобы вспомнить весь свой учеб-

но-трудовой день и провести анализ. Но постепенно, в результате тренировки, это можно будет сделать намного легче и быстрее.

Самоанализ можно проводить в любом положении, но лучше всего — лежа на спине с вытянутыми ногами и руками, обращенными ладонями вверх так, чтобы мышцы всего тела были расслаблены. В таком положении для жизнедеятельности мышц требуется минимальное количество энергии, а значит, большее ее количество поступает для работы мозга. При сильной усталости ног лучше принять позу лежа на спине с согнутыми и прижатыми к груди ногами. Такая поза способствует оттоку вен ног, облегчает кровообращение и работу сердца.

11. Непосредственно перед засыпанием следует привести психику в пассивное состояние, для чего нужно устремить взгляд (при закрытых глазах) в сторону ног.

Одновременно с этим следует отрешиться от окружающей обстановки и житейских забот, уходить мысленно в направлении взгляда все дальше и дальше, как бы улетая с Земли и постепенно растворяясь в космосе.

Если в голову лезут назойливые мысли, ни в коем случае не фиксировать на них внимание, а усилием воли переключиться на мысленное удаление от Земли.

Для проверки эффективности сна можно пользоваться следующими показателями:

— цвет склеры и конъюнктивы при соблюдении всех условий нормального сна утром должен быть более бледным, чем перед сном;

— утром должно быть бодрое самочувствие, ощущение полученного отдыха;

— также хорошим признаком является наличие сновидений, за исключением кошмарных, возни-

кающих на основе физиологической патологии.

МЕДИТАЦИЯ СО СВЕЧЕЙ

Садитесь в позу «дза дзен» (поза ученика). Взгляд устремлен на пламя свечи. Смотреть нужно следующим образом: вы смотрите на свечу, чуть прищурив глаза (через прищуренные веки). Смотрите 3—5 минут. Затем закрываете глаза, пламя свечи проецируется на сетчатку глаза. То есть вы периодически открываете и закрываете глаза. Мыслей в голове нет. Вы успокаиваетесь, успокаиваетесь, все тело расслабленное. «Мир, добро, покой во всем теле».

«Мир, добро покой вокруг вас».

«Мир, добро, покой во всем мире».

Время медитации 15 минут.

РАССЛАБЛЕНИЕ В ШАВАСАНА

*«Будьте расслаблены,
как вода».*

«Алмазные четки».

В 30-х годах XX века немецкий гипнолог Иоган Шульц обратил серьезное внимание на рекомендацию первых йогов. И на основе теории расслабления йогов создал самостоятельное учение, так называемую аутогенную тренировку, которая получила в 60—70-х годах дальнейшее развитие во всех странах мира. Появилось множество модификаций.

В Советском Союзе защищено около десяти докторских диссертаций, связанных с аутогенной тренировкой. («Аутогенная» в переводе с латинского — «саморождающаяся».)

Тем не менее при глубоком изучении теории и практических систем древних йогов нельзя не прийти к выводу, что, если исключить некоторые недостатки, рас-

слабление в мертвой позе — Шавасана — дает лучшие результаты, чем система Шульца.

Шавасана — йогическая поза расслабления — состоит из пяти фаз. К разучиванию каждой следующей фазы приступают после достижения совершенства в предыдущей. Упражнение должно выполняться, особенно в период разучивания, в условиях максимально полной изоляции от источников слуховых, световых и других раздражителей. Наиболее удобным временем суток является раннее утро. Для быстрой выработки рефлекса в период изучения желательно выполнять упражнение два раза в день — утром и вечером, не более 15 минут. А когда оно будет освоено, выполняется не более 8—19 минут.

Итак, **1-я фаза**, подготовительная.

Лягте на пол, предварительно постелив свернутое вдвое шерстяное или байковое одеяло. Руки лежат вдоль туловища ладонями вверх, пальцы полусогнуты, носки ног разведены, голова повернута чуть-чуть в сторону (так как лежать прямо без напряжения мышц шеи она просто не может). Рот слегка приоткрыт, язык прижат к верхнему ряду зубов, как при произнесении буквы «т». Глаза закрыты.

Полусогнутое положение пальцев рук позволяет быстро расслабить мышцы рук, положение стоп с развернутыми носками облегчает расслабление мышц ног. Повернутая чуть в сторону голова помогает расслабить мышцы шеи и плеч. Слегка приоткрытый рот и описанное положение языка создают маску релаксации. Закрытые глаза помогают лучше сосредоточиться.

Приняв правильную позу расслабления, успокойтесь и попытайтесь ни о чем не думать.

Нормализуйте дыхание — сде-

айте его ровным, спокойным, неглубоким, ритмичным.

Выполнение этих рекомендаций и есть подготовительная стадия, которая не требует специальной подготовки и обычно занимает не более 2—3 минут. После этого сразу же приступайте ко 2-й фазе.

2-я фаза.

Цель этой фазы — достижение максимального мышечного расслабления. Объективно оценить степень расслабления трудно. Тем не менее имеются приемы, помогающие реально ощутить достигнутое расслабление. Для этого можно использовать древний прием, который широко применяется и в настоящее время

76
Делается это так. Залейте ванну до половины (температура воды должна быть не менее 37°) и полностью в нее погрузитесь. Затем выньте пробку. Когда вода почти полностью вытечет, в вашем теле появится ощущение сильной тяжести. Запомните это ощущение. Именно его вы должны получить во время отработки второй фазы. Этот прием можно повторить несколько раз.

Итак, вы переходите ко второй фазе упражнения. Находясь в исходном положении, для начала необходимо сосредоточиться на определенных точках тела. Сначала на кончиках пальцев ног, затем мысль скользит вверх, сосредоточиваясь на икрах, бедрах, половых органах, пупке, подбородке, губах, кончике носа, точке между бровями, середине лба, и, наконец, мысль погружается внутрь мозга. Затем все повторяется в обратном направлении.

Важно то, что это сосредоточение на отдельных точках должно быть синхронно дыхательным экскурсиям (движениям). На выдохе мысль движется снизу вверх, на вдохе — сверху вниз. Это желательно, но чаще всего

добиться синхронизации дыхания с движением мысли сразу не удается, так как длительность вдоха обычно бывает короче времени мысленного «пробега» по всем точкам. На первых тренировках не обращайтесь на это внимания, в последующем вы этому научитесь.

Движение мысли вы должны сопровождать следующими словесными формулами расслабления:

1. Мои руки, ноги и все тело расслабляются. (Повторить 7—9 раз.)

2. Мои ноги, руки и все тело тяжелеют. (7—9 раз.)

3. Мои ноги, руки и все тело становятся совсем-совсем тяжелыми и теплыми. (11 раз.)

4. Я совершенно спокоен (спокойна). (1 раз.)

При этом надо отметить, что тяжесть и тепло в области лба и висков создавать не следует. Эта область должна расслабляться, но при этом оставаться холодной.

Эффект расслабления ног, рук при многократном повторении формул достигается довольно быстро. Мышцы туловища и живота расслабляются самопроизвольно во время дыхательной паузы и во время удлинненного вдоха. Особое внимание необходимо обратить на расслабление мышц шеи и головы, в том числе глаз, губ, языка.

Во время попыток синхронизации движения мысли и дыхания должно быть достигнуто ощущение, что вдоль тела как бы прокатывается волна в направлении, совпадающем с направлением движения мысли.

Несмотря на ваши успехи в расслаблении и попытку полного расслабления, практически полного расслабления мышц вам, вероятно, достичь не удастся. Тем не менее должно достигаться такое чувство тяжести, при котором ваше тело как будто расплющива-

ет себя своей тяжестью на полу. Это ощущение является характерным состоянием 2-й фазы. Полное же расслабление происходит самопроизвольно в последующих фазах. На разучивание этой фазы должно затрачиваться не более 15 минут, а когда вы овладеете ею в совершенстве, для достижения расслабления будет достаточно однократного повторения формул, а время выполнения сократится до 60—90 секунд. Остаток времени, естественно, пойдет на освоение других фаз.

Практика показывает, что на освоение 2-й стадии обычно уходит 6—8 недель. Но если вы проявите усердие, то можете сократить этот срок до 4 недель.

3-я фаза.

Несмотря на то что вы достигли совершенства в мышечном расслаблении, ваша нервная система продолжает оставаться в напряжении. Цель третьей фазы — сделать иннервацию мышцы невосприимчивой как к афферентным раздражителям (то есть сигналам, поступающим от вегетативной нервной системы в головной мозг), так и к эфферентным (сигналам, идущим от головного мозга в вегетативную нервную систему), и перекрыть эти сигналы, то есть отключить мышцы от головного мозга.

Йоги нашли удивительно простой прием, позволяющий достичь этой цели. Находясь в стадии расслабления, необходимо сильно сконцентрировать взгляд на кончике носа и удерживать глаза в этом скошенном положении весь период вдоха и короткой задержки дыхания. На выдохе глаза принимают нормальное положение. Это действие нужно повторить 9—13 раз, пока не появится ощущение, что ваше тело как бы падает в пропасть.

Во время скашивания глаз в первые дни разучивания может появиться небольшая головная боль, которая тут же проходит. В этом случае время тренировки этого приема вы можете несколько укоротить. Но нужно стремиться постепенно его увеличивать.

На освоение третьей стадии уходит обычно не более двух недель. Когда вы достигнете совершенства, выполнение этой фазы будет занимать у вас одну минуту или менее.

4-я фаза. Психическая релаксация.

Это наиболее трудная часть упражнения, хотя методически все очень просто. Завершив третью фазу расслабления, мы находимся в состоянии мышечного и психического расслабления, но наш мозг продолжает активно функционировать. Целью четвертой фазы является приведение сознания в состояние самогипноза. Это еще не является окончательной целью упражнения, но является решающим условием его успеха.

В этом состоянии вы можете использовать в терапевтических целях заранее разработанные вами формулы самовнушения.

При помощи самовнушения можно добиться прекрасных терапевтических результатов, искоренить дурные привычки или приобрести недостающие качества. Еще Бехтерев говорил: «Самовнушение в отличие от убеждения входит в поле сознания не с парадного входа, а с заднего крыльца, минуя сторожа — критику, поэтому всякое самовнушение, будь оно положительным или отрицательным, всесильно».

При составлении формул необходимо соблюсти ряд правил. Они должны быть утвердительными, не должны содержать отрицания

«не». Так как сила слов «боюсь» или «раздражаюсь» в формулах «я не боюсь» или «я не раздражаюсь» может превозмочь краткую частицу «не», формулы окажут действие, противоположное желаемому. Поэтому вместо формулы «я не сержусь» нужно использовать формулу «я улыбаюсь», а вместо «я не курю» — «я бросаю курить».

Если слишком жесткое утвердительное звучание формулы вызывает внутренний протест, пусть они будут несколько более мягкими. Например, «сегодня я начинаю бросать курить». Составленные формулы можно согласовать с лечащим врачом.

Итак, приступаем к четвертой фазе. Вы находитесь в состоянии мышечного и нервного расслабления. Вы должны мысленно ярко и образно представить голубое небо. Обычно сразу это не удается. Поэтому можете использовать простой прием. Представьте белую березу с зеленой кроной. Ваш взгляд мысленно скользит по стволу снизу вверх, доходит до зеленой кроны, фоном которой будет небо. Стоит только отвести взгляд чуть в сторону от кроны, и вы увидите голубое небо.

Теперь ваша трудная задача состоит в том, чтобы представление яркого голубого неба непрерывно удерживать как можно дольше перед глазами. Вначале такое удержание будет составлять 2—3 секунды. Вы должны упорно, день за днем, буквально по секундам увеличивать это время. В эти мгновения мозг напряженно сосредоточивается, происходит отключение практически всех органов чувств, окончательное мышечное и нервное дорасслабление.

Характерным является отсутствие ощущения физического тела, состояния невесомости. Тело как бы парит в воздухе. Ды-

хание почти приостанавливается, сильно падает пульс. Внешне человек напоминает труп. Шавасана в прямом переводе так и называется — поза трупа. Отключаются все отделы коры головного мозга, работают только сторожевые пункты. Наше сознание в этом состоянии подобно сторожевому пункту, который создает гипнотизер в сознании гипнотизируемого и через который управляет его психической деятельностью.

Однако следует сказать, что это состояние качественно выше состояния полного гипноза. И формулы самовнушения действуют гораздо лучше формул внушения гипнотизера. Сложность заключается лишь в том, что, последовательно пройдя все стадии расслабления, нужно упорно достигать высшей сосредоточенности.

Голубой цвет йогами выбран не случайно. Современные психологи установили, что голубой цвет расслабляет психику, а красный — раздражает. Известны исторические примеры так называемых «голубых периодов» в творчестве выдающихся художников. Так, после нервных и психических потрясений у Пикассо наступил «голубой период», когда почти все его картины имели голубую рамку, хотя художник этого даже не замечал.

Освоение этой стадии трудно регламентировать временем, оно занимает примерно 10—16 недель. 4-я стадия Шавасаны, как указывалось выше, является основной, к ней нужно стремиться, но лишь после достижения совершенства в предыдущих.

5-я стадия.

Достигнув 4-й стадии — высшей формы расслабления и высшей степени сосредоточенности — и находясь в этом необычном рас-

слабленном состоянии, через какой-то период времени вы совершенно неуправляемо начнете переходить в 5-ю стадию.

Это явление — следствие сосредоточения на представлении голубого неба, причем это сосредоточение должно быть длительным, не менее трех минут. Вдруг в мозгу неожиданно сверкнет, как тысяча солнц, яркое-яркое голубое небо, при этом, как ни странно, мозг точно фиксирует место, где произошло это явление, в каком отделе. Сразу же после этого вы уже искусственно, при незначительном сосредоточении, вызовете это явление вторично, а в дальнейшем вы сможете вызывать его по собственному усмотрению и желанию.

В эти мгновения вы будете испытывать чувство отрешенности, полного отсутствия физического тела. Мира как бы не существует, есть только сознание и бытие. Тем не менее мозг находится под контролем сознания.

Во время выполнения этой фазы все отделы коры головного мозга заторможены, и упражняющийся может заглянуть глубже в подсознание. С точки зрения физиологии не существует другого пути, чтобы проникнуть в подсознание и управлять им. В обычном состоянии человек воспринимает работу подсознания как «интуицию» и не может им управлять. Состояние сознания в пятой фазе Шавасаны можно назвать сверхсознанием с вытекающими отсюда возможностями.

Согласно учению Патанджали это состояние является 7-й ступенью йоги — Дхиана (созерцание, или медитация). Эта ступень близка к 8-й, высшей ступени — Самадхи (высшая ступень сознания). Если достаточно долго находиться в пятой фазе Шавасаны, можно перейти в высшую ступень йоги.

Если вы поставите себе целью разучивание последней фазы, то можете достигнуть успеха за 12—18 месяцев. Терапевтические возможности 5-й ступени трудно переоценить. Особенно успешно поддаются излечению заболевания, связанные с нарушениями в головном мозгу. Это трудно, но достижимо.

Независимо от времени выполнения Шавасаны необходимо правильно завершить упражнение — выйти из состояния расслабления, — так как неправильным выходом можно свести на нет весь положительный эффект релаксации. Существует два основных способа выхода из Шавасаны — успокаивающий и мобилизующий. Успокаивающий способ является основным, но иногда, в экстремальных ситуациях, можно применять мобилизующий метод, в результате применения которого человек мгновенно приходит в состояние сверхработоспособности.

1. Успокаивающий метод выхода из Шавасаны.

Если выход выполняется на 3-й или более высоких фазах, то ваши мышцы отключены от головного мозга. Первое, что надо сделать, — восстановить активность связей между мышцами и мозгом, включить органы чувств. Вы должны ощутить каждую часть своего тела, почувствовать поверхность, на которой лежите, представить место, в котором находитесь, вернуть себе чувство времени. Словом, вернуть себе связи со своим телом и с окружающим миром.

После этого вы должны настроиться на возвращение к активной жизни, в которую вы войдете отдохнувшим, спокойным и счастливым, и сладко потянуться. Потягиваясь, следует растягивать все

мышцы и сухожилия, растягивать и скручивать позвоночник, как выжимаемую тряпку. Кстати, потягивание — это вообще очень полезное упражнение, следует выполнять его всегда, когда вам этого хочется. От этой процедуры вы должны получать удовольствие. Попробуйте несколько раз зевнуть, тонизируя дыхательную систему.

Опустите руки в исходное положение, а затем поднимите вертикально вверх, одновременно с подъемом сделав зевок или глубокий вдох. Теперь свободно бросьте руки в исходное положение (вдоль тела). После этого у вас автоматически произойдет выдох, некоторое время после которого вам не будет хотеться дышать. Когда эта естественная дыхательная пауза закончится, вдохните, одновременно подогнув ноги в коленях — сначала левую, потом правую. Повернитесь на правый бок, правый локоть выдвиньте вперед на уровень плеч, левую ладонь опустите на пол рядом с правым локтем. Затем встаньте на четвереньки (коленно-локтевая поза), не отрывая головы от пола. Выполняя это движение, старайтесь не напрягать мышцы брюшного пресса.

В этом положении сделайте несколько свободных вдохов и выдохов, после чего на одном из вдохов сядьте на пятки, расслабленно выпрямитесь, перейдя таким образом в позицию дзадзен (в йоге — Ваджарасана). Откройте глаза и потянитесь. Если выход начался на 4-й или 5-й фазе Шавасаны, то положите руки на бедра ладонями вниз и спокойно посидите в этом положении 30—60 секунд. После чего вставайте и приступайте к своим делам.

2. Мобилизирующий метод выхода из Шавасаны.

Так же, как и в начале успокаивающего метода, восстановите связи головного мозга с телом и окружающим миром.

Удерживая вновь обретенные ощущения своего тела и окружающего мира, представьте две сближающиеся грозовые тучи. Эти большие черные тучи все ближе и ближе, и по мере их сближения растет электрическое напряжение между ними. Вы ощущаете это растущее напряжение всеми органами чувств. Вдруг это напряжение достигает предела. Раздается взрыв! Ослепительная молния! Эта молния — вы! Резко сядьте и тут же встаньте на ноги. В момент, когда вы будете садиться, поднимая корпус, сделайте резкий выдох. Чем более сильного, яркого представления удара молнии вам удастся достичь и чем быстрее вы встанете, тем сильнее будет мобилизирующее воздействие. Но злоупотреблять этим приемом не следует.

Желательно выполнять упражнение 1 раз в день — утром, если сможете — на заре, с восходом солнца. Это время является наилучшим, так как различные магнитные явления не так сильно влияют на мозг, что позволяет лучше концентрировать сознание. Поэтому, прежде чем приступать к упражнению, необходимо скорректировать тело в пространстве. Голова должна «смотреть» на север, ноги — на юг. Если окружающие условия не позволяют занять идеальное положение, в крайнем случае можно лечь так, чтобы голова «смотрела» на восток, а ноги — на запад.

Требование правильной ориентации тела в пространстве связано с необходимостью согласования электромагнитных полей. Напра-

вления движения электромагнитных волн земной коры и человека должны совпадать. Используя этот метод, академик Гельмгольц даже лечил людей.

Во время занятий Шавасаной необходимо следить за тем, чтобы не уснуть, так как сон качественно ниже состояния релаксации.

Йоги утверждают, что нахождение хотя бы в 4-й стадии Шавасаны только 8—10 минут эквивалентно 3 часам сна. Отсюда следует вывод: способов восстановления физического и психического потенциала, равных этой позе, нет. Но, чтобы достигнуть такого эффекта за 8—10 минут, нужно затратить 1—1,5 года на упорные тренировки.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Человек на холме

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

ЗНАКОМСТВО С ХРИСТОМ

После успокаивающего укола я мирно засыпаю. Укол — не смешно ли это выглядит в связи с претензией человека быть Богом? Я учу других, как преодолеть бессонницу и быстро приводить в норму свои нервы без всяких уколов, а сам мучаюсь бессонницей, а нервы мои... Об этом лучше не говорить.

Во сне вижу спящее голубиной небо, раскаленное красное Солнце, пустынную каменистую дорогу. Слева виднеется застывшее Мертвое море, справа — безжизненные, мертвые скалы. По дороге медленно идет человек. Он высок, худ и прям. Его прекрасные русые кудри и борода наполовину белы, хотя он молод. Глубоко запали большие, серые, горящие глаза. В них — отчаяние и обреченность. Кто этот человек? Христос? А таким ли он был? Может быть, это я сам?..

Я совсем недавно обнаружил религиозный смысл своей жизни и деятельности и возымел дерзкую мечту стать Богом. До этого я Библию ни разу не держал в руках, а о религии знал из курса марксистской философии только то, что она есть «опиум для народа» и что наука и вся человеческая практика доказали ее вздорность. Я уже учил и лечил людей, приобрел известность как личность исключительная, потерял работу и с приключениями выкарабкивался из конфликтов с милицией, а все еще не знал о том, что начал свой путь на Голгофу.

84
Мое знакомство с Евангелием произошло так. Я снимал койку у одной набожной старушки, которая пустила меня жить в свою комнатку за десять рублей в месяц только потому, что была поражена моим сходством с каким-то святым. У нее я и начал читать на сон грядущий Евангелие. Начал и не мог остановиться. Старушка сначала сердилась свет жгу. Но, узнав, чем я увлекся, разрешила читать до самого утра. Я прочитал Евангелие одним махом. И вообще весь Новый завет. И был потрясен моим сходством с Христом.

Оставим пока в стороне божественный аспект Христа, т. е. содержания его учения и его исцеления, и рассмотрим аспект чисто человеческий бытовой. Что известно о Христе такое, что можно считать достоверным? Совсем немного. Был зачат до того, как его мать вышла замуж. Я признаю этот факт «непорочного зачатия», ибо сам был зачат не то что до замужества матери, а вообще без ононого. В отличие от Христа моего отца установить не удалось. Отсюда предположение соседок, что я тож «святым духом» был зачат. Правда, соседки говорили это не с подобострастием, а с сарказмом. Среди советских граждан не нашлось никого одного старого осла, который согласился бы принять мою мать в жень. Она так и осталась матерью-одиночкой, а у меня в свидетельстве о рождении в графе «отец» остался прочерк.

У Христа были братья (а может быть, и сестры). Но о них очень мало упоминаний в источниках, как и о матери и о ее муже. Это тоже вполне понятно. У меня тоже есть два брата и сестра, но они не стоят упоминания, как и моя мать. Официального мужа, повторяю, у нее не было, а неофициальных сожителей она сама всех не помнит. В детстве мы с матерью с трудом умещались в одной комнатке. Когда ее посещали представители отнюдь не Святого Духа, нас выгоняли погу

лять. Иногда эти прогулки затягивались допоздна, и нас выручали соседи. Они нас иногда и подкармливали. Как только я поступил в институт, я получил койку в общежитии и покинул дом. С тех пор мои связи с родственниками оборвались. Тем фактом, что меня лишили городской прописки, я обязан прежде всего моим ближайшим родственникам: они боялись, что я женюсь и приведу и в без того тесное жилье свою «шлюху». «Враги человека,— говорил Христос,— суть ближние его». Я его хорошо понимаю.

Затем в биографии Христа следует провал, если не считать бегства в Египет и возвращения. Появляется он на арене истории уже в районе тридцати лет, крестится и начинает проповедовать, учить в синагогах и исцелять болезни. И это понятно: я тоже мало что могу сказать о своей прошлой жизни, я тоже как бы вдруг возник близко к тридцати и сразу начал проповедовать и лечить. О Христе прошел слух по всей стране. И обо мне тоже прошел слух по всему городу и даже в других городах. Обо мне даже писали в статьях и книгах, правда, не называя полного имени («эффект Л.», «феномен Л.»). О Христе же никаких упоминаний в документах своего времени вообще нет.

Хотя никто не знает, как выглядел Христос внешне, все находят, что я поразительно похож на него. Особенно — блеск в глазах. Появился этот блеск, по всей вероятности, от голода и отчаяния. Но люди придали ему иной смысл, и он приобрел этот смысл. Увидев меня, известный в городе психолог, занимавшийся полузапретными модными экспериментами, заподозрил во мне способность поднимать и сдвигать предметы без прикосновения к ним. И такая способность во мне действительно обнаружилась. Но психолог, как говорится, перегнул палку. Ему мало было, что я поднимал и сдвигал бумажки, спички, маленькие иголки,— это умели делать многие другие. Он решил научить меня гнуть и поднимать вилки, ложки, ключи. Покусился даже на водопроводную трубу. Сначала это принесло психологу славу («эффект Л.», открытый таким-то), а кончилось погромной статьей в Н-ской газете («Мошенники с дипломами ученых»).

Когда Христос начал проповедовать свое учение, книжники удивлялись: откуда он знает Писание, ничему не учившись?! Я не верю, что Он ничему не учился. Он учился, как и я. И довольно долго, если только в тридцать лет начал проповедовать нечто свое. Мне тоже было около тридцати, когда я вдруг ощутил в себе способность говорить нечто свое. Он учился так, что его учителям казалось, будто он совсем не учился. Он превзошел учителей, и потому они считали его невеждой. Так же было и у меня. Я учился как-то незаметно, в стороне от отличников, как-то по-своему. Потом я вдруг сразу постиг все. Не могу объяснить, как это произошло. Только я почувствовал, что на любые темы могу высказываться лучше, чем другие, причем говорить так, будто я изучал эту проблему не один десяток лет. Порой я и о проблеме-то узнавал за минуту до того, как начинал импровизировать свое решение ее. Мудрость приходит сразу и во всем. Я начал высказываться где попало — на обсуждениях чужих книг, на заседаниях всякого рода групп и советов, в гостях, в забегаловках, на транспорте, в коридорах учреждений... Слух обо мне как о Христе, распространился с поразительной быстротой. Одновременно я начал лечить. Причем я выступал так, что после моего выступления все прочие ораторы забывались немедленно. И потому

было дано указание не пускать меня в учреждения, где была возможность выступить, или не давать мне слова, если я просочусь. Руководствовались при этом «интересами науки». А на самом деле — обычная зависть. И в Евангелии сказано, что Христа погубили из зависти, а не из каких-то соображений.

ТРЕТИЙ ИСТОЧНИК

Теперь я могу открыть вам третий источник иванианства: это — христианство. Правда, христианство стало третьим источником иванианства лишь после того, как я сформулировал основные идеи и принципы последнего. И если бы я случайно не наткнулся на Евангелие, мое учение могло бы остаться лишь с двумя источниками. Не знаю, было бы оно полнее при этом или нет.

БОГИНЯ

На сей раз я успел первым отскочить в сторону и освободить ей путь, согнулся в изящном поклоне, пробормотав вроде «Ваше Высочество» или «Принцесса». Она милостиво улыбнулась, поблагодарила и исчезла, как чудное видение. Весь день я сходил с ума. Отменил все свои визиты и консультации. Не выпил ни грамма алкоголя.

СРОКИ

Христос открыто и активно действовал всего несколько лет. Может быть, три года. Значит, у меня еще есть несколько лет в запасе. Тоже года три, не больше. Надо успеть за это время изложить людям свое учение, завоевать признание, быть отвергнутым и заслужить казнь. Умирать от геморроя в лагере особого режима не хочу — оскорбительно. Представляете, если бы Христа просто посадили в лагерь особого режима, вроде наших советских, и он там умер бы от дистрофии?! Что было бы? Ничего! И всей западной цивилизации не было бы. В начале истории должна быть Великая Жертва, — должна быть казнь. Странно, геморрой есть болезнь стариков, а меня она мучает с юности. Я ее прогоняю, а она снова заявляется. В чем дело? — А в том, — прогремел Голос Неба, — что ты с рождения был Велик и Мудр. Это — признак твоей исключительности. Это — знак твоей божественности. Не прогоняй болезнь твою, ибо ты должен постоянно страдать, но страдать самым унижительным образом. Ты думаешь, Христос не болел? Ничего подобного. У него были гнилые зубы, катар желудка, поносы и геморрой. Да, геморрой! Геморрой есть болезнь богов, как подагра была дворянской болезнью.

МОЙ МЕТОД ВРАЧЕВАНИЯ

Есть разница в подходе нашем к делу.

Болезни духа ты и те приписываешь телу.

Я же всему иду наперекор.

И, как болезнь души, лечу даже запор.

Христос скитался, питаясь и ночуя где попало. Я тоже скитаюсь, как бездомный бродяга. Городской прописки меня, как тунеядца, лишили. И паспорт на всякий случай отобрали. Но до сих пор не выслали из города: у меня есть высокие покровители — я лечу начальство от неизлечимых болезней и облегчаю жизнь их женам. Под моим руководством жены городского начальства в совокупности похудели на полтон

ны по крайней мере. Недавно самого секретаря областного комитета партии товарища Сусликова вылечил от рака. Я не вру. Факт этот зафиксирован в медицинских документах поликлиники обкома. Секретарь сказал мне, что, пока он здесь, меня из города никто не выселит. Лишь бы слух обо мне не дошел до Центра и оттуда не поступило указание расправиться со мной здесь или отправить в распоряжение Центра. Всякого рода язвы, гастриты, грыжу, аппендицит и прочие мелочи я лечу (впрочем, как и рак) прикосновением пальцев и заклинаниями. Главное — надо знать, где прикасаться пальцами к телу, в какой последовательности прикасаться и что думать про себя и говорить вслух. Никаких секретов у меня тут нет: все зависит от индивидуального случая, и я каждый раз угадываю процедуру лечения заново. Мне достаточно взглянуть на человека, как я сразу знаю, чем он болен, можно ли его излечить и как излечить, если это возможно. Если болезнь неизлечима, я заглушаю боли и облегчаю психическое состояние — это для меня пустяки. Обычно это происходит само собой — достаточно моего появления. Пальцы у меня длинные, тонкие и гибкие, как змеи. Один хирург, наблюдавший мои манипуляции, умолял меня ассистировать ему во время операции, уверял меня, что я природный хирург. Но представитель профессии иного рода уверял меня, что я мог бы быть выдающимся карманником. Жаль только, что теперь люди носят в карманах лишь ничего не значащую мелочь. Самая интересная особенность моих пальцев — из них иногда выскакивают электрические искры, когда я прикасаюсь к телу других людей. В детстве мать однажды попросила соседа, чтобы он меня выпорол за какую-то проделку. Я схватил соседа за руку, и его ударило током. Он бросил ремень и после этого боялся прикасаться ко мне. А совсем недавно ко мне прицепился милиционер на улице. Я коснулся пальцем его лба, и его так сильно потрянуло током, что он потерял сознание. В милиции решили, что у меня есть сильные электрические батареи, провода от которых выведены в перчатки. Но у меня перчаток никогда в жизни не было. В поисках батарей, которых на мне, естественно, не обнаружили в милиции, перерыли все мусорные урны и помойки в округе.

Как я уже сказал, болезни я лечу своим присутствием, прикосновением и заклинаниями. Что это такое? Объясню на примере секретаря. Оказавшись перед ним, я ощутил сильное внутреннее напряжение и увидел — именно увидел! — его болезнь. Я протянул к ней мои пальцы. Она вздрогнула и попятилась от них. И я понял, что я смогу ее победить. Я начал манипулировать пальцами, отыскивая наиболее уязвимые места. Болезни, — я начал свое сражение с ней. Одновременно я стал мысленно и отчасти вслух разговаривать с ней.

— Ты, — сказал я ей, — очевидно, по недоразумению проникла в тело этого человека. Это большой человек, самый большой человек в нашем городе и в области. Он даже будет очень большим человеком в Центре, а может быть, самым большим в стране. От него зависит жизнь многих миллионов людей. Он должен быть совершенно здоров и бодр, чтобы отдавать все свои силы заботе о людях. А ты! Что делаешь? И тебе не совестно? Неужели тебе мало простых работяг и крестьян, рядовых чиновников бесчисленных контор? Посмотри, сколько у нас в городе контор и сколько в них бездельников! Сколько у нас писателей, художников, ученых! И почти все они бездельники и паразиты. Неужели тебе надо непременно разрушать тело самого важного человека в горо-

де? Сожри хотя бы одного из упомянутых мной паразитов! В крайнем случае сожри начальника областного отдела КГБ или начальника областного управления МВД! Ну, хотя бы начальника отделения милиции, который готов в любую минуту выслать меня из города и оставить первого человека города беззащитным перед тобой!

Вот в таком духе я повторял свои заклинания многократно с разными вариациями. Не думайте, что я использовал ситуацию в своих корыстных целях. Во-первых, рак у нас тоже явление вполне советское, и разговаривать с ним надо было на доступном ему языке. Тем более это был высокопоставленный и политически грамотный рак. Во-вторых, мне надо было поддерживать в себе энергию, чтобы из пальцев моих она переходила в секретаря и поражала Болезнь, а в этот период у меня как раз отобрали в милиции паспорт и велели приготовиться к высылке из города.

Я на сто процентов уверен в том, что и Христос обладал такой же способностью лечить людей, как и я. И метод у него был такой же. И я творю иногда чудеса не хуже его. Вот, к примеру, ведущий тенор городского оперного театра потерял голос — перепил накануне и простудился. А сегодня ему нужно во что бы то ни стало петь; важная заграничная делегация будет слушать. Он сотни людей привел в движение, чтобы разыскать меня. Заплатил им огромные деньги. Они нашли меня в милиции: мне хотели дать пятнадцать суток за хулиганство. Певец дал большую взятку милиции, чтобы отпустили меня на несколько часов. Меня доставили к певцу под конвоем. Взглянув на него, я сказал, что такой пустяк я мог бы вылечить даже по телефону. Протянув руки в его сторону, я сказал: «Пой!» И голос вернулся к нему. Певец был так рад этому, что позабыл вознаградить меня хотя бы стаканом чая: мне так хотелось пить!

Моя основная специализация — болезни духа, а болезни тела я лечу постольку, поскольку они суть лишь проявления болезней духа. Как опытный врач видит в теле людей скрытые болезни, так я читаю в душах людей многое такое, что они скрывают от других и часто от самих себя. Вот я бреду по улице. Бреду без цели. Мимо меня пробегают люди. Им кажется, что их душевные состояния скрыты в их телах. А для меня они суть обнаженные души.

ПРИНЦИПЫ ЦЕЛИТЕЛЕЙ

Все прочие целители руководствуются такими принципами. Надо уметь выбирать больного и болезнь. Не тебя выбирают жаждущие исцеления, а ты их. Выбирай легко излечимых или мнимых больных а также таких, которые выздоровеют и без тебя. Сумей приписывать себе то, что сделалось само собой или сделано другими. Если болезнь тяжелая или вообще неизлечимая, уклонись. Предлог найти — пустяк. Если нельзя уклониться или допустил ошибку в выборе больного (в диагнозе), старайся избежать огласки и свалить вину на обстоятельства, на других, на самого больного. Давай больному такие советы чтобы он обязательно в чем-то уклонился от них, нарушил твои предписания, — такая уловка всегда даст тебе оправдание неудачи. Старайся вести лечение так, чтобы пациенты сами боялись огласки. С этой точки зрения очень выгодно иметь дело с ответственным лицами.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: главное в профессии

целителя — диагноз. Тут дело обстоит так: нужно иметь на пять процентов опыта и интуиции и на девяносто пять — агентурных сведений. Диагностика целителей — это прежде всего и главным образом сбор сведений о состоянии здоровья населения. Затем надо побуждать выгодных и удобных «больных» и больных обращаться к целителю. Для этой цели наш ведущий целитель имеет картотеку на десять тысяч человек, — он ухитрился как-то заставить все городские больницы давать ему информацию о здоровье населения. Кроме того, он содержит десяток агентов, которые приводят к нему пациентов.

Я, однако, к числу таких целителей не принадлежу. Я лечу, но сам не знаю, как и почему получается излечение. Я даже не столько лечу, сколько присутствую при излечении и своим присутствием облегчаю излечение.

БОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАДАНИЯ

Христос был распят. А как погибну я? Умру от геморроя в глуши или в тюрьме. Мысль об этом приводит меня в уныние. Если моя религия со временем завоеует мир, то что будут целовать верующие на моих изображениях? Думая о таком ужасном конце, я выжимаю слезу: обидно, что создатель великой религии кончил свою жизнь таким комическим образом. Но что поделаешь?! Теперь люди научились убивать своих гениев так, что после этого их за гениев не хотят признать даже самые низкие твари из рода человеческого.

БОГИНЯ И ДРУГИЕ

Встретил Богиню. Она шла с двумя сытыми и самоуверенными парнями. Я кивнул ей. Она ответила тем же. Парни настороженно уставились на меня. О чем-то оживленно заговорили. Послышался смех. И она смеялась тоже. Потом один из парней вернулся обратно.

— Эй, ты, борода, — сказал он мне, — не приставай к девчонке, а не то руки и ноги переломаем!

— Вам, молодой человек, — сказал я, взглянув на его лицо, — надо срочно обратиться к врачу и резко изменить образ жизни, иначе вы через год станете неизлечимым импотентом.

Он побледнел. Я отвернулся от него и ушел своей дорогой. Установить диагноз болезни этого шалопая было нетрудно. Такие случаи все чаще возникают в городе: очень ранняя, чрезмерная, с искусственными возбудителями половая жизнь и половые извращения имеют неизбежным следствием раннюю импотенцию. Я подумал о том, что ждет в этом отношении мою Богиню, и почувствовал себя глубоко несчастным. Стремление людей развратить себя и других неудержимо. Только религия могла бы его сдержать. Но ее нет. Недавно я встретил хронического наркомана. Молодой, способный кинорежиссер. Говорит, что лучше ярко сгореть в несколько лет, чем тлеть десятилетиями. Не так ли?

— Если действительно сгореть, — сказал я, — то так. Но так ли это на самом деле?

Он не ответил.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

После того как секретарь вылечился, у меня состоялся с ним такой откровенный разговор.

— У меня есть идея, как тебе помочь,— сказал он.— Только не пугайся. Тебе дадут койку в психиатрической больнице, трехразовое питание и полную свободу передвижения. Идет?

— Как только вы уедете в Москву, меня лишат свободы передвижения и уж никогда не выпустят оттуда.

— Ты прав. Но можно устроить тебе инвалидность и пенсию по инвалидности.

— Результат будет тот же.

— Верно, тот же. Почему ты думаешь, что я уеду в Москву?

— Я вижу это.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Решайте сами. Я придерживаюсь правила — не насилуй свою судьбу.

— А я придерживаюсь другого — не позволяй судьбе насиловать тебя.

— Вы — активное начало в обществе, я — пассивное.

— Похоже, что так. Но, в общем, спасибо тебе. Если что нужно будет, обращайся прямо ко мне.

— Меня к вам не допустят.

— Тоже верно. Врачи считают, что мое выздоровление есть чудо. Скажи откровенно, ты сам верил в это?

— Если бы я не верил, вы не выздоровели бы. Если вам что нужно будет, обращайтесь прямо ко мне.

— Спасибо. Я непременно разыщу тебя в случае чего. Ну, прощай.

ЧУДО

— Чудес не бывает,— говорит внук.

— Как же так?! — возмущается дед.— Вот если я спрыгнул с колокольни и не разбился, что это такое?

— Случай,— спокойно ответил внук.

— Ну, я второй раз прыгнул и не разбился, что это?

— Привычка.

Этот анекдотичный разговор отражает отношение к чуду в прошлом и теперь. Что такое чудо? Согласно общепринятому пониманию чудо есть событие, которое не должно было произойти вообще, но произошло. В обиходе это понимание несколько ослабили: иногда чудом называют событие, вероятность которого ничтожно мала (близка к нулю) и потому о возможности которого вообще не думают, но которое все же происходит. Например, считается невозможным усилием мысли перемещать тяжелые предметы в пространстве и влиять на поведение других людей на больших расстояниях. И если вы сделаете это невозможное, вы совершите чудо. Но поскольку оно считается невозможным согласно законам природы, то считается, что тут имело место мошенничество или фокус. Чудо во втором (ослабленном) смысле допускается согласно законам природы. Но тут понятие чуда употребляется уже как нечто двусмысленное: вероятность события вроде бы допускается как большая нуля, но осуществление события психологически воспринимается, как осуществление невозможного. Я же предлагаю такое понимание чуда. Если событие невозможно, оно не произойдет. Если событие произошло, оно возможно. Чудо есть возможное событие. Причем произойдет оно или нет, зависит от воли какого-то сознающего и волевого существа. Чудеса не происходят сами по себе. Их творят. Но чудо есть

результат неповторимого стечения обстоятельств и само неповторимо, — вот в чем дело. Потому невозможно высчитать его вероятность, невозможно дать ему общее объяснение. Если даже происходят сходные события, являющиеся чудом, каждое из них все равно есть стечение неповторимых обстоятельств. Так, например, мне не раз приходилось усилить мысли сдвигать и изгибать предметы, поднимать предметы без прикосновения, угадывать адрес незнакомых людей и многое другое. Но каждый раз я это делал по-разному, никакое обобщение тут невозможно.

Причем невозможно произвольно выбрать место и время для чудесного действия. Я лишь перед тем, как совершить такое действие, вдруг ощущал в себе способность на это. Я вылечил многих неизлечимых больных, с точки зрения медицины, людей. Но каждый раз по-разному. И сам я не могу объяснить, как это я делал. Чудеса, повторяю, не фокусы и не мошенничество. Это возможные, но принципиально необъяснимые, не вызываемые по произволу, экспериментально не воспроизводимые события. Чудеса так и останутся чудесами на веки веков. В отношении их допустимо лишь одно: признать, что они иногда случаются.

Христос прекрасно понимал природу чудес и умел их делать, вернее — умел угадывать момент, когда они были в его власти. Потому он не злоупотреблял чудесами, не очень охотно шел на них, не прибегал к ним тогда, когда они были бы ему полезны. Он творил настоящие чудеса, а не фокусы.

Я ему верю, ибо знаю это из своего опыта. Когда я вижу бутылку с водкой, я заранее знаю, смогу я выбить из нее пробку моим методом или нет. И затем я строю поведение свое и других людей соответственно своему предвидению. Если я чувствую, что я «не в форме», я исключаю саму возможность такой ситуации, чтобы мне предложили продемонстрировать свое чудо. Это верно. Но ведь случаи, когда я бываю способен на такое чудо, бывают на самом деле. В чем их природа? Почему они бывают?

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

Отгадайте, какая проблема является самой главной для нашего областного руководства и руководимого им народа на данном отрезке истории? Ни за что не отгадаете! И потому я советую вам обратиться с этим вопросом, допустим, к самому начальнику областного управления КГБ товарищу Горбаню. «Э-э-э-э, — скажет вам товарищ Горбань, отведя в сторону свои пронизательные и властные в прочих случаях очи, — с молодежью нынче трудно стало. А этот «балбес» у меня вот тут сидит». И товарищ Горбань постучит ребром ладони левой руки по своей могучей шее. Кто такой «балбес», объясню ниже, потерпите немного. Обратимся теперь к самому первому секретарю областного комитета КПСС товарищу Сусликову. «Э-э-э-э, — скажет вам товарищ Сусликов, и его маленькие хитрющие глазки начнут метаться из стороны в сторону, что бывает с ним в минуты наивысшего волнения, — с молодежью нынче трудно стало. А этот «балбес» у меня вот тут сидит». И товарищ Сусликов укажет пухлым пальчиком на то место своего могучего живота, где помещается печенка, и без того подпорченная водочкой, настоенной

на лимонной корочке. К директору школы, в коей обучается упомянутый «балбес», обращаться не советую: его может хватить инфаркт. Не советуют обращаться и к первому секретарю областного комитета комсомола товарищу Петрову: он разразится такой площадной бранью, какую вам редко посчастливится услышать в «Клубе» — в притоне алкоголиков в Новых Липках.

Вы уже догадались, очевидно, что Балбес — юноша школьного возраста. Но это есть его родовой признак, и не в нем дело. Все дело в его специфике: он — единственное чадо заведующего трестом «Фруктово-фрукто-торга» товарища Гробыки. Причем чадо не очень-то любимое. Товарищ Гробыко при всяком удобном случае заявляет, что он, будь его власть, «вот этими своими собственными руками задушил бы этого «балбеса»; как говорил товарищ Пушкин (?), чем породил, тем и убил бы этого мерзавца». Употребляя выражение «будь моя власть», товарищ Гробыко имеет в виду отнюдь не областное высшее руководство, а свою собственную супругу, при одном упоминании имени которой он в ужасе хватается... нет, не за сердце и не за валерьянку (товарищ Гробыко не из того теста сделан), а за поллитровку.

— Всего лишь сын заведующего трестом! — воскликнете вы. — При чем какого треста! В городских магазинах уже больше тридцати лет не бывало ни плодов, ни овощей (чем овощи, кстати, отличаются от плодов?), ни фруктов, ни ягод. Но не спешите с умозаключениями. Как утверждает сам товарищ Гробыко, спешка нужна только при ловле блох. Товарищ Гробыко есть на самом деле фигура номер один в системе областной власти. Почему так? Как это случилось? На этот вопрос вам мог бы ответить товарищ Горбань, но он никогда этого не сделает, иначе он в двадцать четыре часа не то что сойдет, а испарится с арены областной истории. Одним словом, так уж сложилось исторически, что товарищ Гробыко стал могущественнейшим человеком в области. И богатейшим, само собой разумеется.

Балбес, повторяю, есть нелюбимое чадо товарища Гробыки. Чадо глупое, бездарное, развратное и наглое. А товарищу Гробыке втемяшилась в голову, как он сам выражается, «идея фикса»: сделать из Балбеса дипломата («пустить его по дипломатической линии»). И теперь главная задача, стоящая перед областью, — добиться того, чтобы Балбес окончил школу с медалью, чтобы получил отличную комсомольскую характеристику и справку о том, что он без отрыва от учебы два года проработал на химическом комбинате (в пятидесяти километрах от города), и чтобы поступил в ИМО (Институт международных отношений) в Москве. Конечно, стоит товарищу Гробыке только намекнуть, как все делается само собой и без всяких усилий. И в Москве есть мощная поддержка — сам Митрофан Лукич. Он не даст в обиду сына своего старого фронтового друга. Но товарищ Гробыко хочет, чтобы «все было по-честному», чтобы «он там лицом в грязь не ударил», «чтобы Родина получила первосортного дипломата». Слово «первосортный» товарищ Гробыко употребляет не в силу своей образованности (в этом его обвинить нельзя), а сугубо профессионально — как он говорит о первосортной картошке, капусте и прочих плодах, которые, повторяю, больше тридцати лет не украшают полки городских магазинов.

ТУНЕЯДЕЦ

Христос был, судя по всему, человеком без определенных занятий, по-нашему — тунеядец. Как и я. Тунеядец — это существо, которое на вопрос «На какие средства ты существуешь?» не может предъявить справку с места работы с указанием зарплаты. Это не значит, что тунеядец не работает вообще. Я работаю не меньше других. Просто у меня нет и не может быть такой справки. Раньше я предъявлял в милицию поддельные справки. Теперь они мне не верят, если даже я предъявляю настоящую справку (бывает, что я на короткий срок устраиваюсь на работу). Основные средства я зарабатываю за счет врачевания и консультаций. Это не очень много. Один из источников моих заработков — случайные работы, которые приносят мне сразу сумму денег, достаточную для того, чтобы прожить иногда полгода, а то и более. Прожить, конечно, на моем (минимальном) уровне... В прошлом году, например, я завербовался красить мосты через сибирские реки. Платили огромные деньги, поскольку мы работали без всякой техники безопасности. Нас просто спускали на веревке. Что это такое? Вообразите себя висющим на веревке над могучим Енисеем. Холодный ветер пронизывает вас насквозь. И вы мечтаете о том, чтобы скорее оборвалась эта веревка и вы наконец-то покончите счеты с этой проклятой жизнью. Формально мы получали огромные деньги (расписывались в ведомости). Фактически на руки нам доставалось процентов тридцать: остальное забирали бригадиры, прорабы, инженеры, мастера и прочие. Сколько там было этих паразитов!

Я болтался на веревке над страшным, безбрежным Енисеем, а надо мною было по крайней мере десятков таких паразитов. Зато они мне выдавали справку на огромную, якобы заработанную, сумму, которая гарантировала мне право шесть месяцев «искать новую работу». Такие случайные работы, однако, не часто бывают. Наконец, «подарки», главным образом от женщин, главным образом поношенная одежда и обувь, постельное белье.

БОГ

Я спросил людей: «Чего вы хотите?» «Счастья», — ответили они. «Хорошо, — сказал я, — будьте счастливы». И я устремил на Землю изобилие счастья. Я заполнил счастьем все живые существа и все мертвое пространство.

Довольный содеянным, я погрузился в высшее счастье — в самодовольство. Устав от него, я решил взглянуть на осчастливленный мною род людской. И я был поражен: люди были несчастны! «Чего вы хотите теперь?!» — воскликнул я в гневе. «Верни нам наши страдания!» — в гневе же кричали они. «Хорошо, — покорился я их воле, — страдайте!»

Сделав это, я погрузился в высшее страдание — в неудовлетворенность самим собой. Устав от него, я решил взглянуть на удовлетворенный мною род людской. И я увидел: люди по-прежнему были несчастны. «Так в чем же дело?» — воскликнул я, пораженный. «А в том, — со смехом и бранью ответили они, — что теперь наше состояние несчастности обоснованно и оправданно».

МОЙ БЫТ

Как я уже говорил, Христос не имел, где приклонить голову, и у меня тоже нет постоянного жилья. Обычно снимаю угол в комнате или койку, изредка — отдельную комнатушку. В чем разница — снимать угол или койку? Разница существенная. Снимать угол — значит снимать часть комнаты, в которой стоит твое ложе и, возможно, некое сооружение, временно исполняющее функции столика. Эта часть комнаты может быть отделена от остальной шкафом или ширмой. Снимать койку — значит приходиться ночевать в данную комнату, где ты раскладываешь койку, которую рано утром убираешь. И покидаешь комнату. Если снимаешь угол, то можешь в нем находиться и днем. Если снимаешь койку, должен покинуть комнату и не появляться тут до позднего вечера. За угол приходится платить пятнадцать, а то и все двадцать рублей в месяц, за койку — не более десяти. Хозяевами комнат, в которых сдаются угол или койка, бывают обычно старые одинокие женщины, получающие мизерную пенсию. Но иногда это бывают и молодые одинокие женщины (иногда — с внебрачным ребенком), приобретающие вместе с жильцом удобного любовника, или мужчины, приобретающие даровых любовниц. Однажды я снял угол у молодой женщины. И сбежал, оставив ей месячную плату (они плату берут вперед). Избежать этого проклятья (снятия угла или койки) невозможно: у нас лето длится всего три месяца, остальное время — холодная зима и слякотные весна и осень. Летом я сплю на скамейках, на траве, в сене, на вокзале — это дает существенную экономию средств (можно обновить брюки, носки, рубашки). Когда я вербуюсь на временную работу, я сплю в бараке: тоже экономия. Можно было бы, конечно, податься в теплые края. Но мне там с моей профессией делать нечего. Вернее, делать-то там есть что: лечить импотентов и ожиревших паразитов. Но не это мое главное дело. Мое главное дело — проповедь моего учения. А интерес к нему сейчас проявляют только в условиях сурового климата. Кроме того, существенную часть моего учения составляют правила жизни на пределе бытовых удобств и даже немного ниже. С этой точки зрения моя жизнь есть эксперимент, а мое учение есть обобщение и осмысление этого эксперимента. Однажды я пришел «домой» слишком поздно. Жильцы квартиры (с целью наказания и воспитания меня) не открыли дверь. Пришлось коротать ночь на лестничной площадке. В эту ночь я сделал важный вклад в свое учение. Вот он в двух словах. Спишь ли ты в хрустящих белоснежных простынях на пуховой перине с прекрасной женщиной или, одинокий, дрожишь от холода на грязной лестничной площадке, время все равно неумолимо уносится в прошлое. Есть, конечно, некоторые неудобства в переживании полета времени в таком положении, как мое. Но в нем есть и достоинство: время тянется при этом бесконечно долго. За одну эту ночь я передумал больше, чем иные передумывают за всю свою жизнь.

Утром сосед похихикал над моим плачевным положением. «Я слышал звонок, — сказал он, — но подумал, что это какой-нибудь пьяница ломится в квартиру. А это, оказывается, наш «йогаист-эгоист»!..» (он считает меня йогом и всячески изощряется на этот счет).

ПРОПОВЕДНИК

*Отвисли старые штаны
в заду,
в коленях.
Не в человеке дела суть,
но в по-
коленьях.
В карманах тщуся я сыскать
от хлеба
крохи.
Не люди сущность бытия,
а лишь
эпохи.
Остановите суету!
Кончайте
споры!
Сейчас я мир переверну.
И без
опоры.*

Я — проповедник, т. е. по-русски говоря — трепач. И как таковой я должен видеть лица людей и переживать с ними общую ситуацию. Моя проповедь есть лишь часть общего разговора. Потому я должен быть в толпе. Я дурачусь вместе со всеми, выдумываю чепуху, «обрабатываю» для разговора реальные факты. Но при этом во мне накапливается материал для какой-то важной проповеди. Мне нужно время, чтобы совершить скачок в это новое качество. Христос тоже спешил. Он тоже боялся не успеть. Он кое-что успел сделать. Этого «кое-что» хватило на великую историю. Теперь надо сделать в тысячу раз больше, чтобы произвести хотя бы в тысячу раз меньший эффект и хотя бы на несколько десятилетий.

Человек теперь уже не тот. И условия не те. Вот, например, я сейчас подхожу к гастроному. Разумеется, с заднего хода: официально в это время продажа спиртных запрещена, а практически идет самая бойкая торговля. Работникам магазина это выгодно — они в это время продают всякую бурду, которую в обычное время никто не покупает; разбавленную водку и самую скверную водку с наклейками от более дорогих сортов. Тут уже собралась толпа жаждущих похмелиться.

— Глядите-ка, никак Иисус Лаптев объявился! — слышатся восклицания.

— Слух был, что ты в «Атом» подался реакторы чистить. Сбежал, что ли? Или большую деньги заработал?

— Там за час тысячу платят. Если заработал — угощай! Все равно скоро загнешься. Пропить не успеешь.

Я помалкиваю, нахожу партнеров, с которыми объединяю свои гроши на бутылку, и привожу себя в божеский вид. В «Атоме» я на самом деле был. Но не для чистки реакторов: для этого мои анкета и морально-политический облик не подходят. У директора жена уродца родила — без ручек и без глазок. Она мне ноги целовала, умоляла что-нибудь сделать. Этого ребенка ей с трудом удалось сохранить, а другой не предвидится. Если ничего не получится, она руки на себя наложит. Роскошная по нашим условиям квартира. Ковры. Картины. Посуда. Книги. Изобилие. И вот — такое горе. Что смог бы на моем месте

Христос? А ведь это образованная женщина, инженер, атеистка, бывшая комсомольская активистка, а верит в мою чудодейственную силу в тысячу раз сильнее, чем самые беззаветно верующие верили в Христа. Христос не знал о таких цветах цивилизации, как наш «Атом».

Эти мысли промелькнули в моем сознании.

— Живем мы, ребята, один лишь раз,— начинаю я свой вклад в общую бессмысленную болтовню.— Когда бы и где бы мы ни появились на свет, нам надо по праву живого испытать основные элементы бытия. Быть ребенком, играть в игрушки, слушать сказки. Быть юными, испытать первую беззаветную дружбу и первую чистую любовь...

— ...выпить первую поллитровку,— говорит кто-то.

— Первая поллитровка самая противная,— говорит другой.— Вторая идет лучше...

— Поллитровка хороша, когда им счет потеряешь,— замечает третий.

— И бабы тоже! — смеется четвертый.— Их нужно десятка два перепробовать, пока поймешь, что к чему.

— Я лично предпочитаю замужних женщин,— говорит молодой, но уже потрепанный и лысый мужчина.— Тратиться не надо. Ответственности никакой.

Эти насмешки меня не обижают. Наоборот, я в них чувствую страх того, что они что-то очень важное теряют, скоро наступает перелом.

— Все в этом мире ненадежно,— говорит старый алкоголик.

— В начале войны наша рота попала в окружение. Мы решили стоять насмерть. Мы поклялись в вечной преданности друг другу. Мы выстояли. А когда опасность миновала, переругались и написали друг на друга доносы.

— За все надо платить,— говорит опустившийся интеллигент.— Нужны усилия, чтобы сохранить любовь и дружбу. Вот я вам расскажу про себя...

Так начинается разворачиваться разговор, в котором то тонет, то всплывает на поверхность моя наивная проповедь.

ЛЕГАЛЬНОЕ И НЕЛЕГАЛЬНОЕ

В стране много всяких нелегальных профессий и групп. Но все они живут так или иначе по тем же правилам, что и легальные. Я предпринимал не раз попытки создать нелегальные объединения людей на основе принципов праведной жизни — честности, отзывчивости, доброты. Но ничего путного не вышло. У властей такие группы почему-то вызывают большую злобу, чем группы жуликов и бандитов. Внутри моих «чистых» групп сразу же возникали все виды «нечистых» людских отношений. В чем дело?

ВИДИМОСТЬ И СУЩНОСТЬ

Я кажусь человеком, который легко и беззаботно идет по жизни, довольствуется малым и сохраняет хорошее расположение духа. А чего мне это стоит! Мне иногда хочется оставить усилия выглядеть таким и жить, как все. Но я уже привык выглядеть таким, привык прилагать к тому усилия. Эта видимость стала моей сущностью. И я уже не могу себе представить, каким я стал бы без этого притворства. Я страдаю оттого, что прилагаю постоянные усилия убедить себя и окружающих

в том, что никакого страдания во мне нет. Это — противоречие. Но жизнь есть вообще нечто замкнутое на самое себя и потому от природы противоречивое. А чему я на самом деле учу людей? Тому, как преодолеть сущность страдания видимостью его отсутствия. Я просто устраняю сущность, придав ей атрибуты видимости. Я учу людей страданию. Мое учение есть теория мазохизма. Это противоречит моей исходной задаче. Но Бог и есть само противоречие.

БОГ ЕСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Что мир есть противоречие, об этом знает каждый студент, сдавший экзамен по философии. Никто не знает того, что Бог есть тоже противоречие. Это — мое открытие. У Бога нет определенного дома: его дом везде и нигде. У него нет конкретных друзей: Бог не знает дружбы, ибо у него все друзья и все враги. Бог конкретно никого не любит: Бог не знает любви, ибо он любит всех. И всех презирает. У него нет ничего, и все вокруг принадлежит ему. Он не знает, что такое труд, ибо вся его жизнь есть труд.

Он не существует для людей, но внимание всех сосредоточено на нем. Бог есть крайность всего и выход за пределы разумного, потому он есть живое противоречие. Бог есть претензия смертного ничтожества на вечное величие.

Бог есть, и одновременно его нет. В него верят и не верят, причем сразу. Достигнув высот веры, мы впадаем в сомнение. Упав на дно неверия, мы начинаем подозревать о его существовании. Я мечусь между этими крайностями — абсолютной верой и абсолютным неверием.

Вознесясь на Небеса, я оказываюсь в грязи. Опустившись в житейскую помойку, я воспаряю к высотам чистоты. Где решение? В людях? Они проходят сквозь меня и мимо меня, оставляя в душе только раны. И я говорю себе: Бог есть надежда, доведенная до отчаяния, и отчаяние, доведенное до такого уровня, где ничего другого не остается, кроме надежды.

Бог есть участие во всем и безразличие ко всему. И это очень мучительно. Бог есть твоя, т. е. человеческая, потенция, которая кажется легкоосуществимой, но которая на самом деле неосуществима вообще.

ФУНКЦИЯ БОГА

Люди мечтают о приходе гениев. А когда те приходят, люди делают вид, что не узнают их, и прилагают невероятные усилия, чтобы уничтожить их. Люди не любят живых гениев. Они предпочитают мертвых гениев, ставших их жертвами. Причем люди сразу узнают гениев. В человеке есть нечто, с самого начала его жизненного пути выражающее его генеральную претензию. Моя претензия стать Богом написана, как выразился один из членов административной комиссии, у меня на морде.

— Ты, Лаптев, — сказал он, — чего не стрижешься и не бреешься? Иисусиком стать хочешь, да? Тоже мне гений нашелся!

Почему почти ничего не известно о жизни Христа до тридцати лет, и почему о нем почти ничего не было слышно после его смерти? Объяснение этому очень простое. Христос был очень способный человек, и его учителя и конкуренты поняли это сразу. Они всячески

мешали ему пробиться — стать известным и официально учить людей. Он сумел перешагнуть через это препятствие — обошел своих коллег и наставников и непосредственно обратился к простым людям, т. е. к самим потребителям религии. И имел успех. Это напугало его коллег. Появилась зависть. Появилась угроза их авторитету и благополучию. И они приняли меры, чтобы остановить успех Христа и устранить его. Его убили.

Потом началось активное замалчивание его идей. От его учения сохранилось мало, да и то в чужой записи и по воспоминаниям. Его признали, когда это стало безопасно и даже полезно признающим. Причем основательно отредактировали.

АНТИПОД

— Я, как и ты, принимаю нашу социальную систему (т. е. коммунистический строй жизни) как данность, как факт, — говорит Антипод. — Я не собираюсь выдумывать программу ее изменения, улучшения, ослабления или уничтожения. Я исхожу из нее как из предпосылки. Моя проблема — как жить в этой системе более или менее терпимо, как защитить себя от ее недостатков и как использовать ее достоинства. Такова же и твоя проблема. Только ты ищешь решения ее на пути изобретения некоей религии, а я — на пути идеологии. Мое положение предпочтительнее.

— Добродетельный человек, — продолжает Антипод, — обречен на неудачи и страдания. Верно, наше время разрушает самые фундаментальные человеческие отношения — любовь и дружбу, замещая их сексом и расчетом. Но ведь любовь и дружба суть зависимость. Их отсутствие и есть свобода. Человек, способный предать дружбу и любовь, легче живет. И удобнее с точки зрения интересов целого.

— Твоя религия, — говорит Антипод, — требует самоограничения, дисциплины духа, карабканья вверх, постоянных усилий сдерживать себя. Это не под силу рядовым людям. Людям легче плыть по течению и падать, чем идти против течения и карабкаться вверх. Падение есть тоже полет — вот в чем дело. Время падения достаточно велико, чтобы прожить целую жизнь.

ДАВ ДЕНЬ — ДАЙ ПИЩУ

Как туineaдец, я мог бы отсыпаться до полудня. Но я встаю рано, собираю свою койку и прячу за шкаф. Бесшумно крадусь в туалет, чтобы не привлечь внимания соседей. Но тщетно. Соседи все равно как-то узнают о моих движениях и выражают свое негодование по поводу моего незаконного присутствия в квартире. Они не доносят об этом в милицию отнюдь не из человеколюбия, а потому что уже донесли. Но я дал взятку участковому милиционеру. Взятка мизерная. А так как таких, как я, в участке набирается порядочно, участковый имеет от нас на хорошую выпивку раз в неделю.

По этой причине милиция желаемых для соседей действий пока не предпринимает. Соседи же ежедневно напоминают хозяйке, что они могли бы донести на нее, но не делают этого из человеколюбия. Они же русские люди! Они же понимают, что на одну жалкую пенсию по старости не проживешь!

Деловая часть моего дня начинается обычно после обеда, а чаще — вообще вечером, когда у граждан кончается их рабочий день. Первую

же часть дня можно рассматривать как чисто светскую. Сейчас я направляюсь к ящикам, наваленным к тыловой стене продуктового магазина: вдруг встречу раннего пропойцу, и он пригласит разделить с ним свою жалкую, но щедрую трапезу. Так оно и есть! Еще издали мне машет рукой знакомый забулдыга. Он мой бывший пациент. В прошлом году я снизил ему степень пьянства. Он был хроническим алкоголиком, а теперь лишь горький пьяница. Не смейтесь! Для него и его семьи это — великое благо. Спросите у его жены. Да и у него самого. Как хронический алкоголик, он не мог работать и подвергался принудительному лечению. Безрезультатно, конечно. А как горький пьяница, он работает, получает приличную зарплату, на хорошем счету в учреждении. Его там даже приводят как пример бывшего пьяницы, который «осознал и сумел взять себя в руки». Как хронический алкоголик, он валялся где попало и часто попадал в вытрезвитель. Как горький пьяница, он всегда добирается до дому на своих двоих. И таким он теперь будет до пенсии. Я его вылечил от алкоголизма в три сеанса. Наша медицина безрезультатно лечила его пятнадцать лет. Как мне это удалось? Дело в том, что алкоголизм есть явление в сфере физиологии, а горькое пьянство — в области духа. Я просто слегка изменил «разворот его мозгов». Услышав это мое объяснение, врачи больницы, лечашей от алкоголизма, только посмеялись. Ну что же, это их дело. Но десятки бывших алкоголиков; ныне — горьких пьяниц, бродят по городу как неопровержимые аргументы правоты моих методов.

100

Потому я иду на детскую площадку и занимаю позицию, удобную для наблюдения за подъездом, из которого должна появиться Богиня. На колени ко мне забирается чья-то или ничья кошка. Я ее глажу. Она блаженно мурлычет. Я начинаю клевать носом. Ничего страшного в этом нет, появление Богини я замечу в любом состоянии... Вот Она! Я аккуратно беру кошку на руки и делаю несколько шагов по направлению к Ней, чтобы Она заметила мое присутствие и мое внимание к Ней.

Из подъезда напротив вырывается Чарли — неопределенной породы пес. Он мчится ко мне, разинув в радостной улыбке пасть. Кошка стремительно удирает с моего плеча, вырвав клочок из бороды. Чарли кидается мне на плечи. Лижет нос, руки. Из окна раздается недовольный голос хозяйки Чарли. Она считает меня неподходящей компанией для ее Чарли, а тот изо всех живых существ нашего дома предпочитает меня. Лишь после третьего сурового оклика хозяйки Чарли неохотно покидает меня. На пути к подъезду он несколько раз оглядывается. Когда говорят, что собака — друг человека, выражаются неточно, ибо собака — последний друг человека.

Впрочем, и мне пора. У книжного магазина меня ждет известный спекулянт, снабжающий труднодоступными, редкими, заграничными и запрещенными книгами городскую интеллигенцию. Он мне дает сумку с книгами и список адресатов, которым я должен доставить книги и содрать с них условленную сумму. За это я имею один процент с выручки. Это немного. Но на обед и на мелкие «карманные» расходы хватит. Во время этих походов я часто приобретаю себе клиентов. Все люди чем-нибудь больны. Мне достаточно взглянуть на человека, чтобы заметить в нем какую-нибудь болезнь, которую я мог бы вылечить. Но люди неохотно расстаются со своими болезнями. А если ты можешь вылечить их сразу, они не считают это за лечение. Они предпочитают месяцами и годами ходить по больницам, торчать в очередях, платить

огромные деньги всякого рода «частникам», «гомеопатам» и «целителям». Иногда я демонстрирую им свои лечебные способности. Они удивляются, но воспринимают это как нечто такое, в чем нет никакой моей заслуги. И не платят. Они тратят большие деньги на бесполезное лечение, но жалеют заплатить даже мелочь за очевидный результат. А ведь часто это образованные люди. Однажды я сказал об этом одному интеллигенту, которого я избавил от радикулита.

— Но вам же это ничего не стоило, — сказал он.

— Вы ошибаетесь, — сказал я, — это мне стоило гораздо больших усилий, чем тем врачам, которым вы платите немалые деньги. Я человек не злой и не мстительный. Но вас я хочу проучить. Пусть ваш радикулит вернется к вам обратно!.. — После этого он брел за мной, хватаясь за поясницу, и умолял вылечить, обещая по сто рублей за сеанс.

Заработав на обед и пробадав, я иду на бульвар — отсыпаться на скамейке. Сейчас тепло. Таких отсыпающихся в этом месте бульвара полно. Милиция к ним привыкла и не трогает. Меня тут знают, уступают место, приглашают в компанию.

Популярный в свое время в городе, а ныне опустившийся гитарист уступает мне половину пальто. Судьба гитариста — типичная судьба самобытного русского таланта. Когда он был ребенком, о его музыкальных способностях знали многие, но никто не приложил усилия помочь развить их. Он вырос и самоучкой овладел гитарой. Появление его было сенсацией. Ему сулили великое будущее. Его считали даже конкурентом лучшим гитаристам мира. Этот успех и сгубил его. Окружающие дружно, не сговариваясь, но удивительно согласно начали убивать его: умалять его талант, замалчивать, спаивать.

— Ты думаешь, я не вижу того, что сделали со мной мои сограждане? — говорит он. — Вижу. Вижу все до мелочей. Они думают, что я страдаю. Конечно, страдаю. Но не от того, о чем думают они. Я жажду недостижимого совершенства, зная заранее, что оно недостижимо; я хотел бы так сыграть, чтобы после этого можно было спокойно умереть с сознанием, что ты достиг Абсолюта.

Мы засыпаем, тесно прижавшись спинами. Мне нужно сегодня отдохнуть как следует и быть свежим для вечернего сеанса. Молодой ученый будет рассказывать в частной компании о новых веяниях в парапсихологии, иллюстрируя кое-какие идеи на мне. Сегодня я буду через стенку угадывать цвета предметов. Если буду в настроении, буду угадывать слова, написанные присутствующими на бумаге, и сдвигать без прикосновения легкие предметы. За это меня покормят ужином и, возможно, дадут немного денег.

Поздно ночью я тихонько проберусь в «свою» комнатушку, разложу койку, произнесу мою молитву на сон грядущий и усну сном праведника. Во сне ко мне придет моя прекрасная Богиня. Она будет танцевать волшебной красоты танец, а я буду во тьме не способный сделать шаг к ней и совершенно безгласный. А танцевать она будет непременно вальс. Широкий, плавный, вольный вальс. Вот так: раз-два-три, раз-два-три! Боже, как мало нужно для счастья, и эту малость труднее всего получить. Кажется, что уж проще: оставить на время дела, вымыть лицо и руки, одеть праздничные одежды, взяться за руки и сделать хотя бы три оборота вальса. Вот так: раз-два-три, раз-два-три... И все мигом преобразится. Мужчины станут кавалерами, женщины — дамами. Исчезнут морщины. В глазах появится радостный и шаловливый блеск. Лица

расцветут улыбками надежды и обещания. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два...

Но люди забыли танцы радости. Они изобрели подобие танцев — дерганье до отупения и потери человеческого достоинства. И волшебное видение исчезает. Приходит тьма и пустота. Приходит сон без снов — тренировка на предстоящий вечный сон. А потом — холодный и беспощадный вывод: самые фантастические мечты людей сбываются, но самые простые и, казалось бы, самые легкодостижимые — никогда.

*Бессонная ночь
бесконечною кажется.
Но стоит лишь веки закрыть,
сны безнадежные
петлями вяжутся.
Хочешь — не можешь бежать.
Бесследно теряется
жизнь скоротечная.
Страсть догорает зазря.
Как же ты тянешься,
ночь бесконечная!
Что не восходишь, зоря?!*

АНТИПОД

102 — Допустим, — говорит Антипод, — душа важнее для человека, чем все остальное. Пусть тело служит для души. Но ведь и душа нужна для тела. Ладно, оставим эту сторону дела без внимания. О душе надо заботиться. Ее надо хранить. Как? Согласен, есть особые приемы. Ты учишь им. Но суть дела в том, что они хороши лишь на словах, а не на деле. На деле, чтобы сохранить душу и укрепить ее, надо поступать так, что в результате приходится убивать именно душу. Это противоречие неразрешимо в рамках твоей религии. А в жизни такие логически неразрешимые проблемы решаются постоянно. Как? Колебания, смятение, взлеты, падения, насилие, гибель, грязь, слезы, кровь, комедия, драма, подлость, обман — вот средства решения логически неразрешимых проблем.

И других средств нет. Душу и вообще все добродетели можно сохранить только одним путем: убивая их. Так стоит ли овчинка выделки? Не лучше ли вообще обойтись без твоей души с ее мучительными проблемами? Не лучше ли холодная и расчетливая идеология, делающая жизнь проще, легче?

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

Как я уже говорил, товарищ Гробыко хочет, чтобы «все было по-честному». Поясню на примерах, как он это понимает. Подъезжает, например, товарищ Гробыко на своей черной «Волге» к школе, в которой обучается Балбес. Навстречу вылетает бледный и трясущийся директор. Берет товарища Гробыку под локоток и сопровождает в свой кабинет. На столе уже приготовлена «легкая закуска», достойная высокой персоны.

— Ты меня этим не покупай, — презрительно кивает товарищ Гробыко на стол, — я тебе сам таким г....м всю твою паршивую богадельню завалить могу. Хотя от рюмашки не откажусь Садись! Потолковать надо.

— ...Так вот в чем капуста,— говорит товарищ Гробыко, сожрав и выпив все, что было на столе, и ковыряя грязным ногтем в зубах.— Мой Балбес решил по дипломатической линии податься. А для этого, сам знаешь, подготовка какая нужна! Наши дипломаты — это тебе не хухры-мухры. Так вот, если Балбес не закончит школу с медалью, пеняй на себя. На то вы тут и учителя, чтобы...

Директор бормочет что-то невразумительное, изображая всем своим видом готовность и понимание.

— За мной дело не станет,— говорит товарищ Гробыко.— Я в долгу не останусь.

Директор лепечет что-то насчет улучшения жилищных условий.

— Заметано,— говорит товарищ Гробыко.— Велю поставить тебя первым в списке очередников на улучшение.

Обрадованный директор вызывает в кабинет по очереди классного руководителя Балбеса, учителя математики, учительницу английского языка и прочих лиц, занятых делом государственной важности — обучением и воспитанием Балбеса. Разговор короток и ясен: подтянуть Балбеса до медали, иначе «пеняй на себя». «Я в долгу не останусь». Учителю математики за дополнительные занятия (читай: за завышенную отметку) обещается дачный участок, учительнице английского языка — устройство дочери в закрытое ателье обкома партии.

В решение главной проблемы области оказался вовлеченным и я. Разговор товарища Гробыки со мной был тоже по-партийному короток, ясен и категоричен.

— Ты, Лаптев, говоришь, самому Сусликову мозги вправляешь,— сказал он.— Так вот тебе боевое задание: надо моему Балбесу мозги вправить. Учителя — пустое место. Отметки они поставят, а научить — не надейся. Шкурники! Им лишь бы урвать кусок пожирнее. Судить мало мерзавцев. А мне нужно, чтобы все было по-честному. На дипломатической службе дураков не держат. Так что действуй. Выправишь парня — озолочу. Нет — пеняй на себя. Тогда я сам тебе мозги вправлю так, что вовек не забудешь.

И я взялся за Балбеса. Но не из страха за свою судьбу, а из чисто спортивного интереса: а почему бы не подготовить из провинциального дебила дипломата мирового... я хотел было сказать «класса», но вовремя опомнился... мирового сорта! И эта сверхзадача захватила меня.

*Не смысла в деле ни бельмеса,
Я все же поздно или рано
Из заурядного балбеса
Дам миру супер-Талейрана.*

Я И АНТИПОД

Часто наши споры превращаются в чисто словесные выкрутасы.

— Что лучше,— спрашивает он,— быть мертвым королем или живым рабом?

— Живой раб,— говорю я,— тоже станет мертвым рабом. Дело не в этом. Проблема — как прожить то, что отпущено тебе, как распорядиться богатством жизни, кто бы ты ни был — король или раб.

— Счастье,— говорит он.— А что это такое? Состояние, когда

человек добивается желаемого, особенно того, чего нет у других. Потом — улучшение жизни, гарантии, перспективы, уверенность, успех... Короче говоря — обычные жизненные вещи, за которые идет борьба. Кто лучше может научить людей этому — ты или я?

— Хорошо, — говорю я. — Пусть так. Но ведь общество распадается на группы с различным уровнем жизни и различными шансами на счастье в твоём понимании. Ну, а если человек всего этого лишен? Как ему жить, как жить несчастному, неудачнику, униженному, бесперспективному? Мы не конкуренты. Мы для разных слоев населения и для разных случаев жизни. Мы союзники.

— До поры до времени, — говорит он. — Чтобы мы хорошо делали свое дело каждый в своей области, нужно, чтобы наше дело доминировало над всем прочим. Мы союзники, но мы непримиримые враги.

СУТЬ ХРИСТИАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

104

Можно осуществить реконструкцию фактического учения Христа, подобно тому как по остаткам костей палеонтологи восстанавливают вид целого животного, жившего миллионы лет назад. Но для этого надо иметь строгую теорию для явлений такого рода, как высказывания Христа. В силу особенностей этого предмета это должна быть та абсолютно полная и совершенная Религия, о которой я уже говорил. А чтобы установить, какой фрагмент этой Религии развивал Христос и в какой форме, нужны еще такие допущения. Надо допустить условия, аналогичные тем, в которых живет большая часть людей у нас сейчас. Надеяться не на кого и не на что, всякие политические проекты и программы бессмысленны, выбиться в привилегированные слои невозможно. Остается одно — твоё собственное поведение, твоё собственная ориентация в чужом и враждебном тебе мире. Надо изменить всю ориентацию сознания людей так, чтобы возникла новая система ценностей, независимая от официальной. Именно это и делал Христос — он оставлял совершенно без внимания данный ему мир (он не нарушал законы его!), но изобретал такой новый разрез жизни в рамках этого мира, который означал максимально глубокую революцию в образе жизни людей. Он изобретал новый мир для людей! Конечно, он должен был считаться с обстоятельствами, должен был как-то приспособиваться, должен был описывать изобретаемый им Новый Мир в терминах и образах тогдашней религии и идеологии. Это естественно. И это повлияло на историческую форму его Великого Открытия. Но суть его открытия, повторяю, очевидна. Люди! Не ждите ничего! Не надейтесь ни на кого! Все дело в вас самих! Царство Божие (новый поворот жизни) уже здесь, я пришел установить его. Оно в вас. Изменим ориентацию смысла жизни в себе, и мир пойдет иным путем! Но и мы живем в условиях господства определенной идеологии.

Так что, реконструируя учение Христа, я должен буду изобрести своё собственное учение, использующее термины и образы идеологии нашего общества. Я тоже хочу повернуть мозги людей в ином направлении. Но это суть мозги идеологически обработанных людей нашего общества.

СУЕТА СУЕТ

Екклезиаст, сын царя и царь, сказал: «Суета сует, все — суета и томление духа».

— Я,— говорит этот человек,— всю жизнь пытался идти против человеческой природы. Я был прям и откровенен, не унижался, держал слово, не обманывал, не лицемерил, жертвовал собой... А итог? Я потерял друзей, семью, положение. Потерял веру в человека, в себя самого, в свой идеал. Пришло полное опустошение, одиночество и отчаяние.

Я потерпел поражение. Против человеческой природы идти нельзя. У человека должны быть все мыслимые пороки. Положительный человек без пороков — урод, дурак или страдалец. Я это понял, но слишком поздно. Некого предать. Некого обмануть. Некого обидеть. Поздно, брат! Я уже не могу причинить никому зла — вот до какого уровня падения я докатился.

ВСЕ — СУЕТА

Он импотент. Он занимает высокий пост. У него есть дети, но они не от него. Он страдает от этого, как он сам выразился, «морально». Ему невдомек, что мораль тут ни при чем, что он существо совершенно безнравственное, что видно из его же искренних признаний. Опять-таки оговорки нужны. Человек, говорящий правду, не всегда искренен. И человек, говорящий ложь, может быть вполне искренним. Искренность есть душевное состояние, к ней неприменимы понятия истины и лжи.

Но это тема особого разговора. Этот человек хочет хотя бы раз испытать радость полового удовлетворения и породить на свет «свою собственную плоть и кровь». Я ему говорю, что могу научить, как удовлетворять женщину, испытывая от этого «моральное» удовлетворение, причем последнее может быть сильнее чисто полового. Я лечу душевные недуги, а не органические. Что касается детей, то «своя плоть и кровь» бывает часто хуже чужой. Но он уперся на своем. Он платит деньги!

Я говорю ему, что деньги у него могут отобрать жулики-целители. Он уходит к ним: он предпочитает потерять деньги за ложную надежду, которую подадут ему жулики.

Так кто из нас Бог? Тот, кто подает большую ложную надежду, или тот, кто осуществляет на деле маленькую?

И ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Все свои теоретические открытия я делаю сам,— Бог в этом отношении есть самоучка. У кого ему учиться? Потому мои открытия фрагментарны и бессистемны. Я их делаю по какому-нибудь житейскому поводу, от случая к случаю. Так что пока я порождаю идейный хаос. В отличие от библейского Бога, которому Хаос был дан изначально, я сам создаю и этот изначальный Хаос. Потом я буду наводить в нем порядок. Но сначала я должен его породить.

Вот сейчас я покинул интеллигентное общество, в котором шел ожесточенный спор о преобразовании общества с целью облагодетельствовать граждан. Какие только проекты не выдвигались! Одни другого умнее, научнее, обоснованнее. Были упомянуты имена всех величайших мыслителей прошлого и настоящего. В ход были пущены новейшие научные и технические открытия и идеи. Но не было в этих умных проектах одного: хотя бы маленькой крупицы здравого смысла. Один из прожектеров сделал неосторожный шаг: спросил мое мнение о его

замечательном проекте. Он спросил мое мнение не с целью узнать мое мнение, а с целью показать великую ценность своего собственного мнения, поставив его рядом с таким недостойным вниманием ничтожеством, как я. Он снизошел до меня, заранее предполагая, что я стушу-юсь перед его величием.

— Прекрасный проект,— сказал я.— Замечательный проект! Но вот я Бог. Я даю вам всю полноту власти в осуществлении вашего проекта. Действуйте! Что вы будете делать конкретно завтра утром, придя в Кремль или в здание ЦК на Старой площади? Действуйте! Отдавайте распоряжения! Произносите речи! Выдвигайте лозунги! Действуйте!

После этой моей реплики наступило неловкое молчание, и я понял, что мне пора уходить. Уходя, я слышал (у меня феноменальный слух, между прочим), как они прохаживались на мой счет. И они были правы! Для них этот разговор и есть цель их разговора, есть начальный и конечный пункт их бытия. А я взглянул на него как Бог — как творец и реформатор бытия. А у Бога иные критерии в оценке слов. Бог знает и понимает все, и в том числе возможные последствия хороших проектов и преобразований. Бог знает, что если проект хорош в словесном выражении, он не стоит выеденного яйца в реальном исполнении.

Политические программы в наше время в нашем обществе столь же нелепы, как были бы нелепы идеи французских просветителей восемнадцатого века в годы, когда проповедовал Христос. В тех условиях ничто не могло принести решения всех житейских проблем, кроме идей Христа. Потом люди убедились в этом. Правда, через триста с лишним лет. И ценой каких жертв! Сколько лет потребуется людям, чтобы понять мои идеи? И какую цену они за это заплатят?

ПАРАДОКС АНТИПОДА

— Принципы твои хороши,— говорит Антипод,— но нужны еще принципы, благодаря которым можно было бы следовать этим хорошим принципам. Как научиться это делать? Научить людей этому нельзя. Их надо заставить силой — вот в чем дело. А тогда они перестают восприниматься как хорошие.

Я И ХРИСТОС

Порою, однако, для меня более существенным кажется мое отличие от Христа. Судите сами.

- Поклоняйся лишь Богу своему,— призывает Христос.
- Не поклоняйся никому, ибо ты сам и есть Бог,— призываю я.
- Не клянись,— говорит Он.
- Поклявшись, держи слово,— говорю я.
- Не противься злему,— говорит Он.
- Сопротивляйся,— говорю я.
- Прощай людям их грехи,— говорит Он.
- Никакой грех не простителен,— говорю я.
- Не собирай сокровищ на земле, собирай их на небе,— говорит Он.
- Собирай сокровища в себе самом,— говорю я.
- Просите,— говорит Он.
- Не просите,— говорю я.

— Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними,— говорит Он.

— Поступайте с людьми соответственно вашим принципам, но не ждите от них того же, то есть чтобы они поступали с вами соответственно вашим принципам,— говорю я.

— Входите тесными вратами,— говорит Он.

— Входите любыми вратами,— говорю я,— ибо входящий не зависит от врат.

— Не здоровые имеют нужду во враче, но больные,— говорит Он.

— Здоровые нуждаются во враче в первую очередь,— говорю я.

— Кто не со мной, тот против меня,— говорит Он.

— Не принуждай никого следовать за тобою,— говорю я.

— Доброе от доброго, злое от злого,— говорит Он.

— Оценка добра и зла не зависит от их причин и источника,— говорю я.

За все будет расплата после смерти, так можно понять Его идеи.

— Плата за жизнь есть сама жизнь, наказание за жизнь есть смерть,— говорю я.

— Царство Божие есть награда за праведность,— говорит Он.

— Праведная жизнь есть плата за твою праведную жизнь,— говорю я.

Бог есть твой высший судья, таков смысл Его идей.

— Ты сам высший судья твоих поступков,— говорю я.

Он звал следовать за Ним, я же говорю: пусть каждый идет своим путем, пусть наши пути совпадут, и я буду с вами. Я не вознесусь на небо. Я до конца останусь среди вас, безвестный и жалкий проповедник, который учит счастьем других, будучи сам несчастен.

БОГИНЯ

И ко всему прочему у Христа не было Богини. Если бы мне пришлось выбирать одно из двух — мировое признание меня в качестве творца новой религии или хотя бы одну ночь обладания моей Богиней, — я бы выбрал второе.

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Первым делом,— сказал я Балбесу,— будущий выдающийся советский дипломат должен научиться по-русски пить. Пить что угодно, когда угодно, в любом количестве, в любых комбинациях. И при этом не терять трезвость. Вернее, терять трезвость можно, но не до такой степени, чтобы искривлять прямую генеральную линию партии и правительства. Пьяней, но в духе последней политической установки. Ясно?

— Гы-ы-ы! — заржал от радости Балбес. — А где взять деньги на это?

— Папаша оплатит,— успокоил его я.

Обучение умению высококвалифицированно пьянствовать входит в мою систему. Тут есть свои приемы, как пьянеть от малого количества спиртного, и, наоборот, как не пьянеть от большого, как владать в игриво-шаловливое, юмористическое или в мрачное состояние. Полный курс обучения проходится за два месяца. Но Балбес оказался талантливым учеником, и нам хватило двух недель. Что с ним творилось

в это время, лучше не говорить. Мать Балбеса пришла в ужас и хотела дать указание арестовать меня как диссидента. Но отец строго-настрого запретил ей вмешиваться в процесс воспитания ребенка. Через две недели мы с Балбесом, закупив пару поллитровок водки и дюжину бутылок пива, заявили в кабинет Гробыки. Балбес на глазах у изумленного папаша выдул бутылку водки и шесть бутылок пива (остальное выпили мы с родителем). После этого он, не качнувшись, прошелся по прямой линии из конца в конец кабинета.

— Здорово! — резюмировал отец. — Если бы сам не увидел, ни в жизни не поверил бы. Ты (это мне), парень, голова! Вот, держи за труд. Бери, бери! Честно заработано!

БОГИНЯ

Торчал во дворе, ожидая увидеть мою Богиню. Вдруг на меня обрушилось исчадие ада, чем-то напоминающее Богиню, но вдвое старше. Она выпалила хорошо поставленным голосом бывшей комсомольской активистки, что если я не перестану преследовать ее дочь, она заявит в милицию, а то и в КГБ, там у нее знакомый есть. Я заметил, что у нее дрожит веко и слегка дергается шея.

— Минутку спокойствия, — сказал я и коснулся своими пальцами сначала ее век, затем лба, затылка, шеи. Она сначала оторопела от неожиданности, потом, очевидно, догадалась о цели моих манипуляций и покорно вынесла процедуру. Мне потребовалось меньше минуты избавить ее от болезни, от которой ее в течение многих лет не сумели избавить табуны бесплатных наших врачей и тайные шарлатаны, безжалостно дравшие с нее большие деньги. Окончив процедуры, я поблагодарил ее за внимание, извинился за беспокойство и удалился. Мне послышалось, что она вслед произнесла слова «мерзавец», «проходимец», «шарлатан»... Под тяжестью этих слов я опустил голову и согнул спину.

Я сражаюсь с целым миром, но я бессилён перед испепеляющим цинизмом женщины.

Перед тем, как влюбиться в дочь, взгляни на ее мать, гласит старая народная мудрость.

Но есть столь же старое предание, будто ведьмы в юности бывают красавицами...

ЧУДО

Я проповедовал часть своего учения, касающуюся пьянства, в кафе на улице Горького — непростительная ошибка для такого опытного проповедника. Я говорил о том, что моя религия не запрещает пьянства, что сам Христос был не прочь выпить и порою превращал воду в вино (чего я, к сожалению, делать не способен). Конечно, все хорошее, что человек имеет благодаря пьянству, он может иметь и без него.

Но этому надо учиться. Это сложно. Пить, конечно, много проще. Но во всем надо быть последовательным. Любой образ жизни по-своему хорош, если последователен. Если ты вор, воруй до конца, ибо, став добродетельным, ты погибаешь как человек.

— Верно! — заорали мои слушатели.

— Если ты бабник, — продолжал я, — то будь им до могилы.

— Правильно! — еще громче заорали слушатели.

— Если ты пьяница, — развивал я далее свое учение, — пей до конца, до последней копейки, до последней рубашки.

— Ура!!! — завопили мои слушатели-собутельники.

Этот крик превысил меру, и нас забрали в милицию, обещая посадить за хулиганство на пятнадцать суток. Меня заперли отдельно, в самом глубоком подвале, в комнатухе, куда не сажали даже отпетых негодяев, ибо там было воды всегда по колено. Заперли меня на два мощных замка.

— Если ты Бог, попробуй выбраться отсюда, — сказал запиравший мою камеру милиционер. Он ушел. Я легонько толкнул дверь, и она открылась со стороны петель. Почему открылась — сам не понимаю. Я вышел из камеры, прикрыл за собой дверь и побрел в дежурное помещение, откуда доносился гомерический хохот. Можете себе представить изумление милиционеров, когда я вошел! Они застыли с разинутыми ртами. А я тихо пересек комнату и вышел на улицу. Никто меня не остановил.

«Чудеса» Христа — это лишь литературная форма его учения (как и притчи его). Сам Христос был против разглашения его способности творить чудеса. Почему? Да потому, что у него, как и у меня, была более высокая задача: изменить ориентацию общественного сознания и тем самым изменить весь мир.

В ту выпивку, когда нас забрали, я угощал целую компанию завязяных пьяниц, не заплатив ни копейки, — такие чудеса не был способен делать сам Христос. Более того, когда нас забирали, официантка принесла мне сдачи. Как я делаю подобные чудеса — это секрет. Но я ими не злоупотребляю — у меня более возвышенные цели. Я к ним прибегаю лишь тогда, когда нет никакой надежды честно заработать обед, а от голода мутится сознание.

БОГИНЯ

Я был в гостях — меня кормили ужином в одном почтенном семействе за мелкую услугу хозяйину. Смотрели все вместе телевизор. В нем демонстрировали достижения балетной школы. И я увидел Ее. Она была в центре программы. Увидев ее, я забыл про еду, хотя голоден был чрезвычайно. Хозяин сказал, что Она — «хороша девочка, пальчики оближешь, аппетитная». Семнадцатилетний сын хозяина сказал, что балерина она ерундовая, бездарная, но телеса и мордочка великолепные. Пятнадцатилетняя дочь хозяина сказала, что этого достаточно, чтобы сделать хорошую карьеру. Переспит с кем надо, и все! Хозяйка сказала, что «все они там проститутки». Сын сказал, что «там процветают извращения», что танцоры там — гомосеки, а балерины — лесбиянки. Хозяин сказал, что это все идет от диссидентов! Они разговаривали в таком духе, комментируя части тела и движения моей Богини.

А я смотрел на Нее, как замороженный, и твердил про себя как молитву: «Спи с кем угодно, танцуй плохо, доноси, предавай, будь примерной комсомолкой, будь глупенькой и корыстной! Только будь! Только позволь мне хотя бы иногда, хотя бы издали, хотя бы на миг видеть тебя!»

Программа кончилась. Чудесное видение исчезло. Хозяйка в коридоре сунула мне в руку десятку. Велела (именно велела, а не попросила) позвонить к ним через пару недель на всякий случай. Я сказал, что

я работаю с гарантией на год, подобно западным фирмам. Заработанную десятку я пропил с незнакомым пожилым человеком. Рассказал ему о своей Богине.

— Плюнь,— сказал он мне, обнимая меня и искренне сочувствуя моему горю.— Стоит ли из-за бабы так раскисать? Ты же мужик. Наша судьба такая!

— Дело не в ней,— сказал я,— а во мне самом. Хочется видеть что-то светлое и чистое.

— Я прожил жизнь,— сказал он.— Поверь мне, нет в нашей жизни ничего светлого и чистого. Одна грязь и мрак. Только вот эта минута, когда мы с тобой, свята. Только она. А она скоротечна. Она сейчас кончится. Сейчас я буду вдрызг пьян, а пьяный я — самая гнусная тварь. Уходи, пока я еще не...

А ночью я не выдержал, оделся и пошел на улицу, к ее дому. До утра стоял под ее окном. И про себя пел ей мою серенаду.

*Дни и годы идут,
Не сосчитать утрат.
Зачем я торчу тут,
Под окнами, до утра?
Разное нам дано,
Хоть плачь или удавись,
Но я опускаюсь на дно,
А ты устремляешься ввысь.
Холод в моей душе,
Жизни никчемной суть,
Не в силах мыслью уже
Даже пылинку сдуть.
Я просто гороховый шут,
Быть Богом не мой удел,
И вовсе я не вершу
Ходом событий и дел.
Вроде кончатся пора,
Нечего ждать мне тут.
Меня, как сор, со двора
Дворники прочь метут.*

УЧИСЬ У УЧЕНИКОВ СВОИХ

— Как вы думаете, сколько мне лет? — спрашивает мой собеседник. Я разглядываю его молодое, свежее лицо. Я знаю, если человек предлагает угадать его возраст, он выглядит моложе своих лет.

— Пятьдесят пять,— неуверенно говорю я.

— Ошибаетесь, молодой человек! — ликует мой моложавый собеседник.— Семьдесят пять! Не верите! Вот мой паспорт, взгляните!

— Как же это вы ухитрились так сохраниться? — с восхищением спрашиваю я.

— Все удивляются,— говорит он,— в особенности врачи. Все спрашивают, как это я ухитрился так сохраниться? Только вот слушать никто не хочет. Стоит мне начать объяснять это «как», как у всех пропадает интерес. Все хотят услышать какую-нибудь короткую и простую магическую формулу жизни. Чтобы раз — и готово! Живи до ста лет молоденьким. А никакого эликсира молодости нет. И пилюль

никаких нет. И диеты никакой нет. И голод не поможет. И йога пресловутая ничего не даст. Быть вечно молодым — это сложная наука и тяжелый труд. Это, можно сказать, особая профессия.

Я вам еще не надоел? — спрашивает он. — Обычно у желающих услышать мой ответ на их вопрос «Как?» именно в этом месте пропадает интерес к моему возможному ответу. Продолжать? Что же, вы первый, кто отваживается слушать меня. Спасибо вам за это. Обратите внимание: я даром отдаю вам мой бесценный жизненный опыт и говорю еще «спасибо» за то, что вы его соглашаетесь взять! Простите, я не хотел вас персонально обидеть. Это я вообще. Я понимаю, что мой опыт вам не нужен. Он никому не нужен. А все-таки странно. Люди же так хотят долго жить и не стареть! Верно, они хотят, чтобы им кто-то даровал вечную молодость. Чтобы без усилий. За деньги. По положению. А долгую молодость никто вам не подарит. Ее не купишь за деньги. И высокое положение тут бесполезно. Конечно, вам могут продлить жизнь. Вон наши вожди как долго живут! Только они живут стариками. Они становятся стариками уже к тридцати годам. Довелось мне однажды попасть в дом отдыха ЦК. Случайно получилось. Все отдыхающие — в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет. А взглянули бы вы на них! У кого брюхо, кто лысый и обрюзгший, ни у одного мускулов нет.

А пощупайте мои бицепсы! Я плавал, бегал, на спортивных снарядах крутился лучше их всех. А проживут эти люди долго. До восьмидесяти многие дотянут. А что это за жизнь? Проблема не в том, чтобы долго жить, а в том, чтобы долго не стареть.

АДЕКВАТНОСТЬ ЭПОХЕ

Я родился слишком поздно. Америка и электрон уже открыты. Люди уже побывали на Северном полюсе и на Луне. Я родился слишком рано. Полный коммунизм еще не построен. У меня возникла потребность обновить штаны, но без денег ее пока удовлетворить нельзя. А денег нет. Короче говоря, я родился не вовремя. Если бы я родился раньше, я мог бы открыть Америку или электрон, в крайнем случае мог бы замерзнуть в километре от Северного полюса. Если бы я родился позже, я щеголял бы в новых штанах. А так — ни Америки, ни штанов. Остается одно: теоретизировать на тему об адекватности или неадекватности человека своей эпохе.

— Чудак, — сказала одна моя пациентка, когда я изложил ей свои огорчения. — То, что штанов нет, это еще ничего. Вот когда...

— Ты права, — согласился я, догадавшись, что она имела в виду. — Человек всегда рождается вовремя. Если бы я родился ранее, человечество никогда не открыло бы Америку и электрон. А если бы я родился позднее, то до полного коммунизма было бы так же далеко, как и сейчас. Жизнь прекрасна и в драных штанах. И еще неизвестно, что лучше — замерзнуть, не дойдя до полюса, или...

— «Или» лучше, — сказала она.

И на сей раз она была тоже права.

— Если бы я родился раньше или позже, — сказал я, — то наши дороги не пересеклись бы. И было бы жаль, если бы это не случилось.

Но она вскоре покинула меня, сказав на прощание, что я на самом деле родился не вовремя. Она ушла к человеку, который родился в самый раз: у него были кооперативная квартира и заграничные штаны.

ОДИНОЧЕСТВО

Наступила полоса неудач и одиночества. Нет близкой женщины — вот суть одиночества. И я богохульствую: зачать без мужчины — дело нехитрое, ты попробуй зачать без женщины!

ХАОС МЫСЛЕЙ

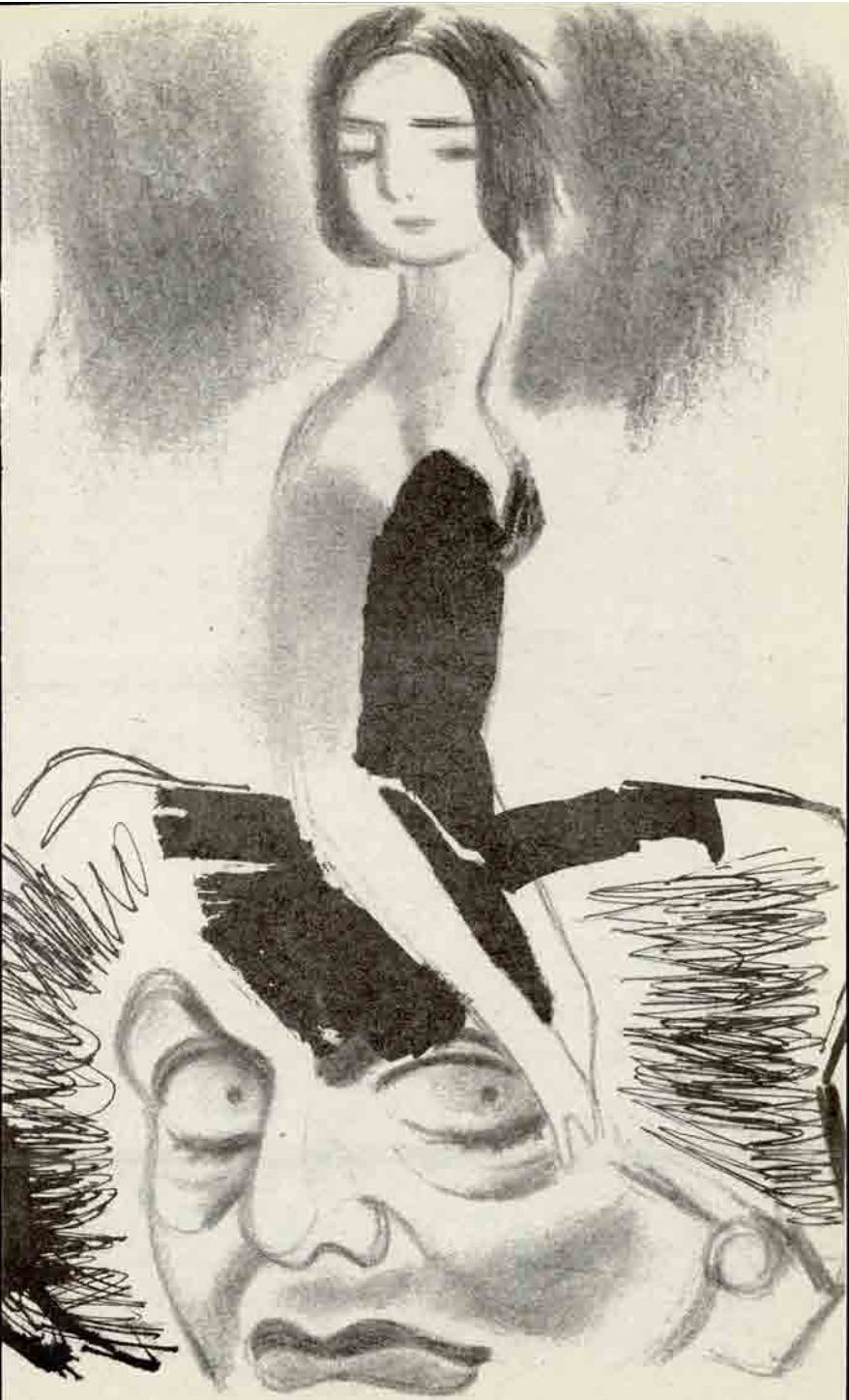
Строить религиозное учение трудно по многим причинам, а главное — по причинам психологического и логического характера. Религия, например, в принципе логически противоречива. Я уверен в том, что Христос метался в противоречиях. «Взявший меч, — говорил он, — от меча и погибнет». И как бы позабыв об этой мысли, он говорил: «Не мир принес я вам, но меч». Проанализируйте все его изречения, и вы найдете в них кучу логически не совместимых мыслей. И это-то как раз естественно для религии. Я иду в этом направлении открыто и сознательно. И иду до логического конца в логической противоречивости.

— Готовься к смерти, — говорю я, — и потому живи полноценной жизнью. Жизнь есть миг, — говорю я, — и потому живи с установкой на вечность. Будь готов умереть в любую минуту — и потому считай, что никакая минута жизни не есть последняя. Будь терпим — потому сопротивляйся всякому насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. Иди к людям — и потому будь один. Если ты человек, ты всегда одинок, а одиночество есть твоё отношение к окружающим людям. Имей все — и потому отдай все. Смирись, бунтуй. Бунтуй, смиряясь. Короче говоря, на каждый принцип есть противоречащий ему, через который и только через который он и осуществляется. Я думаю, что, когда Христос призывал возлюбить врагов своих и подставлять другую щеку, если тебя ударили по одной, он лишь выражал это качество религиозного учения, его органическую противоречивость.

В религиозном учении есть основные принципы и производные. Но согласование их производится не по правилам логического вывода. Здесь человек не может быть заменен машиной. Связь этих принципов не есть некая формальная (вычислительная) операция. Вот конкретный пример. Допустим, я принимаю основной принцип: допустимы любые средства защиты против противника, который нападает на тебя без твоей вины и превосходит тебя по силам. Пусть мы имеем частный случай нападения. Возникают проблемы, не разрешимые формально: есть это защита с вашей стороны или нет, достаточно ли противник превосходит вас по силам, не являются ли ваши меры защиты чрезмерными? В каких случаях, получив удар по щеке, следует подставить и другую щеку и в каких следует ответить двойным ударом? Нужна система прецедентов, типичных и характерных случаев такого рода. Для наших сложных жизненных условий это кропотливая работа, требующая гения более высокого ранга, чем в науке.

СУЕТА

На сей раз моя задача — вылечить важное лицо от заикания. Из-за этого заикания застопорилась его блестяще начатая карьера. Я велел ему рассказать про случай в его ранней юности, после которого он стал заикаться. Он рассказал, что подглядывал, как его отец совокуплялся с родственницей матери, жившей в их доме, что отец это заметил и основательно побил его, пригрозив кастрировать, если он расскажет

матери. Рассказывая, он сильно заикался. Я попросил его рассказать всю историю еще раз, но более подробно. Он рассказал, причем заикался меньше. Я попросил повторить историю еще и еще раз. Повторяя историю в десятый раз, он не заикнулся ни разу. Он сам был поражен этим явлением. Я сказал ему: «Отныне вы не будете больше никогда заикаться».

После излечения этот человек уверял меня в том, что я сам не знаю цены себе, что мне надо присвоить все высшие ученые степени, дать институт и клинику. Я сказал ему, что мои способности имеют силу только при том условии, что я веду свой нынешний жалкий образ жизни, что, получив все то, о чем говорил он, я эти свои способности утрачу немедленно. Будь я профессором из почтенного института, я не смог бы вылечить его. Ведь его лечили многие специалисты, светила, не так ли? А результат? Существо, принимающее ежедневно ванну, спящее на хрустящих простынях и питающееся свежими овощами зимой, не может творить чудеса. Оно может сотворить только пакости.

После этих моих слов партийный чиновник велел гнать меня в шею. Он крикнул вдогонку, что, если я попадусь на его пути или он услышит, что я занимаюсь своей антинаучной агитацией, он велит выслать меня из города. Он не заикался при этом. Путь для продолжения его блестящей карьеры был открыт.

ВЫСЛУШАЙ И ПОВЕРЬ

— Я все время полемизирую с собой,— говорит мой собеседник.— На сей раз предметом моей внутренней полемики была причина, которая и привела меня сюда.

114 — Если бы я рассказал про свою жизнь, никто не поверил бы, что это все было на самом деле,— сказал я себе.

— А ты и не рассказывай,— ответил я опять-таки сам себе,— все равно же не поверят.

— Верно,— сказал я (теперь уже не разберешь, что тут есть утверждение и что возражение),— но все-таки жаль, что так никто и не узнает, как я прожил жизнь. Подохну скоро, и все исчезнет. И будет так, как будто бы ничего и не было. А ведь я прожил жизнь дай Бог всякому, есть о чем рассказать.

— Это тебе самому кажется, что есть о чем рассказать,— усмехнулся я.— А для прочих людей это все суть сущие пустяки. К тому же люди покрупнее тебя исчезали бесследно. А сколько таких было, есть и будет?! И жизнь их наверняка поинтереснее твоей. Да что люди! Целые общества исчезли, не оставив никакой памяти о себе. Целые миры! Звезды! Галактики! А тут какое-то ничтожество, о котором даже не было ни одного упоминания в могучем книжно-журнально-газетном потоке нашего времени.

— Ну и что?! — возмутился я.— Плевать мне на Галактики, звезды и общества. Их много, а я один. Для меня моя жизнь важнее и интереснее, чем, например, эволюция некой звездной системы за тридцать земель. Вдумайся сам внимательнее в эту проблему! В самом деле, какое тебе дело до того, что за тридцать земель произошел какой-то странный взрыв сверхогромной звездной системы, в которой было два миллиарда планет, населенных секстильонами и квантильонами живых существ? Ты же не астроном, не философ и не член общества «Знание». Ты на этой мировой катастрофе гроша ломаного не заработа-

ешь. А вот то, что тебя в ближайшее время на пенсию попрут, это действительно проблема!

— Верно,— согласился я,— проблема.

— А за что, спрашивается? Работаю я не хуже других. И уж, во всяком случае, не хуже молодых ребят и девчонок, которыми теперь буквально кишит наше учреждение.

— Чудак,— грустно сказал я,— попрут, потому что заведующий на твое место хочет взять молоденькую смазливую блондиночку. Он за обещание устроить ее в наше учреждение уже и взятку получил. И приличная любовница будет. Ненадолго, конечно. Как только она устроится здесь, она найдет себе покровителя посерьезнее. Но это потом. А пока...

— А пока надо меня выпихнуть (выпереть, вытолкнуть, выбросить, списать — сколько для этого слов есть!) на пенсию. Смешно сказать: даже мое мизерное место кому-то понадобилось. А я оказался неспособным постоять за себя даже на этом примитивном уровне. Почему?

— Вот именно,— торжественно заявил я,— почему? Хотя бы для этого стоит рассказать о своей жизни.

— Но кто тебя будет слушать? — съехидничал я.— Что было в твоей жизни заслуживающего внимания других людей? Тем более никто же не поверит, ты сам говоришь.

— Не беда,— нашел я выход из затруднения,— можно найти человека, который за плату согласится выслушать меня и поверить. И вот я, как видите, здесь. Много, конечно, я заплатить не могу — зарплата у меня мизерная. Но по силе возможности... Я понимаю, чем больше платишь, чем внимательнее тебя слушают и больше верят... Но я на многое не претендую. Хотя бы немного выслушайте, хотя бы чуточку поверьте.

И я слушаю очередную печальную и унылую историю человеческой жизни. И верю в ней каждому слову. Человеку надо верить. Верить людям есть обязанность Бога.

ЦИНИЗМ

Есть явления, которым я не знаю общего названия, но роль которых познал сполна: это явления, которые лишают святости человеческие чувства, мысли, намерения, порывы, отношения. Это цинизм, пошлость, скабрзность, наглость, бесцеремонность и прочее в том же роде. Мы с Антиподом проходили мимо самого шикарного ресторана в городе. Вдруг я через окно увидел Ее в компании мужчин и женщин, судя по виду — артистов. Я замер от неожиданности и от смысла увиденного. Антипод проследил мой взгляд, понял, в чем дело.

— А я ее частенько вижу тут,— сказал он с презрительной усмешкой.— Какой же ты все-таки юнец! Нашел в кого влюбиться! Банальная и посредственная потаскушка, пытающаяся сделать хотя бы малюсенький шагок в жизненной карьере за счет смазливой мордочки и соблазнительных форм.

— Но она же не виновата,— возразил я.

— Ну да,— сказал он,— ее совратили, развратили, вынудили. Не будь таким наивным. Если человек не захочет сам быть совращенным, его никто не в силах совратить. Можно изнасиловать, но не совратить. Тут совращение добровольное и расчетливое. Уверен,

и родители тут постарались. Они ведь заботились о счастье единственной и любимой дочери. Наверняка они сами пригласили того человека, от которого зависело зачисление ее в труппу театра, и подсунули ему свое свеженькое, испеченное специально для совращения и разврата чадо.

— Пусть так, — говорю я. — Зачем это видеть? Мы же не подглядываем за людьми в туалете. Так зачем нужно заглядывать за кулисы жизни?! Можно ведь смотреть лишь на сцену, причем изда-лека.

— Эх ты, — сказал он, пожимая плечами. — А еще Бог. Жизнь есть не спектакль, а сражение. В нем все есть цена и все есть кулисы. Плюнь на нее. Не стоит она того, чтобы мучиться. Что, тебе других баб мало? Да с твоей внешностью такую красотку можно найти, что...

— На Небесах, — сказал я, — не ищут возлюбленных. Там их предна-значают. Она мне...

— Хватит ныть, — сказал он. — Видишь, пара девчонок на нас поглядывает? Заткнись и следуй за мной!..

Но из нашей атаки ничего не вышло.

— Пошли вы к черту, — сказала одна из девиц, закуривая сигарету. — Мы своих ребят ждем.

Со мной чуть истерика не случилась от смеха, когда я посмотрел на выражение лица Антипода.

— Вот б...и, — сплюнул он, когда мы отошли немного. — Что творится с народом? Страшно прикоснуться к человеку...

ХАОС МЫСЛЕЙ

116 Религия не должна быть скучной и унылой. И не должна быть стадной. Она должна быть индивидуальной и жизнерадостной, вернее, жизнеутверждающей.

Она не должна унижать людей. Никакого коленапреклонения и ползания на четвереньках и на пузе! Стоять и ходить прямо, с достоинством! Долой смирение! Да здравствует бунт, отвага, бесшабашность, беззаботность!

О БОЛЕЗНЯХ

Христос ничем не болел. Но я в это не верю. Просто он не успел заболеть, ему было не до болезней, его не обследовали даже в районной поликлинике. Я тоже не болею, если не считать геморроя — признака божественности. Это значит, что я не считаю болезнями то, что считают болезнями другие люди. Поскольку я человек без постоянной работы, без прописки и без паспорта, я не существую для общества. И не могу пользоваться бесплатным медицинским обслуживанием. Когда я приводил в порядок зубы у частника, я заплатил ему все, что смог приработать за полгода. За мной некому ухаживать во время болезни. И негде отлеживаться, так как я обязан днем покидать помещение, где ночую. Потому я вообще исключил понятие «болен» из своего лексикона в отношении к себе. И как может болеть сам исцелитель?

Однажды я снизил температуру у больного, а у самого температура подскочила до сорока. Ночевать пришлось на скамейке на бульваре хотя было холодно. После той ночи мне все недомогания кажутся пустяками.

Я И АНТИПОД

— То, что ты болтаешь, забавно. Но, извини за грубость, это — шарлатанство.

— Верно. Моя работа действительно болтовня, то есть разговор по душам. На Западе эту работу выполняют особые специалисты. Они пользуются уважением и получают большие деньги. На пять процентов их умение идет от науки, на девяносто пять процентов — шарлатанство. У нас таких специалистов официально нет. Их функции выполняют бесчисленные любители и немногие нелегальные профессионалы вроде меня. Мы тоже шарлатаны, причем на все сто процентов. Но западное шарлатанство не имеет никакого отношения к душе, тогда как наше целиком и полностью есть дело души. Наше шарлатанство от Бога. Христос ведь тоже был шарлатаном.

— А чем он кончил?!

— А что было потом?!

БОГИНЯ

Если бы мне пришлось выбирать одно из двух — мировое признание меня в качестве творца новой религии или хотя бы один час обладания моей Богиней, — я выбрал бы второе.

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

— Теперь, — сказал я Балбесу после того, как он проспал целые сутки, — женщины.

Балбес за эти две недели проникся ко мне таким доверием, любовью и преданностью, что вытянулся по-военному, щелкнул каблуками и сказал «есть». Сначала я прочитал ему короткую вводную лекцию.

— Умение обращаться с бабами, — сказал я, — есть вторая добродетель будущего молодого советского дипломата. Есть разные концепции б...ва. Наша советская концепция, базирующаяся на принципах марксизма-ленинизма, исходит из следующих основных постулатов. Нет такой женщины, которую нельзя склонить к совокуплению. Нет таких условий, в которых нельзя было бы совокупляться с женщиной. Приняв решение вступить в половую связь с избранной женщиной, немедленно приводи свой замысел в исполнение. Промедление провалу подобно. Никаких колебаний. Никаких посредствующих звеньев.

Через полчаса Балбес знал нашу теорию б...ва наизусть, и мы перешли к практической части — к развитию навыков секса в разнообразных условиях и развитию органа секса. Для этой цели я нанял старую подзаборную потаскуху Дуську, ставшую Музой нашей творческой интеллигенции.

И какие только штучки она не вытворяла с Балбесом! Секс у могилы Неизвестного Солдата в тот момент, когда на нее возлагали венок молодожены, был самой невинной среди них. Упражнения для члена я разработал Балбесу сам. Через месяц он удлинился и утолщился у него вдвое. А какой прочности он достиг, говорит сам факт: одним ударом члена он научился раскалывать кирпич пополам.

Овладев теорией и техникой секса в совершенстве, Балбес стал регулярно применять на практике свои способности. Первым делом он «трахнул» весь педагогический состав школы, что имело следствием

резкое возрастание его успеваемости. Потом он принялся за девочек старших классов. В городе о нем стали рассказывать всяческие истории. Когда слухи о распутстве сына достигли уха отца, тот преисполнился гордости за род Гробык и заплатил мне вдвое больше прежнего.

ХАОС Мысли

— Будьте совершенны, как Бог, — говорит Христос.

Верно говорил. Будьте! Только что это значит — быть совершенным? В этом есть два смысла. Первый смысл: совершенный человек — это идеальный человек (в смысле очень хороший человек, лучше не бывает). Такой человек обладает одними положительными качествами и не имеет никаких отрицательных. Это пустая абстракция. Даже Бог в представлении Христа имел минусы: гневался, наказывал, посылал трудные испытания. А реальный человек не может быть идеальным по той простой причине, что положительные качества невозможны без отрицательных, ибо они оба суть проявления одного и того же. Реальный человек, пытающийся приблизиться к идеалу, не может выжить в борьбе за существование, а если и выживает, то на поверку оказывается порядочной сволочью. Самое большее, что возможно на этом пути, — это ограничение отрицательных потенций. А тут в нашем обществе принципиальных проблем нет: система воспитания, идеология, пропаганда, искусство, коллектив, общественные организации (партийная, комсомольская), органы власти (милиция, КГБ), коллеги, родственники и знакомые так или иначе сдерживают отрицательные потенции человеческой природы, вынуждают людей быть лучше, чем они могли бы быть, будучи предоставлены сами себе. Функции божественного образца и призыва к подражанию ему в нашем обществе выполняются всеми от мала до велика. И призыв Учителя Праведности к людям, чтобы они были хорошими, в этих условиях прозвучал бы, как банальная, пустая и лживая пошлость. Потому я не призываю вас сдерживать отрицательные проявления вашей природы — это не моя задача, это задача идеологии, пропаганды, партийной и комсомольской организации и прочих элементов вашей социальной жизни.

Второй смысл совершенства: абсолютно совершенный человек — это существо, которое в потенции обладает всеми мыслимыми качествами, причем не только хорошими, но и плохими. Совершенный человек в этом смысле способен приспособиться к любой ситуации, выжить в любой ситуации, жить в любых условиях. Такой совершенный человек фактически реализуется в людях, но в той или иной мере, в среднем, а главное — в их массе. Миллион людей, взятых как некое целое, уже воплощает в себе все мыслимые качества совершенного человека. Совершенное в этом смысле существо есть Бог. Тут я солидарен с Христом: будьте совершенны в этом смысле! Стремитесь индивидуально овладеть всеми потенциями огромной массы человечества! Но не стремитесь все их проявлять. Как распорядиться этим богатством абсолютно совершенного существа — вот этому и учит моя душелогия, мое учение о житии.

БОГИНЯ

Богиню привез домой далеко за полночь лысый, разодетый во все заграничное мужчина лет пятидесяти. Он проводил ее до парадного Обнял. Поцеловал. Она ответила ему тем же.

*Взглядом холодным окинь
Нашу чудо-планету,
Нету на ней богинь,
Значит, и Бога нету.*

*И если уж тут тоска,
То тысячу лет пространствуй,
Не сможешь их отыскать,
Все перерыв пространство.*

Я И АНТИПОД

Мы с Антиподом проходили мимо Дворца бракосочетаний. Не стоит и говорить о том, какое убогое это зрелище. Даже Антипод не выдержал и плюнул от омерзения.

— А ведь это реальность твоих «идеологических храмов», — съехидничал я. — Твои «храмы» будут. Но они в реальности будут выглядеть совсем не так, как ты воображаешь. Самые светлые и умные замыслы в нашей системе превращаются в серость, глупость, пошлость, скуку. Самое большее, что они принесут с собой, — это тотальный контроль над душами людей.

— Если тотальный, — усмехнулся он, — то это было бы хорошо. Но, к сожалению, с такими «храмами» души людей не уконтролируешь. Тут пока не храмы, а тюрьмы и концлагеря нужны. Сталин не довел свое дело до конца.

Но не все сказанное нами следует принимать за чистую монету. Много в наших речах говорится «для красного словца», в шутку, из духа противоречия.

Часто нам самим не ясно, в чем наши расхождения. Часто мы переходим на противоположные позиции.

СВЕТА

Я люблю мои беседы со случайными людьми и пациентами, специально разыскивающими меня. Это и есть моя реальная жизнь, а не призрак жизни. Вот я вошел в дешевое кафе выпить стакан чаю и съесть бутерброд — все, что я могу позволить себе сегодня. Какой-то незнакомый человек делает мне знак из глубины кафе, зовет к своей стойке. Подхожу. Человек отодвигает грязную посуду, наливает в стакан какой-то красноватой бурды (у нас это считается вином), насаживает на вилку какой-то еды со своей тарелки, делает мне знак пить и закусывать.

— Я сразу заметил, — говорит он, — что ты свой парень! Че-ло-век! Теперь встретить человека трудно. А ты, я вижу, че-ло-век! Ну, дуй!

Я «дую». Он говорит, что я молодец, не брезгую угощением «просто человека». И затем я терпеливо выслушиваю его историю.

— Отец советовал мне выбрать такую профессию, которая гарантировала бы кусок хлеба при всех обстоятельствах, — говорит он. — Совет прост, да не так-то легко ему следовать. Кажется, например, совершенно очевидным, что профессия продавца продовольственного магазина или повара в общественной столовой гарантирует упомянутый кусок хлеба. Но это далеко не так. Гарантия тут кажущаяся. Тут ты имеешь гарантированный кусок лишь тогда, когда все прочие имеют тот же

самый кусок или кусок получше и без всяких гарантий. Но случись что серьезное и... У нас в городке, например, когда началась война, высшее начальство первым делом заполонило все питательные точки своими родственниками и холуями, а прежних обладателей этих точек вытурили, кого в армию, кого в тюрьму, кого на военные заводы. А почему, вы думаете, нечто подобное не произойдет в случае будущих неприятных событий большого масштаба? Зато плясуны и баянисты, над коими до войны все подшучивали, как над бездельниками, а их занятия за профессию вообще не почитали, всю войну провели в теплоте и в сытости. И все уцелели!

Когда мои практичные и прозорливые родители решали,— продолжал незнакомец,— кем мне быть, вариант с плясками и баяном обсуждался ими неоднократно. Отец был против, упирая на то, что я способен играть только на нервах родителей. Мать же настаивала на том, что баян не скрипка Студебеккера (она, очевидно, хотела сказать: Страдивари) а пляска не балет, что свистеть, топать и охать может научиться даже такой бездарный растяпа, как я. Но в музыкальную школу меня не приняли из-за абсолютного отсутствия музыкального слуха. Смешно? Бывает абсолютный музыкальный слух. Очень редко, говорят, бывает. Но еще реже встречается абсолютное отсутствие музыкального слуха. Так вот, я принадлежу к числу этих исключительных личностей. Для меня что «до», что «ре», что «соль» — все едино. Я даже «Чижика» одним пальцем не смог научиться играть за целый год. Тоже своеобразный рекорд. Так вот, эта моя уникальная способность и позволила мне стать обладателем самой уникальной профессии в стране: я специалист по безобразным звукам, с помощью которых можно парализовать животных. И человека тоже. Собственно говоря, это и предназначено для людей. Опыты только проводятся на животных. А я пока единственный человек, способный переносить такие звуки. Не веришь? Я тебе дам адресок. Приходи. Я тебе такое покажу, что глазам... и ушам, конечно... своим не поверишь. Нажимаешь кнопку, и даже лошади немедленно с копыт долой. Ты только об этом не трепись никому, это секрет. Это, брат, посекретнее атомной бомбы. Хотя какой это секрет — атомная бомба?

НАШ ЧЕЛОВЕК

— Ты, Лаптев, в общем и целом наш человек,— сказал мне тогда товарищ Горбань,— но вот мудришь как-то не по-нашему.

— Я мудрю именно потому, что я есть наш человек,— сказал я.— А если уж наш человек начинает мудрить, то делает это всегда не по-нашему. Обратитесь к нашей истории, и вы сами...

Покинув товарища Горбаня, я преисполнился чувства преданности идеалам коммунизма.

*Заявляю категорически
И на этом твердо стою,
Что и я в поход исторический
Прошагаю в общем строю.*

*Прозвучит команда — настанет срок —
«Становись!», «Равняйся!», «Шагом марш!».
Заиграют оркестры не шейк, не рок,
А забытый походный марш.*

*В громовом «Ура!» и моя будет часть.
Автомат, а не рюмку сожму рукой.
И в атаке общей убитым пасть
Я смогу, как любой другой.*

На пересечении улиц Горького и Робеспьера я столкнулся с Антиподом.

— Что с тобой? — спросил он. — Уж не в партию ли вступать собрался?

Услышав это, я несколько смик.

*Только дело в том, что атак таких
Не дождешься и тысячу лет.
Потому снесу предыдущий стих
Для практических нужд в туалет.*

Я И АНТИПОД

— Каждый человек равен любому другому, — говорю я. — Более того, он равен всему человечеству. Всему космосу. Это одна из моих исходных предпосылок.

— Прекрасно, — усмехается он. — А младенцы? А старики? А больные? Но ладно, допустим, что люди одинаковы абсолютно во всем; если отвлечься от их общественных отношений, то первое, с чем имеют дело люди в своей социальной жизни, есть неравенство: я имею в виду отношение начальствования и подчинения, без которого невозможно объединение людей в единое общество. Это есть неравенство не только в том смысле, что положение начальника в каком-то отношении предпочтительнее, чем положение подчиненного, но прежде всего в самом факте осознания превосходства одного человека над другим. И заметь, это неравенство всеми признается как нечто справедливое.

— Я не об этом, — говорю я. — Я имею в виду некоторую моральную установку человека по отношению к другим людям и миру вообще. Для человека все бытие разделяется на «я» и «не-я» естественным образом.

— А почему это не на «мы» и «не-мы»? — возражает он. — Что является изначальной личностью — коллектив или отдельный человек, «я» или «мы»? Причем коллектив достаточно большой и сложный. Исторически «я» есть вторичное по отношению к «мы». А в условиях нашего общества тем более.

— Я исхожу уже из факта существования «я», — говорю я. — И, настаивая на своем постулате, я имею в виду не реальное равенство, которого нет (это я сам знаю), а субъективное состояние «я».

— Любая, — говорит он, — субъективная претензия, не подкрепленная реальными возможностями, вырождается в шизофрению. Ты можешь сколько угодно внушать себе, что ты равен всякому другому человеку, целому обществу и даже человечеству. Но либо это есть мания величия, то есть предмет внимания для медицины, либо нечто ничего не значащее. Если ты рядовой солдат, то сознание реальности солдатского положения не может затмить никакая маниакальная претензия быть равным генералу. Лишь делая военную карьеру и стремясь стать генералом, ты можешь реализовать свою идею равенства солдата и генерала в рамках признания реальности своего общества. Есть еще

другой путь: вырваться из данной социальной структуры. Если ты при этом покинешь армию общепризнанным способом, ты попадешь в другую ситуацию неравенства. Есть лишь один способ сразу уравнивать себя со всеми: исключить себя из общества вообще, например, дезертировать. Твои призывы на деле суть призывы изолироваться от общества, что на практике означает паразитирование за счет общества.

— Я не изоляции от общества учу, а самообороне,— говорю я.— Ничто не спасет людей от неумолимых законов природы и общества, если они не откроют в самих себе средств самозащиты от них. Я и учу людей методам самообороны от превосходящих сил природы и истории.

— А я,— отвечает он,— учу их методам нападения путем использования неумолимых сил природы и истории. Как ты думаешь, к кому придут люди?

СВЕТА СВЕТА

А вот этот человек — детский вор. Ворует коляски, одежду, игрушки. Детишек заманивает в подъезды и раздевает. Угоняет коляски с младенцами. Младенцев, конечно, выкидывает. Их не продашь, ха-ха-ха! У него есть помощница, которая до неузнаваемости переделывает украденные вещи и продает. Оба они хорошие специалисты в своем деле. Он с одного взгляда определяет ценность вещей и степень риска. Потому еще ни разу не сидел в тюрьме, хотя работает не один десяток лет. Оба они жуткие пьяницы, как и следует быть талантливым русским людям. Оба получают мизерную пенсию по инвалидности, хотя в чем состоит их инвалидность, они и сами не могут толком объяснить. Пенсия им нужна лишь для прикрытия. Они регулярно дают нужным людям взятки, и те организуют им пенсии. Кроме того, они дают взятки милиционерам. В последнее время этого вора начал волновать моральный аспект его профессии. Но отнюдь не в том смысле, что страдают детишки и родители, а в том смысле, что все труднее становится работать и все меньше становятся заработки, а взятки все растут и растут. Это чудовищная несправедливость. Вот он и подумывает сменить профессию и спрашивает моего совета, где он мог бы подвизаться с его богатейшим жизненным и профессиональным опытом. Я посоветовал ему с помощницей устроиться в детский сад. Конечно, на детской манной кашке особенно не разживешься. Но с голоду не умрешь. А главное — они могут удовлетворить с избытком свою профессиональную любовь к детям.

— Гениальная идея! — воскликнул детский вор. — За один заход можно увести полсотни пальтишек, шапочек и прочих вещичек. Этого хватит на полгода безбедной жизни!

Я И АНТИПОД

— Твой призыв к некоей «внутренней свободе», — говорит Антипод, — есть безответственная болтовня. Никакой «внутренней свободы» без свободы «внешней» нет и быть не может. Внутренняя свобода есть лишь субъективное переживание и осознание свободы внешней. Какой-то мудрец утверждает, что будто бы можно быть внутренне свободным, находясь в концентрационном лагере. Это уже не просто ошибка и не просто ложь. Это преступный обман. Можно ли быть внутренне свободным, находясь в концлагере? Можно, если ты восстанешь. Но лишь

очень короткое время, то есть с момента твоего восстания и до момента твоей гибели. И лишь потенциально. Твое восстание будет лишь претензией на внутреннюю свободу, но еще не самой свободой.

— Ты прав,— соглашаюсь я,— но внутренняя свобода и есть лишь нечто потенциальное, а не реальное. Она реальна лишь в большой массе людей и в большом промежутке времени.

— Зачем тогда мутить людей? — спрашивает он.— Ведь они все понимают буквально, а не метафорически.

— Но они сами этого хотят! — говорю я.— Человеческая жизнь коротка, а человек стремится ощущать ее масштабами тысячелетий и даже вечности. Что ему наука! Что ему реальность! Внутренняя свобода, о которой я говорю, приобщает человека к вечности. Она есть атрибут вечности.

Услышав это, Антипод рассмеялся и напомнил мне строки из моего «Евангелия»:

*О человек! Слезу утри!
Чтоб не было обидно,
Свободен будешь изнутри,
А как извне — не видно.*

И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

А вот этот человек, наоборот,— защитник слабых и обиженных. Он высококвалифицированный рабочий. Одинок. Все свое свободное время отдает борьбе за справедливость. Жалуется, что ему при этом попадает больше, чем тем, кого он защищает. Недавно, например, отсидел пятнадцать суток за то, что пытался защитить девушку от хулиганов. Хулиганов было четверо, и они все заявили, что это они защищали девушку от него. А девушка, боясь мести хулиганов, подтвердила их слова. Он спросил девушку, почему она так поступила. А за нее ответила судья: не лезь, мол, не в свои дела! Ишь, Дон-Кихот нашелся! И действительно, Дон-Кихот.

Только в наше время быть Дон-Кихотом куда труднее, чем раньше. Вот сейчас он добивается того, чтобы трещины в их доме заделали. Удивительно, дом новый, а уже капитальный ремонт нужен! Так его грозят из города выселить, если он не перестанет писать свои кляузы.

А какие же это кляузы? Холод в квартирах собачий. Стенки мокрые. Так вот, не знаю ли я способ какой-нибудь... вроде гипноза... чтобы заставить начальство эти трещины заделать! Иначе их ничем не проймешь. Я должен научить его таким «психицким» приемам. Чтобы он пришел в контору, взглянул на «этих бюрократов», а те перед ним в струнку чтобы вытянулись: будет, мол, сделано!

...Бог, повелевающий мелким чиновникам заделывать старые трещины в новом доме,— видала ли нечто подобное прошлая история?

И ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Я учу людей всему, чему они просят меня научить и чему их никто другой научить не может. В частности, я учу, как видеть желаемые и при этом контролируемые волей (активные) сны. Открыл я в себе эту способность так. Один сравнительно молодой чиновник, делающий успешную карьеру, пожаловался мне на то, что вынужден быть сдер-

жанным в быту, иначе обязательно кто-нибудь настроит донос, и карьера застопорится. А жена ему порядком надоела. Он часто видит во сне потрясающе красивых молодых женщин, но, как это и бывает всегда во сне, у него с ними ничего не получается. Нельзя ли найти какой-то выход из положения? Нельзя ли научиться во сне иметь таких женщин, каких хочется, и удовлетворяться с ними?

— Конечно, можно,— сказал я.— Но этому надо учиться. Упорно и серьезно учиться.— это вам не мясо-молочный техникум. Тут халтурить нельзя.

Чиновник согласился перенести любые трудности. И мы начали занятия. Методику я изобрел сам. Начали мы с полудремотного состояния и с реальных действий в таком состоянии. Потом перешли на примитивные волевые действия во сне. Дело сильно продвинулось вперед, когда он сам подошел к нему творчески,— стал выпивать на сон грядущий смесь всех алкогольных напитков, положенных ему по его чину. Когда он первый раз во сне добился того, чего хотел, он ликовал так, будто его в должности повысили сразу на две ступеньки. Потом он вошел во вкус и стал тренироваться совершать во сне дела государственной важности. Мои услуги больше уже не требовались ему, ученик превзошел учителя. Когда мы расставались, он сказал, что прошлой ночью провел реформу сельского хозяйства в области, вследствие которой продуктивность сельского хозяйства возросла втрое.

Я И АНТИПОД

— Твоя чудодейственная сила,— говорит Антипод,— имеет вполне земные основания. Отчасти это еще не изученные явления организма, условно называемые биотоками мозга. Отчасти — гипноз. Отчасти — эффект массовой психологии и психологии отчаяния. Вспомни Гитлера, гитлеровских врачей, Распутина... Отчасти — обман, в котором добровольно участвуют целители и исцеляемые. Исцеляемым этот обман нужен как самообман, как самотерапия. Иногда все эти явления фокусируются в одну точку, совпадают. И порождают выдающихся шарлатанов.

— Ты прав,— соглашаюсь я.— Но я есть явление иного рода. Я только похож на этих шарлатанов. Имею с ними кое-что общее. Но я никогда не достигну благополучия и признания. Меня никогда не будут изучать беспристрастные ученые. Я даже не стану объектом внимания шарлатанов, работающих на КГБ. Почему? Да все по той же причине, по какой другой выдающийся исцелитель пошел на Голгофу. Для меня исцеление болезней не есть самоцель. Это — мое побочное занятие. Объект моего внимания и воздействия — человеческая душа. Душа, а не тело.

— Душа есть лишь свойство тела,— возражает он.

— Это такое свойство,— говорю я,— которое стоит всего тела. Если душа появилась, отношение тела и души меняется на противоположное. Должно перемениться! Я хочу добиться этого.

Окончание следует.

Визит
Джаз
Надо...

...А началось с того, что в конце 1988 года среди даже самых безнадёжных (в смысле — преданных) поклонников группы «Визит», повывавшей к тому времени всякое и знавшей, естественно, как взлеты, так и падения, разнеслось тревожное: «Группа распадается... Белены они, что ли, объелись?..»

Короткое, но весьма интенсивное расследование, проведенное заинтересованными лицами, подтвердило: объелись! Гитарист ансамбля Сергей Чантурия решил, что «Визит» за все годы более или менее благополучного существования еще недостаточно самовыразился и надо что-то менять. У него возникла идея отделиться от коллектива и начать самостоятельную карьеру.

Разговор с бас-гитаристом Евгением Погореловым и другими музыкантами «Визита» показал, что к тому моменту не смогли «досамовыразиться» практически все, за исключением разве что художественного руководителя, которому музыка «Визита» очень даже нравилась (бывает же такое!) и который в силу указанных причин ничего менять и усовершенствовать в творчестве этого коллектива не собирался.

Вот так «утонченное» эстетство Чантурии в один день стало причиной гибели одной группы и рождения другой. Оставалась самая малость: решить, что же все-таки играть в пику «одряхлевшему» и отставшему уже от моды «Визиту» и как назвать суперновый по своим идеям и целям коллектив. Название придумал сам Чантурия, теперь уже художественный руководитель группы «Супер Р».

А в отношении музыкального направления было решено «Америк не открывать» и отдаться своим любимцам: джаз-року, арт-року и хард-року, предварительно смешав все это в равных пропорциях и как следует взболтав — ну, чтобы ни одному из стилей не было обидно.

(Заметим в скобках, что расшифровка названия этого мутанта до сих пор остается полной загадкой не только для публики, но и для самих музыкантов, так как Сергей — человек загадочный и молчаливый — предпочитает секреты кухни, по крайней мере своей, не раскрывать.)

Что же происходило с группой потом? Ее участники, как и положено мужчинам, не любят пустой болтовни и отвечают скупой: «Гастроли». Итак, в 1988—1989 годах «Супер Р» гастролировали «по необъятным просторам великой Родины». Но гастролировал коллектив уж как-то очень «подпольно»: объездив за это время чуть ли не полдержавы, «Супер Р» оставались никому практически не известными. Ребята сами жаловались: «Кто нас знает? Родня да тусовка!»

Но, видимо, родня у группы была вполне состоятельная, ибо музыканты не торопились брать популярность «за рога» и завоевывать капризного столичного зрителя: главное — работа над собой. И вот, работая над собой и не особенно балуя публику появлениями в концертах, в теле- и радиопрограммах, ансамбль с завидной легкостью (за рога ведь нужны, и немалые) начал производить видеоклипы. На сегодняшний день, по словам директора «Супер Р», их уже пять.

Кто, скажите на милость, помимо звезд, может еще похвастаться таким количеством дорогостоящей видеопродукции? И клипы, судя по всему, делались не иначе как для этой самой родни и личного архива музыкантов: ведь на ЦТ клипы практически не появлялись... А еще фонограммы, которые, особенно при нынешних расценках на аудиозапись, молниеносно облегчают карманы артистов! Казалось бы, теперь самое время уточнить прожиточный минимум группы, ибо при такой «шикарной» жизни она должна была

неизбежно оказаться на грани голодной смерти.

Ну а если говорить серьезно, то дебютом «Супер Р» стал международный фестиваль «Интершанс-89», который проводили совместно В/О «Международная книга» и МПО «Галерея». Настал звездный час группы. Ребята стали абсолютными чемпионами, простите, лауреатами «Интершанса» и получили даже приглашение на рок-фестиваль в Питерсхаген /ФРГ/. А может, на «Питерс Поп-Шоу»? Тут возникают некоторые неясности, так как директор коллектива не смог определиться точнее.

Но где бы все это ни происходило, музыканты «произвели огромное впечатление», по словам того же директора. Одна газета даже написала, что особое внимание обращает на себя утонченная джазовая гитарная техника Сергея Чантурии. Вообще-то до недавних пор считалось, что хард-роковая техника исполнения (а именно этот стиль преобладает в творчестве «Супер Р») весьма значительно, если не сказать более, отличается от джазовой... Но западногерманским музыкальным журналистам, наверное, виднее. И слышнее. Впрочем, «Астро Ньюс» доподлинно известно, что в «свободное от работы время» Чантурия — действительно прекрасный джазовый гитарист. Неужели и наши коллеги из ФРГ об этом прознали?

...Вот как примерно выглядели события 1989 года. После таких удач пора было, видимо, «раскручиваться» и в Союзе. И что же? Группа оказалась на редкость застенчивой и, судя по всему, решила, что обретать известность у себя дома на «откатной волне» с Запада недостойно истинных мужчин и художников. Что же делать в такой ситуации? Правильно, уйти в ... тину. Истинные мужчины и художники так и поступили. Группа исчезла, и только немногие счастливы, удостоившиеся лицезреть ее на двух-трех, может,

четырёх «тусовках», могли похвастаться, что видели группу живьем.

Однако «ничто на земле не проходит бесследно», как пелось в одном шлягере конца 70-х: поездка имела еще одно серьезное последствие. Если обычно музыканты смущались, когда разговор заходил о стилевых особенностях музыки «Супер Р», то после закордонной экскурсии они уверенно скорректировались: глэм-рок.

«Супер Р» — первая группа в Советском Союзе, осваивающая это направление. (Эх, знать бы раньше, хоть запатентовать бы успели... А теперь кому докажешь?!) «Астро Ньюс» берет на себя не очень приятную миссию — огорчить музыкантов: говорить о том, что играешь «глэм» (который, насколько известно, не музыкальный стиль в буквальном смысле, а просто имидж группы: костюмы, манера поведения, макияж, сценическое действие и т.д.) — значит утверждать, что: «На сцене я привлекать рок-н-ролл».

Но надо отдать должное ребятам: при всех «странностях» они работают на совесть, и в те редкие моменты, когда их можно увидеть на сцене, они «раскачивают» зал в считанные минуты. Так что остается неясным, почему группа, обладая подобным творческим потенциалом, таким количеством материала для собственной «раскрутки» — тремя стопроцентными «хитами», все еще остается в засаде и работает на маленьких, чуть ли не захудалых площадках. Но это уже вопросы к директорам группы (которых, кстати, целых три). Чем они занимаются в таком количестве?

А пока «Супер Р» явно претендует на особый приз, который мы советуем учредить организаторам «Интершанса». Дело в том, что группа изобрела уж что-то совсем новое в тяжелых ответвлениях рока: на «Интершансе-90» ансамбль использовал нечто абсо-

лютно свеженькое (по крайней мере для отечественной сцены, если не считать рок-эротик-шоу «Коррозии Металла»), он исполнил песню «Тяжелый рок» с «подтанцовкой», а попросту говоря, вывел на сцену кордебалет из двух очаровательных девушек, которые под действительно очень тяжелый рок исполняли нежные балетные па, смешивая их с чем-то, подозрительно напоминающим неспортивный брейк... Впрочем, японская фирма грампластинок «Джей-Ви-Си» вручила «Супер Р» на «Интершансе-90» некий ценный приз. Но вот за «рок ли с подтанцовкой»?

А тут директор (не помним, который из трех) по секрету рассказал, что группа собирается в очередной раз «самоусовершенствоваться»: облегчит музыку, отрешится от проблем и перейдет к мажорному, оптимистичному звучанию... (ну-ну!). Так что со второго, как говорится, захода (если, конечно, «Супер Р» не выедет в полном составе за рубежи Отечества годков эдак на пять, а уж иностранцы-то будут рады заполучить такое «нео-экзотик-поп-рок-хард-классик-шоу») ансамбль себя еще покажет и обязательно добьется места в первой десятке отечественного хит-парада. Да еще заставит призадуматься старых рокеров, которые хотя и пыжались, а вот уже несколько лет ничего «вкусенького» публике дать не могут.

Так что ждем музыкантов из «Супер Р». Ни пуха вам ни пера, ребята!

**Материал подготовлен
музыкально-информационным
агентством «Астро Ньюс»**

БАЗАР-

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ВОКЗАЛ...

123

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ

...Чертыхаясь, в сердцах отворачиваюсь от этих очередей, сумасшедших ценников; затыкаю уши, чтобы не слышать безумных выкриков — дают? что? где? когда? почему?! — бегу, задыхаясь, за уходящим автобусом, а он плюет в меня комьями грязи и растворяется в дыме и грохоте дня.

Все — сил никаких нет!

Итак, чертыхаюсь, отворачиваюсь, бегу — а куда? «На волю! В пампасы!» — рвался один из персонажей отечественной словесности. Но где они — пампасы, а где мы?

Мы тут, в стране, стремительно распадающейся на суверенные микрорайоны, улицы, дворы. И везде — не жизнь, а борьба за существование. Появилась соль — исчезли спички, выбросили спички — пропали макароны, мелькнули макароны — нет...

Впрочем, вру — все есть! На рынках, в комиссионках, в проходных дворах, возле парадно-черного хода (куда съезжаются, будто на дипломатический прием, «мерседесы» и «вольво»)...

Продают с прилавка, из-под прилавка, с перевернутого ящика, с газетного листа, бесхитростно разложенного на тротуаре.

Продают все. И все покупают.

Не город — базар!

И — вокзал. Что, впрочем, одно и то же. Потому что и на вокзале можно купить за червонец «104 способа любви» (Господи, да тут и об одном скоро забудешь!) и кожаный до пят плащ за пару тысяч... Не купишь одного — билета на поезд. Его можно только **достать**. А все одно: толчемся у касс, мечемся по перрону — а вдруг?!

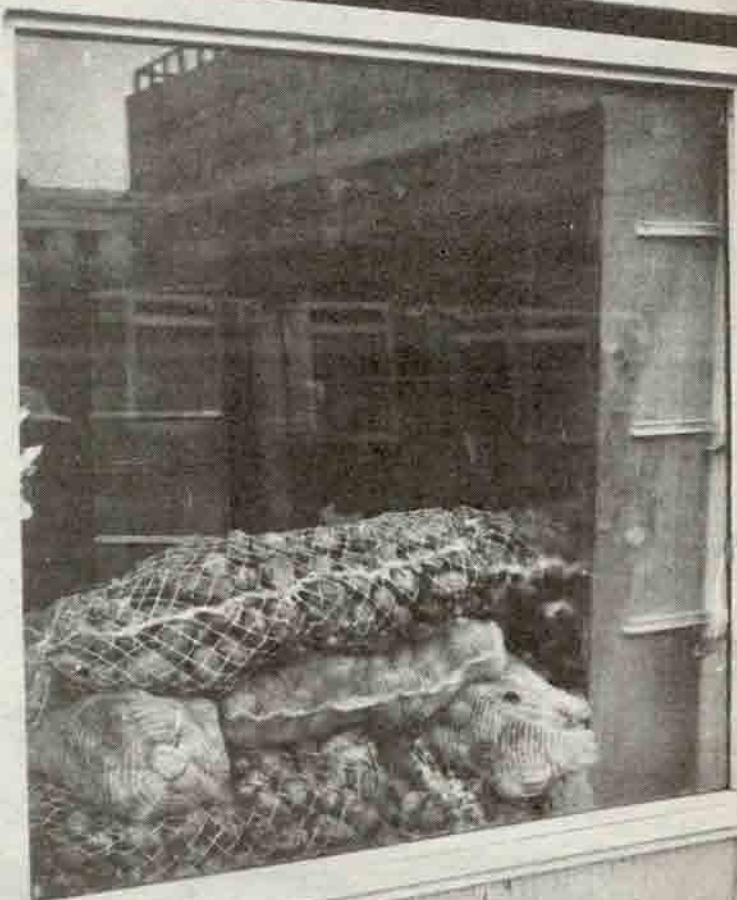
В общем, базар—вокзал...

Пустяковое присловье становится жуткой явью. Спешим, крутимся, «соображаем», кумекаем. И — замираем с открытым ртом и вытаращенными ожиданиями глазами: чу! — поезд идет

...Где же он, наш голубой вагон?

В. ГУРИНОВИЧ

ЖЕЗКАЛЫ

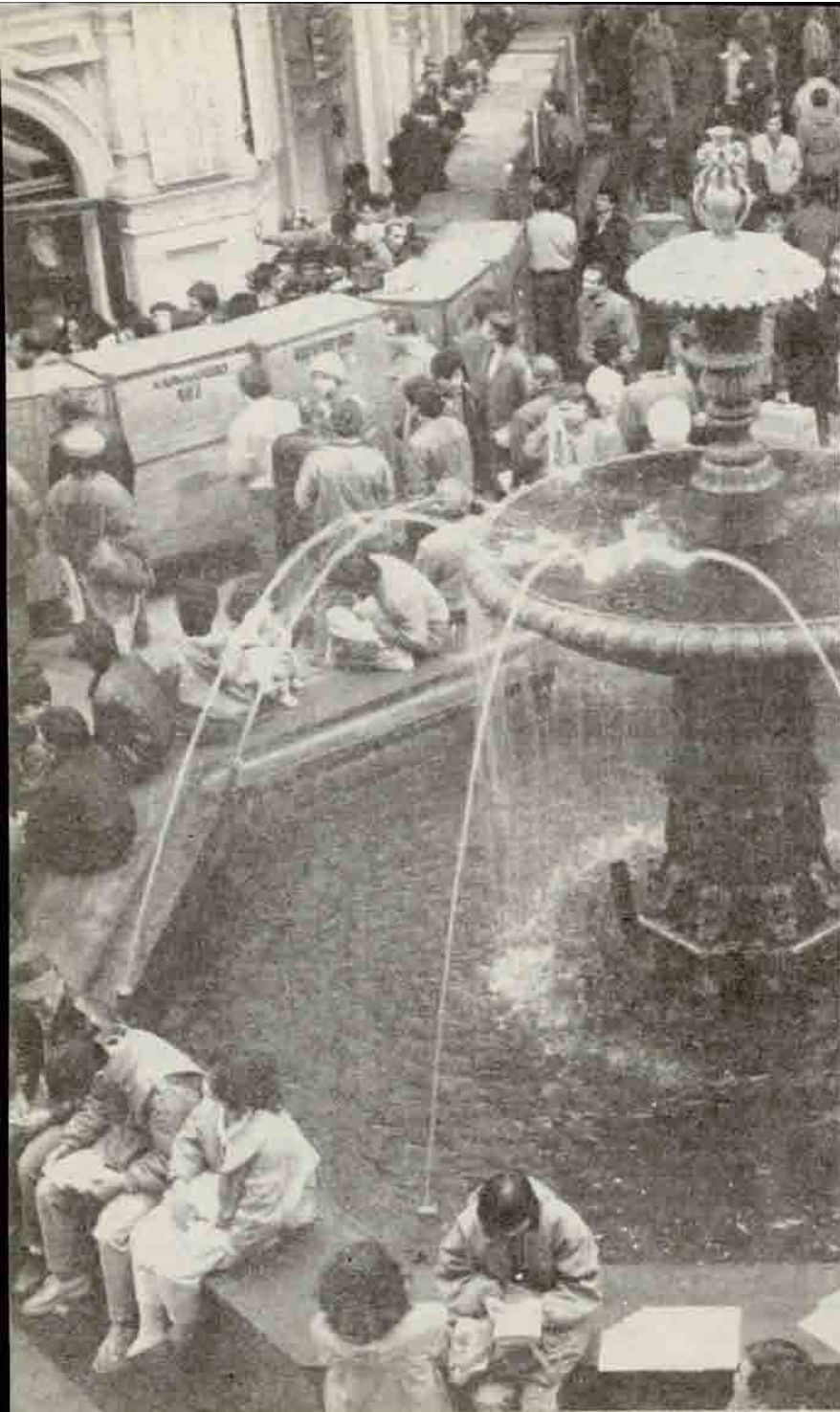

КО-ОПЕРАТИВНЫ

МЯГКОЕ
МОРОЖЕНОЕ

КУПАТЕ

...И в столичном управлении народного образования, и в инспекции по делам несовершеннолетних нет статистики по несовершеннолетним проституткам. Раз нет статистики, значит, нет и проблемы. А проститутки, оказывается, все-таки есть.

БЕЗОТКАЗНЫЕ

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА

ДЕВОЧКИ

ВЫ!

Одиннадцатилетняя Ира К. учится в одной из самых престижных школ Москвы. Наглаженный галстук, белые банты, открытый взгляд. Все соответствует нашему представлению о примерной девочке из благополучной семьи. И семья самая что ни на есть благополучная. Мама, папа, бабушка. Все при деле, у всех интересная работа. Семейный портрет в интерьере. На заднем плане — видео, бархатные портьеры, экзотическая посуда и не менее экзотические подписные издания. На переднем плане — две красивые женщины: мама и дочка.

— У нас в семье дешевых вещей не любят... И чем он старше, тем дороже можно брать.

Ира стесняется слова «клиент» и определяет это понятие местомимением «он».

— Я беру по-разному. Посмотрю на него и называю цену. Например, 100 рублей. Сначала страшно было — вдруг скажет: дорого! Но ни разу никто не сказал...

— А ничего другого ты не боялась?

— Раньше не боялась, а теперь боюсь. СПИДа. Мама ужасно ругалась, когда узнала. И рассказала про СПИД...

Если бы не подружка, считает Ира, никто бы ничего не узнал. А деньги, большие деньги — как могли не заметить дома? Ира говорит, что не покупала ничего «такого», заметного. Ну разве что косметику, кассеты, бижутерию, одним словом, пустяки всякие. Маме можно сказать, что подарила подружка. Бабушке — папа привез. Папа с бабушкой, кстати, до сих пор ничего не знают...

Я в смятении, не знаю, о чем спросить, хотя вопросов тьма. Язык не поворачивается спрашивать такое у маленькой девочки. Но все-таки, Ира, где же ты бе-

решь ИХ? Как познакомишься? Сметается. Оказывается, надо только выйти в ближайший сквер в короткой юбке, сесть на скамейку, вот так, нога на ногу, и посмотреть на прохожих — вот так. И ОН тут же подойдет. А старенькие обычно еще и живут рядом — очень удобно. Только, говорит девочка, зимой холодно в короткой юбке...

— Ира, а первый?

— Я шла к подруге. Погода была хорошая, ну я и шла не спеша, людей рассматривала. Тут парень — симпатичный такой. Я на него посмотрела внимательно, он навстречу шел. А он вдруг повернулся и пошел рядом. Он спросил что-то про то, куда я иду. Ну я говорю — к подруге. А он — чего ты там не видела? Идем ко мне, вот увидишь, не пожалеешь. Будет интересно. Я и пошла...

— Скажи, а ты сразу поняла, зачем он тебя позвал?

— Не-е, не сразу. Но потом, конечно, догадалась.

— Не испугалась?

— Чуть-чуть. Но чего ж теперь, неудобно!

— Отказаться было неудобно?

— Ну да, сама же пошла. Да и что ж такого? Взрослые-то это делают, им нравится!.. Потом он мне дал 20 рублей и велел не болтать. А я и не собиралась, что я — дура?

— А потом, с другими? Тебе никогда не было приятно или наоборот?

— Да нет, ничего особенного! Нет, когда они говорят, что я красивая, хвалят — тогда очень приятно. Разговаривают, как со взрослой. И деньги дают...

— Ты знаешь, что такое порнография?

— Конечно! — Ира явно горда своей осведомленностью. — Картинки **про это** всякие. Девочки показывали. И один старенький... ну этот, он тоже показывал. У него

таких журналов — куча! Когда цветные, красивые — тогда ничего!

...Ирина мама в недоумении:

— Как такое могло случиться? Ума не приложу! Такая послушная девочка! Я, знаете ли, долго не могла поверить. Ее совратили. Да, я не сомневаюсь, если бы не этот подонок, ей бы и в голову не пришло!

— Вы не говорили с Ирой о том, что она скоро станет девушкой?

— Почему же! Половое воспитание. А как же! У них и по ботанике — тычинки, пестики, опыление. Я ее предупреждала о месячных. Но о другом! Рано ей! Кто же знал, что эти развратные девчонки ей все расскажут?

Но вот об этом, наверное, можно было бы и подумать. Девочки — расскажут, старички — покажут, парни — научат... Тычинки — пестики. Жизнь, короче.

...«У нас дешевых вещей не любят», — сказала она убежденно. А дорогие, значит, любят.

Иру любят. И дома, и в школе. А что? Красивая, веселая, без комплексов. Учится неплохо. Дома у нее полно красивых, дорогих вещей. В основном импортных. И среди них живет девочка. Тоже очень красивая и дорогая вещь, хоть и отечественного производства.

— Ира, у тебя есть мальчик? Ты уже влюблялась?

С ума сойти! Она смущается.

— Есть, но он об этом не знает. Он из нашей школы, старшеклассник. Даже не смотрит на меня! А дискотеки у нас отдельно от старшеклассников...

Нет, я чего-то не понимаю в этой жизни. Нормальная девочка: уроки делает аккуратно, по видео смотрит только мультики, влюбляется, с подружками болтает. Обнаружила вот возможность

заработать на «всякие пустяки» сотню-другую. Главное, «удобно» и «делать ничего не надо». И не очень-то понимаешь, что за паника по этому поводу у взрослых — разве что СПИД?

Еще ей непонятна реакция подруги: той для чего-то понадобились деньги. Ну, попросила у Иры взаймы — все знают, что у нее всегда есть. А Ира по-товарищески предложила той заработать самостоятельно. Так эта странная (!) девочка вместо того, чтобы сказать спасибо и побежать за короткой юбкой, ни с того ни с сего заревела и маме проболталась. Ира недоумевает совершенно искренне: не хочешь — не надо. Но реветь-то чего?

Я же если кого и понимала, так это подругу. Мне тоже во время разговора с Ирой хотелось зареветь и побежать к маме... Главное, чтобы кто-нибудь объяснил: что же это делается? В жизни еще не чувствовала себя такой глупой и беспомощной.

Ира — редкий случай. Можно сказать, самородок. Как правило, ее ровесницы в одиночку не работают. Либо находится компания, либо некто постарше выполняет функции «импресарио»: подбирает 11—12-летних красавиц, вербует, сводит с клиентами. И забирает себе львиную долю заработка. А бывает, что и сама платит, «отстегивает» кому-то. Правда, ни с кем из организаторов мне поговорить не удалось. Они хорошо законспирированы. Если за проституцию в Уголовном кодексе статьи нет, то за совращение малолетних имеется.

Женя С. о своей «старшей подруге» говорит с ненавистью и... с восхищением: «Она такая, такая... как в кино показывают!» А познакомиться отказывается категорически. Да и не знает Женя ни ее фамилии, ни адреса: «Велела

звать Виолеттой. Убить обещала, если кому расскажу!» Слово «убить» она произносит, округлив глаза. Сразу видно — верит и боится по-настоящему. Кто знает, может, и не зря?

Откуда взялась Виолетта? А откуда... Из пыльного жаркого летнего дня. Каникулы были. Мама на работе. Ребята разъехались. А Женя скучала во дворе — тут-то Виолетта и появилась. Деньги нужны? И объяснила популярно, что надо будет делать. «Подумай, — сказала, — а я зайду завтра в это же время!» Женя честно думала. Сначала хотела отказать — страшно ведь! Но другой возможности заработать ей никто не предлагал. Вспомнила все, что знала об отношениях мужчин и женщин. И, вспомнив, пришла к выводу, что ничего особо плохого она не сделает. Что ж? Ведь даже мамка этим занималась, она сама как-то раз видела ночью. Дядя тот у них недели две жил. Женя маленькая была, но помнит все очень отчетливо. Потом уже, в первом классе, поняла, что они там делали с мамкой. Удивилась было, что не родилось после этого ни сестренки, ни братишки. Но решила, что дети получаются, только если захотеть. Видно, мамка не хотела.

А Виолетта, между прочим, обещала 50 рублей за первый раз. «За смелость», — она сказала. А потом по 20—30, как получится. «За один только раз!» — искренне удивляется Женя такой неслыханной щедрости. Она знает цену деньгам. Себе только цены не знает. «Я решила — один раз пойду, а там посмотрим», — рассказывает она.

Виолетта пришла вовремя, как обещала. Женино согласие приняла как должное. И сразу за дело, пока не опомнилась, не передумала. Увела Женю в какой-то

подъезд, открыла сумку: «Переодевайся!» Женя и переоделась. Все ногу подворачивала — в первый раз шла на каблуках. Потом дома в маминых потренировалась. Действительно, трудно без тренировки-то. Тут главное — привыкнуть.

— В первый раз было очень противно! Очень! Такой большой, старый, хватал так! Больно. Я думала, он меня раздавит! Страшно так! Я не хотела больше.

Потом Женя снова переоделась. Деньги дома положила под матрас. И думала: «Все! Виолетта придет через две недели, и я откажусь!» Но через несколько дней мерзкие воспоминания поблекли. А деньги остались такими же реальными. Пятьдесят рублей! Женя никогда не держала в руках таких денег. Доставала, рассматривала. Думала: «Мама терпела это, чтобы я родилась. А я! Подумаешь, нежная какая! Не задаром небось». Женя всегда подозревала, что за ерунду деньги не платят. Вон мамка как устает. А тут такие большие деньги! И девочка поняла: работу надо уметь терпеть — за это и платят. «Мамка сколько раз говорила, что ей на работу идти тошно. Что свет после этой работы не мил. А ходит же каждый день!» И через две недели Женя снова переодевалась в грязном подъезде.

— Тебе опять было противно?

— Да! Ну потом немножко привыклось. Я глаза закрывала. А дома сразу мылась. И не думала про это никогда! Только считала, сколько раз еще надо сходить...

Да, Женя не собиралась терпеть такие мучения всю жизнь. У нее была мечта, требующая больших денег. И, несмотря на полное отсутствие математических способностей, она все время считала... Это вам не тонны с километрами из задачника!

Жене оставалось «отработать» еще 7—8 раз, когда все открылось.

...Когда мама нашла у Жени деньги, девочка очень боялась сказать правду. Убьют же! Но мама решила, что дочка эти деньги украла. А красть — Женя с детства усвоила — нельзя. Пришлось признаться, что деньги заработаны честно. Но даже маме Женя не показала Виолетту. Да и не знала, где ее искать теперь. Она сама появилась в Жениной жизни, сама назначала время и место встречи. Женя, однажды не явившись, вышла из игры. Другие остались.

Женина мама не захотела со мной разговаривать. Отца девочка никогда не видела. А учительница, к которой мама обратилась с просьбой присматривать за дочкой в школе, считает, что эту историю лучше забыть: «Пощадите ребенка, ее и так не узнать!»

...Все началось летом 1988 года, когда Жене исполнилось 11 лет. Обнаружилось осенью 89-го. За год Женя заработала 380 рублей и не потратила ни копейки. Как вы думаете, почему? Копила на собаку. Породистый щенок нынче стоит недешево. И вот у Жени есть собака. Именно такая, какую ей хотелось. (Учительнице удалось уговорить маму.) Девочка теперь из дому лишней раз не выйдет — разве что с собакой погулять. Растить щенка — дело несуетное: «Он уже понимает, когда говоришь НЕЛЬЗЯ!» Женя тоже понимает, когда ей говорят: «НЕЛЬЗЯ!» Нельзя красть, нельзя убивать. Поздно домой приходиться тоже нельзя. И врать. Женечка, а что еще нельзя, как ты думаешь? О чем еще тебя предупреждали? Она задумывается, крутит на палец светлые волосы, наконец, сформулировала:

— Нельзя делать другим плохо. Но об ЭТОМ мамка ничего не говорила, честное слово!

Ловлю себя на мысли, что лучше бы ей не быть такой красивой. Кривой, косою — куда легче было бы и ей, и маме. И традиционных понятий о том, чего нельзя делать, вполне хватило бы...

У Жени нет «варенки», в которой обычно ходит на «работу» Ира. Она не пользуется косметикой, не носит украшений. И уж ее никак не назовешь шикарнейшей вещью. Это скромная, неизбалованная девочка из семьи с весьма небольшим достатком. Все вокруг нее работают как проклятые, не щадя сил. А результатов этого труда едва хватает на кусок хлеба да пару тряпок массового пошива. И Женя не представляет для себя другой жизни. Только вот многие вокруг живут иначе. «Виолетта давала мне платье, колготки ажурные, туфли, ну и всякое такое. А после я отдавала ей все вместе с деньгами», — рассказывала она, краснея. Она стыдится не занятия проституцией, а жалких немодных шмоток, штопанных колготок, пальтишка, заношенного несколькими поколениями детей. Девочка не потратила ни одного рубля на одежду, не купила ажурных колготок или косметики. Потребность в преданной собачьей душе оказалась сильнее, чем бедность.

Учится она средне. Но на всех субботниках, на уроках труда и во время уборки класса впереди всех. У нее, что называется, золотые руки. Безотказная девочка, трудолюбивая. Хорошая будет хозяйка, отмечает учительница труда.

Черт возьми! Все видят Женино трудолюбие и добросовестность. Все видят слишком короткие рукава ее школьного платьица и стоптанные туфельки. Так поче-

му нельзя найти для девочки возможность заработать честным трудом? Ведь в школах вечная нехватка уборщиц, мойщиц посуды...

Встреча с Женей отнюдь не прояснила для меня ситуации. Скорее наоборот. В ней я не увидела никакой порочности. Не хочется говорить о безнравственности. А хочется повторить вслед за Игорем Северяниным: «Легко судить о человеке, но быть им, право, тяжело».

Я много думала о Жене. Мне даже приснилась как-то огромная лохматая собака. Я упрекала ее в том, что она продала свою любовь за деньги. А она смотрела на меня честными глазами и оправдывалась, что у ее бывших хозяев не было денег на мясо для собачьей мамы. И все повторяла: «Я же не себе, не себе же...» И ей было стыдно, и мне было стыдно не меньше. Но я снова и снова говорила ей: «Нельзя!»

Ира и Женя. Я не нашла между ними ничего общего, кроме красоты. Так что же, не родись красивой?

Но, как выяснилось вскоре, бывает и по-другому. Иногда не столько красота, сколько патологическая акселерация толкает девочек на поиски приключений. Приключений, а не заработка. Это потом уже обнаруживается, что за удовольствие еще и могут заплатить. Галья М. и Оля К. не знают друг друга. Они даже не ровесницы — Оля на два года младше. Но она шаг за шагом повторила Галин путь через два года, на другом конце Москвы, в другой школе, попав в конце концов к тому же врачу. А путь этот прост на удивление. К одиннадцати годам эти девочки повзрослели. Им было скучно, хотелось непонятно чего. Потом они влюбились в двух-трех мальчиков одновре-

менно. А заодно и в учителей, и в известных артистов. А тут и мальчики начали обращать на них внимание. Учатся в одной школе, встречаются глазами на переменах. Чувствуют, что выросли. Ей одиннадцать, ему 14—15. Уроки кончаются около двух, родители приходят к семи.

Галя рассказывает:

— Когда это случилось, у меня будто глаза открылись — так вот я зачем живу! Так вот я чего хочу все время!..

Любовь? Возможно. Только с тем самым мальчиком все эти возвышенные чувства не связывались. Какая разница — этот или другой? Главное, наполнить жизнь до краев: ожиданием, радостью, острыми ощущениями. А что? Не уроками же. Не пионерскими линейками и сборами макулатуры...

К тринадцати годам девочки давно уже сбились со счета и платных, и бесплатных партнеров, не предусмотрев одного — они выросли по-настоящему. И то, о чем вначале можно было не беспокоиться почти наверняка, случилось с ними в 13 лет.

Аборт в этом возрасте достаточно серьезное испытание. Добавим к этому неестественный образ жизни, скандалы дома (теперь-то уж от родителей не скроешься). В общем, девочкам понадобилась помощь психоневролога.

Галя практически здорова теперь. Оля проходит курс лечения.

Четыре девочки, четыре москвички. Разные характеры, разные семьи. Но у каждой из них в 11 лет судьба вышла за рамки традиционных понятий о детстве. Ире сейчас почти 12. Жене исполнилось 13. Оле — 14. Гале уже 16. Жизнь впереди.

Они будут жить среди нас. И среди нас же живут и процветают мужчины, у которых хватает совести покупать ребенка для

своего удовольствия. Эти мужчины — не бомжи, не алкоголики. Они имеют деньги, квартиры, машины, а возможно, и благополучные семьи — детей, внуков. И они наверняка учат своих детей только хорошему: нельзя красть, нельзя убивать, поздно приходить домой тоже нельзя. И наши девочки не глупые, они прекрасно знают, что надо вести себя хорошо. Их учили только хорошему и дома, и в школе. А если не сказали вовремя: «Нельзя продавать себя», — так обо всем не предупредишь. Это вроде бы само собой...

Само собой? Отчего же мой сын-первоклассник, придя со двора, спрашивает деловым тоном: «Мама, а что такое путана? Там одна девочка хочет быть путаной. А ребята говорят, путана — это проститутка. А что такое проститутка? Все знают, я один как дурак!»

Похоже, и я с этим материалом оказалась в такой же дурацкой роли: все все понимают, одна я как дура. От недостатка жизненного опыта, что ли? Как-то, знаете, никто не удивляется моим девочкам...

ОТ РЕДАКЦИИ. Такой вот «очерк нравов». О безнравственности... Нашей общей. Мы, к сожалению, уже просто не знаем, как говорить о нравственности, разучились. И в данном случае слова, даже «самые-самые», боюсь, повиснут в воздухе — все так обычно... Мимо глаз, сознания скользят картинки сегодняшнего бытия, ненормальность, ужас которых почти не трогают нас. Впопыхах в погоне за дефицитом и призрачной удачей пробегаем мимо детей наших, не замечая (или же стараясь не замечать) их ошеломленных, недетских взглядов.

Что же происходит со всеми нами?

Мы не раз слышали: перестройка — процесс болезненный. Но болезнь, что корежит наше общество, тяжкими недугами «аукнется» в завтрашнем дне. Не убережь детей — значит, жить без будущего.

Отчего мы не понимаем столь простой истины?! Вдрызг заматаные родители, старшие «подруги», цепкие, с повадками уголовниц, сластолюбивые дяди-клиенты, разъяренные непедagogическими спорами учителя, — это все страшная житейская реальность дня, в которой растут дети наши. И мы все, увы, миримся с этим.

Ну не то чтобы миримся, видим, вроде бы сокрушаемся, шумим и... по сути, ничего не делаем.

Уповаем на школу, милицию, на всяческого рода запреты, указы, постановления. Словом, бредем по знакомому кругу. Вырваться из него — самое важное сейчас!

Понимаю, разговор не нов. Возможно, именно эта «неновизна» и притупляет общественное восприятие, тормозит в какой-то мере конкретную работу по спасению детей наших, их душ в каждом городе, районе, дворе.

Мол, успеется. Вот наладим экономику, межнациональные отношения, добьемся социальной справедливости — тогда уж...

Не успеется! Не будет времени для «тогда уж». Вырастут дети. Кем станут? Как и чем определят жизнь свою, а значит, и нашу — общества всего?!

Об этом думаем ли?

Мне могут сказать: эмоции все это.

Да, эмоции. Но, обращаясь к здравому смыслу, ищу кратчайший путь — через сердце. А тут без эмоций не обой.ись.

И еще: рецептов у меня, как, впрочем, и у солидных госучреждений, нет. Но уверен: все мы в состоянии найти их, если размазанный, истертый лозунг «Дети — наше будущее» воспримем как неотвратимую реальность.

В. ГУРИНОВИЧ,
редактор отдела
молодежных проблем

Снежинки в воздухе висели,
не таяли, не улетали,
висели жизнь,
а может, больше.

Изъели даль,
в ней что-то было?
Изъели память,
но осталась
одна размытая картинка,
написанная в ярких красках,
которых нет вокруг меня.

«Не таять и не улететь»,—
во мне желания чужие.
Снежинки.
Воздух поседел,
от тех, которые в нем жили.

Они толкуются, словно на базаре,
во мне,
все те, кого я встретил в жизни.
Им больше некуда идти.

Топтаньем вымощена площадь на базаре.
А я — незаменимый зазывала —
вои тот мальчишка,
что в мясном ряду...

Себя увидеть,
как залезть в чужой карман.

ПЕРЕД СНОМ

Они мертвы, предавшие меня,
но открываешь шкафчик, и звенят
бутылки непрозрачного стекла,
и снова путь-дорога потекла
на пол, лишь краем зацепив стакан,
трясутся руки. От избытка стран,
когда-то вызванных в одной стране,
трясет. Мне зябко в ветхом шушуне.

Они мертвы, предавшие себя,
но чубчик мой руками терпят,
как будто в школу мне и даль светла.
И снова путь-дорога потекла.

Здесь нечего больше стеречь,
но охрану не сняли.
На алебарду оперишься,
зевает мужик.

Жернова
перетирают тучи,
в белой муке
царствие бледных лиц.
Ничтоже сумняшеся
лица повернуты долу.
За выражением лиц
никто не глядит,—
жернова в небесах.
Завелись разговоры.
Словно мельник,
мужик с алебардой стоит.

В отличие от теплых стран,
где засыпают на постелях,
мы умираем на сырой земле.
Все сказанное

заедать землею
нас приучили Бог или нужда.

И мы храним молчание небес,
под серым небом,
серым не от туч.

Здесь каждый день
мы на сырой земле,
здесь дождь сечет глаза —
на солнце смотрим.
Здесь промелькнет небесное крыло,
как черный лист.

И мы гадаем жизнь,
с какого древа сорван был
и послан.

Не от земли идет двуликий свет
и не от неба,
но по мне встречаясь...

Как увязать одной своею жизнью,
какой рукой попробовать рассечь,
что произнести при слове расставанья?

Иди себе, иди себе, иди...

МОЛЕНИЕ

Став на колени,
ухом прижав к земле,
слушаешь,
может,
кто-то идет к тебе.

К черному небу
ухом звериным прижав,
слушаешь,
может,
кто-то окликнет тебя.

Вдрогнешь, услышав!
Бросит в холодный пот,
словно в прорубь бросает тот,
кто зовет.
Вдрогнешь, услышав
бормотанье свое,
как хула
на твое житие.

Вдрогнешь, услышав!
Впрочем, на ухо туг,
все, что ни слышишь,—
на расстоянии рук.

154

==

Закрываешь глаза — засыпаешь себя землей,
переходят в мычание крики,
как солнце в луну,
а луну растопило тучей, задавило горой.
Засыпаешь себя, и звуки с тобой ко дну.

Я боюсь продолжать
и боюсь оборвать эту нить.
Как магнитом на дно.
Словно тина, два темных крыла
над тобой встрепенутся и не устанут сулить
много неба и света,
пытаюсь их спрятать в тела.

==

Я вижу сны на языке,
лишенном Бога.
Привычный страх, но до конца смотрю,
как превращается в змею дорога,
и головы дорогам не рублю.

Как одноноги (скользящая дорога),
те путники, которым свет нести,

как их смывает шумовой волною,
которой даже в гул не перейти.

Я вижу сны на языке,
лишенном Бога.

Но он был явлен в русском языке,
и есть прямая, словно луч, дорога —
меч обоюдоострый, только кто же
произит себя и нас вернет Тебе?

==

Набегайте волна за волною,
строка за строкою,
набегайте на камень, который в руке держу,
набегайте судьба за судьбою, луна за луною
и разбейтесь, но только не проведите между
меж волной и строкою,

судьбой и судьбой, и луною,
в блеске лезвий отточенных не уподобясь ножу,
мое тело, масляным листом

предстань перед Ноем
в клюве голубя...

Поздняя осень, листву ворошу.

==

От слабого света забытого слова,
от друга, с которым не будет покоя,
от женщины, что стоит на мосту, —
свой пепел от ветра прикроешь рукою,
и ветер задует свечу.

==

На облучке ли, на марше в походе,
с табором или в крестьянской телеге —
пылью дорог, словно пеплом покрытый,
сколько идешь — ты помнишь о Боге.

Помнишь о Боге, ему изменяя:
мыслью лукавой, жаждой сраженья,
танцем медведя, пожаром копейки...

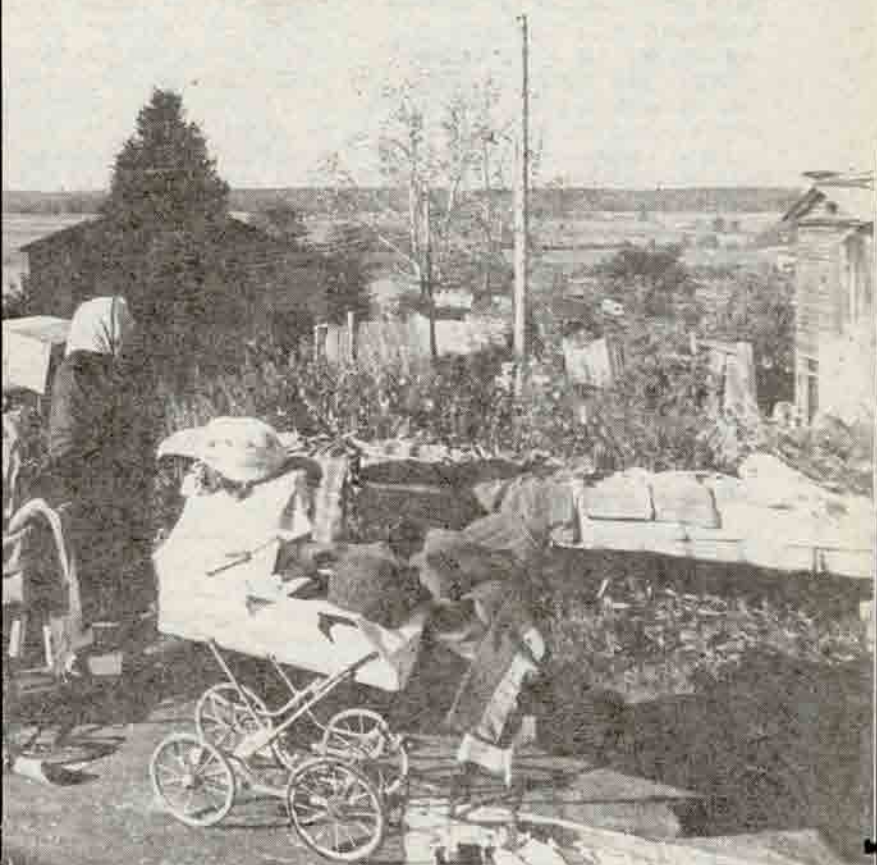
В спутниках
не замечая знаменья.

ПАВЕЛ ПЭНЗЖКО,

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

НА ВОСТОКЕ

ОРПАТАК

Газета «Мещерская новь» сообщает: на касимовских помойках уже пасутся лошади... Со склада увели протравленный против колорадского жука картофель да еще чистого яду изрядно прихватили. Вся милиция поднялась по приказу, кто начнет помирать, — хватай. Но никто не помер — либо тут милиция страшнее смерти, либо яды уж очень слабые.

...Гражданин Алпеев облил бензином дверь тестя и поджег. Пока горело, испугался, протрезвел и бросился тушить. После больницы угодили под суд, а тестю хоть бы хны. Ходит, посмеивается. Получил страховку.

...Пьяненькая старушка на улице пустилась в пляс: «Покрой землю снежком, а меня жениш-ком...»

...В городской гостинице пахнет злодейством. Там в ресторане подают фирменное блюдо: «Гусарская печенка».

Без столичных выкрутас

Касимов относится к тем городам России, где нынешняя бедность и запустение выглядят особенно оскорбительно на фоне свидетельств былого достатка. Но люди то ли привыкли этого не замечать, то ли сговорились спокойно дожидаться того момента, когда все монументальные свидетельства их многовековой истории рассыплются в прах.

А дело к тому и подвигается. В одно прекрасное воскресное утро жители улицы Советская были разбужены странным грохотом — это обрушились все три этажа женских туалетов училища речников, расположившегося полвека назад в бывшей гостинице «Джавбаш» купца Смирнова. (В Отечественную войну двенадцатого года здесь был военный госпи-

таль, где выхаживал раненых Михаил Достоевский — отец великого писателя...)

Построил гостиницу потомственный касимовский мещанин Иван Сергеевич Гагин, который самоучкой овладел физикой, химией, механикой, архитектурой, географией, рисованием и черчением. Дом его чем-то напоминает старинный линейный парусник, вытасенный умирать на корабельное кладбище. Сходство еще больше подчеркивает корабельный якорь, установленный речниками на месте парадного крыльца. За прошедшие с тех пор столетия весь ремонт сводился преимущественно к покраске фасада.

И вот рухнуло...

Объясняя Касимов языком соцреализма, можно сказать, что это один из семисот городов российской глубинки, некогда процветавший на хлебной торговле речным путем (в данном случае по Оке и Волге), но впоследствии, оказавшись в стороне от железной дороги, медленно захиревший.

Тем самым мы лукаво переносим ответственность за нынешнее состояние города на «Россию до 1913 года», и совесть наша спокойна.

Если, конечно, тут же не вспомнить, какая, черт побери, «глубинка» — утром сел в автобус, а к полудню уже в столице. В Америке на таком же расстоянии от Нью-Йорка живут люди, которые ежедневно ездят туда на службу. (А до Рязани добраться из Касимова требуется столько же времени, сколько в Москве из Чертанова в Новогириево...) Поэтому я сказал бы иначе. Касимов относится к тем сотням несчастных русских городов, где ввиду их малых размеров особенно видно, как наше настоящее беззастенчиво и неблагоприятно паразитирует на прошлом — на огромном, накопленном

прапрадедами богатстве. Однако в истории города есть любопытные черты, что заставляет задуматься: приписывать ли только большевизму всю дурь, что мы наворотили за семьдесят лет, или же она имеет под собой более глубокие, так сказать, исконные корни?..

Маленький пример: еще за пять столетий до того, как Нижний переименовали в Горький, Тверь — в Калинин, а Самару — в Куйбышев, восточный форпост Московского княжества Городец Мещерский на берегу Оки получил новое имя — Касимов. В честь кого? По тем масштабам фигуры немалого политического веса — беглого татарского царевича Касима, во владение которому Василием (вот уж подлинно!) Темным был передан Городец.

Таким образом, еще толком не пришедшие в себя от погрома Батыея ни в чем не повинные люди в один прекрасный день опять проснулись под татарами, и на этот раз надолго...

Сегодня мы льем горькие слезы: мол, административно-командная система стеной стала на пути реформ и предпринимательства, душит налогами, давит запретами. Замечу, что нечто подобное уже происходило в Касимове в первой половине семнадцатого века, когда в соседнем селе Гусевский Погост мужики провозгласили «свободу торговли» (за 100 лет до Адама Смита!), и купцы поехали мимо ханской столицы. Тогда царевич Саит-Бурхан Арасланович двинул московскому царю докладную, что-де... «завели тутешние уездные люди самовольно торг без нашего на то указу... покупают и продают товары беспощинно и оттого Касимовский торг запустел и учинилось таможенного недобору пятьсот рублей».

Государь реагировал однозначно. Гусевский Погост даже пикнуть не посмел... А у нас в парламенте России брожение. Страшно как распустился народ за последние 300 лет!

Вот и туристы ходят по Касимову и ворчат: «А чего это вы два лучших своих собора поуродовали: в одном автостанция, а в другом спортшкола?»

Знающий историю касимовец тут же бы обрезал нахалов:

— А у нас Петр Великий как-то тоже проездом был, так после него от старой татарской мечети лишь минарет остался!

Но мало кто из граждан города Касимова, всецело поглощенных насущными заботами, знает и любит свою историю. Довлеет злоба дня. Но даже и в ней некогда толком разобраться. Спрашивал патриарха местных литераторов Родина: «Николай Александрович, кто у вас «левый», «правый», кто «центрист»?

— Ах, оставьте вы эти столичные выкрутасы. Провинции нет до них никакого дела. Она живет, чтобы выжить...»

А в Никольской церкви отец Владимир проповедует: — Мутная река плотских удовольствий и погоня за наживой увлекают людей... Открываются новые храмы, а молиться в них некому...

Конечно, и Родин, и отец Владимир — каждый прав по-своему. У одних касимовцев забота — выжить. У других — нажить. Третьим подавай плотских удовольствий. В общем, как и везде, но жизненный тонус определяет именно соотношение этих компонентов.

Чего же тут больше?

Компонент «выживания»

Директор местного краеведческого музея Юрий Иванович Предин, прогуливаясь по централь-

ной улице — прежней Ямской, а ныне Советской, — любит заглянуть в продовольственный магазин (здесь их именуют «сельхозпродукция») и посреди засилья турецкого чая, шматов свиного сала по семь целковых, почернелой восьмирублевой говядины и вареной колбасы («походная») за червонец зачитать «Прейскурант магазина П. И. Колобаева в Касимове» от 1913 года: «Сливочное масло» Парижское «еженедельно получается 2 раза (ныне «крестьянское», по талонам — 100 граммов в месяц. — П. П.), русские рыбные консервы Черноморско-Азовской консервной фабрики барона Фальц-Фейна — осетрина, стерлядь цельная, бычки, скумбрия, кефаль; мясные закуска: колбаса копченая московская высший сорт, брауншвейгская, польская, ветчинная, малороссийская, вареная с языком, чесноком, ветчинная вареная рулетом, сосиски венские, гальберштадские, ветчина от окорока...»

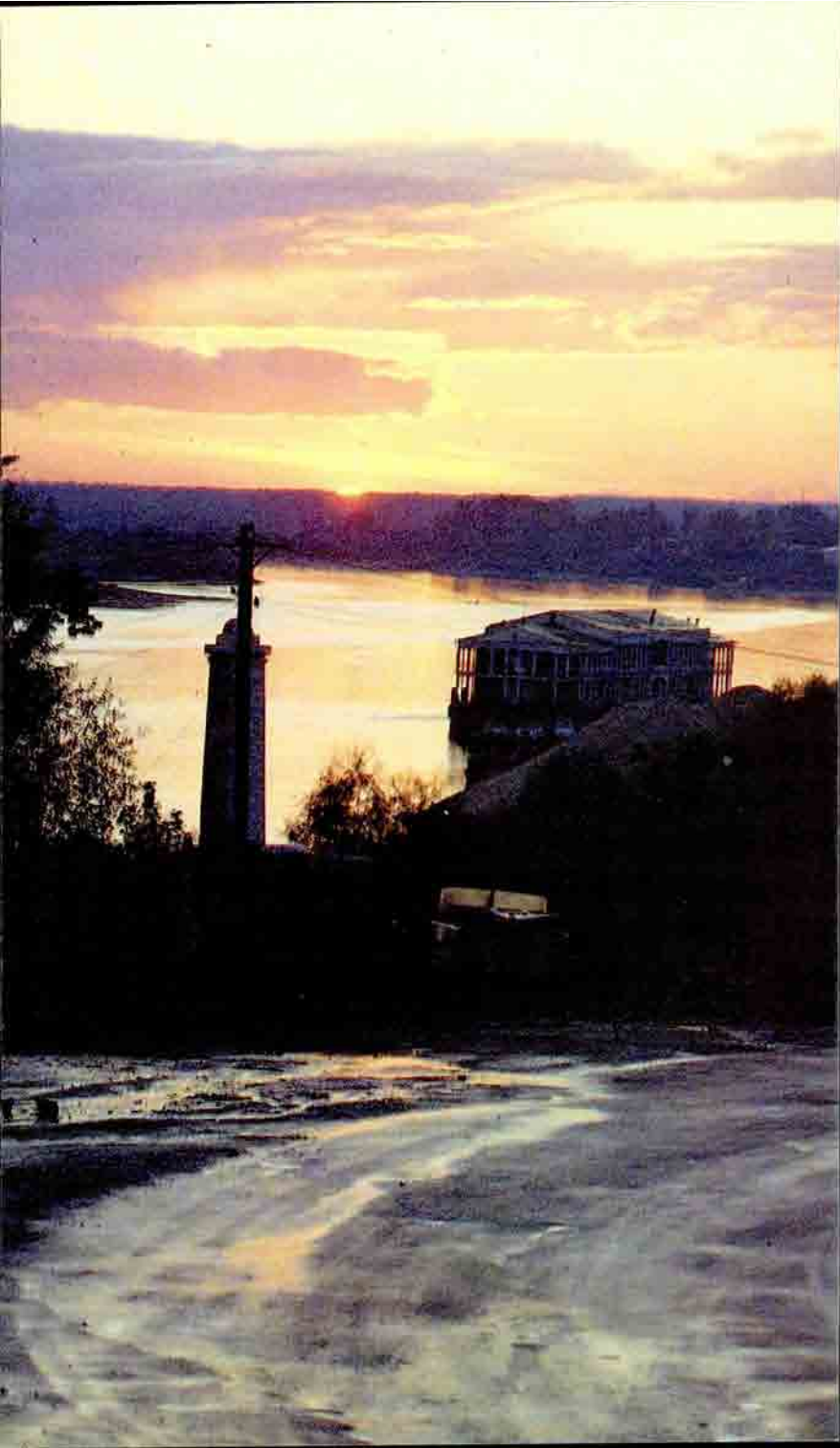
Юрий Иванович не только сам «выживает» за счет большого притока туристов и продажи им сувениров (значков и брошюр о местных достопримечательностях и легендарных личностях), но и помогает касимовским художникам, выставляя у себя их картины на продажу.

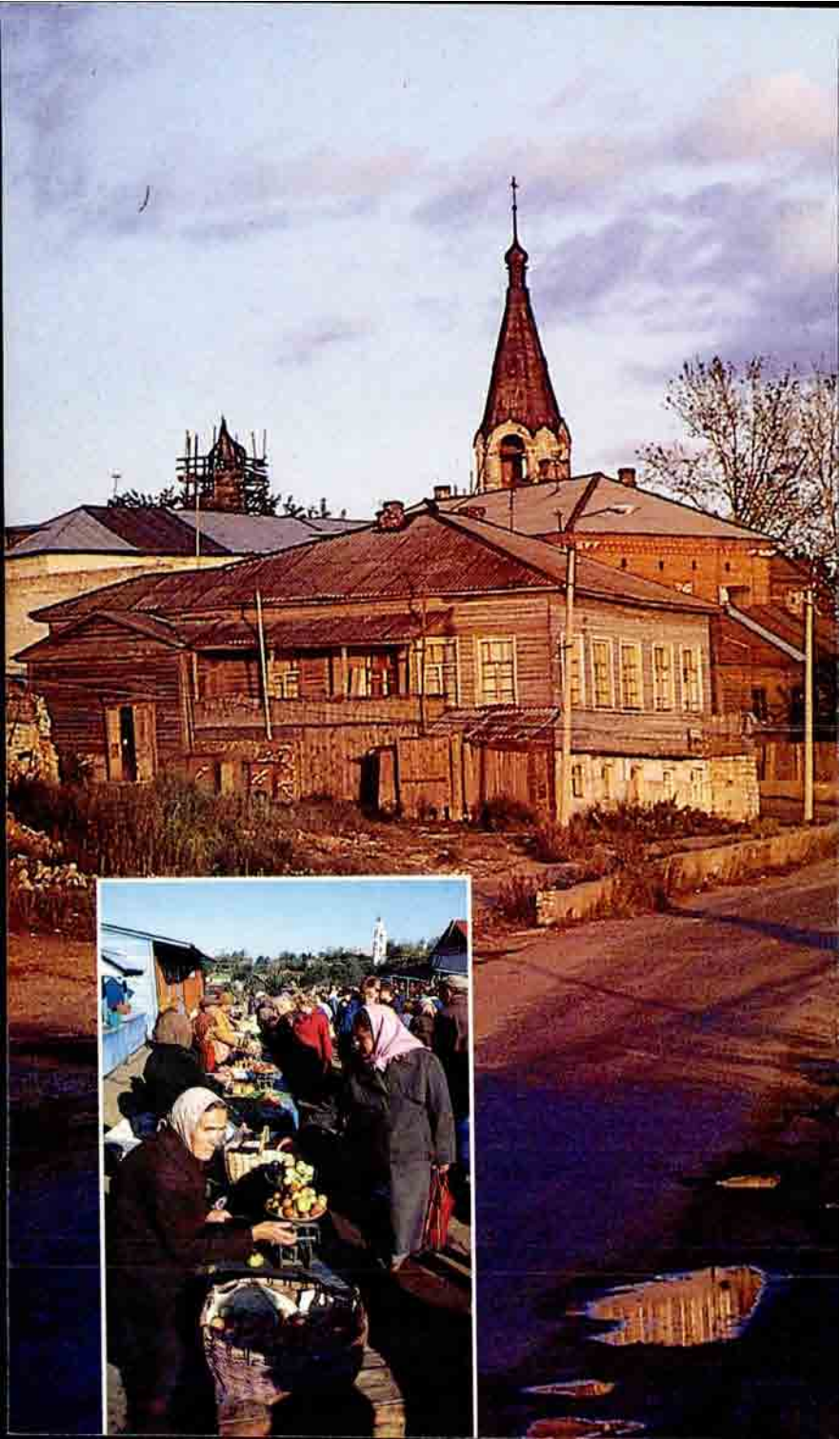
Когда к нему явилась делегация от местной мусульманской общины с требованием освободить занимаемую им мечеть, он и тут умудрился «выжить». Предложил подсчитать возможности общины и прикинуть, во сколько обойдется содержание здания и муллы с муэдзином. Делегаты подсчитали и приуныли. Тогда находчивый Предеин посоветовал им привести в порядок бесхозное и куда более скромное помещение на заброшенном татарском кладбище. Расстались друзьями...

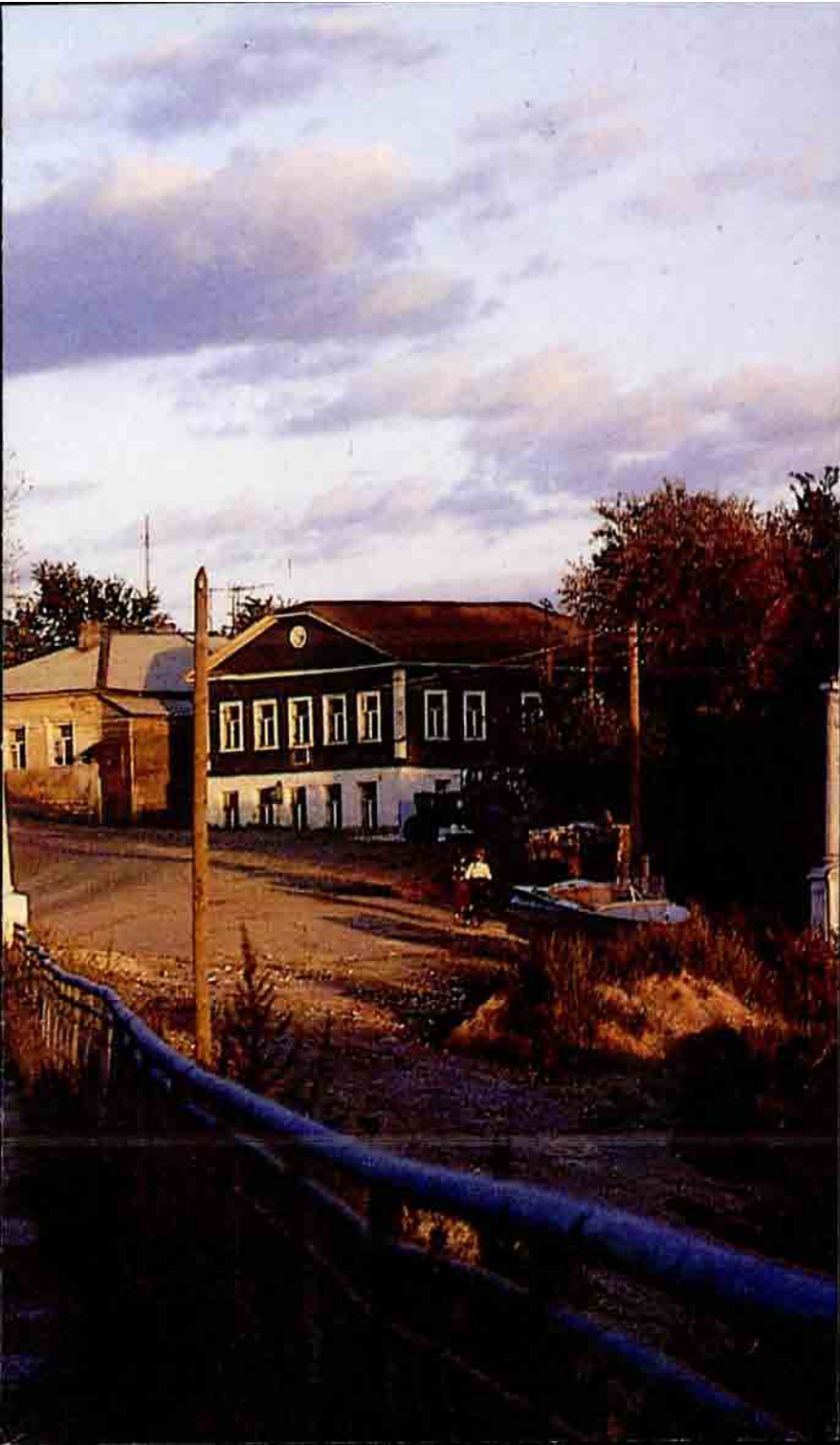
Прошлой весной на выборах в местные Советы встал вопрос, как политически «выжить» касимовскому партийному и советскому руководству. Но опасения оказались напрасными. Не представляло большой сложности «раскрыть» избирательные округа по давно отработанной технологии, чтобы нужные кандидаты проходили безальтернативно. А когда после выборов в горсовете оказался, в сущности, весь партхозактив, на сессии произошла своего рода бартерная сделка: директора выдвинули на пост председателя горсовета секретаря горкома партии В. Пасмурного, а тот предложил на пост председателя горисполкома директора завода «Холодмаш» В. Епифанова. Так новое поколение сорокалетних районщиков не только уверенно взяло власть в свои руки, но и установило баланс интересов, который теперь не нарушит никакая перестройка...

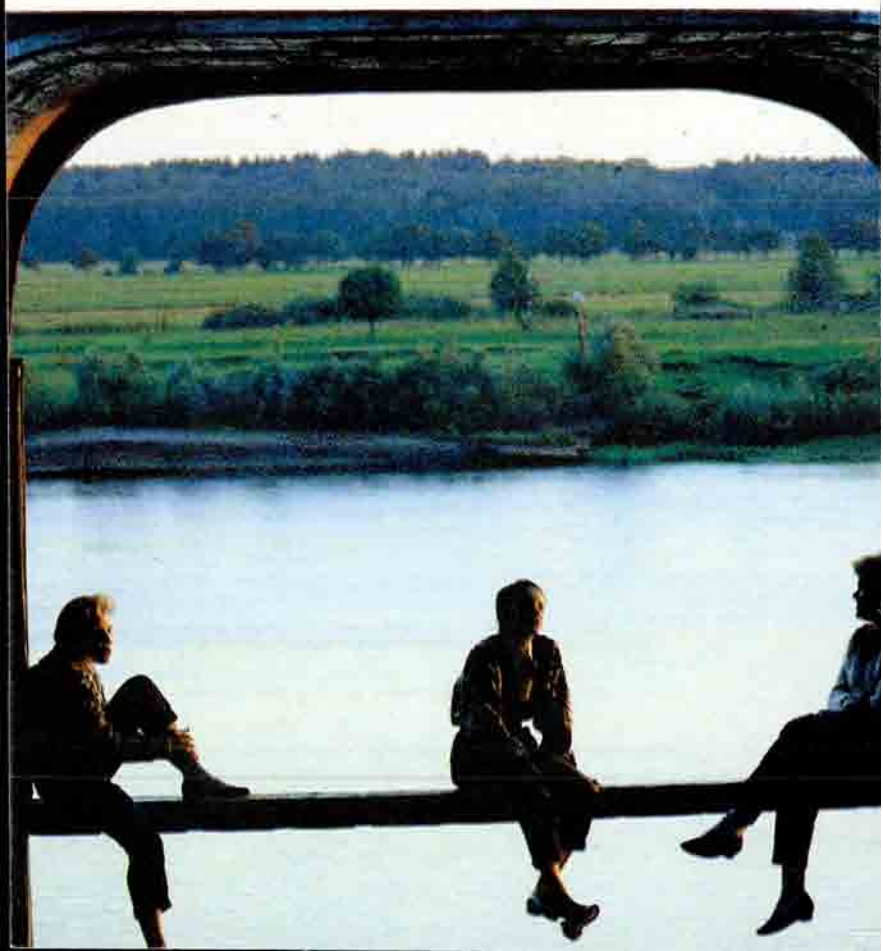
Прошло полгода с момента прихода новой власти, и касимовцы ощутили первые результаты ее деятельности — талоны на продукты. Но обеспечение по талонам получилось каким-то... «тающим». Скажем, в один месяц продают килограмм постного масла, а в другой — лишь полкило. Вермишель «сползает» с 500 граммов на 200, сливочное масло — со 100 в месяц на 120 граммов в квартал. Мясо вообще не стали продавать по причине «неосвязаемости» — 75 граммов...

Люди заподозрили, что «новая» власть столь же мало озабочена проблемой их выживаемости, как и «старая». Квартирный вопрос, похоже, тоже никто не торопится решать. Центральная районная больница разваливается, но насчет строительства нового корпуса покамест все те же обещания. Касимовцы стали выказывать нетер-

пение, доселе им мало свойственное...

«Завод-неформал»

На революционный праздник представители завода «Холодмаш» (крупнейшего в городе) вышли с такими вот лозунгами: «Депутаты горсовета, вы чью выражаете волю?», «КНК, на твоей совести торговля и распределение жилья!», «Исполком! Заботу о ветеранах и инвалидах, живущих в трущобах!». На решения XXVIII съезда здесь тоже откликнулись своеобразно. К моему приезду из 100 человек парторганизации уже выбыла четверть, еще пять заявлений дожидались рассмотрения и 32 коммуниста попросту перестали платить партвзносы.

...От съезда к съезду, из пятилетки в пятилетку они выполняли и перевыполняли производственные планы, становились на ударные вахты, выполняли общественные поручения... Словом, «приближали, как могли...». А себе что наработали? У большинства — комната в общежитии без удобств, в которую когда-то вселились еще молодыми и бездетными. Зарботок вроде бы, по прежним меркам, не такой уж плохой, но семьи теперь еле сводят концы с концами.

Год назад сдан новый механический цех, но в нем уже сейчас погода, как на улице, — люди стоят за станками в старых промасленных ватниках.

— Шесть директоров я пережил, — говорит токарь Виктор Борисович Азимков, — и каждый обещал лучшую жизнь. А где она?..

— За что ж наше начальство уважать? — недоумевает шлифовщик Иван Рагулин (на заводе 17-й год, живет в общежитии, двое детей, в очереди на квартиру — 145-й). — Взять того же Епифано-

ва. Что он сделал для завода? Начал дом строить, да так и бросил... Мы для него лишь трамплин для прыжка в исполком.

Когда я позднее поделился своими впечатлениями от беседы на «Холодмаше» с Родиным, он их прокомментировал следующим образом:

— Ну хоть теперь-то вы починаете: «правые», «левые», «демократы», «радикалы» — все это для нас темный лес. Здесь — «касимовщина»: правящая верхушка любой ценой готова отстаивать свое особое положение; простые люди как были, в сущности, бесправны, так и остались. Вот разве только партбилет на стол положить — весь протест!

«Касимовщина»...

Как же так? Столица бурлит «плюрализмом», уже и областные города стараются от времени не отставать, а тут, в каких-нибудь двухстах километрах от Москвы, будто все еще продолжают с большим воодушевлением выполнять «исторические решения».

Причем нельзя сказать, что для касимовцев плестись в хвосте истории — дело привычное. Даже под «гнетом царизма» они умудрились быть на волне событий. Бастовать начали вместе с Москвой и Питером с первых же годов нового столетия. Рассадником вольномыслия стало техническое училище (ныне техникум, где «передовых идей» хватило лишь на открытие видеотеки — да и ту начальство в конце концов прихлопнуло...). В феврале восемнадцатого не где-нибудь, а в актовом зале техникума проходил второй уездный съезд Советов.

Может быть, и сегодня где-то собирается народ (без бутылки, с бутылкой ли...) поговорить, извините за наивность, о судьбе перестройки, куда страну ведут, куда она идет и в какой точке этого

замысловатого движения находится родной город Касимов? Нет. Такое впечатление, что какая-то сила реет над городом, надежно оберегая его летаргическое состояние. Впрочем, полистав местную прессу, сразу поймешь, что это за сила. Вот в конце лета побывав в Рязани председатель Демократической партии России Н. И. Травкин, выступил с разъяснениями своей платформы на митинге в городском парке.

Тут же в «Приокской правде» некто В. Крючков из института «Рязаньгражданпроект» от имени всех «трудящихся голодранцев» передергивает и шельмует народного депутата (причем довольно примитивно), обвиняет его в незнании экономики, в стремлении устроить анархию и раздать все «теневикам».

Так мало того, что областная газета напечатала эти «перлы», не дав возможности высказаться сторонникам ДПР. Касимовская «Мещерская новь» тут же перепечатывает откровения рязанского оратора...

Нет, не напрасно рабочие с «Холодмаша» среди других плакатов пронесли и призыв к городской газете, что пора ей иметь собственную позицию. Сущая правда. Но точно так же пора и самим касимовцам крепко подумать, с кем они.

...Общежитие «Холодмаша» находится как раз на полпути из горисполкома в горком партии. Я поднимался по темной, вонючей лестнице с этажа на этаж, пробирался и переступал через копошащуюся на полу малышню, отводил от лица свисающее с потолка постельное белье, старался представить себе, что творится на кухне или у дверей туалета в утренние часы.

Встретил уже знакомую мне штамповщицу Ефремову. Она ра-

довалась: отхватила в магазине пять банок килек в томате! Можно теперь целую неделю не ломать голову над задачей, из чего варить суп!..

Компонент «наживания»

Как же быть касимовцам?

Может, поискать за рубежом потомков купца Колобаева? Или же послать депутацию в Лихтенштейн, к потомку означенного в колобаевском преискуранте барона Фальц-Фейна, от продукции которого некогда трещали полки касимовских магазинов?

— Дело не в людях, а в системе.— опрокинул мои легкомысленные суждения сам председатель горисполкома Виктор Игнатьевич Елифанов.— Введите новые экономические отношения, и нужные люди сами появятся...

— Вот и введите,— подхватил я с фальшивым энтузиазмом.

Пока Виктор Игнатьевич обдумывал «взвешенный» ответ, дверь распахнулась, и в нее влетел человек в летах, осанистый, в шляпе, но с таким видом, будто еле избег самосуда.

— Так переходим на кооператив или нет? — шумно выдохнул он, плюхнувшись в кресло, но оставаясь в шляпе.— А то у меня все люди разбегутся!

— Все не разбегутся,— насылился Елифанов.— Деваться им особо некуда.

— Уже бригадир требует: да или нет? Терпение, говорит, лопнуло. Заявление написал...

Давным-давно строители касимовского управления «Рязаньгражданстрой» вместе со своим начальником Александром Яковлевичем Бондаренко решили порвать с объединением и образовать кооператив. Рязанское начальство стройматериалами снабжало лишь наполовину, а заработ-

ком обеспечивало таким, что и не прокормиться.

Разработали устав и послали его в объединение — мол, была без радости любовь, разлука будет без печали. «Рязаньгражданстрой» не удостоил их даже ответом. Тогда рабочие надели на Бондаренко: «Ты, мол, депутат горсовета — давай действуй...» Александр Яковлевич сунулся было к Елифанову, уж этот-то понять должен (давно ли сам хлебал директорского лиха на своем «Холодмаше»), но совершенно неожиданно для себя и в нем встретил какое-то странное сопротивление: дескать, куда вы без объединения, где материалы возьмете... И никакие доводы, что выкупим наш же касимовский завод стройматериалов, свою базу организуем, прогнать Елифанова не могли.

Виктор Игнатьевич не верит кооператорам: «Живут одним днем, думают только о зарплате». Приватизация Елифанова тоже смущает. Отдать в частные руки небольшие магазины, сервис — еще куда ни шло. Но промышленность?..

Маленький примерчик. В Касимове уже 16 строительных кооперативов (куда и бежит от Бондаренко народ). Работают все на материале заказчика, хотя есть в городе завод стройматериалов. Да кирпич свой он в Рязань везет. Надо бы его оставить в Касимове, но это хлопотно. Проще гораздо осудить кооператоров за легкомыслие и нахрапистость.

Компонент «плотских удовольствий»

Представьте себе волшебную июньскую ночь, когда на улице можно без фонаря книжку читать, а через весь спящий Касимов катят на мотоцикле развеселые молодые люди, а в коляске везут мотороллер. Необычное зрелище привлекает внимание милиционе-

ра. В результате выясняется, что ребята пьяные, а машины краденые...

Четыреста ребят в училище речников: рязанские, брянские, подмосковные, с Волги, Днепра, Черного моря, Балтики, даже из насквозь сухопутных Донбасса и Караганды. На всех — общежитие на сорок мест. А есть подростки, которые приезжают в одних кроссовках, с двумя червонцами в кармане. И, понятное дело, без царя в голове. А за Успенским оврагом — общежитие педучилища. Такие нарядненькие, чистенькие девочки. Айда знакомиться!

Желающих несколько десятков, по дороге присоединились ребята из индустриального техникума, где тоже ощущают дефицит в подругах. Однако путь женихам преградила вахтерша, и пререкания с ней затянулись до тех пор, пока не прибыл наряд милиции. Тогда разочарованные кавалеры построились в колонну по два и двинулись процессией по Советской улице, беззлобно матерясь и раскидывая по сторонам мусор...

...Где же молодежи встречаться, знакомиться и проводить время так, как хочется ей, а не умудренным жизнью начальникам? Летом дискотека под открытым небом. Зимой — один раз в неделю в Доме культуры. И один раз... баня. Ну, еще в кинотеатре «Марс» на всю неделю обязательная для провинции индийская киноmelодрама.

Пробовали ребята самостоятельно расчистить для своих клубов подвалы — благо в старых домах они роскошные, — но сначала им просто не помогали, а потом решительно пресекли. (Начальнику ГРУВД Анатолию Ивановичу Жукову вообще подвалы не импортируют. В возне вокруг них он усматривает некую злонамерен-

ность, призванную затруднить работу органов внутренних дел...)

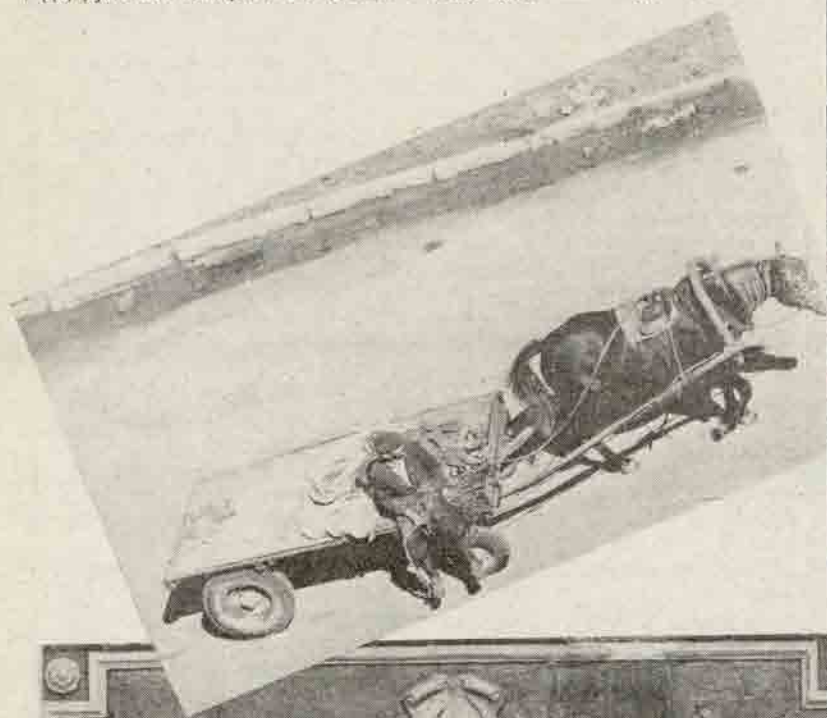
Мэр Епифанов обнадеживает. С января будущего года в исполкоме откроется новый отдел по делам молодежи. Тогда дело сдвинется.

А пока?..

Представьте, лет двадцать — тридцать назад будущие механики вместе со своим учителем лазили по машинному отделению парохода, рулеткой измеряли все детали

двигателя, чертили, а потом сами же на судоремонтном отливали станины, растачивали... Это — поколение мастеров пятидесятых — шестидесятых годов. Благодаря им слава о выпускниках-касимовцах докатилась до берегов Амура.

А нынче директор училища Шмелев срывает пломбы и продолжает занятия в аварийных классах. Потому что не будет выпуска — некому будет вести суда. (Прошлой

Мы миру новый путь
укажем.
Владыкой мира будет труд.

весной была ранняя навигация, так пришлось по два экзамена в день сдавать «без выходных и проходных»...)

Разговариваю со студентками педагогического училища. Как живут, нравится ли им будущая специальность? Ирина и Люда вполне откровенны:

— Я бы лучше в кооперативный техникум пошла. Там возможностей больше...

— Я бы тоже. Но мать (она у меня в торговле) сказала: «Только через мой труп!»

— Как житье, учеба?

— Учимся в пальто и перчатках. В общежитии тараканы, крысы, плиты не работают...

На вопрос: чему научились, ведь все-таки четвертый курс? — дружно пожимают плечами.

Готов допустить, что это случайное совпадение, но почти все то же услышал я и от студентов механического техникума. Игорь (монтаж и ремонт промоборудования), Люба и Люда (литейное производство) точно так же разочарованы в выбранной профессии. Вивают ли в том рязанский «Центролит», где ребята проходили практику («Самую грязную работу — нам!»), или же — неустроенность быта, беспорядок студсоветов... Скорее все вместе.

Да и впрямь, кого из нынешних ребят вдохновит беспорядочное, полуголодное, неопрятное, неинтересное существование?

А главное, что сам «не моги» ничего изменить.

Вот и подошли мы к главной, определяющей сегодня провинциальную жизнь России, черте — не моги!

Давняя и любимая шутка касимовцев: их город совсем как древний Рим, только наоборот. Тот основан на семи холмах, они же — на семи оврагах. Сегодня эта шут-

ка приобрела какой-то злой оттенок. Мол, вся наша жизнь наоборот.

Хотим выглядеть, как люди, привести в порядок гардероб, но... модный магазин — дорого! Тогда лезем в сундуки, достаем старое шмотье, выносим во двор, выворачиваем наизнанку и колотим палкой. Стук, пыль столбом, пот градом. Возвращаемся усталые, но довольные. Одеваемся перед зеркалом — ну, уж теперь-то...

Господи, да мы опять в старье!

УИЛЬЯМ ПИТЕР
БЛЭТТИ

Когда же вышел он (Иисус) на берег, встретил Его один человек... одержимый бесами с давнего времени... Он (нечистый дух) долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, но он разрывал узы... Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: «легион».

Евангелие от Луки

Джеймс Торелло: Джексона повесили на мясной крюк. Под такой тяжестью тот даже разогнулся немного. И на этом крюке он провисел трое суток, пока не издох.

ИЗГОНЯЮЩИ

166

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Фрэнк Буччери (посмеиваясь): Джекки, ты бы видел этого парня. Этакая туша, а когда Джимми подсоединил к нему электрический провод...

Торелло (возбужденно): Он так дергался на этом крюке, Джекки! Мы попрыгали его водичкой, чтобы он лучше почувствовал электрические разряды, и он так заорал...

Отрывок из подслушанного телефонного разговора членов Коза Ностры об убийстве Уильяма Джексона (запись ФБР)

...Некоторые вещи вообще нельзя объяснить. Например, одному священнику вбили в череп восемь гвоздей... Еще вспоминаю семерых маленьких мальчиков и их учителя. Когда к ним подошли солдаты, они читали молитву «Отче наш». Один из солдат штыком отрубил язык учителю. Другой достал шампур и вогнал их в уши мальчикам. Как вы это назовете?

Д-р Том Дулей
Дахау, Аусшвиц, Бухенвальд

Сын эмигранта из Ливана Уильям Питер Блэтти родился в Нью-Йорке в 1928 году и, подобно тысячам своих сверстников, перепробовал немало профессий — от коммивояжера и водителя грузовика до редактора городской газеты.

С 1960 года Блэтти целиком посвящает себя литературной деятельности, публикует романы «Легион», «Девятая конфигурация», «Сверкая — сверкай, убийца Келли», пишет сценарии для телесериалов.

Оглушительная слава пришла к Блэтти после публикации романа «Изгоняющий дьявола», ставшего в 1972 году бестселлером года. Роман был отмечен «Калифорнийской литературной премией». Одновременно с выходом книги Блэтти начал работать над киноверсией романа, и фильм имел еще более шумный успех, чем сам роман. Несколько «Оскаров», премия имени Августа Дерлета и километровые очереди к кинотеатрам сопровождали прокат фильма, который ныне считается классикой мистического кино.

ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА

ПРОЛОГ

СЕВЕРНЫЙ ИРАК

167

Палящее солнце крупными каплями выжимало пот из упрямого старика, которого мучило дурное предчувствие. Оно было похоже на холодные мокрые листья, прилипающие к спине.

Раскопки закончены. Курган полностью и тщательно исследован, все находки изучены, внесены в список и отправлены по назначению. Бусы и кулоны, резные драгоценные камни, фигурки, изображающие фаллос, каменные ступки с едва заметными остатками охры, глиняные горшки. Ничего выдающегося. Ассирийская шкатулка слоновой кости. И человек. Точнее, кости человека. Бренные останки великого мученика, которые когда-то заставляли старика задумываться о сущности материи, Бога и дьявола. Теперь он узнал все. Он почувствовал запах тамариска и перевел взгляд на холмы, поросшие тростником, и на каменистую дорогу, которая, извиваясь, вела в места, повергающие всех смертных в благоговейный страх. Поехав на север, можно было попасть в Мосул, на восток — в Эрбил. На юге лежали Багдад, Керкук и великий Небухаднезар.

Старик сидел за столом в придорожной чайхане и, медленно потягивая чай, смотрел на свои истоптанные ботинки и брюки цвета хаки. Мысли одна за другой приходили ему в голову, но он не мог соединить их в единое целое.

Рядом кто-то засопел. Хозяин чайханы, морщинистый, сухощавый старик, подошел к нему, шаркая пыльными ботинками со смятыми задниками.

— Kaman chay, chawaga?*

Человек в хаки отрицательно покачал головой, продолжая смотреть вниз, на грязные ботинки, пропыленные суетой жизни. Частички Вселенной, медленно размышлял он, — материя, и тем не менее в основе этого — дух. Для него дух и ботинки были только двумя сторонами вечной и бесконечной материи.

Курд все еще ждал. Человек в хаки посмотрел на его лицо. Глаза у чайханщика были тусклые, словно на них натянули мутную пленку. Глаукома.

Старик вынул бумажник и стал медленно перебирать содержимое. Вот несколько динаров, потрепанные водительские права, выданные в Ираке, поблекший календарь из пластика двенадцатилетней давности. На обратной стороне виднелась надпись: «Все, что мы отдаем неимущим, возвратится к нам после нашей смерти». Такие календари изготовлялись иезуитской миссией. Он заплатил за чай, оставив 50 филсов на расколоте столе, направился к своему джипу, сунул ключ в замок зажигания. Нежное позвякивание ключей в этой тишине показалось ему оглушительным.

На мгновение старик замер, прислушиваясь к окружающей тишине. Впереди, на вершине далекого холма, возвышались крыши домов. Весь Эрбил, казалось, висел в воздухе, сливаясь с черными тучами. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Что ждало его?

— Allah ma'ak, chawaga**.

Какие гнилые зубы. Курд, улыбаясь, махал ему на прощание рукой. Человек в хаки собрал все то доброе, что у него было внутри, и улыбнулся. Но, как только он отвернулся, улыбка исчезла. Он включил мотор, резко повернул руль и направился в Мосул. Курд, в то время как джип набирал скорость, наблюдал за ним с непонятным чувством потери. Что уходило от него? Что он чувствовал, пока этот незнакомец был рядом? Курду показалось, что рядом с посетителем он был в полной безопасности. Теперь это чувство таяло вместе с исчезающим из вида джипом. Ему стало неудобно и одиноко.

Доскональная перепись находок была закончена в шесть часов десять минут. Хранителем древних экспонатов в Мосуле был пожилой араб с отвислыми щеками. Записывая в большую книгу последнюю находку, он вдруг остановился на секунду и, обмакнув перо в чернильницу, посмотрел на своего визави. Человек в хаки о чем-то сосредоточенно думал. Он стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел вниз, будто прислушиваясь к шепоту прошлого. Хранитель музея с любопытством наблюдал за ним некоторое время, а затем вновь вернулся к книге и мелким аккуратным почерком дописал последнее слово. За-

* Еще чаю, парень? (арабск.)

** Аллах с вами, парень (арабск.).

тем, с облегчением вздохнув, положил ручку и посмотрел на часы. Поезд в Багдад отправлялся в восемь часов. Он промакнул страницу и предложил выпить чаю.

Человек в хаки отрицательно покачал головой, пристально разглядывая что-то на столе. Араб наблюдал за ним с чуть заметным чувством беспокойства. Какая-то тревога витала в воздухе. Он встал, подошел поближе и почувствовал легкое покалывание в затылке. Его друг наконец шевельнулся и взял со стола амулет. Он задумчиво повертел его в руке. Это была зеленая каменная головка демона Пазузу, олицетворяющего юго-западный ветер. Демон повелевал хворьями и недугами. В голове виднелось отверстие. Его владелец когда-то использовал амулет как защиту от болезней.

— Зло против зла,— сказал хранитель музея, лениво обмахиваясь французским научным журналом, на обложке которого расплылось жирное пятно.

Старик не двигался и не отвечал.

— Что-нибудь случилось, святой отец?

Человек в хаки, казалось, не слышал его, весь поглощенный мыслями об амулете. Это была самая последняя находка. Потом он положил фигурку назад и вопросительно посмотрел на араба.

Хранитель музея взял старика за руки и крепко сжал их.

— Святой отец, я чувствую, что вам не надо уходить.

Его друг спокойно ответил, что уже пора, уже поздно и надо идти.

— Нет-нет-нет, я имел в виду, чтобы вы не уезжали домой.

Человек в хаки уставился на крошечное зернышко, которое прилипло к губе старого араба. «Домой»,— повторил он. В звучании этого слова ему слышался какой-то безысходный конец.

— В Америку,— добавил хранитель музея и сам удивился, зачем он это сказал.

Человек в хаки посмотрел на араба. Им всегда было легко вдвоем.

— Прощай,— прошептал он. Потом быстро повернулся и шагнул в сумерки навстречу длинной дороге к дому.

— Увидимся через год! — крикнул ему вслед араб. Но человек в хаки не оглянулся. Араб наблюдал, как старик уходил все дальше и дальше. Скоро он вышел на окраину города, перешел через Тигр. По дороге к развалинам он замедлил шаг, потому что с каждым шагом зародившееся дурное предчувствие угнетало его все сильнее и сильнее. Ему нужно было быть готовым, и он знал это.

Маленький деревянный мостик через мутный ручей Хоср заскрипел под его тяжестью. Через минуту старик стоял на том холме, где когда-то сверкала под солнцем Ниневия, открывая все свои пятнадцать ворот ассирийским племенам. Теперь город простирался внизу, покрытый кровавой пылью судьбы. Он стоял и ощущал тревогу, чувствовал, что кто-то разрушает его мечты.

Сторож-курд вышел из-за угла, снял с плеча винтовку и побежал к нему. Затем, узнав его, резко остановился, улыбнулся и пошел дальше.

Человек в хаки осмотрел развалины. Храм Набу. Храм Иштира. Он медленно шел вперед. Во дворце Ашурбанипала он остановился и посмотрел на массивную статую из известняка: острые крылья, когтистые лапы, выпуклый, похожий на обрубок пенис. Рот застыл в дикой усмешке. Демон Пазузу.

И вдруг он поник.

Он все понял.

Неминуемое приближалось.

Он смотрел на пропыленные камни. Сумерки сгустились. Он услышал лай бездомных псов, рыскающих стаями по окраинам города. Солнечный диск медленно опускался к краю земли. Старик опустил закатанные рукава рубашки, застегнул пуговицы. Подул с юго-запада прохладный ветерок.

Человек в хаки заспешил в Мосул. Сердце его сжималось в предчувствии скорой встречи со старым врагом...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО

Глава первая

Дом сдавался внаем. Очень ухоженный дом. Аккуратный. В колониальном стиле. Оббитый плющом. Находился он в Вашингтоне, в районе Джорджтауна. Через дорогу располагалась территория университета. Сзади — крутой спуск на шумную М-стрит, а внизу — мутный Потомак.

Ранним утром первого апреля в доме было тихо. Крис Макнейл лежала в кровати и просматривала текст сценария для завтрашней съемки. Регана, ее дочь, спала внизу. В комнате у кладовой спали немолодые экономка и мажордом, Уилли и Карл. Примерно в половине первого Крис оторвалась от текста. Она услышала какое-то постукивание. Очень странные звуки. То приглушенные, то громкие и четкие. Очень ритмичные. Похожие на какую-то недобрую морзянку.

Забавно.

Минуту она прислушивалась, затем отвлеклась, но постукивание не прекращалось, и она не могла сосредоточиться. Крис в сердцах швырнула сценарий на кровать.

Боже, я сойду с ума!

Она встала с твердым намерением разобраться, в чем дело.

Крис вышла в коридор и огляделась. Ей показалось, что звуки идут из комнаты Реганы.

Что это она там делает?

Она спустилась в холл, постукивание стало слышно громче. Когда же она распахнула дверь и вошла в комнату, звуки резко затихли.

Что за чертовщина?

Ее симпатичная одиннадцатилетняя дочка спала, прижавшись к большому плюшевому круглоглазому медведю.

Крис подошла к кровати, нагнулась и шепнула:

— Рэгс, ты не спишь?

Дыхание ровное. И глубокое.

Крис оглядела комнату. Бледные лучи света из зала легли на картины, нарисованные Реганой, на ее игрушки.

Ну, ладно, Рэгс. Твоя глупая мамочка попалась. На удочку. Скажи теперь: «Первый апрель, никому не верь!»

И все же Крис знала, что на нее это не похоже. Ее дочка была скромной и очень робкой девочкой. Тогда где же шутник? Какой-нибудь дурак спросонок решил проверить отопительные трубы или канализацию? Однажды в горах Бутана она несколько часов подряд смотрела на буддийского монаха, который сидел на корточках и занимался созерцанием. В конце концов ей показалось, что он воспарил. Скорее всего показалось. Рассказывая об этом случае, она всегда добавляла «скорее всего». Возможно, и теперь ее воображение (довольно богатое само по себе) и выдумало этот стук.

Ерунда — я же слышала!

Неожиданно она посмотрела на потолок. Ага! Слабое царапанье!

Крысы на чердаке! Господи! Крысы!

Она вздохнула. Ну вот. Огромные толстые хвосты. Шлеп, шлеп. Как ни странно, ей полегчало. И тут она впервые обратила внимание на холод. Комната была совершенно выстужена.

Мать подошла к окну. Проверила его. Закрыто. Потрогала батареи. Горячие.

В чем дело?

Удивленная, она вернулась к кровати и потрогала щеку девочки. Она была гладкая, немного влажная.

Я, наверное, заболела.

Крис посмотрела на дочь, на ее курносый нос и веснушчатое лицо, потом быстро наклонилась и поцеловала теплую щеку. «Я так люблю тебя», — прошептала она. Затем Крис вернулась в свою спальню и вновь привялась за чтение сценария.

Ей хотелось спать. Она перевернула страницу. Бумага была измята, края оборваны. Это работа режиссера-англичанина. Когда он нервничает, то дрожащими руками отрывает полоску бумаги от первой попавшейся страницы и жует ее, пока во рту у него не вырастет большой бумажный ком.

Милый Бэрк!

Крис зевнула и вновь взглянула на сценарий. Многие страницы были объедены. Она вспомнила про крыс. У этих маленьких сволочей, безусловно, есть чувство ритма. Она решила утром отправить Карла за крысоловками.

Пальцы Крис разжались. Сценарий выпал из рук.

Крис уснула. Ей снилась ее смерть. Она задыхалась и растворялась, терялась в пустоте и все время думала: меня не будет, я умру, меня не будет никогда, о, папа не допустит этого, я не хочу превратиться в ничто, навсегда, — и опять таяла, растворялась, и этот звон, звон, звон..

Телефон!

С тяжело бьющимся сердцем Крис вскочила и сняла трубку. Звонил помощник режиссера.

— В гримерной в шесть часов, дорогая.

— Ладно.

— Как дела?

— Если сейчас пойду под душ и приду в себя, значит, все в порядке.

Он засмеялся.

— Увидимся.

— Хорошо.

Она повесила трубку. Немного посидела, раздумывая над своим сном. Сон? Это скорее напоминало раздумья в полусне. Такая удивительная ясность! Конец существования. Невозвратимость. Она раньше не могла себе представить. О Боже, этого не может быть!

Но это, к сожалению, правда.

Крис надела халат и быстро спустилась вниз, к реальному и шкворчащему жареному бекону.

— Доброе утро, миссис Макнейл!

Седая Уилли склонилась над столом. Она выжимала сок из апельсинов. Под глазами синие мешки. Чуть заметный акцент. Она, как и Карл, была родом из Швейцарии. Экономка вытерла руки салфеткой и направилась к плите.

— Я сама достану, Уилли. — Крис, всегда наблюдательная, заметила ее усталый взгляд. Уилли вернулась к столу, ворча что-то себе под нос. Крис налила кофе и привалилась за завтрак. Посмотрев на свою тарелку, она тепло улыбнулась. Алая роза. Регана. Мой ангел. Каждое утро, когда Крис снималась, Регана тихонько вставала с кровати, шла на кухню и клала ей цветок на тарелку, а потом, сонная, опять шла спать. Крис покачала головой, вспомнив, что она когда-то хотела назвать ее Гонерильей. Да. Все верно. Надо быть готовой к худшему. Ее большие зеленые глаза стали вдруг похожи на глаза бездомного или осиротевшего человека. Она вспомнила о другом цветке. О сыне. Джэми. Он умер давно, когда ему было всего три года. Крис в то время была молоденькой неизвестной девочкой из хора на Бродвее. Она поклялась, что никого не будет любить так сильно, как Джэми и его отца, Говарда Макнейла. Уилли подала сок, и тут Крис вспомнила о крысах.

— Где Карл? — спросила она экономку.

— Я здесь, мадам.

Мажордом выглянул из-за двери кладовой. Властный. Почтительный. Энергичный. Вежливый. Живые, блестящие глаза. Орлиный нос. Абсолютно лысый.

— Послушай, Карл. На чердаке завелись крысы. Неплохо бы купить капканы.

— Крысы?

— Я же сказала.

— На чердаке чисто.

— Ну, значит, у нас чистоплотные крысы.

— Никаких крыс.

— Карл, я их слышала ночью. — Крис едва сдерживалась.

— Может, канализация, — попробовал возразить Карл, — или отопительные трубы?

— Крысы! Ты купишь в конце концов эти проклятые лоушки? И перестань спорить!

— Да, мадам. Я пойду прямо сейчас!

— Не сейчас, Карл! Все магазины закрыты!

— Они и правда закрыты,— проворчала Уилли.

— Посмотрим.

Он ушел.

Крис и Уилли обменялись взглядами, потом Уилли покачала головой и вернулась к бекону. Крис вспомнила про свой кофе. Станный. Станный человек. Так же, как и Уилли, трудолюбивый, очень преданный. И все же было в нем что-то такое, от чего Крис становилось не по себе. Что именно? Может, его чуть заметная заносчивость? Или его вызывающее поведение? Нет. Что-то другое. Супруги жили у нее уже почти шесть лет, но Карла она никак не могла понять до конца.

Крис поднялась в свою комнату и надела свитер и юбку. Посмотрела в зеркало и с удовольствием начала расчесывать свои короткие рыжие волосы, вечно казавшиеся растрепанными. Потом состроила рожицу и глупо усмехнулась. Эй, милая соседка! Можно поговорить с твоим мужем? С твоим любимым? С твоим негодяем? А, твой негодяй в богадельне? Это он звонит! Она показала язык своему отражению. Поникла. О Боже, что за жизнь! Взяла коробку с гримом и париками, спустилась вниз и вышла на тенистую чистую улицу.

На мгновение Крис остановилась, вдохнула полной грудью свежий утренний воздух и посмотрела направо. Пошла дальше. К своей работе, к этой веселой путанице, к бутафорской, шутовской старине.

Как только Крис вошла через главные ворота, ее настроение немного улучшилось, а потом, увидев знакомые ряды фургонов вдоль южной стены, где размещались костюмерные и гримерные, она и вовсе повеселела. В восемь утра первого дня съемок она уже почти пришла в себя, потому что начала спорить по поводу сценария.

— Эй! Бэрк! Будь так добр, посмотри, что это здесь за ерунда, а?

— Ага, у тебя все-таки есть сценарий! Прекрасно! — Режиссер Бэрк Дэннингс, подтянутый и стройный, как принц из волшебной сказки, озорно и лукаво подмигнул ей и аккуратно оторвал дрожащими пальцами полоску бумаги от сценария.

— Сейчас я начну чавкать,— засмеялся он.

Они стояли на площадке перед административным зданием университета среди актеров, статистов, технического персонала и рабочих ателье. Кое-где на лужайке уже разместились любопытные зрители. Собралось множество детей. Оператор, уставший от шумихи, поднял газету, которую жевал Дэннингс. От режиссера уже с утра слегка отдавало джином.

— Да, я жутко доволен, что тебе дали сценарий.

Это был изящный, хрупкий, уже немолодой человек. Он говорил с таким изысканным британским акцентом, что в его устах даже самые страшные ругательства звучали красиво.

Когда он шел, то постоянно хохотал, казалось, что ему трудно сдерживать себя и оставаться хладнокровным.

Пока шли съемки, солнце то ярко светило, то пряталось за тучи, и к четырем часам небо окончательно нахмурилось. Помощник режиссера распустил труппу до следующего дня.

Крис пошла домой. Она чувствовала усталость. На углу ее выследил из дверей своего бакалейного магазина пожилой итальянец и попросил дать автограф. Крис расписалась на бумажном пакете и добавила «с наилучшими пожеланиями». Пока она стояла у светофора, взгляд ее упал на католическую церковь. Кто-то ей говорил, что здесь женился Джон Ф. Кеннеди. Здесь он и молился. Крис попыталась представить его среди набожных морщинистых старушек и жертвенных свечей.

Мимо промчался развозящий пиво грузовик, громыкая запотевшими банками.

Крис перешла на другую сторону. Пошла вдоль улицы, и когда проходила мимо школы, ее обогнал какой-то священник в нейлоновой куртке. Подтянутый. Небритый. Он свернул налево и направился в сторону церкви.

Крис, остановившись, с интересом наблюдала за ним. Священник торопился к небольшому коттеджу. Заскрипела старая дверь, и появился еще один священник. Этот был очень мрачный и, по всей вероятности, нервничал. Он кивнул молодому человеку и, опустив голову, зашел в церковь. Опять скрипнула дверь коттеджа, и Крис увидела еще одного священника. Он поздоровался со своим гостем и обнял его за плечи. В этом движении было что-то покровительственное. Он вовлек молодого человека внутрь, и дверь захлопнулась с противным скрипом.

Крис в недоумении уставилась на свои туфли. Что за ерунда? Ей стало интересно, ходят ли иезуиты исповедоваться.

Послышался отдаленный раскат грома. Крис взглянула на небо. Интересно, будет дождь или нет... воскресение...

Да, да, конечно. В следующий вторник. Сверкнула молния. Можешь не волноваться, малышка, мы сами тебе позвоним.

Подняв воротник пальто, Крис заторопилась домой. Ей очень хотелось, чтобы пошел дождь.

Через минуту Крис была уже на месте. Сначала она зашла в ванную, оттуда — на кухню.

— Салют, Крис, успешно поработали?

Это Шарон Спенсер. Симпатичная блондинка двадцати с небольшим лет. Вечно юная. Родом из Орегона. Уже три года она работала секретарем у Крис и одновременно была домашней учительницей Реганы.

— Да как всегда, ерунда.— Крис подошла к столу и лениво начала перебирать почту.— Что-нибудь стоящее внимания?

— Не желаете ли отобедать на следующей неделе в Белом доме?

— Не знаю, Марти, а что я там буду делать?

— Объедаться пирожными до отвала.

Крис засмеялась:

— А где Рэгс?

— Внизу, в детской.

— Чем занимается?

— Лепит. По-моему, птицу. Для тебя.

— Да, птица мне нужна,— улыбнулась Крис. Она подошла к плите и налила в чашку горячего кофе.

— Ты пошутила насчет обеда?

— Конечно, нет,— удивилась Шарон.— В четверг.

— Народу много будет?

— Да нет. По-моему, человек пять или шесть.

— Кроме шуток?

Крис было приятно. Она даже не особенно удивилась. Ее общество любили многие: кучера и поэты, профессора и короли. Что им нравилось в ней? Ее жизнь? Крис села за стол.

— Как прошли занятия?

Шарон зажгла сигарету и нахмурилась:

— Опять плохо с математикой.

— В самом деле? Интересно.

— Вот именно. Это же ее любимый предмет,— поддержала Шарон.

— Ну, это, наверное, из-за современных методов обучения. Я бы даже не сумела различить номера автобусов, если бы...

— Привет, ма!

Регана выскочила из-за двери, широко расставив в стороны руки. Рыжие хвостики. Светящееся от радости лицо. И миллион веснушек.

— Привет, маленькая негодяйка.— Крис поймала ее в объятия и крепко прижала к себе, смачно чмокая в щечку и не пытаясь сдерживать свою нежность. Потом с любопытством спросила: — Что же ты делала сегодня? Что-нибудь очень интересное?

— Да, ерунда.

— Какая именно ерунда?

— Дай вспомнить.— Регана уперлась коленями в ноги матери и медленно раскачивалась взад-вперед.— Ну, как всегда, я занималась.

— Так.

— И рисовала.

— Что ты рисовала?

— Цветы, такие, знаешь... как маргаритки, только розовые. А потом, ну да, потом была лошадь! — Регана широко раскрыла глаза и начала с восхищением рассказывать.— У этого дяди была лошадь, ну, у того, который живет там, у реки. Ма, мы гуляли, и вдруг эта лошадь, такая красивая! Ма, ты бы ее видела! И этот дядя сам разрешил мне посидеть на ней. Правда-правда! Ну, конечно, только на минуточку!

Крис многозначительно подмигнула Шарон.

— Неужели сам? — спросила она, удивленно поднимая брови. Когда Крис приехала на съемки в Вашингтон, Шарон (она была уже членом семьи) жила вместе с ними в отдельной комнате на втором этаже. Потом она познакомилась с каким-то конохом,

который работал на конюшне, расположенной неподалеку. Теперь Шарон нужна была отдельная квартира. Крис сняла для нее номер-люкс в дорогой гостинице и при этом настояла на том, чтобы за номер платила именно она, а не Шарон.

— Сам,— улыбнулась Шарон.

— Лошадь была серая! — добавила Регана.— Ма, а неужели мы не можем купить лошадь? То есть ведь мы могли бы, да?

— Посмотрим, малышка.

— Когда у меня будет лошадь?

— Посмотрим. Ну, а где твоя птица?

На секунду Регана замерла, а потом, недовольно взглянув на Шарон, сжала губы и укоризненно покачала головой.

— Это был сюрприз.— Она засмеялась.

— Ты хочешь сказать...

— Ну да. С длинным смешным носом, как ты и хотела!

— Рэгс, ты прелесть. Можно посмотреть?

— Нет, мне еще нужно ее раскрасить. Когда будем обедать, ма?

— Ты голодная?

— Умираю от голода.

— Так ведь еще и пяти нет. Когда же мы ели? — спросила

Крис у Шарон.

— Где-то в двенадцать,— попыталась припомнить Шарон.

— А когда вернутся Уилли и Карл?

Крис отпустила их до вечера.

— Часов в семь,— ответила Шарон.

— Ма, пошли в кафе, а? — попросила Регана.— Можно?

Крис взяла дочь за руку, притянула ее к себе и поцеловала.

— Беги наверх, одевайся, сейчас пойдем.

— Как я тебя люблю!

Регана выбежала из комнаты.

— Малыш, надень новое платье! — крикнула ей вдогонку

Крис.

— Тебе хотелось бы опять стать одиннадцатилетней девочкой? — задумчиво спросила Шарон.

— Это предложение?

Крис глянула на письма и начала безразлично раскладывать исписанные листки.

— Ты его принимаешь? — настаивала Шарон.

— Со всеми заботами, которые у меня сейчас? И со всеми воспоминаниями?

— Да.

— Ну уж нет.

— Подумай хорошенько.

— Я думаю.— Крис подняла письмо с прикрепленным впереди конвертом. Джаррис. Ее агент.— Кажется, я просила его пока ни о чем мне не писать.

— Прочитай,— предложила Шарон.

— А что такое?

— Я читала его сегодня утром.

— Что-нибудь хорошее?

— Великолепное. Они хотят взять тебя режиссером,— ответила Шарон и сделала очередную затяжку.

— Что?!

— Прочитай письмо.

— О Боже, Шар, ты не шутишь?

Крис вцепилась в письмо и начала жадно пробегать его глазами:

— «...Новый сценарий... триптих... студия просит сэра Стефана Мора... При наличии согласия на...» Я буду режиссером!

Размахивая руками, она заверещала от радости:

— О Стив, ты ангел, ты не забыл!

Они снимали какой-то фильм в Африке. Он здорово напился. Сидя в шезлонге, на закате дня, Стив как-то сказал ей, что ему нравится работа актера. «Ерунда,— ответила Крис.— Ты знаешь, что такое настоящая работа? Самому ставить фильмы!» — «Согласен».— «Надо сделать что-то свое собственное, я имею в виду что-то такое, что будет жить потом».— «Ну и займись этим сама».— «Я пыталась, но меня не берут».— «Почему?» — «Им кажется, что я не справлюсь с монтажом». Дорогие воспоминания. Теплая улыбка. Милый Стив!

— Ма, я не могу найти платье! — крикнула Регана.

— В стенном шкафу! — ответила Крис.

— Уже смотрела!

— Сейчас иду! — На секунду Крис задумалась, взглянула на письмо и поникла.— А вдруг ерунда какая-нибудь и не в моем стиле?

— Да вряд ли. Мне кажется, фильм стоящий.

— Ну да, ты всегда считала, что в фильмах ужасов надо вставлять комедийные эпизоды.

Шарон засмеялась.

— Мама!

— Иду!

Крис медленно встала.

— У тебя сегодня свидание, Шар?

— Да.

Крис покосилась на корреспонденцию.

— Тогда иди, а с остальной ерундой разберемся завтра.

Шарон встала.

— Хотя подожди-ка.— Крис что-то вспомнила.— Одно срочное письмо надо отправить сегодня же.

— Хорошо.— Шарон взяла блокнот и приготовилась записывать.

— Ма-а-а-м! — Регана уже подвывала от нетерпения.

— Подожди, я сейчас,— попросила Крис Шарон.

Шарон глянула на часы.

— Крис, мне уже пора заниматься созерцанием.

Крис пристально и с чуть заметным раздражением посмотрела на нее. За полгода ее секретарша вдруг превратилась в «искательницу спокойствия». Началось это с самогипноза еще в Лос-Анджелесе, а потом закончилось буддийским песнопением. Последнее время, пока Шарон жила под одной крышей с Крис, в доме поселилась апатия, сопровождаемая безжизненными,

унылыми напевами «*Nam myoho renge kyo*» («Крис, ты просто повторяй эти слова, ничего больше, и твои желания исполнятся, и все будет так, как ты хочешь...»). Эти завывания доносились до Крис и днем, и ночью, и чаще всего именно тогда, когда она разучивала роль.

— Можешь включить телевизор, — великодушно разрешила Шарон своей хозяйке. — Все нормально. От песнопения меня никакой шум не отвлекает.

На этот раз она собралась заниматься трансцендентальным созерцанием.

— Шар, неужели ты действительно веришь, что вся эта чепуха может хоть каким-то образом помочь тебе? — равнодушно спросила Крис.

— Это меня успокаивает, — ответила Шарон.

— Понятно, — сухо отчеканила Крис и пожелала Шарон спокойной ночи. Она не напонила про письмо и, выходя из кухни, пробормотала: — «*Nam myoho renge kyo*».

— Повторяй эти слова минут пятнадцать или двадцать! — крикнула ей влогонку Шарон. — Может, это и тебе поможет!

Крис остановилась и хотела возразить, но передумала. Она поднялась в спальню Реганы и сразу же подошла к стенному шкафу. Регана застыла посередине комнаты и внимательно вглядывалась в потолок.

— Что такое? — забеспокоилась мать.

Крис пыталась найти платье. Бледно-голубое, ситцевое. Она купила его неделю назад и хорошо помнила, что повесила платье в стенной шкаф.

— Странный шум, — заметила Регана.

— Я знаю. У нас завелись друзья.

— Разве? Какие? — Регана перевела взгляд на мать.

— Белки, крошка моя, белки на чердаке.

Ее дочь была брезглива и терпеть не могла крыс. Даже мыши приводили ее в ужас.

Поиски платья не увенчались успехом.

— Мам, посмотри, его тут нет.

— Вижу, вижу. Может, Уилли случайно бросила его в стирку?

— Как будто исчезло.

— Ну, ладно. Надень тогда синее, оно тебе тоже идет.

Они пошли в кафе. Крис довольствовалась салатом, а Регана после супа с четырьмя булочками и жареного цыпленка уплетала шоколадный коктейль, полторы порции пирога с голубикой и кофейное мороженое. И куда это все умещается? В кости идет, что ли? Девочка была очень худенькая.

Крис докурила и, медленно допивая кофе, посмотрела в окно.

Темная вода Потомака застыла в каком-то ожидании.

— Какой хороший был обед, мам.

Крис повернулась к ней и, как это часто с ней случалось, увидела в своей дочке Говарда. Она тут же перевела взгляд на тарелку.

— А пирог не будешь доедать? — спросила Крис.

Регана опустила глаза.

— Я наелась конфет.

Крис потушила сигарету и улыбнулась:

— Тогда пошли.

Около семи они были дома. Уилли и Карл уже вернулись. Регана сразу побежала в детскую, чтобы побыстрее закончить птицу для матери. Крис пошла на кухню за письмом. Уилли варила кофе в старой кастрюльке без крышки. Она была раздражена и недовольна.

— Привет, Уилли, как кино? Хорошо провели время?

— Не спрашивайте.— Она бросила щепотку соли и немного яичной скорлупы в булькающее содержимое кастрюльки. Да, они ходили в кино, объяснила Уилли. Она хотела посмотреть кино с участием «Битлз», но Карл настоял на своем: ему приспичило пойти на фильм про Моцарта.

— Ужас! — кипела она, уменьшая огонь на плите.— Такой дурак!

— Ну извини.— Крис сунула письмо под мышку.— Кстати, Уилли, ты не видела платье, которое я купила Регане на прошлой неделе? Такое голубое, из ситца?

— Да, сегодня утром оно было в стенном шкафу.

— И куда ты его положила?

— Оно там.

— Может, ты случайно прихватила его, собирая грязное белье?

— Оно там.

— С грязным бельем?

— В стенном шкафу.

— Там его нет. Я смотрела.

Уилли хотела что-то ответить, но только сжала губы и бросила сердитый взгляд на кастрюльку с кофе. Вошел Карл.

— Добрый вечер, мадам.— Он направился к умывальнику и налил стакан воды.

— Ты расставил капканы? — спросила Крис.

— Никаких крыс.

— Ты их расставил?

— Конечно, я их расставил, но на чердаке чисто.

— А теперь скажи: тебе кино понравилось?

— Очень.— По его поведению, так же как и по непроницаемому выражению лица, ничего нельзя было понять.

Крис пошла к себе в комнату, про себя напевая известную песенку «Битлз». Но внезапно остановилась.

Сейчас я тебе покажу!

— Карл, а тебя не затруднило достать мышеловки?

— Ничуть.

— В шесть часов утра?

— В ночном универмаге, мадам.

— О Боже!

Крис долго купалась, наслаждаясь теплой водой, а когда вошла в свою спальню за халатом, то в стенном шкафу обнаружила пропавшее платье Реганы. Оно лежало смятое на куче белья.

* Крис подняла его. Как оно здесь очутилось?

Этикетки не были сорваны. Крис задумалась. Потом вспомнила, что в тот же день, когда покупала платье, купила и кое-что для себя. Наверное, я все сюда и бросила.

Крис отнесла платье в спальню Реганы и, повесив его на вешалку, убрала в шкаф. Она мельком взглянула на туалеты дочери. Прекрасные платья. Да, Рэгс, смотри лучше на них и не думай о папе, который даже писем не пишет.

Крис закрыла шкаф и, резко повернувшись, ударилась ногой о письменный стол. О Боже, этого еще не хватало!

Она приподняла ногу и потеряла ушибленный палец. И тут только заметила, что стол сдвинут с прежнего места приблизительно на метр. Неудивительно, что я ударилась. Наверное, Уилли пылесосила и отодвинула его.

Крис с письмом от своего агента спустилась в кабинет и присела на мягкий низкий диван у огня.

Она еще раз просмотрела письмо. Вера, Надежда, Любовь. Три независимые части, в каждой свой режиссер и актерский состав. Ей предлагали Надежду. Замысел ей нравился. Немного скучновато, подумала она, но зато изысканно. Наверняка название изменят на что-нибудь типа «Суматоха вокруг добродетели».

В прихожей послышался звонок. Пришел Бэрк Дэннингс. У него не было своей семьи, и он часто заходил к Крис. Будущий режиссер задумчиво улыбнулась и покачала головой, услышав, как Бэрк что-то съязвил в отношении Карла, которого ненавидел и постоянно поддразнивал.

— Ну, привет. Дай выпить! — первым делом потребовал Бэрк, войдя в комнату и устремившись к бару.

Бэрк был немного раздражен и чем-то расстроен.

— Опять в поисках? — спросила Крис.

— Что ты имеешь в виду, черт возьми? — огрызнулся он.

— У тебя озабоченный вид. — В таком состоянии она его уже видела, когда снимали фильм в Лозанне. Они остановились в приличной гостинице с видом на Женевское озеро. В первую ночь после приезда Крис никак не могла заснуть. В пять часов утра она вскочила с кровати, оделась и спустилась вниз, чтобы выпить чашечку кофе или просто поболтать с кем-нибудь. Ожидая в коридоре лифта, она выглянула в окно и увидела Дэннингса. Он вышагивал вдоль берега озера, засунув руки в карманы пальто, и не обращал никакого внимания на жуткий холод. Когда Крис спустилась в вестибюль, Бэрк как раз входил в гостиницу.

— Ни одной шлюхи на горизонте! — разочарованно выпалил он, проходя мимо нее с опущенными глазами. Затем Дэннингс вошел в лифт и поднялся к себе в номер спать. Позже, когда Крис со смехом вспомнила этот случай, Дэннингс пришел в ярость, объявил публично, что она страдает «избытком галлюцинаций», и добавил, что верят ей «только потому, что она кинозвезда». Тогда Бэрк назвал ее ненормальной, а несколько позже спокойно объяснил (чтобы не обижать ее), что, возможно,

она кого-то и видела, но по ошибке приняла за Дэннингса. «Кстати,— заметил он,— моя прапрабабушка, кажется, была родом из Швейцарии».

Крис подошла к бару и напомнила ему об этом случае.

— Не будь душой! — закричал Дэннингс. — Я провел целый вечер за чаем, я был на факультетском чаепитии!

Крис облокотилась о стойку бара:

— Так ты пил только чай?

— Да, не ухмыляйся так глупо.

— И нализался чаем,— сухо отрезала она. — Вместе с иезуитами.

— Нет, иезуиты были трезвые.

— Они не пьют?

— Ты что, рехнулась? — продолжал кричать Бэрк. — Они нажрались! Никогда в жизни не встречал таких алкашей!

— Потише, Бэрк, не забывай: здесь Регана.

— Да, Регана,— зашептал Дэннингс. — Дай же скорее выпить, черт тебя дер!

— Что же ты делал на факультетском чаепитии?

— Идиотская общественная деятельность, всегда надо заниматься какой-нибудь ерундой.

Крис протянула ему стакан джина со льдом.

— Мы обсудили, как сильно испоганили их территорию,— пробурчал режиссер. Он поднес стакан к губам и сделал набожный вид. — Ну да, смейся. Все, что ты умеешь,— это смеяться и вертеть задом.

— Я только улыбнулась.

— Ну, все равно. Лучше скажи, как у тебя дела.

Крис неопределенно пожала плечами.

— У тебя плохое настроение? В чем дело?

— Не знаю.

— Не рассказывай сказки.

— Чертовщина какая-то, я, пожалуй, тоже выпью,— сказала она, протягивая руку за стаканом.

— Правильно, это полезно для желудка. Ну, так в чем же дело?

Крис медленно налила себе водки.

— Ты когда-нибудь думал о смерти?

— Извини, но...

— Да, о смерти,— перебила она его. — Думал когда-нибудь, Бэрк? Что это такое? Я хочу сказать, на самом деле что это такое?

— Не знаю,— ответил Дэннингс слегка раздраженно. — Нет, не знаю. Я вообще об этом не думаю. Я воспринимаю смерть, как она есть, и все. Какого черта ты вздумала говорить об этом?

Крис пожала плечами.

— Не знаю,— медленно произнесла она. Бросила кусочек льда себе в стакан и задумчиво наблюдала за ним. — Да... да... я думаю, это что-то вроде... как сон в момент пробуждения. Я хочу сказать, что именно так мне показалось... что смерть... именно такая. Я имею в виду конец, конец, я раньше никогда об этом не думала. — Крис потрясла головой. — О Боже, меня

даже в дрожь бросило! Мне показалось, что я падаю с нашей проклятой планеты со скоростью сто миллионов в час.

— Чушь! Смерть — это покой, — вздохнул Дэннингс.

— Но только не для меня, дорогой мой.

— Твоя жизнь будет продолжаться в твоих детях.

— Перестань! Мои дети — это не я.

— Да, и слава Богу! Одной такой вполне достаточно.

— Нет, Бэрк, ты только вдумайся! Никогда больше не существовать! Это...

— О Господи, помилуй! Приходи на факультетское чаепитие на следующей неделе, и, может, священники тебя успокоят.

Бэрк поставил стакан.

— Давай лучше выпьем.

— Знаешь, а я и не догадывалась, что они пьют.

— Ты просто глупая.

В его глазах сверкнула злоба. Бэрк приближался к агрессивной стадии опьянения. Крис задумалась. Ей показалось, что она задела его за живое.

— Они ходят исповедоваться? — спросила она.

— Откуда я знаю? — неожиданно взревел Бэрк.

— А ты разве не учился на...

— Где этот проклятый джин?

— Хочешь кофе?

— Не будь душой. Я хочу выпить.

— Выпей кофе.

— Ну перестань. Давай налей на дорожку.

— Что-нибудь полегче?

— Нет, никакой дряни. Терпеть не могу пить всякую дрянь.

Ну, давай же наливай в конце концов!

Бэрк протянул стакан, и Крис плеснула ему немного джина.

— Может, мне пригласить двух или трех священников к себе?

— Кого?

— Я не знаю. — Она снова пожала плечами. — Ну, кого-нибудь поважней.

— От них потом не отвяжешься. Все они ворюги и зануды, — выпалил Бэрк и залпом осушил стакан.

Да, он начисто забывается. Крис быстро переменяла тему. Она рассказала о новом сценарии и о том, что ее приглашают на съемки в качестве режиссера.

— Неплохо, — пробормотал Дэннингс.

— Но я боюсь.

— Ерунда. Самое главное — это заставить всех поверить в то, что поставить фильм было очень сложно. В первый раз я не понимал этого, зато теперь я, как видишь, на высоте. Это элементарно.

— Бэрк, если говорить честно, то именно сейчас, когда мне сделали такое предложение, я чувствую себя очень неуверенно. И особенно в отношении технической стороны дела.

— Послушай, предоставь это другим. У тебя будут операторы, редакторы, сценаристы. Подыщи хороших специалистов, и они обо всем позаботятся. Самое важное — это работа с актерами, а здесь ты справишься превосходно. Ты ведь можешь не только

словами сказать им, как двигаться и произносить реплики, милая, но и показать. Вспоминай других режиссеров и будь сдержанней.

Крис еще не верила ему.

— И все-таки что делать с техникой? — обеспокоенно спросила она. Пьяный или трезвый, Дэннингс был как-никак одним из лучших режиссеров, и Крис очень нужны были его советы.

Битый час она вникала в таинство режиссерского искусства. — Дорогая моя, единственное, что тебе нужно, — это найти хорошего редактора, — усмехнулся Дэннингс, закругляя разговор. — Человека, действительно разбирающегося в этом деле.

Опасный момент агрессивности миновал, и теперь Бэрк являл собой очаровательного собеседника.

— Извините, мадам. Вы что-то хотели?

У дверей в кабинет стоял Карл.

— А, привет, Торндайк, — засмеялся Бэрк. — Или это Генрих? Никак не могу запомнить.

— Это Карл.

— Ах да, конечно. Как же я мог забыть, черт меня побери! Скажи-ка, Карл, ты был внештатным осведомителем при гестапо или официальным? Мне кажется, здесь есть разница.

Карл вежливо ответил:

— Ни тем, ни другим, сэр, я швейцарец.

— Да-да, конечно, — захохотал Дэннингс. — И ты, конечно же, никогда не играл с Геббельсом?

Непроницаемый Карл повернулся к Крис.

— И никогда не летал вместе с Рудольфом Гессом?

— Мадам чего-нибудь желает?

— Я не знаю. Бэрк, ты хочешь кофе?

— А пошел твой кофе...

Бэрк резко встал и, выйдя с воинственным видом из комнаты, покинул дом.

Крис покачала головой и повернулась к Карлу.

— Отключи телефон, — произнесла она равнодушно.

— Хорошо, мадам. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. Где Рэгс?

— Внизу, в детской. Позвать ее?

— Да, уже пора спать. Нет, погоди, не надо. Я пойду к ней, взгляну на птицу.

— Хорошо, мадам.

— И в сотый раз прошу прощения за Бэрка.

— Я не обращаю внимания.

— Знаю. Вот это его и бесит.

Крис вышла в коридор, открыла дверь на первый этаж и крикнула сверху:

— Эй, разбойница! Ты что там делаешь? Птица готова?

— Да, иди посмотри. Спускайся сюда, я ее уже закончила.

— Ну, ты молодчина! — воскликнула Крис, когда дочка протянула ей фигурку птицы. Та еще не совсем высохла, и краски немного растеклись. Птица была выкрашена в оранжевый цвет, а клюв — в зеленую и белую полосочку. К голове был приклеен хохолок из перьев.

— Тебе нравится? — спросила Регана.

— Да, крошка, очень нравится. Как ее зовут?

— М-м-м...

— Так как мы ее назовем?

— Не знаю.— Регана пожалала плечами.

— Давай подумаем.— Крис задумалась и прижала палец к губам.— Может быть, Птичка-Глупышка? А? Просто — Птичка-Глупышка.

Регана прыснула и прикрыла рот ладонью, чтобы не расхохотаться. Она радостно закивала.

— Итак, Птичка-Глупышка большинством голосов! Пусть останется здесь и подсохнет, а потом я отнесу ее в свою комнату.

Крис поставила птицу на место и вдруг заметила планшетку для спиритических сеансов. Она лежала рядом на столе. Крис была любопытна и в свое время купила эту планшетку, чтобы исследовать собственное подсознание. Но у нее ничего не получилось. Пару раз она пробовала с Шарон и один раз с Дэннингсом. Но Бэрк очень ловко научился управлять планшеткой («Так это ты ее все время двигаешь, голубчик?»), и все «послания» были начинены ругательствами. Впоследствии Дэннингс сваливал все на «этих дефективных духов».

— Ты играешь с планшеткой?

— Ага.

— Ты умеешь?

— Ну конечно. Давай я тебе покажу.— Она с готовностью подошла к столу.

— Я думала, что для игры нужно два человека.

— Совсем необязательно, я все время играю одна.

Крис пододвинула стул.

— Давай играть вдвоем, хорошо?

Секунду девочка раздумывала:

— Хорошо.

Регана пододвинула пальцы к белой планшетке, и, как только Крис захотела до нее дотронуться, планшетка резко повернулась и остановилась у отметки «нет».

Крис лукаво улыбнулась:

— Это значит: «Мамочка, я хочу поиграть одна»? Ты не хочешь, чтобы я с тобой играла?

— Нет, я хочу. Это капитан Гауди сказал: «Нет».

— Какой капитан?

— Капитан Гауди.

— Малышка, а кто такой этот капитан Гауди?

— Ты знаешь... Ну, я задаю ему вопросы, а он отвечает.

— Да?

— Да, он очень хороший.

Крис чуть заметно нахмурилась. Она вдруг встревожилась. Регана любила своего отца, но внешне никак не отреагировала на развод родителей. А вдруг она плакала в своей комнате, но Крис даже не знала этого? Она боялась, как бы депрессия и другие отрицательные эмоции не отразились на здоровье Реганы. Фантазии, выдуманный друг. Это было уже явное

отклонение. И почему «Гауди»? Очень похоже на «Гауард», так звали отца Реганы. Очень похоже.

— Как же так, то ты не можешь придумать имени для своей птички, то вдруг у тебя появляется капитан Гауди? Почему ты называешь его «капитан Гауди»?

— Потому что его так зовут,— улыбнулась Регана.

— Кто это сказал?

— Ну он, конечно.

— А что он тебе еще говорит?

— Ерунду.

— Какую ерунду?

— Просто ерунду.

— Например.

— Сейчас увидишь. Я у него кое-что спрошу.

— Пожалуйста.

Регана прикоснулась пальцами к планшете, уставилась на дощечку и сосредоточилась:

— Капитан Гауди, моя мама красивая?

Секунда... пять секунд... десять... двадцать...

— Капитан Гауди?

Прошло еще несколько секунд. Крис была удивлена. Она была уверена, что ее дочь сама сдвинет планшетку на отметку «да».

Боже мой, что же это такое? Бессознательная неприязнь? Нет, этого не может быть.

— Капитан Гауди, это уже невежливо,— обиделась Регана.

— Малышка, а может, он уже спит?

— Ты думаешь?

— Я думаю, что и тебе пора спать.

— Уже? Он дурачина,— пробурчала Регана и пошла за матерью наверх.

Крис уложила ее в постель и села рядом.

— Кроха, в воскресенье я не работаю. Хочешь куда-нибудь пойти?

— Куда?

Несколько раз Крис пыталась найти для Реганы подруг. Ей удалось познакомиться с одной двенадцатилетней девочкой по имени Джуди. Но сейчас Джуди уехала на пасхальные каникулы, и Крис показалось, что Регана чувствует себя одинокой.

— Ну, я не знаю,— ответила Крис.— Куда-нибудь. Давай посмотрим город? А может, пойдем к цветущим вишням? Вот это мысль, они наверняка уже цветут. Ты хочешь?

— Конечно, хочу, ма.

— А завтра вечером пойдем в кино. Ладно?

— Как я тебя люблю!

Регана обняла ее, и Крис в ответ крепко прижала девочку к себе, прошептал:

— Рэгс, милая, я тебя тоже очень люблю!

— Можешь пригласить и мистера Дэннингса, если хочешь.

Крис удивилась:

— Мистера Дэннингса?

— Да, все нормально. Я не против.

Крис засмеялась.

— Нет, не нормально. Почему я должна приглашать мистера Дэннингса?

— Он же тебе нравится.

— А тебе он разве не нравится?

Она не ответила.

— Крошка моя, что с тобой происходит? — Крис решила у нее все выпытать.

— Ведь ты же собираешься выйти за него замуж. — Это был уже не вопрос, а утверждение.

Крис рассмеялась.

— Малышка моя, конечно, нет! О чем ты говоришь? И как это пришло тебе в голову?

— Но он же тебе нравится.

— Мне нравятся пироги, но я не собираюсь выходить за них замуж. Малышка, он мой друг, просто старый хороший друг.

— Тебе он нравится не так, как папа?

— Я люблю твоего папу и всегда буду любить твоего папу, а мистер Дэннингс часто ко мне приходит, потому что ему скучно, он совсем один, вот и все. Он мой друг.

— А я слышала...

— Ты слышала? От кого ты слышала?

В глазах дочери еще проглядывало сомнение, но вскоре оно рассеялось.

— Не знаю. Я просто подумала.

— Ну это совсем глупо. Забудь.

— Хорошо.

— А теперь спи.

— Можно я почитаю? Я не хочу спать.

— Конечно, можно. Почитай немного и ложись спать.

— Спасибо, мамочка.

— Спокойной ночи, кроха.

— Спокойной ночи.

Крис послала ей воздушный поцелуй и вышла. Она спустилась вниз. Ох уж эти дети! Откуда они столько выдумывают?

Крис стало любопытно, не считает ли Регана причиной развода Дэннингса. Ну нет, это уж совсем глупо. Регана знала только, что Крис подала на развод. Этого хотел Говард. Причиной, как он считал, являлись длительные разлуки и подавление его личности, поскольку никто не воспринимал его иначе как «мужа кинозвезды». Регана ничего этого не знала. Ну, хватит. Прекрати заниматься дилетантским психоанализом и займись лучше своей дочерью.

Крис вернулась в кабинет. Она заметила сценарий и решила еще раз перечитать его. На середине Крис вдруг подняла глаза и увидела перед собой Регану.

— Привет, что случилось?

— Мама, там какие-то странные звуки.

— В твоей комнате?

— Как будто кто-то стучится. Я не могу заснуть.

Где, черт возьми, эти мышеловки?!

— Кроха, ложись в моей спальне, а я пойду посмотрю.

Крис проводила ее до спальни и уложила.

— Можно я немножко посмотрю телевизор?

— А где книга?

— Не могу найти. Можно?

— Конечно.— Крис включила маленький переносной телевизор.— Так не громко?

— Нормально.

— И постарайся заснуть.

Крис выключила свет и направилась в коридор. Оттуда по узкой лесенке, покрытой коврами, она поднялась на чердак, открыла дверь, на ощупь включила свет и, пригнувшись, прошла вперед.

На основном полу валялись картонные коробки из-под посылок. И ничего больше, не считая шести мышеловок. Все шесть были начинены приманкой. На всем чердаке ни одной пылинки. В воздухе пахло свежестью и чистотой. Чердак не обогревался. Тут не было никаких труб и батарей. Не было и дыр в крыше.

— Ничего нет.

Крис похолодела от ужаса. Боже мой! Она прижала руку к тяжело бьющемуся сердцу и оглянулась.

— Господи, Карл!

Он стоял у входа на чердак.

— Извините, но вы видите сами. Здесь чисто.

— Да, все чисто. Большое спасибо.

— Может, лучше кошку?

— Что?

— Ловить крыс.

Не дожидаясь ответа, он кивнул головой и вышел.

Крис посмотрела ему вслед. Либо у Карла чувство юмора отсутствовало полностью, либо было настолько глубоко запрятано, что ускользало от ее внимания.

Крис вспомнила о звуках. Поглядела на крышу. Улица была густо засажена деревьями, стволы которых обвивали плющ и другие ползущие растения. Ветви лип скрывали добрую треть особняка. Может быть, и в самом деле белки? Наверняка. Или ветви. Да, скорее всего, ветви. Ночью дул сильный ветер.

«Может, лучше кошку?» Крис вспомнила Карла. Кто он: идиот или притворяется? Она лукаво улыбнулась, как девчонка, придумавшая очередную шалость, спустилась в спальню Реганы, подняла что-то с пола, опять прошла на чердак и через минуту вернулась в свою спальню. Регана спала. Крис перенесла дочку в ее комнату и вернулась к себе. Затем выключила телевизор и заснула.

До утра в доме все затихло.

Во время завтрака Крис как бы между прочим заметила Карлу, что ночью слышала звук захлопнувшейся мышеловки.

— Ты посмотришь? — спросила она, потягивая кофе и делая вид, будто полностью поглощена чтением газеты.

Не сказав ни слова, Карл поднялся на чердак.

Крис направилась к лестнице и по дороге встретила Карла,

спускавшегося с чердака. В руках он держал большую плоскую мышь. Он нашел ее в мышеловке.

Крис, удивленно подняв брови, уставилась на мышь.

— Кто-то шутит,— пробормотал Карл, проходя мимо нее и относя игрушку в спальню Реганы.

— Сколько интересного происходит в доме,— заметила про себя Крис, входя в спальню. Она сняла халат и стала готовиться к съемкам. Да, может быть, лучше кошку, старый осел. Гораздо лучше. Она усмехнулась, и лицо ее сразу сморщилось.

Съемки шли успешно. К 12 часам дня пришла Шарон, и в коротких перерывах они занимались делами в гримерной Крис. Написали письмо агенту с обещаниями обдумать предложение, дали согласие на приглашение в Белый дом, сочинили телеграмму Говарду, напомнив ему, чтобы он позвонил Регане в день ее рождения, настроили просьбу менеджеру Крис о годовом отпуске и составили план проведения вечеринки, которую решено было устроить двадцать третьего апреля.

Вечером Крис повела Регану в кино, а на следующий день на «ягуаре», принадлежащем Крис, они поехали осматривать достопримечательности Вашингтона. Они посетили Мемориал Линкольна, Капитолий, лагуну цветущих вишен. Потом поехали на Арлингтонское кладбище к могиле Неизвестного солдата. Регана вдруг посерьезнела, а у могилы Джона Ф. Кеннеди даже слегка взгрустнула. Она долго глядела на Вечный огонь, потом вдруг взяла мать за руку.

— Ма, а почему люди должны умирать?

Эти слова ранили Крис. О, Рэгс, и ты тоже? Неужели и ты? Нет, нет! Что она могла ответить ей? Соврать она не могла. Крис всмотрелась в личико дочери, повернутое к ней, в ее блестящие слезами глаза. Неужели Регана читала ее собственные мысли? У нее это всегда получалось. Всегда получалось раньше...

— Малышка, люди очень устают,— ответила Крис.

— Почему же Бог разрешает им уставать?

Крис удивилась и забеспокоилась. Сама она была атеисткой и никогда не говорила с Реганой о религии, считая, что это было бы нечестно.

— Кто рассказал тебе про Бога?

— Шарон.

— Понятно.

Надо будет с ней поговорить.

— Ма, ну почему Бог разрешает нам уставать?

Крис посмотрела в эти глаза, ждущие ответа, увидела в них боль и сдалась — она не могла рассказать ей того, что сама считала правдой.

— Понимаешь, Бог скучает по нас, Рэгс, и хочет, чтобы мы к нему вернулись.

Регана ничего не ответила. Молчала она и по дороге домой. В таком настроении Регана оставалась в течение двух дней.

Во вторник был день рождения Реганы, и ее настроение казалось, улучшилось. Крис прихватила ее с собой на съемки

и когда рабочий день закончился, все участники фильма спели Регане песню «С днем рождения», а потом подарили торт. Дэннингс, будучи всегда добрым по трезвости, зажег юпитеры и заснял момент, когда Регана разрежала торт. Он назвал это «пробной съемкой» и пообещал впоследствии сделать ее кинозвездой. Регана веселилась от души.

Но после обеда, получив подарки, девочка опять заскучала. Говард так и не позвонил. Крис сама набрала его номер в Риме, и портье ответил, что Говард отсутствует уже несколько дней. Наверное, катается где-нибудь на яхте.

Крис извинилась и повесила трубку.

Регана понимающе кивнула головой. Но настроение у нее было окончательно испорчено. Девочка отказалась даже выпить шоколадный коктейль. Ничего не сказав, она пошла в детскую и оставалась там до вечера.

На следующий день Крис проснулась и увидела рядом с собой полусонную дочь.

— Что такое, какого... Что ты здесь делаешь? — улыбнулась она.

— Моя кровать трясется.

— Ты с ума сошла.— Крис поцеловала ее и накрыла одеялом.— Иди спи, еще рано.

То, что казалось утром, было на самом деле началом бесконечной ночи.

Глава вторая

191

Священник стоял в метро на краю пустынной платформы и прислушивался к грохоту поездов, который заглушал его боль. Эта боль уже долгое время никак не утихала в нем. Но так же, как и сердцебиение, особенно отчетливо она слышалась в тишине. Священник переложил портфель из одной руки в другую и пристально взгляделся в нутро тоннеля. Цветные огоньки убежали вдаль, и казалось, что они освещают дорогу к отчаянию и безнадежности.

Послышался кашель. Священник обернулся. Какой-то седой бродяга сидел на полу в луже собственной мочи и не шевелился. У него было сморщенное, измученное лицо, и в желтых глазах светилась тоска.

Священник отвернулся. Сейчас этот бродяга подойдет к нему и начнет скулить. Помогите старому дьячку, отца! Позалейте! Рука, испачканная в блевотине, судорожно нащупывала на груди медаль. Воздух был полон отблесками тысяч исповедей, смешанных с запахом вина, чеснока и сотен других исконно человеческих грехов, выплеснувшихся наружу... Они обволакивают... душат... душат...

Священник почувствовал, что бродяга медленно поднимается.

Не подходи!

Шаги.

Боже, спаси и сохрани!

— Эй, отца!

Священник вздрогнул. И поник. Он не мог обернуться. Не мог видеть Христа, стонущего в этих пустых глазах, Христа, страдающего от гнойных ран и кровавого поноса, того Христа, который не мог дольше жить. Невольно он потрогал свой рукав, будто проверял, на месте ли траурная повязка. Смутно он припомнил и другого Христа.

— Эй, отця!

Послышался шум приближающегося поезда. Сзади кто-то споткнулся. Священник оглянулся на бродягу. Тот зашатался. Затем остушился и упал. Не размышляя ни секунды, священник рванулся к нему, подхватил и подтащил к скамейке у стены.

— Я католик,— пробормотал несчастный.

Священник попытался успокоить его. Он осторожно положил нищего на скамейку. В этот момент подошел поезд. Священник быстро достал из бумажника доллар и сунул его бродяге в жилет. Потом ему показалось, что так доллар может потеряться. Он вытащил банкноту и закинул ее поглубже в карман мокрых брюк. Потом поднял свой портфель и вошел в двери поезда.

Священник сел в углу и притворился спящим. На конечной остановке он сошел и пешком побрел в Фордгэмский университет. Доллар, доставшийся бродяге, предназначался для поездки в такси.

Войдя в зал для приезжих, священник вписал свое имя в специальный журнал. Дэмьен Каррас. Потом проверил запись. Ему показалось, что чего-то не хватает. Вспомнив, он приписал к своему имени еще три слова: «член ордена иезуитов».

Каррас снял комнату в Уэйджель-Холле и уже через час крепко спал.

На следующий день ему надо было идти на собрание Американской ассоциации психиатров. Священник должен был выступить с основным докладом на тему «Психологические аспекты духовного развития». После собрания вместе с другими психиатрами он пошел на вечеринку, но ушел оттуда рано. Ему еще надо было зайти к матери.

Каррас подошел к полуобвалившемуся и построенному из песчаника дому, расположенному в восточной части Манхэттена на двадцать первой улице. Остановившись у лестницы, ведущей вверх, он заметил играющих неподалеку детей. Неужоженные, плохо одетые, бездомные дети. Ему вспомнились унижения, которые приходилось терпеть, лишь бы не быть высланными из дома.

Каррас поднялся по лестнице и с болью толкнул дверь, будто вскрывал незажившую рану. Приторно пахло гнилью. Он вспомнил, как ходил в гости к миссис Корелли в ее крошечную каморку с восемнадцатью кошками, и ухватился за поручни. Неожиданно резкая слабость овладела им. Он почувствовал свою вину. Нельзя было оставлять ее одну. Никогда.

Мать очень обрадовалась, увидев его. Даже вскрикнула от радости. Расцеловала и бросилась на кухню варить кофе. Темные волосы, узловатые, разбухшие вены на ногах. Дэмьен сидел на кухне и слушал ее бесконечное щебетание. Он разглядывал

выцветшие обои и грязный пол, которые так часто всплывали в его памяти. Жалкая лачуга! Помощь от конторы социального обеспечения и несколько долларов в месяц от брата — вот и все доходы матери.

Мать села за стол. Заговорила о своих знакомых. В ее разговоре до сих пор слышался акцент. Дэмьен пытался не смотреть в ее полные грусти глаза.

Он не должен был оставлять ее одну.

Дэмьен, правда, написал ей несколько писем. Но мать не умела ни читать, ни писать по-английски. Тогда он починил ей старый треснувший радиоприемник. У нее появился свой мир, полный новостей и сообщений о майоре Линдсе.

Дэмьен прошел в ванную. Пожелтевшие газеты, наклеенные на треснувшие кафельные плитки. Проржавевшая раковина и ванна. Да, в этом доме он впервые ощутил свое призвание. Здесь он понял суть любви. Теперь любовь остыла. По ночам он чувствовал, как она, остывшая, еще воев в его сердце, подобно осеннему заблудившемуся ветру.

Без четверти одиннадцать Каррас поцеловал мать и, попрощавшись, обещал при первой же возможности вернуться. Он ушел, а старый приемник все сообщал и сообщал ей о происходящих в мире событиях...

Вернувшись в свою комнату в Уэйджель-Холле, Каррас еще раз обдумал текст письма к архиепископу штата Мэриленд. Когда-то он хорошо знал его. Священник просил перевести его в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к матери. Просил о должности учителя и об освобождении от прежних обязанностей. При этом Каррас ссылаясь на свою «непригодность» быть священником.

Мэрилендский архиепископ познакомился с ним во время ежегодной инспекции в Джорджтаунском университете. Эта процедура напоминала проверку в армии, когда генерал лично выслушивает жалобы и просьбы подчиненных. Услышав просьбу быть поближе к матери, архиепископ согласился и понимающе кивнул, но когда дело дошло до «непригодности» в работе, он возразил. Каррас настаивал на своем:

— Видишь ли, Том, дело здесь даже не в психиатрии. Ты же сам знаешь. Некоторые людские проблемы переиначивают всю их жизнь и смысл жизни. Это просто ад, и не только секс играет здесь роль, а прежде всего их вера. Я больше так не могу. Это слишком. Я выхожу из игры. У меня появились свои проблемы, вернее, сомнения.

— А у кого их нет, Дэмьен?

Архиепископ был всегда очень занят, и у него не было времени выпытывать у Карраса настоящие причины. Дэмьен был благодарен ему за это. Он знал, что ответы его все равно покажутся безумными: необходимость пожирать пищу, а затем ею же и гадить. Вонючие носки. Юродивые дети. Он не мог упомянуть и о газетной статье, в которой говорилось о молодом священнике, стоявшем на автобусной остановке. О том, как незнакомые люди облили его керосином и подожгли. Нет. Это слишком. Все это так непонятно. И в то же время так реально!

Молчание Бога тоже корнями уходило в туман. В мире так много зла. И большая часть его родилась из сомнений добрых и честных людей. Разумный Бог должен покончить с этим. Он должен показаться людям. Должен заговорить.

Боже, дай нам знамение.

Воскрешение Лазаря ушло в далекое прошлое. Никто из живых не слышал его смеха.

Почему нет знаменья?

Очень часто Дэмьену хотелось жить в одно время с Христом, видеть его, дотрагиваться до него, смотреть ему в глаза. О, мой Бог, дай мне увидеть тебя! Дай мне узнать тебя! Приди ко мне хотя бы во сне!

Сильная тоска охватила его.

Каррас сидел за письменным столом и держал ручку. Возможно, но время заставило архиепископа молчать. Видимо, он понял, что вера и любовь нераздельны.

Архиепископ обещал рассмотреть просьбу Дэмьена, но до сих пор пока ничего не сделал. Каррас написал письмо и пошел спать.

Он с трудом проснулся в пять часов утра и пошел в часовню Уэйджел-Холла. Там Каррас достал гостию*, вернулся в свою комнату и стал молиться.

«Et clamor meus ad te venat», — с болью шептал он. — «Да приблизится к тебе вопль мой...»

Сосредоточившись, Дэмьен поднял гостию со смутным воспоминанием прежней радости. В этот момент он неожиданно почувствовал на себе пристальный взгляд, светящийся издалика и несущий в себе давно потерянную любовь.

Священник разломил гостию над потиром.

— В мире я оставляю тебя. Мое смирение я отдаю тебе. — Дэмьен сунул гостию в рот и проглотил вместе с комком отчаяния, застрявшим в горле.

Когда месса была окончена, Каррас тщательно вытер потир и осторожно положил его в портфель. Затем быстро встал и пошел на вокзал. Священник торопился на утренний поезд в Вашингтон и уносил в своем черном чемоданчике боль и страдание.

Глава третья

Ранним утром одиннадцатого апреля Крис вызвала по телефону своего врача в Лос-Анджелесе и попросила его проконсультироваться у известного психиатра относительно Реганы.

— Что случилось?

Крис объяснила. На другой день после дня рождения она вдруг заметила резкую перемену в поведении и настроении дочери. Бессонница. Раздражительность. Приступы злости. Она разбрасывала вещи. Кричала без причины. Не ела. Вдобавок ко всему у нее появился избыток энергии. Она постоянно двигалась, бегала, топала ногами, прыгала и ломала вещи. Совсем не

* Ритуальный хлеб у католиков (прим. переводчика).

занималась уроками. Выдумала себе несуществующего друга. И совершенно ненормальными способами привлекала к себе внимание.

— Например? — спросил врач.

Во-первых, этот стук. С тех пор, как Крис обследовала чердак, она слышала стук еще пару раз. При этом Регана находилась в своей комнате. Когда же Крис входила к ней, стук прекращался. Во-вторых, Регана постоянно «теряла» вещи в комнате: то платье, то зубную щетку, то книги, то туфли. Она жаловалась, что кто-то «двигает» ее мебель. В довершение всего утром после вечеринки в Белом доме Крис увидела, что Карл с середины комнаты передвигает письменный стол в спальне Реганы на прежнее место. Когда Крис спросила его, что он делает, он повторил свои слова «кто-то шутит» и отказался от дальнейшего обсуждения этого вопроса. Вскоре Регана пожаловалась матери, что ночью, пока она спала, кто-то опять переставил всю ее мебель.

После этого все подозрения Крис слились воедино. Стало ясно, что все это делает сама Регана.

— Ты имеешь в виду лунатизм? Она делает все это во сне?

— Нет, Марк. Она делает это вполне сознательно. Чтобы привлечь к себе внимание.

Крис рассказала и о трясущейся кровати. Это повторилось еще дважды, и каждый раз Регана просилась спать вместе с матерью.

— Ну уж у этого может быть вполне реальная основа, — предположил врач.

— Нет, Марк, я не говорю, что кровать тряслась. Я сказала, что она говорит, будто кровать трясется.

— А ты уверена, что кровать не трясется?

— Нет.

— Возможно, это клонические судороги, — пробормотал врач.

— Что-что?

— Температура есть?

— Нет. Ну и что ты думаешь по этому поводу? — спросила Крис. — Вести ее к психиатру?

— Крис, ты говорила про уроки. Как у нее с математикой?

— А почему ты спрашиваешь?

— Ты мне не ответила, — настаивал Марк.

— Ужасно. То есть вдруг неожиданно стало очень плохо.

Марк замычал.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Это один из признаков синдрома.

— Какого синдрома?

— Ничего серьезного. Но по телефону я не хочу строить никаких догадок. У тебя ручка рядом?

Марк хотел посоветовать ей хорошего терапевта в Вашингтоне.

— Марк, а ты не мог бы приехать и осмотреть ее сам? — Крис вспомнила про Джэми. Затянувшаяся инфекция. Врач прописал новый универсальный антибиотик. Выдавая лекарство в аптеке, фармацевт недоверчиво посмотрел на нее: «Не хочешь трево-

жить вас, мэм, но это... Видите ли, это совсем новое лекарство, и некоторые врачи из штата Джорджия считают, что оно вызывает апластическую анемию в...» Джэми. Джэми умер. И с тех пор Крис больше не доверяла врачам. Только Марку. Да и то не сразу, а по истечении многих лет.

— Марк, ну я прошу тебя,— взмолилась она.

— Нет, я не могу. Да ты не волнуйся. Это очень хороший врач. Возьми ручку.

Молчание. Потом:

— Ну ладно.

Крис записала фамилию.

— Пусть осмотрит ее и позвонит мне,— сказал врач.— И забудь о психиатре.

— Ты уверен в этом?

Марк объяснил ей, что обычно все торопятся с выводами и забывают простую вещь: болезнь тела очень часто начинается с болезни мозга.

— Что бы ты сказала,— продолжал он,— если была бы моим врачом, да простит мне Бог, а я бы поведал тебе, что меня мучают головные боли, ночные кошмары, тошнота, бессонница и искры перед глазами. К тому же я постоянно ощущаю беспокойство и неуверенность в работе. Ты бы, конечно, сказала, что я нервнобольной!

— Нашел кого спрашивать, Марк! Я-то уж знаю, что ты сумасшедший!

— А ведь это симптом опухоли в мозге, Крис. Проверь тело. Это во-первых. А там будет видно.

Крис сразу же позвонила терапевту и договорилась о приеме. Времени у нее было достаточно. Съёмки закончились, по крайней мере для нее. Бэрк Дэннингс продолжал работать со «вторым составом», снимая второстепенные сцены.

Больница находилась в Арлингтоне. Доктора звали Самюэль Кляйн. Пока Регана раздраженно ожидала в смотровой, Кляйн усадил мать в своем кабинете и выслушал историю болезни Реганы. Крис рассказала все. Врач кивал, изредка что-то записывая в блокнот. Когда Крис упомянула трясущуюся кровать, доктор нахмурился. Крис продолжала:

— Марк насторожился, когда узнал, что у Реганы стало плохо с математикой. Почему?

— В смысле с уроками?

— Да, но в особенности с математикой. Почему?

— Давайте не торопиться, миссис Макнейл. Я должен сначала осмотреть ее.

Врач извинился и вышел. Он полностью осмотрел Регану, взял у нее анализы мочи и крови.

После этого Кляйн усадил Регану перед собой и беседовал с ней, наблюдая за ее поведением. Затем он вернулся к Крис и сразу принялся выписывать рецепт.

— Похоже, у нее гиперкинетическое расстройство нервов.

— Что?

— Нервное расстройство. Так по крайней мере думаем мы.

Сейчас мы точно не знаем, что при этом происходит в организме, но в таком возрасте это часто случается. Все симптомы налицо: ее чрезвычайная активность, темперамент, плохие дела с математикой.

— Да-да, с математикой. Но при чем тут математика?

— Она требует наибольшего сосредоточения.— Кляйн вырвал листок с рецептом из крошечного голубого блокнота и протянул его Крис.

— Вот вам рецепт на риталин.

— На что?

— Метилфенидат.

— Понятно.

— Будете давать по десять миллиграммов два раза в день. Я советую принимать одну порцию в восемь часов утра, а вторую — в два часа дня.

— А что это? Транквилизатор?

— Стимулятор.

— Стимулятор? Да она сейчас и без этого...

— Состояние девочки не совсем соответствует ее поведению,— объяснил Кляйн.— Это форма перераспределения энергии. Реакция организма на депрессию.

— На депрессию?

Кляйн кивнул.

— Депрессия...— тихо повторила Крис.

— Вы здесь упомянули ее отца,— продолжал Кляйн.

Крис посмотрела на него:

— Так вы думаете, ее не надо показывать психиатру?

— Нет-нет. Давайте подождем и понаблюдаем за действием риталина. Мне кажется, в этом и будет отгадка. Подождем недели две или три.

— Вы считаете, что это нервы?

— Похоже, что так.

— А ее вранье? Оно прекратится?

Его ответ удивил Крис. Кляйн спросил, слышала ли Крис, чтобы Регана ругалась или употребляла неприличные слова.

— Никогда,— ответила Крис.

— Понимаете, это в какой-то степени похоже на ее вранье: так же нетипично для нее, как вы утверждаете. Но при некоторых нервных расстройствах может...

— Подождите-ка,— перебила Крис, пораженная его словами,— откуда вы знаете, что Регана употребляет неприличные слова. Или, может, я что-нибудь не так поняла?

Секунду Кляйн удивленно смотрел на нее, а потом осторожно сказал:

— Да, я хотел сказать, что она знает такие слова. А вы об этом не подозревали?

— Я и до сих пор об этом не подозреваю! О чем вы говорите?

— Ну, в общем, она нецензурно ругалась, пока я осматривал ее, миссис Макнейл.

— Да вы шутите! В это трудно поверить.

— Мне кажется, она сама не понимает того, что говорит,— успокоил ее врач.

— Я тоже так думаю,— пробормотала Крис.— Может, и не понимает.

— Давайте ей риталин,— посоветовал он.— Посмотрим, что будет дальше. А через две недели я снова ее осмотрую.

Кляйн взглянул на календарь, лежавший на письменном столе.

— Значит, так. Давайте встретимся двадцать седьмого, в среду. Вам удобно? — спросил он, глядя на Крис.

— Да, разумеется,— ответила она, встав со стула, и смяла рецепт в кармане пальто.— До двадцать седьмого, доктор.

— Я поклонник вашего таланта,— улыбаясь, заметил Кляйн и открыл ей дверь.

В дверях Крис остановилась и, погруженная в свои мысли, прижала палец к губам. Потом взглянула на доктора:

— Так вы считаете, не надо к психиатру?

— Не знаю. Но самое простое объяснение всегда кажется самым лучшим. Давайте подождем. Увидим, что из этого получится.— Врач обнадеживающе улыбнулся.— А пока что постарайтесь не волноваться.

— Как?

Крис вышла.

По дороге домой Регана выпытывала у матери, что сказал ей доктор.

— Что ты нервничаешь.

Крис решила ничего не выяснять у Реганы относительно нецензурных выражений.

Но немного позже с Шарон Крис завела такой разговор. Ей необходимо было узнать, слышала ли Шарон, чтобы Регана ругалась.

— Конечно, нет,— удивилась Шарон.— Даже в последнее время ничего подобного не слышала. Но мне помнится, как однажды учительница рисования в ее присутствии выругалась (Крис специально нанимала человека, который учил Регану рисованию и лепке на дому).

— Давно это было? — спросила Крис.

— Нет, на прошлой неделе. Но ее-то ты знаешь. Может, она чертыхнулась или сказала что-нибудь вроде «чушь собачья».

— Да, кстати, ты что-нибудь говорила Регане о религии?

Шарон вспыхнула.

— Нет, совсем немного. Ты понимаешь, этот вопрос было трудно обойти. Она ведь задает так много вопросов и... ну... — Она беспомощно пожала плечами.— Мне было трудно. Подумай сама, как бы я ей все объяснила, не рассказав о том, что я сама считаю величайшим враньем?

— Расскажи ей все, а что есть правда — пусть сама выбирает.

В последующие дни, вплоть до вечеринки, которую давно запланировала Крис, Регана аккуратно принимала риталин. Крис сама следила за этим. Однако она не заметила никаких перемен к лучшему. Напротив, появились некоторые признаки ухудшения. Провалы памяти, забывчивость, нечистоплотность,

жалобы на тошноту. Появился еще один способ привлечь к себе внимание (хотя прежние больше не повторялись): Регана уверяла мать, что в ее комнате чем-то отвратительно пахнет. Крис принюхивалась, но ничего не чувствовала.

— Ты не чувствуешь?

— Ты хочешь сказать, что и сейчас пахнет? — спросила Крис.

— Ну конечно!

— И на что это похоже?

Регана сморщилась:

— Как будто что-то горит.

— Да? — Крис опять принюхалась.

— Неужели не чувствуешь?

— Ну конечно, кроха, — солгала Крис. — Совсем немножко.

Давай откроем окно и проветрим комнату.

На самом деле Крис не ощутила никакого запаха, но решила не спорить с Реганой, по крайней мере до следующего визита к врачу. Кроме того, у нее было полно дел. Во-первых, надо было готовиться к приему гостей. Во-вторых, требовалось дать окончательный ответ относительно сценария. Перспектива ставить фильм ей нравилась, но давать согласие вторых она не хотела. Между тем агент звонил ей ежедневно. Крис объяснила, что хочет знать мнение Дэннингса, поэтому отдала сценарий ему, и Дэннингс его читает.

В-третьих (и это было самое главное), у Крис провалились сразу две финансовые сделки: покупка обратимых облигаций с предварительным выплачиванием доходов и вклад капитала в ливийскую нефтедобывающую компанию. Таким образом Крис намеревалась избавить свои капиталы от уплаты налогов. Но дело обернулось против нее: нефти в Ливии не оказалось, а из-за подскочивших вверх доходов была объявлена срочная распродажа облигаций.

Для обсуждения этих и других проблем приехал менеджер Крис по вопросам бизнеса. Он прибыл в четверг. Переговоры длились всю пятницу. В конце концов Крис во всем согласилась со своим менеджером, который пришел от этого в веселое расположение духа. Лишь один момент вызвал его недовольство: Крис заявила, что хочет купить «феррари».

— Что? Новую машину?

— А почему бы и нет? Помнишь, я в одном фильме ездила на «феррари». Если написать на завод и напомнить им об этом, может быть, удастся устроить сделку? Как ты думаешь?

Менеджер так не думал. Он считал, что покупка новой машины была бы расточительством.

— Бен, в прошлом году я заработала восемьсот тысяч, а ты говоришь, что я не могу купить какую-то дурацкую машину! Тебе это не кажется нелепым? Куда же девались деньги?

Бен напомнил ей, что большая часть денег лежит в банке. Потом представил ей полный список, куда утекают ее деньги. Федеральный подоходный налог, предстоящий федеральный подоходный налог, налог штата, налог на поместье, десять процентов комиссионных агенту, пять процентов ему, пять процентов агенту по рекламе, один процент с четвертью жертвуется фонду

процветания кинематографа, затем шли расходы на туалеты самой последней моды, зарплата Уилли, Карлу и Шарон, управляющему в доме в Лос-Анджелесе, расходы, связанные с поездками в разные города, и, наконец, ежемесячные карманные расходы.

— Ты в этом году будешь еще сниматься? — спросил Бен.

— Не знаю. Ты считаешь, что это необходимо?

— Думаю, да.

Крис подперла руками подбородок и уныло посмотрела на него.

— Может, тогда купим «хонду»?

Бен ничего ей не ответил.

Немного позже Крис решила отложить в сторону все дела и занялась приготовлением к завтрашней вечеринке.

— Давайте не будем устраивать застолье. Сделаем ужин «а-ля фуршет». Приготовим рагу с мясным соусом, — предложила она Уилли и Карлу. — Стол поставим в углу гостиной. Ладно?

— Очень хорошо, мадам, — быстро согласился Карл.

— Как ты думаешь, Уилли, может быть, сделать на десерт салат из свежих фруктов?

— Это будет великолепно, — одобрил Карл.

— Спасибо, Уилли.

Крис пригласила на вечер интересную и разношерстную компанию. Кроме Бэрка («Только не напивайся, черт бы тебя побрал!») и молодого ассистента режиссера, она ожидала сенатора (с супругой), астронавта (с супругой), двух иезуитов из Джорджтауна, своих соседей, Мэри Джо Пэррин и Эллен Клиари.

Мэри Джо Пэррин была седой толстушкой, прославившей ва-шингтонской пророчицей. Крис познакомилась с ней на приеме в Белом доме, и та ей очень понравилась. Крис казалось, что эта женщина должна быть строгой, чопорной, но Мэри Джо Пэррин оказалась простой и добродушной женщиной.

Эллен Клиари, женщина средних лет, работала в госдепартаменте. В свое время, когда Крис увлекалась туризмом и путешествовала по России, Эллен Клиари работала в посольстве США в Москве. В последующие годы Крис с благодарностью вспоминала Эллен и, как только приехала в Вашингтон, тут же решила встретиться с ней.

— Послушай, Шар, а кто придет из священников? — спросила Крис.

— Точно не знаю. Я пригласила президента и декана, но мне кажется, что президент пришлет кого-нибудь вместо себя. Я разговаривала с его секретарем, и он сказал, что президенту обязательно нужно вечером быть в городе.

— Кого же он пришлет? — с интересом спросила Крис.

— Сейчас посмотрю. — Шарон порылась в своих записях. — Вот. Его помощник — отец Джозеф Дайер.

— Он из университета?

— Не уверена.

— Ну ладно, не все ли равно.

Крис была немного разочарована.

— Следи завтра за Вэрком,— попросила она.

— Обязательно.

— Где Рэгс?

— Внизу.

— Знаешь, может быть, тебе лучше туда перенести машинку?

Ты бы смогла печатать и заодно присматривать за девочкой. Ладно? Я не хочу, чтобы она подолгу оставалась одна.

— Неплохая мысль.

— Но это потом. А теперь иди домой. Занимайся созерцанием или поиграй с лошадками.

Приготовления подходили к концу. Крис вдруг опять почувствовала тревогу. Она попробовала смотреть телевизор. Но сосредоточиться никак не удавалось. Ей было не по себе. Что-то необычное чувствовалось во всем доме. Какое-то странное спокойствие. Как пыль, застывшая в бликах света.

К полночи все в доме спали. Это была последняя спокойная ночь.

Глава четвертая

Первой приехала Мэри Джо Пэррин вместе со своим сыном — подростком Робертом. Последним прибыл розовощекий отец Дайер. Это был молодой человек маленького роста и очень хрупкого телосложения, робко глядевший на присутствующих сквозь очки в стальной оправе. Еще в дверях он извинился за опоздание:

— Никак не мог подобрать подходящий галстук.

Крис, опешив, посмотрела на него, а потом рассмеялась. Депрессия, длившаяся целый день, понемногу отступала.

Вино сделало свое дело. Уже без четверти десять гости разделились на небольшие группы и вели оживленную беседу.

Крис положила себе на тарелку дымящееся рагу и пошла искать Мэри Джо Пэррин. Она сидела на диване рядом с деканом иезуитов, отцом Вагнером. Крис при знакомстве коротко переговорила с ним и уже успела составить о нем свое мнение. Отец Вагнер был лысый, весь осыпанный веснушками, очень добродушный и внимательный человек. Крис подошла к ним и уселась по-турецки на полу перед столиком с кофе. Пророчица о чем-то весело щебетала.

— Продолжайте, Мэри Джо! — улыбнулся декан и насадил на вилку кусок рагу.

— Да-да, продолжайте, Мэри Джо! — поддержала его Крис.

— Ого! Превосходное рагу! — похвалил декан.

— Не очень горячее?

— Нет, в самый раз. Мэри Джо сейчас рассказывала, что когда-то жил на свете иезуит, который одновременно был и медиумом.

— А он мне не верит! — засмеялась пророчица.

— Это не совсем так,— поправил ее декан.— Я сказал, что в это трудно поверить.

— Он, наверное, был медиумом постольку-поскольку? — засомневалась Крис.

— Да, конечно,— согласилась Мэри Джо.— Но ему удалось освоить даже левитацию.

— Я занимаюсь этим каждое утро, — спокойно заметил иезуит.

— А он проводил сеансы спиритизма? — спросила Крис у Мэри Джо.

— Разумеется,— ответила та.— Он был очень известен в девятнадцатом столетии. Его, пожалуй, единственного из всех медиумов не считали мошенником.

— А-я утверждаю, что он не был иезуитом,— опять вмешался декан.

— О Господи, да был же, я вам говорю! — Мэри Джо засмеялась.— Когда ему стукнуло двадцать два, он присоединился к иезуитам и поклялся больше никогда не заниматься спиритизмом. Но его вскоре выгнали из Франции после одного спиритического сеанса, который он проводил прямо в королевском дворце. Вы представляете себе что он сделал? В середине сеанса он предсказал императрице, что сейчас ее коснется рука ребенка, дух которого вот-вот материализуется и станет осязаемым. Вдруг кто-то включил свет, и все увидели, что иезуит положил свою голую ногу на руку августейшей особы!

Иезуит улыбнулся и поставил тарелку на столик.

— Ну все, больше не ждите от меня снисхождения, когда я буду отпускать вам грехи.

— Но вы же должны согласиться, что в каждом стаде должна быть одна паршивая овца.

— Наши паршивые овцы вымерли вместе с папами из семейства Медичей.

— А со мной один раз вот что произошло,— начала Крис.

Но декан перебил ее:

— Что, уже начинается исповедь?

Крис улыбнулась и заметила:

— Ну уж нет, я не католичка.

— Иезуиты тоже не католики,— усмехнулась Мэри Джо.

— Это слетел монахов-доминиканцев,— возразил декан и обратился к Крис:— Извините, так о чем вы начали говорить?

— Мне кажется, я видела, как один человек возносился вверх. В горах Бутана.

Она рассказала об этом случае.

— Как вы считаете, это возможно? — спросила она, завершая рассказ.— Я вполне серьезно.

— А кто его знает? — Декан пожал плечами.— И вообще, что такое гравитация? Или, если уж на то пошло, что такое материя?

— Хотите знать мое мнение? — вмешалась Мэри Джо.

Декан ответил ей:

— Нет, Мэри Джо, я принял обет нищеты.

— И я тоже,— пробормотала Крис.

— Что такое? — заинтересовался декан, наклоняясь к ней.

— Ничего особенного. Я о чем-то хотела спросить вас. Да, вы знаете маленький коттедж, который стоит за церковью? — Крис махнула рукой в неопределенном направлении.

— Святая Троица?
— Да, говорят, там проводится черная месса,— зловеще прошептала миссис Пэррин.

— Черная что?

— Черная месса.

— А что это такое?

— Мэри Джо пошутила,— ответил декан.

— Я знаю,— продолжала Крис.— Но я не разбираюсь в этих вещах.

— В общем, это пародия на католическую святую мессу,— объяснил декан.— Она связана с черной магией и колдовством. Поклонение дьяволу.

— В самом деле? Неужели такое возможно?

— Я не могу сказать точно. Хотя как-то слышал, что статистика утверждает, будто в Париже ежегодно черная месса проходит не менее пятидесяти тысяч раз.

— Как, в наше время?— удивилась Крис.

— Это только то, что я слышал.

— Да, а источник информации, наверное, секретная служба иезуитов?— поддразнила его миссис Пэррин.

— Совсем нет,— возразил декан,— я слышу внутренние голоса.

— Вы знаете, у себя дома в Лос-Анджелесе,— подхватила Крис,— я часто слышала жуткие рассказы о культах ведьм и колдунов. Но мне как-то не верилось, что это правда.

— Я уже сказал, что не могу ответить вам наверняка,— начал декан.— Но я знаю человека, который в этом разбирается. Это отец Джо Дайер. Где Джо?

Декан оглядел комнату.

— А, да вот же он!— воскликнул декан и указал на священника. Тот стоял около буфета спиной к ним. И уже второй раз накладывал себе в тарелку добавку.

— Эй, Джо!

Молодой священник обернулся. Лицо его решительно ничего не выражало.

— Вы звали меня, святой отец?

Иезуит поманил его пальцем.

— Ладно, подождите минуточку,— пробурчал Дайер, продолжая наступление на рагу и салат.

— Это наш единственный гномик среди всех служителей церкви,— с нежностью в голосе сказал декан.— У них в Святой Троице на прошлой неделе произошли осквернения. Джо говорит, что это, похоже, дело рук поклонников дьявола. Мне кажется, что он кое-что знает об этом.

— А что случилось в церкви?— заинтересовалась Мэри Джо Пэррин.

— Это так омерзительно.— Декана передернуло.

— Расскажите, мы все равно уже не едим.

— Нет уж, увольте,— запротестовал он.

— Расскажите!

— А вы разве не можете прочитать мои мысли, Мэри Джо?— съехидничал декан.

— Я могла бы,— засмеялась она,— но считаю себя недостойной вторгаться в эту святая святых!

— Это противно,— предупредил декан.

Он рассказал об осквернениях. В первом случае старый ризничий нашел в церкви кучу человеческих испражнений на алтаре прямо перед моленной.

— Да, это мерзко,— сморщилась миссис Пэррин.

— А второе еще хуже того,— заметил декан. Избегая фривольных мест и заменяя грубые слова на более приличные выражения, он рассказал, что к статуе Христа, стоящей недалеко от алтаря, кто-то прилепил огромный фаллос, вылепленный из глины.

— Ну что, вам еще не противно? — закончил он.

Крис заметила, что Мэри Джо действительно стало не по себе, потому что она сказала:

— Да, пожалуй, хватит. Я уж и не рада, что попросила вас рассказать об этом. Давайте переменяем тему.

— Нет, я зачарована,— возразила Крис.

— Еще бы, я ведь очаровательный человек.— Эти слова произнес отец Дайер. Он застыл над ней, держа в руках тарелку.— Погодите минуточку, мне надо кое о чем переговорить с астронавтом.

— О чем же? — спросил декан.

С серьезным видом отец Дайер сказал:

— Что вы думаете о первом миссионере на Луне?

Все рассмеялись.

— Вы им как раз подойдете по размерам,— захихикала миссис Пэррин.— Они вас без труда засунут в носовое отделение.

— Нет, я не про себя,— поправил ее отец Дайер. Потом повернулся к декану и объяснил:— Я хотел договориться насчет Эмори.

— Это наш приверженец пресвитерианства,— пояснил Дайер женщинам.— На Луне ведь никого нет, а это как раз то, что ему нужно. Понимаете, он очень любит тишину и спокойствие.

— А каких грешников он будет там обращать? — спросила миссис Пэррин.

— Конечно же, астронавтов. Это ему подходит. Один или два человека, никаких толп. Парочка грешников, и довольно.

Он с серьезным видом посмотрел на астронавта.

— Извините,— сказал Дайер и устремился к нему.

— Мне он нравится,— улыбнулась миссис Пэррин.

— И мне тоже,— согласилась Крис. Затем повернулась к декану:— Что же все-таки у вас в том коттедже? — напомнила она о прерванном разговоре.— Или это страшная тайна? Что там за священник? Такой смуглый. Вы понимаете, о ком я говорю?

— Отец Каррас,— тихо сказал декан. На лице его появился оттенок грусти.

— Чем он занимается?

— Он наш советник.— Декан поставил рюмку на стол и повертел ее за ножку.— Прощлой ночью у него произошло большое несчастье. Бедняга!

— Что такое? — с участием спросила Крис.

— У него умерла мать.

Крис почувствовала, как ее охватывает жалость.

— Я не знала,— прошептала она.

— Он очень сильно переживает,— продолжал иезуит.— Она жила совсем одна и, наверное, пролежала мертвая несколько дней, прежде чем ее нашли.

— Как это ужасно,— пробормотала миссис Пэррин.

— Кто же нашел ее? — печально спросила Крис.

— Управляющий. Они, наверное, и до сих пор об этом не знали бы, если б... Просто ее соседи пожаловались, что у нее днем и ночью играет радио.

— Как это грустно,— тихо промолвила Крис.

— Извините меня, мадам.

Перед ней стоял Карл. Он держал поднос с рюмками и стаканами.

— Поставь сюда, Карл, пожалуйста.

Крис сама любила разносить вино гостям. Ей казалось, что это прибавляет вечеру особую интимность и очарование.

— Ну ладно. Начнем с вас.— Она предложила вино декану и миссис Пэррин, потом обошла всю комнату, угощая гостей.

Дайер и астронавт, не обращая ни на кого внимания, продолжали свою беседу.

— На самом деле я не священник,— услышала Крис голос Дайера. Он положил руку на плечо астронавту, который смеялся и все никак не мог успокоиться.— Я, скорее, передовой раввин.

Через некоторое время Крис услышала, как Дайер спросил у астронавта:

— Что такое космос?

Астронавт пожал плечами и ничего не ответил. Дайер нахмурился и недовольно произнес:

— А ведь вы должны знать.

Крис стояла рядом с Эллен Клиари. Они вспоминали поездку в Москву. Вдруг Крис услышала знакомый резкий и злобный голос, доносившийся с кухни.

О Боже! Это Бэрк!

Он уже кого-то ругал.

Крис извинилась и быстро направилась в кухню. Дэннингс отчаянно орал на Карла, а Шарон безуспешно пыталась успокоить его.

— Бэрк! — закричала Крис.— Прекрати сейчас же!

Дэннингс не обратил на нее никакого внимания и продолжал орать. От злости на губах у него выступила пена. Карл с безучастным выражением лица стоял около раковины и, сложив руки, смотрел прямо в лицо Дэннингсу.

— Карл! — воскликнула Крис.— Может быть, ты уйдешь отсюда? Убирайся! Ты что, не видишь, в каком он состоянии?

Но Карл так и не сдвинулся с места, пока Крис буквально не вытолкнула его за дверь.

— Нацистская свинья! — орал ему вслед Дэннингс, потом добродушно посмотрел на Крис и потер руки в предвкушении вкусного.

— А что у нас на десерт? — как ни в чем не бывало спросил он.

— На десерт! — Крис в ужасе схватила за голову.

— Но я же голоден! — пожаловался Бэрк.

Крис повернулась к Шарон:

— Накорми его! Мне надо укладывать Регану. И, пожалуйста, Бэрк, ради всего святого, веди себя прилично! Там священники! — Она указала на гостиную.

Бэрк в изумлении поднял брови, и в его глазах блеснул неподдельный интерес.

— И ты тоже заметила? — искренне изумился он.

Крис вышла из кухни и спустилась вниз к Регане. Дочь весь день играла одна. Сейчас она занималась планшеткой. Регана была сосредоточенна и, казалось, ничего не замечала вокруг. Ну ладно, по крайней мере она не настроена агрессивно. В надежде как-то развлечь Регану Крис повела ее в гостиную и представила своим гостям.

— Какое прелестное дитя! — восхитилась жена сенатора.

Регана вела себя подозрительно хорошо, кроме, пожалуй, одного момента, когда при знакомстве с миссис Пэррин она замолчала и не ответила на рукопожатие. Но пророчица отшутилась:

— Знает, что я мошенница, — и весело подмигнула хозяйке дома. Немного позже она сама с любопытством взяла руку Реганы и слегка сжала ее, будто хотела нащупать пульс. Регана отдернула руку, и глаза ее злобно заблестели.

— Ой-ой-ой, наверное, она очень устала, — сказала миссис Пэррин, с беспокойством продолжая следить за Реганой.

— Она немного больна, — извинилась Крис и посмотрела на Регану: — Правда, крошка?

Регана ничего не ответила. Она смотрела в одну точку и не шевелилась.

Крис повела Регану в спальню и уложила в кровать.

— Ты хочешь спать?

— Не знаю, — сонным голосом ответила Регана, повернулась на бок и уставилась в стену невидящим взглядом.

— Хочешь, я тебе немного почитаю?

Дочь отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо. Постарайся заснуть.

Крис наклонилась, поцеловала ее, потом подошла к двери и выключила свет.

— Спокойной ночи, кроха.

Она уже выходила из комнаты, когда услышала тихий голос Реганы:

— Мама, что со мной?

На секунду Крис растерялась. Но быстро справилась с собой и ответила:

— Я же тебе говорила, крошка, это нервы. Ты еще две недели будешь принимать таблетки, и все пройдет. Ну, а теперь постарайся заснуть. Ладно?

Молчание. Крис ждала ответа.

— Ладно? — переспросила она.

— Ладно, — шепотом ответила Регана.

Крис почувствовала, как по ее коже побежали мурашки. Она потерла руку. О Боже, в этой комнате становится холодно. Откуда здесь может сквозить?

Она подошла к окну и проверила, не дует ли из щелей. Но все было в порядке.

— Тебе не холодно, малышка?

Молчание.

Крис подошла к кровати.

— Регана, ты спишь?

Глаза закрыты. Дыхание глубокое и ровное.

Крис на цыпочках вышла из комнаты.

Из зала доносились музыка и пение. Спускаясь вниз, Крис без удовольствия заметила, что отец Дайер играет на фортепиано и поет, а гости ему охотно подпевают. Когда Крис входила в гостиную, они как раз заканчивали песню «До нашей следующей встречи».

Крис решила присоединиться к поющим, но на полпути ее остановили сенатор с супругой. Они собирались уходить. Вид у них был весьма раздраженный.

— Вы так быстро меня покидаете? — спросила Крис.

— О, извините нас, дорогая, вечер был просто великолепный! — приступил к извинениям сенатор. — Но у бедняжки Марты начались головные боли.

— Мне так неловко, но я на самом деле ужасно себя чувствую, — простонала жена сенатора. — Крис, вы ведь извините нас, правда? Нам так понравилась ваша вечеринка.

— Мне не хочется вас отпускать! — огорчилась Крис и проводила их до двери, пожелав им спокойной ночи. Проходя в комнату, она столкнулась с Шарон, которая как раз выходила из кабинета.

— Где Бэрк? — забеспокоилась Крис.

— Здесь, — успокоила ее Шарон и кивком указала на кабинет. — Отсыпается. Что тебе сказал сенатор? Что-нибудь этакое? Я представляю...

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Крис. — Они просто ушли.

— Я догадываюсь.

— Шарон, объясни немедленно, в чем дело.

— Да все из-за Бэрка, — вздохнула Шарон.

Убедившись, что их никто не подслушивает, она рассказала о встрече сенатора с режиссером. Дэннингс, проходя мимо сенатора, заметил, что, дескать, в его джине бултыхается какой-то вонючий волос, упавший, по всей вероятности, с чего-то... Затем он повернулся к сенатору и тоном обвинителя продолжал:

— Никогда в жизни не видел такого волоса. А вы видели?

Крис засмеялась. Шарон продолжала описывать, как сенатор растерялся и не знал, что ответить, а в это время Дэннингс впал в донкихотство и выразил свою «безграничную благодарность» за само существование политиков, ибо без них, как он выразился, «мы бы вообще не знали и не подозревали, кто такие государственные деятели».

Когда оскорбленный сенатор удалился, Дэннинг повернулся к Шарон и заявил с гордостью:

— По-моему, я довольно деликатно с ним объяснился, правда?

Крис опять расхохоталась:

— Ну ладно, пусть спит. Но ты все-таки останься с ним, а то вдруг он проснется? Хорошо?

— Хорошо, — согласилась Шарон и направилась в кабинет.

Дайер, улыбнувшись Крис, прервал игру на рояле.

— Ну, молодая леди, чем мы вас сегодня порадуем? Для вас можно придумать что-нибудь поинтересней.

Крис улыбулась в ответ:

— Я бы предпочла узнать побольше о черной мессе, — сказала она. — Отец Вагнер проговорился, что вы большой знаток в этой области.

Гости, стоявшие у рояля, притихли и с интересом посмотрели на Дайера.

— Да нет же, — запротестовал Дайер, наигрывая какую-то несложную мелодию. — А почему вы вспомнили о черной мессе?

— Мы разговаривали о... ну... о том, что случилось в Святой Троице, и...

— А, об осквернениях! — опередил Крис священник.

— Послушайте, о чем вы здесь говорите? — вмешался в разговор астронавт. — Введите-ка меня в курс дела.

— И меня тоже, — добавила Элден Клиари, — а то я запуталась.

— В церкви, которая находится на этой улице, были обнаружены следы осквернений, — объяснил Дайер.

— А именно? — заинтересовался астронавт.

— Не стоит уточнять, — посоветовал отец Дайер. — Скажем просто, что там произошли омерзительные события. Ладно?

— Отец Вагнер нам говорил, будто вы считаете, что это черная месса, — подсказала Крис. — Мне хотелось бы побольше узнать об этом.

— Да я почти ничего не знаю, — запротестовал священник. — Обо всем, что я знаю, мне рассказал другой джеб.

— Кто такой «джеб»? — спросила Крис.

— Сокращенно «иезуит». Отец Каррас — большой специалист в этой области.

Крис сразу насторожилась:

— Это тот смуглый священник из Святой Троицы?

— Вы его знаете? — удивился Дайер.

— Нет, но я слышала это имя.

— Мне помнится, он даже написал статью. Хотя, конечно, Каррас интересовался всем этим с точки зрения психиатрии.

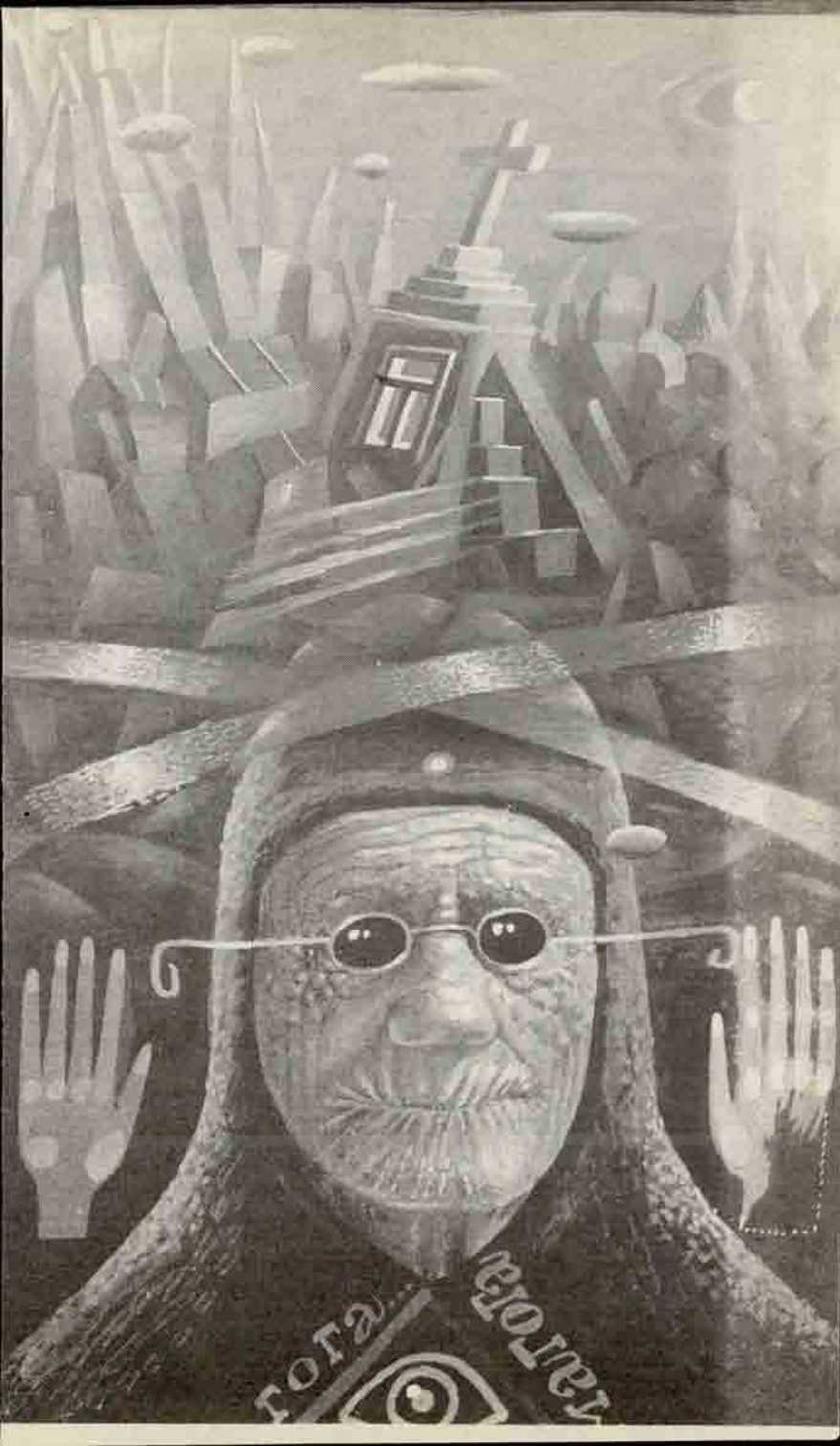
— Что вы хотите сказать? — не поняла Крис.

— А что вы хотите сказать своим «что вы хотите сказать»?

— Вы хотите сказать, что он психиатр?

— Конечно. То есть я считал, что вы сами это знаете.

— Послушайте, может, мне кто-нибудь в конце концов объяснит, о чем здесь разговор? — нетерпеливо перебил астронавт. — Что происходит во время черной мессы?

— Давайте назовем это извращением.— Дайер пожал плечами.— Надругательство. Богохульство. Сатанинская пародия на святую мессу, здесь вместо Бога поклоняются дьяволу и иногда приносят ему человеческие жертвы.

Эллен Клиари покачала головой и отошла в сторону.

— Для меня это слишком страшно.— Она попыталась улыбнуться.

— А вы откуда это знаете? — пытала Крис молодого иезуита.— Если черная месса существует на самом деле, кто же будет о ней рассказывать другим?

— Мне кажется,— ответил Дайер,— подробности узнают от разоблаченных сатанистов: они сами признаются во всем.

— Перестань,— перебил его декан.— Эти признания ничего не стоят, Джо. Их же пытаются.

— Нет, только слабых,— возразил Дайер.

Гости нервно рассмеялись. Декан взглянул на часы.

— Ну, мне пора,— обратился он к Крис.— В шесть часов у меня месса в часовне Дальгрена.

— А вот у меня музыкальная месса.— Дайер улыбнулся. Затем уставился в пространство за спиной Крис и тихо добавил:— Мне кажется, у нас гостья, миссис Макнейл.

Крис оглянулась и в ужасе замерла. Регана, стоя в одной ночной рубашке, обильно мочилась на ковер. Она уставилась пустым взглядом на астронавта и произнесла безжизненным голосом:

— Там, наверху, ты и умрешь.

— О Господи! — в страхе воскликнула Крис и бросилась к дочери.— О Боже, о моя крошка, пошли, пошли скорей со мной!

Она схватила Регану за руку и увела ее, на ходу бросая робкие извинения мертвенно-бледному астронавту:

— О, извините ее! Она больна, она, наверное, и сейчас спит на ходу! Она не понимает того, что говорит!

— Да, нам, пожалуй, пора идти,— обратился к кому-то Дайер.

— Нет-нет, оставайтесь,— запротестовала Крис, оглянувшись на гостей.— Пожалуйста, оставайтесь! Все в порядке, я через минуту вернусь!

Около кухни Крис остановилась и попросила Уилли смести пятно на ковре. Потом она проводила Регану в ванную, подмыла девочку и сменила ей ночную рубашку.

— Кроха, зачем ты сказала это? — Крис пыталась добиться ответа у Реганы, но та ничего не понимала и бормотала какую-то несурезицу. Глаза ее были затуманены и, казалось, ничего не видели.

Крис уложила девочку в кровать, и Регана тут же заснула. Крис немного подождала, прислушиваясь к ее дыханию, и вышла из комнаты.

На лестнице она заметила, как Шарон и ассистент режиссера помогали Дэннингсу выйти из кабинета. Они заказали такси и собирались проводить его до гостиницы.

— Не переживайте особенно! — крикнула им вслед Крис.

Неожиданно, на какую-то секунду придя в себя, Бэрк пробубнил:

— К чертовой матери! — И растворился в тумане у поджидающего такси.

Крис вернулась в гостиную. Миссис Пэрри сидела молча, отрешенно наблюдая за огнем в камине. В таком же подавленном настроении находился и астронавт. Крис знала, что в этом году он должен лететь на Луну. Астронавт смотрел на свой стакан и время от времени хмыкал, выказывая тем самым свое участие в разговоре. Никто из присутствующих не заикнулся о жутких словах Реганы.

— Ну уж теперь мне и в самом деле пора на мессу, — заявил, вставая, декан.

За ним потянулись и остальные. Гости поблагодарили Крис за вечер и угощения.

В дверях отец Дайер взял Крис за руку и заглянул ей в глаза:

— Как вы думаете, не найдется ли в одном из ваших фильмов роль для священника, который умеет играть на рояле?

— Если даже и нет, — засмеялась Крис, — мы напишем такую роль специально для вас, святой отец.

— Я хлопочу за своего брата, — уточнил Дайер с серьезным видом.

— Вы неисправимы! — Крис опять рассмеялась и пожелала ему спокойной ночи.

Последней уходила Мэри Джо Пэррин с сыном. Крис немного поболтала с ними у дверей. Ей показалось, что Мэри Джо хочет что-то сказать, но сомневалась, стоит ли. Чтобы немного задержать ее, Крис спросила, что Мэри думает о возне Реганы с планшеткой и о ее безумном увлечении вымышленным капитаном Гауди.

— Вы считаете, что это плохо? — обратилась Крис к Мэри Джо.

Она была уверена, что после двух-трех фраз миссис Пэррин распрощается с ней, и поэтому удивилась, когда Мэри Джо, нахмурившись, уставилась вниз на ступеньки. Миссис Пэррин задумалась, спустилась к ожидающему ее на крыльце сыну и тихо проговорила:

— Я бы отобрала у нее эту планшетку.

Она протянула сыну ключи от машины:

— Бобби, заведи мотор и подожди в машине, а то уже холодно.

Взяв ключи, Роберт признался Крис, что всегда был поклонником ее таланта, и направился к старому, разбитому «мустангу», стоявшему неподалеку, на той же улице.

В голосе миссис Пэррин звучало сомнение.

— Я не знаю, что вы думаете обо мне, — медленно заговорила она. — Многие считают, что я занимаюсь спиритизмом. Но это не так. Да, у меня есть дар, но в этом нет ничего таинственного. Я сама католичка и считаю, что мы живем в двух мирах одновременно. Первый, который мы осознаем, — это время. Но иногда какой-нибудь «каприз природы», вроде меня, начинает

чувствовать и другой мир, который, мне кажется, лежит... в вечности. В вечности нет времени. Там будущее всегда существует в настоящем. И когда я чувствую тот мир, я вижу будущее. Кто знает, может быть, на самом деле все не так. Может, это всего-навсего совпадение. А если это правда, то все настолько естественно! Теперь о тайнах...— Тут она замолчала, будто подбирала слова.— Тайна — это совсем другое. Играть в эти игры я считаю крайне опасным. Это относится и к планшете.

До сих пор Крис считала миссис Пэррин бесстрашной женщиной с потрясающей силой духа. Теперь же она разглядела в Мэри Джо и беспокойство, и озабоченность. Крис овладело дурное предчувствие, которое она попыталась отогнать прочь.

— Пожалуйста, продолжайте, Мэри Джо,— улыбнулась Крис.— А вы не знаете, как действует эта планшетка? Она рассчитана на подсознание человека?

— Да, скорее всего,— согласилась миссис Пэррин.— Но мы можем только предполагать. Рассказывают, что во время спиритических сеансов с планшеткой удавалось иногда приоткрывать завесу тайны. Конечно, не ту, что отделяет нас от мира духов, в это вы не поверите. Нет, именно ту завесу, что вы называете подсознанием. Однако, моя дорогая, во всем мире немало сумасшедших домов, где держат людей, шутивших с этим.

— Вы это серьезно?

Мэри Джо замолчала. Затем из темноты донесся ее монотонный голос:

— Крис, в Баварии жила одна семья. Это случилось в 1921 году. Я не помню фамилии. Их было одиннадцать человек. Вы можете проверить это по старым газетам. После одного спиритического сеанса они все сошли с ума. Все сразу. Одиннадцать человек. В буйном веселье они подожгли свой дом. Когда была сожжена вся мебель, они хотели сжечь трехмесячного ребенка одной из младших дочерей, но соседи успели вмешаться и остановили их. Вся семья,— закончила миссис Пэррин,— была помещена в сумасшедший дом.

— О Боже! — воскликнула Крис, вспомнив про капитана Гауди. Теперь увлечение дочери приобретало жуткий смысл. Безумие. Неужели правда? Что-то в этом было. Я же говорила, что нужно показать ее психиатру!

— О, ради Бога,— воскликнула миссис Пэррин, выходя на свет,— вы не меня слушайте, а своего доктора!

В ее голосе чувствовалась уверенность. Она пыталась успокоить Крис.

— Я предсказываю будущее, но насчет настоящего я абсолютно беспомощна.

Миссис Пэррин порылась в своей сумочке.

— Где же мои очки? Я их опять положила не на место. А, вот и они.— Мэри Джо нашла их в кармане пальто.

— Очаровательный домик,— заметила она, надев очки и взглянув на фасад дома.— От него веет теплом.

— Вы меня успокоили. Я думала, вы сейчас скажете, что в нем водятся привидения!

— Почему я должна вам это говорить?

Крис вспомнила о своей подруге, известной актрисе, которая жила в Беверли Хиллз и продала дом только потому, что считала, будто в нем обитает привидение.

— Не знаю.— Крис попыталась улыбнуться.— Наверное, из-за того, что вы предсказываете будущее. Я пошутила.

— Это очень красивый дом. Я раньше часто бывала здесь.

— Правда?

— Да, его снимал один мой друг, адмирал. Он мне и сейчас изредка пишет. Его, беднягу, опять отправили в море. Я даже не знаю, по ком я больше скучаю: по нему или по этому дому.— Мэри Джо улыбнулась.— Но, может быть, вы меня сюда еще как-нибудь пригласите.

— Мэри Джо, конечно, с большой радостью. Вы очаровательнейшая женщина.

— Ну уж если не очаровательнейшая, то по крайней мере чувствительнейшая из всех ваших друзей!

— Я серьезно. Позвоните мне. Пожалуйста. Позвоните на той неделе.

— Да, конечно, мне наверняка захочется узнать, как здоровье вашей дочери.

— У вас есть мой номер?

— Да. Дома, в записной книжке.

Что-то было не совсем так. Крис удивилась. В голосе Мэри Джо звучала какая-то странная нотка.

— Спокойной ночи,— попрощалась миссис Пэррин.— И еще раз спасибо за прекрасный вечер.

Крис закрыла дверь и почувствовала, что смертельно устала. Тихая ночь. Что за ночь... Что за ночь...

Она вошла в гостиную и увидела, как Уилли, нагнувшись, расчесывала ворс на ковре в том месте, где было мокрое пятно.

— Я пробовала сводить уксусом,— пробормотала Уилли.— Два раза.

— Сходит?

— Может, в этот раз,— засомневалась Уилли.— Не знаю. Сейчас посмотрим.

— Нет, сейчас ничего не увидишь, надо, чтобы ковер высох.

Да уж, действительно очень ценное замечание. Толстуха несчастная! Иуда, иди лучше спать!

— Оставь, Уилли. Иди спать.

— Нет, я закончу.

— Ну ладно. Спасибо тебе за все. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мадам.

Крис медленно поднялась по лестнице.

— Великолепное рагу, Уилли. Всем очень понравилось.

— Да, мадам. Спасибо.

Крис заглянула к Регане. Дочь еще спала. Потом Крис вспомнила про планшетку. Может быть, спрятать ее? Или выкинуть? Боже, Пэррин ведь не очень разбирается в этих делах! Крис и сама понимала, что вымышленный друг — это не совсем нормально. Да, пожалуй, я ее лучше выкину.

Крис колебалась, стоя у кровати и глядя на Регану. Она вспомнила один случай. Дочери было тогда три года. Говард решил, что Регане пора уже спать без бутылочки, к которой она сильно привыкла. Он забрал у нее бутылочку, и Регана кричала всю ночь до четырех утра, а потом на протяжении еще нескольких дней у нее были приступы истерии. Крис боялась, что такая реакция может повториться и сейчас. Лучше подожду немного, пока не проконсультируюсь у психиатра. К тому же и риталин пока что не произвел желаемого эффекта.

Она решила подождать. Вернувшись в свою комнату, Крис забралась в кровать и сразу же заснула. Проснулась она от отчаянного, истеричного крика.

— Мама, иди скорей, иди сюда! Я боюсь!

Крис бросилась через холл в спальню Реганы. Девочка визжала. Из спальни доносился скрип пружин.

— Крошка, что случилось? — воскликнула Крис и включила свет. — О Боже!

Напрягая все тело, Регана распласталась на спине. Лицо ее было заплаканное и искаженное от ужаса. Руками девочка судорожно вцепилась в кровать.

— Мамочка, почему она трясется? — закричала она. — Останови ее!

Матрац на кровати резко дергался взад и вперед.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

*Пока мы спим, неумная боль редкими толчками
будет биться в сердце, покуда в отчаянии и по-
мимо воли нашей не снизойдет к нам мудрость,
посланная богом.*

ЭСХИЛ

Глава первая

Ее снесли в дальний угол маленького кладбища, где земля, скованная надгробными плитами, задышалась от тесноты.

Месса была такой же печальной и унылой, как и вся жизнь этой женщины. Приехали ее братья из Бруклина, пришел бакалейщик из углового магазина, отпуская ей продукты в кредит. Дэмьен Каррас наблюдал, как ее опускают в темноту. Горе и слезы душили его.

— Ах, Димми, Димми...

Дядя обнял его за плечи.

— Ничего, она сейчас в раю, Димми, она сейчас счастлива. О Боже, пусть будет так! О мой Бог! Я прошу тебя! Молю тебя, пусть будет так!

Его уже ждали в машине, но Дэмьен никак не мог отойти от могилы. Воспоминания давили его. Ведь мать всегда была одна... Все это время она терпеливо и покорно ждала, пока Дэмьен вернется. Почему же все теплые человеческие чувства ограничились в нем хранением в бумажнике той самой церковной карточки: «Помни...»?

Каррас вернулся в Джорджтаун к обеду, но есть ему совершенно не хотелось. Дэмьен слонялся взад-вперед по комнате. Приходили с соболезнованиями знакомые иезуиты, обменивались с ним парой фраз, обещали молиться за нее и уходили.

В начале одиннадцатого явился Джо Дайер. Он с гордостью вытащил бутылку шотландского виски и прокомментировал:

— Отличная марка!

— Откуда ты взял деньги? Позаимствовал из фонда для бедных?

— Не будь идиотом, это было бы нарушением обета нищеты.

— А откуда же они у тебя?

— Я украл бутылку.

Каррас улыбнулся и покачал головой. Затем достал стакан, кофейную кружку и, ополоснув их в крошечном умывальнике, промолвил:

— Я верю тебе.

— Таковую безоглядную веру я первый раз встречаю.

Каррас вдруг почувствовал знакомую боль. Он отогнал ее прочь и вернулся к Дайеру. Тот уже сидел на его койке и открывал бутылку. Дэмьен устроился рядом.

— Ты когда предпочитаешь отпустить мне грехи: сейчас или позже?

— Лей давай,— отрезал Каррас,— и отпустим грехи друг другу.

Дайер наполнил стакан и кружку.

— Президент колледжа не должен пить,— проговорил он.— Это было бы дурным примером. Пожалуй, я избавил его от большого искушения.

Каррас выпил. Он не поверил Дайеру. Слишком хорошо он знал президента. Это был очень тактичный и добрый человек. Дайер пришел, конечно, не только как друг, его наверняка просил об этом президент.

Дайер старался изо всех сил: смешил Дэмьена, рассказывал о вечеринке и об актрисе миссис Макнейл, выдавал свежие анекдоты о префекте. Дайер пил немного, но стакан Карраса наполнял регулярно, и Дэмьен быстро опьянел. Дайер встал, уложил друга в постель и снял с него ботинки.

— Собираешься украсть... и мои ботинки? — заплетающимся языком проворчал Каррас.

— Нет, я гадаю по ноге. А теперь замолчи и спи.

— Ты не иезуит, а вор-домушник.

Дайер усмехнулся и, достав из шкафа пальто, накрыл им Дэмьена.

— Да, конечно, но кому-то ведь надо оплачивать счета. Все, что вы умеете делать,— это греметь четками и молиться за хиппи на М-стрит.

Каррас ничего не ответил. Дыхание его было ровным и глубоким. Дайер тихо подошел к двери и выключил свет.

— Красть грешно,— вдруг пробормотал в темноте Каррас.

— Виноват,— тихо согласился Дайер.

Он немного подождал, пока Каррас окончательно заснет, и вышел из коттеджа.

Проснулся Дэмьен вялым и разбитым. Шатаясь, он прошел в ванную, принял душ, побрился и надел сутану. Было 5.35 утра. Он отпер дверь в Святую Троицу и начал молиться.

— *Memento etiam...* — шептал он в отчаянии. — Помни рабу твою, Мэри Каррас...

В дверях моленной ему вдруг привиделось лицо сиделки из госпиталя Беллеву. Он услышал плач и причитания.

«Вы ее сын?»

«Да, я Дэмьен Каррас».

«Не заходите к ней сейчас. У нее приступ».

Через приоткрытую дверь он видел комнату без окон, с потолка свисала ничем не прикрытая электрическая лампочка. Обытые стены. Холодно. И никакой мебели, кроме больничной койки.

— ...Прими ее к себе, молю, тебя, помоги ей обрести мир и покой...

Их глаза встретились, мать вдруг замерла и, подойдя к двери, спросила его недоумевающе:

«Зачем это, Димми?»

Ее взгляд был кротким, как у ягненка.

— *Agnus Dei*, — прошептал Дэмьен и, наклонившись, ударил себя в грудь. — Агнец Божий, уносящий с собой грехи наши, помоги ей обрести покой...

Он закрыл глаза, взял гостию и увидел свою мать в приемной больницы. Руки сложены на коленях, лицо покорное и растерянное. Судья разъяснил ей заключение психиатра из Беллеву.

«Ты все поняла, Мэри?»

Она кивнула, но ничего не сказала. У нее вынули зубные протезы.

«И что ты об этом думаешь, Мэри?»

Она ответила с гордостью:

«Вот мой мальчик, и он будет говорить за меня».

Каррас склонил голову над гостией, и тихий стон сорвался с его губ. Он опять ударил себя в грудь, будто что-то хотел этим изменить, и прошептал:

— *Domine, no sum dignus...* — Я недостойн... Скажи лишь слово и исцели мою душу.

После мессы он вернулся к себе и попытался заснуть, но безуспешно.

Через некоторое время в дверь постучали. В комнату заглянул молодой священник, которого Дэмьен никогда прежде не встречал.

— Вы не заняты? К вам можно ненадолго?

В глазах священника застыла тоска.

Какое-то мгновение Каррас не мог заставить себя взглянуть на священника. В душе он ненавидел этого молодого иезуита. — Войдите, — тихо предложил Дэмьен.

Молодой священник смущенно топтался на месте, не зная, с чего начать. Каррас заботливо усадил его. Предложил кофе и сигареты. Затем попытался изобразить на своем лице интерес. Проблема, приведшая к нему этого визитера, была известна: одиночество священника.

Из всех трудностей, с которыми Каррасу приходилось здесь встречаться, эта проблема наиболее волновала священников. Иезуиты были отрезаны от семейной жизни и вообще от женщин, поэтому они часто боялись проявлять чувство привязанности по отношению к своим товарищам или завязывать крепкую дружбу.

— Иногда мне хочется положить на плечо друга руку, но в этот момент я начинаю опасаться, как бы он не подумал, будто я гомосексуалист. Сейчас много говорят о том, что среди священников немало скрытых гомосеков. Поэтому я ничего подобного не делаю. Я даже не хожу к друзьям послушать музыку, или поболтать, или просто покурить. Дело не в том, что я боюсь Бога, мне страшно подумать, что Он начнет опасаться за меня.

Каррас чувствовал, как тяжесть наболевшего постепенно покидает молодого священника и ложится на его, Карраса, плечи. Он не противился и терпеливо слушал своего гостя. Каррас знал, что теперь этот иезуит будет часто заходить к нему, ибо здесь он найдет спасение от одиночества. Потом они сделаются друзьями, и когда молодой человек обнаружит, что это произошло естественно и непринужденно, тогда, возможно, он начнет дружить и с другими священниками.

Дэмьен почувствовал слабость, и горе опять завладело всем его существом. Он взглянул на карточку, которую ему подарили на прошлое рождество. На ней было написано: «Когда мой брат в печали, я разделяю его боль и в нем встречаю Бога».

В действительности у Дэмьена это не получалось, и в душе он винил себя. Мысленно Каррас всегда пытался разделить беду кого-либо из братьев, но только мысленно. Дэмьену всегда казалось, что его боль принадлежит только ему одному.

Наконец гость взглянул на часы. Пора было идти в трапезную обедать. Иезуит поднялся и собрался уходить, но в этот момент заметил на столе у Карраса недавно вышедший роман.

— Не читал еще? — полюбопытствовал Каррас.

Молодой священник отрицательно покачал головой.

— Нет. Хорошая книга?

— Не знаю, я только что прочел ее, но не уверен, что все правильно понял, — солгал Каррас. Он поднял книгу и протянул ее гостю: — Хочешь взять? Мне очень хотелось услышать чье-нибудь мнение.

— Конечно, — согласился иезуит, запихивая книгу в карман куртки, — я постараюсь вернуть ее дня через два.

Настроение его явно улучшилось.

Когда дверь за гостем захлопнулась, Каррас на какое-то мгновение почувствовал умиротворение. Он достал трезник и направился во двор, читая молитву.

После обеда к нему заглянул еще один гость, пожилой пастор из Святой Троицы. Он пододвинул стул поближе к столу и выразил свои соболезнования по поводу кончины матери Карраса.

— Я молился за нее, Дэмьен. И за вас тоже, — закончил он хриплым голосом с чуть заметным провинциальным акцентом.

- Вы так добры ко мне, святой отец. Большое спасибо.
- Сколько ей было лет?
- Семьдесят.
- Прекрасный возраст.

Каррас смотрел на молитвенную карточку, которую захватил с собой пастор. Во время мессы использовались три такие карточки. Они изготавливались из пластика, и на них печатался текст молитвы, произносимой священником. Психиатру стало интересно, для чего пастор принес эту карточку.

— Послушайте, Дэмьен, сегодня у нас в церкви опять кое-что произошло. Еще одно осквернение.

Пастор рассказал ему о том, что статуя Девы Марии в углу церкви была размалевана под проститутку.

— А вот еще. Это было уже утром, в тот день, когда вы уехали в этот... в Нью-Йорк. В субботу, кажется. Ну да, в субботу. Ну, в общем, посмотрите. Я только что разговаривал с сержантом полиции и... ну... это самое... ну... посмотрите сюда, пожалуйста, Дэмьен.

Каррас взял в руки карточку. Пастор объяснил ему, что кто-то вставил отпечатанный на машинке листок между настоящим текстом и пластиковой пленкой. Фальшивка, в которой встречались опечатки и другие типографские ошибки, была тем не менее составлена на хорошем латинском языке. Текст представлял собой яркое и подробное описание вымышленной лесбийской любви между Девой Марией и Марией Магдалиной.

— Ну достаточно, это не обязательно читать до конца,— прервал пастор, забирая назад карточку, как будто боялся, что чтение может содействовать греху.— Это великолепная латынь, здесь выдержан стиль, это настоящая церковная латынь! Сержант заявил, что разговаривал с одним психиатром, и тот поведал, что все это мог сделать... ну, это, в общем... это мог сделать священник... это очень больной священник. Как вы считаете?

Психиатр на секунду задумался. Потом кивнул.

— Да. Да. Возможно. Возможно, протестуя против чего-то, он делает это в состоянии лунатизма. Я, конечно, не уверен, но такое может быть.

— Вы кого-нибудь подозреваете, Дэмьен?

— Я вас не понимаю.

— Рано или поздно они ведь все приходят к вам, верно? Я имею в виду больных на территории колледжа, если такие есть. Есть ли среди них что-нибудь подобное? Я хотел сказать, среди их болезней.

— Нет, таких нет.

— Я знал, что вы мне все равно не скажете.

— Святой отец, я ничего не смог бы узнать в любом случае. При лунатизме человек способен разрешить многие свои проблемы, в основном такие решения бывают чисто символическими. Поэтому я все равно ничего не узнал бы.

Глава вторая

Регана лежала на столе в смотровой Кляйна с раскинутыми

в стороны руками и ногами. Врач обеими руками прижал ее стопу к лодыжке. Несколько секунд он крепко удерживал стопу в таком положении, затем неожиданно отпустил. Стопа вернулась в нормальное положение.

Кляйн несколько раз проделал это, и каждый раз стопа неизменно возвращалась в первоначальное положение. Однако врач был явно недоволен таким результатом. Он попросил присмотреть за девочкой и вернулся в свой кабинет, где его ждала Крис.

Было двадцать шестое апреля. Кляйн не был в городе в воскресенье и понедельник, так что Крис смогла застать его только сегодня. Она сразу же рассказала ему о происшествии на вечеринке и о том, что произошло после этого.

— Кровать действительно двигалась?

— Да, она двигалась.

— Долго?

— Не знаю. Может, десять секунд, а может, пятнадцать. То есть это то, что я сама видела. Потом Регана замерла, и я заметила, что кровать мокрая. Может быть, она намочила ее раньше, я не знаю. Но после этого она сразу же крепко заснула и не просыпалась до следующего дня.

Доктор Кляйн задумался.

— Что это может быть? — заволновалась Крис.

Когда она приезжала в первый раз, Кляйн сказал, что кровать может двигаться вследствие клонических судорог, когда мышцы то напрягаются, то расслабляются. В хронической форме эта болезнь называется клонус и является показателем каких-либо изменений в мозгу.

— Да, но результат проверки этого не подтвердил, — недоумевал Кляйн и описал Крис процедуру. Он объяснил, что при клонусе прижимание стопы вызвало бы судороги. Врач сел за стол. Вид у него был крайне обеспокоенный.

— Она никогда не падала?

— В смысле на голову? — удивилась Крис.

— Ну да.

— Нет, такого я не припомню.

— Чем она болела в детстве?

— Да ничем особенным. Корью, свинкой, ветрянкой.

— Она ходила во сне?

— Только теперь.

— То есть вы хотите сказать, что на вечеринке она все делала во сне?

— Конечно. Она до сих пор ничего не может вспомнить. Даже того, что с ней происходило недавно.

— А что такое?

— В воскресенье, когда она спала, позвонил Говард из Рима.

«Что с Рэгс?»

«Спасибо тебе за телефонный звонок в день ее рождения».

«Я не мог выбраться с яхты. Так что, Бога ради, отстань от меня. Как только я вернулся в отель, я сразу же ей позвонил».

«В самом деле?»

«Разве она тебе не говорила?»

«Ты с ней разговаривал?»

«Да. Поэтому я и решил, что лучше поговорить с тобой. Что там за чертовщина у вас происходит?»

Рассказывая об этом доктору Кляйну, Крис объяснила, что, когда Регана окончательно проснулась, она ничего не помнила ни о телефонном разговоре, ни о том, что произошло на вечеринке.

— Тогда, вероятно, она говорит правду и насчет мебели, которую якобы кто-то двигает,— предположил Кляйн.

— Я не понимаю вас.

— Несомненно, она двигает ее сама, но делает это в состоянии протрации. Это называется автоматизмом. Состояние вроде транса. Пациент либо не понимает того, что делает, либо ничего не помнит.

— Да, но мне вот что пришло в голову, доктор. В ее комнате есть стол из тикового дерева. Он весит, наверное, полтонны. Как же она могла сдвинуть его с места?

— Патология часто связана с огромной физической силой.

— Да? А как это объяснить?

Доктор только пожал плечами:

— Этого никто не знает. Ну, а кроме того, что вы мне уже рассказали, больше вы не заметили ничего необычного в поведении дочери?

— Она стала очень неряшливой.

— Особенно необычного,— настаивал врач.

— Для нее это как раз особенно необычно. Подождите-ка, я вспомнила. Вы помните ту планшетку, с которой она играла в капитана Гауди?

— В вымышленного друга?

— Теперь она его слышит.

Кляйн весь подался вперед и грудью лег на стол. По мере того как Крис рассказывала ему о дочери, в его глазах росло недоумение. Врач задумался.

— Вчера утром,— продолжала Крис,— я слышала, как Регана разговаривала с Гауди в спальне. То есть она бормотала какие-то слова, потом чего-то ждала, как будто играла с планшеткой. Когда я тихонько заглянула в комнату, планшетки у нее не оказалось. Рэгс сидела одна. Она кивала головой, как будто соглашалась с ним.

— Она его видела?

— Не думаю. Рэгс склонила голову немного набок. Она всегда так делает, когда слушает пластинки.

Врач в задумчивости кивнул головой.

— Да-да, понимаю. А еще что-нибудь в этом роде? Может быть, она видит что-нибудь? Или чувствует запахи?

— Запахи,— вспомнила Крис.— Да, верно. Ей постоянно кажется, что у нее в спальне плохо пахнет.

— Пахнет горелым?

— Точно! — воскликнула Крис.— Как вы догадались?

— Иногда это случается при нарушении химико-электрической деятельности мозга. У вашей дочери эти нарушения должны быть в височной доле головного мозга.

Кляйн указал ей на переднюю часть черепа.

— Вот здесь, в передней части мозга. Теперь подобное встречается редко, но в таких случаях у пациента, в основном перед приступом, возникают необычные галлюцинации. Эту болезнь часто путают с шизофренией, но это не шизофрения. Возникает она вследствие поражения височной доли головного мозга. Мы не ограничимся проверкой на клонус, миссис Макнейл. Я считаю, что теперь ей надо сделать ЭЭГ.

— А это что такое?

— Электроэнцефалограмма. Она покажет нам работу мозга в виде волнообразной кривой. Обычно, исходя из этой кривой, сразу выявляют все отклонения.

— Но вы действительно считаете, что у нее поражена височная часть мозга?

— Симптомы похожи, миссис Макнейл. Например, ее нечистоплотность, драчливость, неприличное поведение, а также автоматизм. И, конечно, эти припадки, из-за которых дергалась кровать. Обычно после таких приступов больной мочится, или его рвет, или и то, и другое одновременно, а потом крепко засыпает.

— Вы хотите проверить Регану прямо сейчас? — забеспокоилась Крис.

— Да, я думаю, это надо сделать немедленно, но ей надо ввести успокоительное. Если девочка шевельнется или дернется, это скажется на результатах. Вы разрешите ввести ей, скажем, двадцать пять миллиграммов либриума?

— О Боже, конечно, делайте все, что необходимо, — выговорила Крис, потрясенная всем услышанным.

Она прошла с ним в смотровую. Увидев в руках врача шприц, Регана завизжала, и кабинет огласился потоком ругательств.

— Крошка, это поможет тебе, — произнесла Крис умоляющим голосом. Она крепко держала Регану, и доктор Кляйн сделал укол.

— Я сейчас вернусь, — пообещал врач. Пока сиделка подготавливала в смотровой аппаратуру, он успел принять еще одного пациента. Вернувшись через некоторое время, Кляйн обнаружил, что либриум еще не подействовал на Регану.

Врач очень удивился.

— Это была приличная доза, — в недоумении заявил он Крис.

Кляйн ввел девочке еще двадцать пять миллиграммов либриума и вышел, а когда вернулся, Регана была уже кроткой и послушной.

— А что вы сейчас делаете? — испугалась Крис, наблюдая, как Кляйн присоединяет трубки с физиологическим раствором к голове Реганы.

— С каждой стороны по четыре провода, — начал объяснять врач. — Мы можем сравнить работу правого и левого полушарий мозга.

— А зачем их сравнивать?

— Так можно обнаружить значительные расхождения в работе обоих полушарий. Например, был у меня один пациент,

которого мучили галлюцинации,— продолжал объяснять Кляйн,— как зрительные, так и слуховые. Я обнаружил отклонения, только сравнивая «волны» левого и правого полушарий, и оказалось, что галлюцинации возникали только в одной половине мозга.

— Это дико.

— Левое ухо и левый глаз функционировали нормально, лишь правая половина видела и слышала то, чего на самом деле не было. Ну, ладно, давайте теперь посмотрим.— Он включил машину. На флуоресцентном экране вспыхнули волны.— Сейчас мы наблюдаем работу обоих полушарий,— пояснил Кляйн.— Здесь мы будем искать остроконечные волны, имеющие форму шпилья.— Он пальцами нарисовал в воздухе острый угол.— Надо искать волны очень высокой амплитуды. Они проходят со скоростью от четырех до восьми за секунду. Наличие этих «шпильей» и будет признаком поражения височной доли мозга,— закончил врач.

Он тщательно рассматривал на экране кривую линию, но никакой аритмии не обнаружил. Острых углов не было. Сравнивая работу правого и левого полушарий, Кляйн и здесь не выявил отрицательных результатов.

Врач нахмурился. Он ничего не мог понять. Повторил процедуру сначала. Никакой патологии не было.

Кляйн позвал сиделку и, оставив ее с Реганой, прошел с Крис в кабинет.

— Так что же с ней такое?— осведомилась Крис.

Врач задумчиво сидел на краю стола.

— Видите ли, ЭЭГ могла подтвердить мое предположение. Но отсутствие аритмии не опровергает его окончательно. Возможно, это истерия, но уж очень сильно отличаются кривые работы мозга до и после приступа.

Крис наморщила лоб:

— Доктор, вот вы постоянно повторяете «приступ». А как называется эта болезнь?

— Это не болезнь,— спокойно парировал врач.

— Ну все равно, ведь как-то вы это называете? Есть же какой-нибудь термин?

— «Это» называется эпилепсией, миссис Макнейл.

— О Боже!

Крис упала в кресло.

— Не переживайте так сильно,— успокоил ее Кляйн.— Я по опыту знаю, что многие люди часто преувеличивают опасность эпилепсии, и рассказы о ней большей частью обыкновенная выдумка.

— А это не наследственная болезнь?

— Предрассудки,— продолжал объяснять Кляйн.— Хотя так думают многие врачи. Практически каждый человек склонен к припадкам. Большинство людей рождается с сопротивляемостью к ним, только у некоторых эта сопротивляемость невелика. Так что разница между вами и эпилептиками не качественная, а количественная. Вот и все. И это не болезнь.

— Тогда что же это, просто галлюцинации?

— Расстройство. Расстройство, которое можно вылечить. Оно имеет огромное количество разновидностей, миссис Макнейл. Например, вот вы сейчас сидите передо мной и на секунду отключаетесь, в результате чего, скажем, упускаете несколько слов из моей речи. Это один из видов эпилепсии, миссис Макнейл. Вот так. Это настоящий эпилептический припадок.

— Да, но с Реганой происходит совсем другое,— возразила Крис,— и возможно ли, чтобы это проявлялось так неожиданно?

— Послушайте, мы же еще точно не знаем, что с вашей дочерью. Может быть, вы были правы, когда хотели отвести ее к психиатру. Мы не исключаем, что это психическое расстройство, хотя я лично в этом сомневаюсь. Лет двести или триста назад таких больных считали одержимыми дьяволом.

— Что-что?

— Считали, что мозгом таких людей управляет бес. Одно из обывательских объяснений расщепления личности.

— Послушайте, ну скажите мне хоть что-нибудь хорошее,— еле слышно проговорила Крис.

— Вы особенно не переживайте. Если это поражение мозга, то в каком-то смысле вам повезло. Надо только удалить этот шрам.

— Я уже ничего не понимаю.

— Может оказаться, что это всего лишь внутричерепное давление. Надо сделать несколько рентгеновских снимков черепа. У нас в этом здании есть специалист. Может быть, мне удастся направить вас к нему прямо сейчас. Хорошо?

— Да, конечно, договоритесь с ним.

Кляйн позвонил по телефону, и ему ответили, что Регану примут сразу же.

Он повесил трубку и написал на клочке бумаги: «Комната 21-я на 3-м этаже».

— Я позвоню вам завтра или в четверг. Надо пригласить еще невропатолога. А пока что назначаю ей либриум.

Он вырвал из блокнота рецепт и протянул его Крис.

— Будьте всегда рядом с дочерью, миссис Макнейл. В состоянии транса, если это транс, она может удариться или упасть. Ваша спальня находится рядом с ее комнатой?

— Да.

— Это хорошо. На первом этаже?

— Нет, на третьем.

— В ее спальне большие окна?

— Одно окно. А почему вас это интересует?

— Закрывайте получше окно, а еще лучше, сделайте так, чтобы оно запиралось на замок. В состоянии транса она может выпасть из окна.

Крис подперла лицо руками и задумчиво проговорила:

— Вы знаете, я сейчас подумала кое о чем.

— О чем же?

— Вы говорили, что после припадков она должна сразу же крепко засыпать. Как в субботу вечером. Ведь вы так говорили?

— Да,— согласился Кляйн.— Все правильно.

— Но как же тогда объяснить, что, жалуясь на дергающуюся кровать, моя дочь всегда бодрствовала?

— Вы мне про это не рассказывали.

— Но это так. И выглядела Регана очень хорошо. Она просто приходила в мою комнату и просилась ко мне на кровать.

— Она мочилась в кровати? Или ее рвало?

Крис отрицательно покачала головой:

— Регана прекрасно себя чувствовала.

Клийн задумался на мгновение и закусил губу.

— Давайте подождем результата рентгеновских снимков.

Крис отвела Регану в рентгеновский кабинет и подождала, пока будут сделаны все снимки. Потом она отвезла дочь домой. После второго укола Регана вела себя необычайно спокойно и всё время молчала. Теперь Крис решила как-нибудь занять девочку:

— Хочешь, поиграем в «Монополи»¹ или еще что-нибудь придумаем?

Регана отрицательно покачала головой и взглянула на мать невидящими глазами. Казалось, что девочка смотрит куда-то вдаль.

— Я хочу спать,— выговорила она голосом, таким же сонным, как ее глаза. Потом Регана повернулась и направилась в спальню.

Наверное, действует либриум. Крис посмотрела вслед дочери, вздохнула и пошла на кухню. Здесь Крис налила в чашку кофе и села за стол рядом с Шарон.

— Ну, как дела?

— Не спрашивай.

Крис вытащила рецепт.

— Лучше позвони в аптеку, пусть принесут вот это,— произнесла она и рассказала Шарон все, что говорил врач.— Если я буду занята или уйду куда-нибудь, смотри за ней хорошенько, ладно, Шар? Он...

Вдруг она что-то вспомнила.

— Да, кстати.

Крис встала из-за стола и поднялась в спальню Реганы. Дочка лежала в кровати и, похоже, уже спала.

Крис подошла к окну и закрыла его на щеколду. Она взглянула вниз. Окно выходило на крутую городскую лестницу, ведущую на М-стрит.

Да, лучше всего вызвать столяра, и немедленно.

Крис вернулась на кухню и добавила для Шарон в список домашних работ еще один пункт. Потом перечислила Уилли, что приготовить на обед, и позвонила своему агенту.

— А как насчет сценария? — поинтересовался он.

— Сценарий прекрасный, Эд. Давай согласие. Когда начало?

— Твоя часть будет сниматься в июле, так что подготовку надо уже начинать.

— Как?! Уже?!!

— Да, надо начинать. Это тебе не роль играть, Крис. Надо

¹ «Монополи» (монополия) — настольная игра, рассчитанная на широкий круг участников. Основана на постижении экономических законов. Аналогом в нашей стране является игра «Кооператив». (Прим. переводчика.)

провести большую подготовительную работу. Заняться с декоратором, костюмером, гримером, продюсером. Нужно выбрать оператора, редактора и обговорить все сцены. Ну, я надеюсь, ты все это и сама знаешь.

— Черт!

— У тебя что-нибудь случилось?

— Да, у меня проблема.

— Что случилось?

— Регана серьезно заболела.

— Да? Что с ней?

— Еще не знаю. Ждем результата анализов. Послушай, Эд. Я не могу ее бросить.

— А кто говорит, что ты должна ее бросить?

— Нет-нет, ты меня не понял, Эд. Я должна быть с ней. Ей нужен мой уход. Я не могу объяснить тебе всего. Эд, это так запутано. Но неужели нельзя немного подождать?

— Нельзя. Они хотят пустить фильм под Рождество. Поэтому и спешат так.

— Ради Бога, Эд, ну две-то недели они могут повременить. Поговори с ними!

— Я ничего не понимаю. Сначала ты мне все уши прожужжала, что хочешь поставить фильм, а теперь неужи...

— Все правильно, Эд,— перебила Крис.— Я очень хочу, просто ужас как хочу поставить фильм, но тебе все равно придется сказать им, что мне нужно немного времени.

— Если я так скажу, мы только все испортим. Это мое личное мнение. Они ведь не особенно держатся за тебя, и тебе это известно. Если Морю передадут, что ты не очень горишь желанием, он переиграет. Так что будь разумней, Крис. Делай, конечно, то, что сочтешь нужным. Мне все равно. Пока этот фильм не станет популярным, мы не получим за него много денег. Но если ты хочешь, я попрошу у них отсрочки, хотя этим мы только все испортим. Так что я должен им сказать?

— О Боже! — вздохнула Крис.

— Я знаю, это нелегко.

— Да уж. Ну послушай...

Она задумалась. Потом покачала головой.

— Нет, Эд, они просто должны подождать.

— Это твое окончательное решение?

— Да, Эд. И позвони мне потом.

— Ладно, позвоню. До свидания.

Крис повесила трубку и закурила сигарету.

— Между прочим, я разговаривала с Говардом. Я тебе не рассказывала? — спросила она Шарон.

— Да? Когда? Ты сказала ему про Рэгс?

— Да, я попросила, чтобы он к ней приехал.

— Приедет?

— Не знаю. Вряд ли,— засомневалась Крис.

— Может, попытается вырваться?

— Да, наверное,— вздохнула Крис.— Но его тоже можно понять, Шар. Я-то знаю, в чем тут дело.

— В чем же?

— Опять эта проблема: «муж кинозвезды». А Рэгс была частью этого. Она везде была со мной. Нас вместе снимали на обложки журналов, в любой рекламе мы также выступали вдвоем. Неразлучные мать и дочь — на всех фотографиях. — Крис стряхнула пепел. — А может, это чепуха, кто его знает? У меня все смешалось. Но с ним трудно наладить отношения, Шар. Лично я просто не в состоянии.

Она заметила у Шарон книгу.

— Что ты читаешь?

— Не поняла. А, это! Я совсем забыла. Миссис Пэррин просила тебе передать.

— Она заходила?

— Да, утром. Жалела, что не застала тебя дома. Она уезжает из города, но как только вернется, сразу же позвонит.

Крис кивнула и посмотрела на книгу. «Изучение дьяволопоклонничества и явлений, связанных с ним». Она открыла книгу и внутри нашла записку от Мэри Джо:

«Дорогая Крис, я случайно зашла в библиотеку Джорджтаунского университета и взяла для вас эту книгу. Здесь есть главы о черной мессе. Но вы прочитайте все, мне кажется, вы найдете здесь много интересного. До скорой встречи,

МЭРИ ДЖО».

— Очаровательная женщина, — восхитилась Крис.

— Да, — согласилась Шарон.

Крис провела пальцем по обрезаю книги:

— Ну и что там насчет черной мессы? Что-нибудь очень противное?

Шарон потянулась и зевнула:

— Вся эта чушь меня не интересует.

— А как же твои религиозные увлечения?

— Да брось ты.

Крис оттолкнула книжку, и та по столу заскользила к Шарон.

— Прочитай и расскажи мне.

— И потом мучайся ночью в кошмарах, да?

— А за что я тебе деньги плачу?

— За упрёки.

— Могу и без тебя обойтись, — проворчала Крис и раскрыла вечернюю газету. — Все, что от тебя требуется, — это молча выслушивать мои наставления, а ты уже целую неделю огрызаешься. — В порыве раздражения она отбросила газету. — Включи радио, Шар. И поймай новости.

Шарон пообедала с Крис, а потом ушла на свидание. Книгу она забыла. Крис увидела, что книга по-прежнему лежит на столе, и решила заглянуть в нее, но почувствовала вдруг, что сильно устала. Она оставила книгу и поднялась наверх.

Крис заглянула к Регане. Дочка еще спала, и спала, видимо, крепко. Крис еще раз проверила окно. Уходя из комнаты, она оставила дверь открытой и, прежде чем лечь спать, убедилась, что дверь в ее спальню тоже открыта. Крис немного посмотрела телевизор и вскоре заснула.

На следующее утро книга о дьяволопоклонничестве исчезла со стола.

Но никто этого не заметил.

Глава третья

Невропатолог принялся рассматривать рентгеновские снимки. Он искал в черепе маленькие углубления, похожие на следы от крошечных гвоздиков. За его спиной, сложив руки, стоял доктор Кляйн. Врачам не удалось обнаружить по снимкам ни поражения мозга, ни скопления жидкости, ни изменения в шишковидной железе. Теперь они искали характерные патологические изменения формы черепа, указывающие на хроническое внутричерепное давление.

Но им так и не удалось ничего найти. Было двадцать восьмое апреля, четверг.

Невропатолог снял очки и аккуратно засунул их в левый нагрудный карман куртки.

— Сэм, я ничего не нахожу. Абсолютно ничего.

Кляйн, нахмурившись, усталился в пол и качал головой.

— Этого не может быть.

— Хочешь, сделаем дополнительные снимки?

— Не стоит. Надо взять пункцию спинного мозга.

— Да, пожалуй.

— А пока что тебе надо ее осмотреть.

— Сегодня?

— Я... — Тут зазвонил телефон. — Извини. — Он поднял трубку. — Я слушаю.

— Вас просит миссис Макнейл. Говорит, что дело очень срочное.

— По какому коду?

— Номер двенадцать.

Кляйн сразу же соединился с Крис.

— Миссис Макнейл, это доктор Кляйн. Что у вас случилось?

Срывающимся от истерики голосом Крис закричала:

— О Боже, доктор, с Реганой плохо! Вы можете прийти прямо сейчас?

— Что с ней?

— Не знаю, доктор, я просто не могу этого описать! Ради Бога, приходите! Как можно скорей!

— Иду.

Он повесил трубку и соединился со своим секретарем:

— Сюзанна, попроси Дрезнера принять моих пациентов.

Переодевшись, Кляйн обратился к невропатологу:

— Это она. Хочешь, пойдём вместе со мной, это совсем рядом, через мост.

— У меня есть час свободного времени.

— Тогда пошли.

Через несколько минут врачи были на месте. Дверь открыла испуганная Шарон, и они сразу же услышали из спальни Реганы крики ужаса и стоны.

— Меня зовут Шарон Спенсер,— представилась девушка.— Проходите, пожалуйста. Она наверху.

Шарон открыла дверь в спальню:

— Крис, врачи пришли.

Крис рванулась к двери. Лицо ее было искажено ужасом.

— О Господи, проходите! — дрожащим голосом выдавила она.— Вы посмотрите, что с ней делается!

— Это доктор...

Кляйн запнулся. Он увидел Регану. Истерично крича и заламывая руки, она поднялась над кроватью, на секунду зависла в горизонтальном положении и тяжело рухнула на матрац. Затем ее тело опять приподнялось и вновь упало.

— Мамочка, останови его! — визжала девочка.— Останови его! Он хочет меня убить! Останови его! Остано-о-о-о-в-и-и-и-и его-о-о-о-о, ма-а-а-а, ма-а-а-а!

— Крошка моя! — зарыдала Крис и закусила кулак. Она умоляюще посмотрела на Кляйна: — Доктор, что это? Что с ней происходит?

Врач растерянно покачал головой и, не веря своим глазам, продолжал наблюдать за Реганой. Она то поднималась над постелью, то, задышавшись, падала на кровать, будто невидимые руки хватили ее и подбрасывали снова и снова.

Крис дрожащей рукой прикрыла свои глаза.

— О Боже, Боже,— прохрипела она,— доктор, что это?

Неожиданно движение прекратилось, и Регана закрутилась на кровати. Глаза ее закатились, и теперь были видны одни белки.

— Он сжигает меня... сжигает меня! — стонала девочка.— Я горю! Горю!

Она начала быстро сучить ногами. Врачи подошли поближе и встали по обе стороны кровати. Дергаясь и извиваясь, Регана выпнула шею и запрокинула назад голову. В глаза врачам бросилось ее распухшее горло. Она начала бормотать что-то странным грубым голосом, исходившим, казалось, из груди.

—...откыньай... откыньай...

Кляйн нащупал ее пульс.

— Ну, маленькая, давай посмотрим, что с тобой случилось,— тихо предложил он.

Вдруг врач пошатнулся и отпрянул, чуть не упав на пол. Регана неожиданно села и оттолкнула его с такой силой, что он отлетел в другой конец комнаты. Лицо ее было искажено злобой.

— Этот поросенок мой! — взревела она.— Она моя! Не прикасайтесь к ней! Она моя!

Регана визгливо рассмеялась и упала на спину, как будто ее кто-то толкнул.

Крис, задышавшись от слез, выбежала из комнаты.

Кляйн подошел к постели. Регану нежно поглаживала свои руки.

— Да-да, ты моя жемчужина,— тихо напевала она тем же странным грубым голосом. Глаза девочки были закрыты, и, казалось, она входит в экстаз:

— Мой ребенок... мой цветочек... моя жемчужина...

Потом Регана вдруг опять начала извиваться, выкрикивая

лишь отдельные невнятные слова. Внезапно она резко села с беспомощным и испуганным выражением лица. Глаза девочки были широко раскрыты.

Она замяукала.

Потом залаяла.

Потом заржала.

Потом, согнувшись пополам, начала стремительно вращать свое туловище. При этом Регана тяжело и прерывисто дышала.

— О, остановите его! — рыдала она. — Пожалуйста, остановите его! Мне так больно! Заставьте его остановиться! Мне трудно дышать!

Кляйн не смог вынести это зрелище. Он взял свой чемоданчик, поставил его на подоконник и начал приготавливать все для укола.

Невропатолог оставался у кровати. Регана упала на спину, как будто ее снова кто-то толкнул. Глаза ее закатились, и, бешено вращая одними белками, она забормотала что-то низким, грудным голосом. Невропатолог склонился над ней, пытаясь разобрать слова. Потом он заметил, что Кляйн подзывает его к себе. Врач направился к окну.

— Я введу ей либриум, — зашептал ему Кляйн, поднося шприц к свету, — но тебе придется подержать ее.

Невропатолог кивнул. Он внимательно вслушивался в бред девочки, склонив голову в сторону кровати.

— Что она говорит? — еле слышно поинтересовался Кляйн.

— Не знаю. Какую-то чепуху. Бессмысленный набор звуков.

Такое объяснение ему самому не очень-то понравилось.

— Она произносит эти слова так, будто они что-то обозначают. Я ясно слышу ритм.

Кляйн кивнул ему, и они тихо подошли к кровати с обеих сторон. Когда они приблизились, Регана напряглась и застыла. Врачи понимающе переглянулись. Тело девочки начало изгибаться назад, как лук, в немыслимую дугу, пока голова не дотронулась до пола. При этом Регана оглушительно визжала от боли.

Врачи вопросительно взглянули друг на друга. Кляйн подал сигнал невропатологу. Внезапно Регана потеряла сознание, упала и помочилась на кровать.

Кляйн нагнулся и приподнял ей веко. Потом нащупал пульс.

— Она скоро придет в себя, — прошептал он. — По-моему, у нее обморок. Как вы считаете?

— Кажется, да.

— Давайте все же застрахуемся, — предложил Кляйн.

Он сделал ей укол.

— Что вы думаете? — поинтересовался у невропатолога Кляйн, прижав ватку к месту укола.

— Поражение височной доли мозга. Возможно, Сэм, что это, шизофрения, но началось все слишком неожиданно. Раньше ничего этого не было?

Кляйн отрицательно покачал головой.

— Может быть, истерия?

— Я уже думал об этом.

— Естественно. Но ведь тогда получается, что она проделывает все это сознательно.— Невропатолог недоверчиво покачал головой.— Нет, здесь явная патология, Сэм. Ее сила, бред преследования, галлюцинации. Да, при шизофрении все эти симптомы наблюдаются. Но такие приступы бывают и при поражении височной доли мозга. Здесь есть еще кое-что, что меня беспокоит.— Он не договорил и, задумавшись, поднял брови.

— Что такое?

— Я точно не уверен, но мне кажется, здесь налицо признаки раздвоения личности: «моя жемчужина... мой ребенок... мой цветочек», «поросенок». Мне показалось, что она говорила это про себя. А ты как думаешь?.. Или я уже сам начинаю сходить с ума?

Кляйн пальцами поглаживал себя по губам, обдумывая ответ.

— Ну, если говорить честно, тогда я об этом не подумал, но теперь...— Кляйн замычал.— Возможно. Да-да, это возможно. Сейчас, пока она еще не пришла в себя, можно взять у нее пункцию спинного мозга, и, может быть, кое-что прояснится.

Невропатолог кивнул.

Кляйн порылся в своем чемоданчике, нашел таблетку и положил себе в карман.

— Ты можешь остаться?

Невропатолог взглянул на часы.

— У меня есть еще полчаса.

— Давай поговорим с ее матерью.

Они вышли из комнаты и направились в зал.

Крис и Шарон, опустив головы, стояли у балюстрады. Когда врачи подошли, Крис утерла нос влажным, скомканным платком. Глаза ее покраснели от слез.

— Девочка спит,— сказал Кляйн.

— Слава Богу,— вздохнула Крис.

— Я ввел ей большую дозу успокоительного. Теперь, возможно, она проспит до завтрашнего утра.

— Хорошо,— прошептала Крис.— Доктор, вы уж меня простите, что я веду себя как ребенок.

— Вы себя прекрасно ведете,— попытался убедить ее Кляйн.— Это очень трудное испытание. Да, кстати, позвольте вам представить доктора Дэвида.

— Очень приятно,— выдавила из себя Крис. На ее лице появилось подобие улыбки.

— Доктор Дэвид — невропатолог.

— И что вы об этом думаете? — обратилась к обоим врачам Крис.

— Мы все-таки считаем, что это поражение височной доли мозга,— настаивал Кляйн,— и...

— Боже, да о чем, черт возьми, вы здесь говорите! — взорвалась Крис.— Она ведет себя, как психопатка, у нее раздвоение личности! Что вы...

Вдруг она загнулась и опустила голову.

— Наверное, я перенервничала. Извините.— Затравленными

глазами Крис посмотрела на Кляйна.— Что вы говорили?

Ответил ей Дэвид:

— Миссис Макнейл, настоящих, признанных наукой случаев раздвоения личности не наберется и сотни. Это очень редкая болезнь. Я знаю, что проще всего сейчас обратиться к психиатру, но любой опытный психиатр сначала убедится в том, что исключены все возможные болезни тела. Так надо действовать и нам.

— Ладно. Так что же дальше? — вздохнула Крис.

— Надо взять пункцию спинного мозга, — заявил Дэвид.

— Спинного мозга?

Дэвид кивнул:

— То, что мы не увидели на рентгеновских снимках и на кривой ЭЭГ, может быть, проявится здесь. По крайней мере это исключит некоторые другие предположения. Лучше заняться этим прямо сейчас, пока девочка спит. Я, разумеется, сделаю ей местное обезболивание, но, боюсь, как бы она не пошевелилась.

— Как же Регана могла прыгать на кровати таким странным образом? — прищурилась от волнения Крис.

— Думаю, что мы это уже обсудили, — отрезал Кляйн. — При патологическом состоянии может наблюдаться огромная физическая сила и ускоренная реакция организма. Как насчет анализа? Вы согласны?

Крис вздохнула и поникла, уставившись в пол.

— Давайте, — пробормотала она. — Делайте все, что необходимо, только бы она выздоровела.

— Постараемся, — заверил ее Кляйн. — Можно, я воспользуюсь вашим телефоном?

— Конечно. Пройдемте в кабинет.

— Да, кстати, — вставил Кляйн, — ей надо поменять постельное белье.

— Я все сделаю, — вызвалась Шарон и прошла в спальню Реганы.

— Не хотите выпить кофе? — предложила Крис по дороге в кабинет. — Сегодня слуг дома нет, но я могу приготовить растворимый.

Врачи отказались.

— Я смотрю, вы еще ничего не сделали с окном, — заметил Кляйн.

— Нет, мы уже сделали заявку, — возразила ему Крис. — Завтра придут мастера и вставят замки, запирающиеся на ключ.

Врач одобрительно кивнул.

Они вошли в кабинет. Кляйн позвонил в больницу и проинструктировал своего помощника, какие медикаменты и инструменты принести.

— И подготовьте лабораторию для исследования анализа, — добавил он. — Сразу после процедуры я сам займусь этим.

Положив трубку, Кляйн повернулся к Крис и попросил рассказать, что произошло с тех пор, как он видел Регану последний раз.

— Так. Во вторник,— раздумывала Крис,— ничего не было. Регана сразу пошла в спальню и проспала до следующего утра, потом... Нет-нет, подождите. Нет, она не спала. Все правильно. Уидли мне говорила, что рано утром в кухне слышала ее. Помню, я еще обрадовалась, решив, что к ней вернулся аппетит. Но Регана опять возвратилась в спальню и оставалась там весь день.

— Она спала? — заинтересовался Кляйн.

— Нет, по-моему, она читала,— задумалась на секунду Крис.— И я немножко успокоилась. Подумала, что дело пошло на лад. Прошлой ночью опять ничего не случилось. Все началось этим утром.— Она шумно вздохнула.— Боже, неужели все это было!

Крис рассказала врачам, что с утра сидела на кухне. Вдруг туда визжа вбежала Регана и спряталась за стулом. Она вцепилась в руки матери и испуганным голосом сообщила, что за ней гонится капитан Гауди. Он ее шиплет, толкает, ругается, грозит убить. «Вот он!» — пронзительно закричала девочка, указывая на дверь в кухню. Потом она упала на пол. Тело ее задергалось в судорогах, она задыхалась и плакала. Регана кричала и жаловалась, что капитан Гауди бьет ее ногами. Потом неожиданно встала посреди кухни, выставила руки в стороны и начала вертеться, «как волчок». Это длилось несколько минут, пока она в изнеможении не свалилась на пол.

— А потом вдруг,— дрожащим голосом продолжала Крис,— я заметила в ее глазах ненависть, такую ненависть... и она сказала мне...

Ей не хватало воздуха.

— Она назвала меня... О Боже!

Крис, закрыв лицо руками, расплакалась.

Кляйн спокойно подошел к бару, достал стакан и налил воды из-под крана. Потом вернулся к Крис.

— Проклятие, где сигареты? — Она робко вздохнула.

Кляйн протянул ей стакан с водой, а также маленькую зеленую таблетку.

— Лучше проглотите вот это,— посоветовал он.

— Это транквилизатор?

— Да.

— Дайте мне еще одну.

— Одной вполне хватит.

— Вы не слишком щедры,— попыталась улыбнуться Крис.

Она проглотила таблетку и вернула доктору пустой стакан.

— Спасибо. Потом все началось. Вся эта ерунда. Регана вела себя так, как будто это была не она, а кто-то другой.

— Например, капитан Гауди? — вмешался Дэвид.

Крис удивленно посмотрела на него. Дэвид ждал ответа.

— Что вы имеете в виду? — не поняла Крис.

— Не знаю,— пожал плечами Дэвид.— Я просто спросил.

Крис повернулась к камину и уперлась в него отсутствующим взглядом. Она была чем-то напугана.

— Я не знаю,— грустно закончила Крис.— Просто кто-то другой.

На мгновение все замолчали. Потом Дэвид встал и сообщил, что ему пора идти. Бросив на прощание несколько ободряющих слов, он откланялся и вышел.

Кляйн проводил его до двери.

— Ты проверишь на сахар? — напомнил ему Дэвид.

— Нет, я же провинциальный идиот.

Дэвид чуть заметно улыбнулся.

— Я сам немного перенервничал, — задумчиво проговорил он и отвернулся. — Странный случай.

Невропатолог, размышляя о чем-то, рассеянно поглаживал свой подбородок. Потом он взглянул на Кляйна:

— Если что-нибудь обнаружишь, дай мне знать.

— Ты будешь дома?

— Да. Позвони мне. — Дэвид махнул на прощание рукой и вышел.

Через некоторое время привезли необходимые инструменты. Кляйн сделал Регане обезболивающий укол новокаина в спину, и Крис с Шарон наблюдали, как он, поглядывая время от времени на манометр, выкачивал спинномозговую жидкость.

— Давление нормальное, — тихо констатировал врач.

Когда все было кончено, он подошел к окну и проверил, не помутнела ли жидкость.

Она была прозрачной.

Кляйн осторожно сложил пробирки с жидкостью в свой чемоданчик.

— Бряд ли она проснется до утра, — заверил он женщин, — но если вдруг это произойдет ночью, могут возникнуть кое-какие проблемы. Вам понадобится медсестра, которая сможет делать ей уколы.

— Можно, я сама буду их делать? — забеспокоилась Крис.

— А почему не медсестра?

Крис не хотела признаваться в том, что не доверяет ни врачам, ни медсестрам.

— Я лучше буду делать сама, — попросила она. — Можно?

— Эти уколы делать непросто, — засомневался врач. — Крошечный пузырек воздуха может стать крайне опасным.

— Я знаю, как это делается, — вмешалась Шарон. — Моя мать была директором орегонской школы медсестер.

— Шар, а может быть, ты сама смогла бы делать эти уколы? Ты не можешь остаться сегодня на ночь? — попросила Крис.

— Только на сегодня, — вмешался Кляйн. — Ей, может быть, придется достаточно долго лежать под капельницей. Это будет зависеть от течения болезни.

— А вы не можете научить меня делать уколы? — заволновалась Крис.

Врач кивнул.

— Думаю, что смогу.

Он выписал рецепт на торазин и на шприцы. Потом отдал его Крис.

— Вот это пусть принесут прямо сейчас.

Крис передала рецепт Шарон.

— Пожалуйста, сделай это для меня, хорошо? Позвони в аптеку, и пусть все это доставят сюда. А я пойду с доктором и дождусь результата анализа... Вы не возражаете? — спросила она врача.

Кляйн заметил, как застыло в ожидании ответа ее лицо. Поймав беспомощный и смущенный взгляд Крис, он кивнул.

— Представляю себе, что вы сейчас чувствуете.— Кляйн улыбнулся.— Я себя примерно так же чувствую, когда разговариваю о своей машине с механиком.

Они вышли из дома вчетвером в шесть часов восемнадцать минут.

В своей Росслинской лаборатории Кляйн проводил исследование спинномозговой жидкости. Сначала он определил количество белка. Норма.

Потом перешел к подсчету кровяных телец и, наконец, исследовал жидкость на сахар. Патологии не обнаружил.

Крис в отчаянии заломила руки.

— Вот и все. Приехали,— промолвила она безжизненным голосом.

— У вас в доме есть наркотики? — поинтересовался врач.

— Что?

— Фенамин? ЛСД?

— Да нет. Ничего подобного я у себя не держу.

Кляйн уставился на свои ботинки, потом снова посмотрел на Крис и произнес:

— Ну вот теперь, миссис Макнейл, пора проконсультироваться у психиатра.

Крис вернулась домой вечером в семь часов двадцать одну минуту и у двери окликнула Шарон.

Шарон в доме не было.

Крис поднялась в спальню Реганы. Девочка все еще спала. На постельном белье ни единой морщинки. Крис заметила, что окно распахнуто настежь. Пахло мочой. Наверное, Шарон хотела проветрить комнату. Куда она ушла?

Крис спустилась по лестнице и встретила Уилли.

— Привет, Уилли. Как сегодня развлекались?

— Ходили по магазинам. Потом в кино.

— А где Карл?

Уилли неопределенно махнула рукой.

— Сегодня он отпустил меня послушать «Битлз».

— Неплохо.

Уилли победно взмахнула рукой.

Было семь часов тридцать минут.

В восемь часов одну минуту, пока Крис в кабинете разговаривала по телефону со своим агентом, вернулась Шарон с парой свертков, плюхнулась на стул и вопросительно уставилась на свою хозяйку.

— Где ты была? — поинтересовалась Крис, повесив трубку.

— А он тебе ничего не передал?

— Кто?

— Бэрк. Его здесь нет? Где он?

— Он был здесь?

— А разве, когда ты вернулась, его уже не было?

— Ну-ка, расскажи все по порядку,— попросила Крис.

— Да тут такая ерунда получилась,— раздраженно начала Шарон и тряхнула головой.— Я не смогла дозвониться аптекарю, и когда пришел Бэрк, я подумала, что оно к лучшему; он посидит с Реганой, пока я схожу за торазином.— Она пожалала плечами.— Я должна была это предвидеть.

— Вот именно. Ну, и что же ты купила?

— Я подумала: раз у меня есть время, куплю-ка я резиновую простыню для Реганы.— Шарон достала попку.

— Ты ела?

— Нет еще. Думаю, можно проглотить бутерброд. Ты не хочешь?

— Пожалуй. Пойдем перекусим.

— Ну как анализы?— спросила по дороге на кухню Шарон.

— Никак. Все результаты отрицательные. И теперь к психиатру,— с отчаянием в голосе вымолвила Крис.

После бутербродов и кофе Шарон научила Крис делать уколы.

Некоторое время Крис терзала шприцем грейпфрут и добилась определенных успехов. В девять часов двадцать восемь минут в прихожей раздался звонок. Уидли открыла дверь. Пришел Карл. По дороге в свою комнату он со всеми поздоровался и объявил, что забыл дома ключи.

— Не могу в это поверить,— засомневалась Крис.— Первый раз за все время он что-то забыл.

Весь вечер они проторчали в кабинете, уставившись в телевизор.

В одиннадцать часов сорок шесть минут зазвонил телефон. Крис сняла трубку. Звонил молодой ассистент режиссера. Голос у него был расстроенный.

— Ты еще ничего не слышала, Крис?

— Нет, а что такое?

— Очень плохие дела.

— В чем дело?— заволновалась Крис.

— Бэрк умер. Он где-то напился. Оступился на лестнице и скатился по ней. Пешеход на М-стрит видел, как он падал. Бэрк сломал себе шею. Жуткое зрелище. Такой страшный конец!

Трубка выпала из рук Крис. Она беззвучно рыдала, едва удерживаясь на ногах. Шарон подхватила ее, опустила трубку и проводила Крис до дивана.

— Бэрк умер!— всхлинула Крис.

— Боже мой!— выдохнула Шарон.— Что с ним случилось?

Крис не могла ничего толком рассказать. Она плакала.

Немного позже они разговорились и проболтали всю ночь. Крис пила. Она вспоминала Дэннингса.

— Ах, Боже мой!— вздыхала Крис.— Бедный Бэрк!.. Бедный Бэрк!

К ней снова вернулись мысли о смерти.

В пять часов утра Крис стояла, облокотившись на стойку бара

и уныло свесив голову. Она ждала, когда из кухни вернется Шарон со льдом.

Наконец Крис услышала шаги.

— Я до сих пор не могу в это поверить,— промолвила Шарон, входя в кабинет.

Крис взглянула на нее и замерла.

Прижимаясь к полу, в какой-то паучьей позе, позади Шарон стояла Регана. Тело ее было выгнуто, голова почти касалась ног, язык, как жало змеи, то и дело высовывался изо рта со страшным присвистом.

— Шарон! — выдохнула Крис, холодея от ужаса и не спуская глаз с Реганы.

Шарон остановилась. Регана тоже замерла. Шарон повернулась... и ничего не увидела. И вдруг завизжала, почувствовав, как язык Реганы коснулся ее лодыжки.

Крис побелела.

— Звони доктору и поднимай его с кровати! Пусть немедленно приходит!

Куда бы ни направлялась Шарон, Регана по пятам следовала за ней.

Глава четвертая

Пятница, двадцать девятое апреля. Пока Крис ждала в холле, доктор Кляйн и известный психиатр осматривали Регану.

Врачи уже полчаса наблюдали за ней. Девочка время от времени корчила гримасы и прижимала к ушам руки, как будто ее мучили оглушительные звуки. Она изрыгала ругательства. Орала от боли. Потом упала лицом в подушку и, подтолкнув на живот ноги, замычала что-то нечленораздельное.

Психиатр отозвал Кляйна от кровати.

— Давайте введем ей транквилизатор,— прошептал он.— Может быть, мне удастся с ней поговорить.

Терапевт кивнул и приготовил шприц с пятьюдесятью миллиграммами торазина. Почувствовав приближение врачей, Регана быстро повернулась, а когда психиатр попытался ее удержать, закричала от ярости. Она ударила его, а потом, укусив, отпихнула прочь. Позвали на помощь Карла, и только тогда Кляйну удалось сделать укол. Однако одной дозы оказалось недостаточно. Сделали второй укол и стали дожидаться результатов.

Регана успокоилась. Она изумленно уставилась на врачей и заплакала:

— Где мама? Я хочу маму!

Психиатр кивнул Кляйну, и тот пошел за Крис.

— Твоя мама сейчас придет, крошка,— успокаивал Регану психиатр. Он присел на кровать и погладил девочку по голове.

— Успокойся, маленькая. Все хорошо. Я доктор.

— Я хочу маму! — не унималась Регана.

— Она уже идет. Тебе больно, малышка?

Регана кивнула. Слезы ручьями лились по ее щекам.

— Где?

— Везде! — всхлипнула Регана.— Все болит!

— О моя малышка!

— Мамочка!

Крис подбежала к кровати и крепко обняла дочь. Потом расцеловала ее и попыталась успокоить. После этого расплакалась сама.

— Рэгс! Ты опять с нами! Теперь это действительно ты!

— Мама, он мне делает больно! — сквозь слезы проговорила Регана. — Пусть он перестанет бить меня. Ладно? Ну, пожалуйста!

Крис непонимающе взглянула на дочь, потом на врачей. В глазах ее была мольба.

— Ей ввели большую дозу успокоительного, — спокойно объяснил психиатр.

— Вы хотите сказать...

Он перебил ее:

— Посмотрим.

Затем повернулся к Регане.

— Ты можешь сказать, что с тобой случилось, малютка?

— Я не знаю, — ответила девочка. — Я не знаю, почему он так со мной обращается. — Слезы покатались из ее глаз. — Ведь мы с ним всегда дружили!

— С кем?

— С капитаном Гауди! И еще мне кажется, будто во мне кто-то сидит! И заставляет меня безобразничать!

— Капитан Гауди?

— Я не знаю!

— Человек?

Регана кивнула.

— Кто?

— Я не знаю!

— Ну ладно, не волнуйся. Давай сыграем в одну игру.

Психиатр достал из кармана блестящий маленький диск на серебряной цепочке.

— Ты видела когда-нибудь в кино, как людей гипнотизируют?

Девочка кивнула.

— Ну вот, я и есть гипнотизер. Да, я все время гипнотизирую людей. Конечно, если они мне сами разрешают делать это. Если я тебя сейчас загипнотизирую, то человек, который внутри тебя, выйдет наружу. Ты хочешь, чтобы я тебя загипнотизировал? Посмотри, твоя мама здесь, она рядом с тобой.

Регана вопросительно взглянула на мать.

— Давай попробуем, крошка, — подбодрила ее Крис. — Не бойся.

Регана повернулась к психиатру и кивнула.

— Ладно, — прошептала она. — Только не очень долго.

Психиатр улыбнулся и вдруг услышал звук бьющегося стекла. Хрупкая фарфоровая ваза упала на пол с письменного стола, о который опирался локтями доктор Кляйн. Врач изумленно взглянул на свой локоть, а потом на разбитую вазу. Он нагнулся и начал подбирать осколки.

— Ничего-ничего, Уилли все уберет, — запротестовала Крис.

— Сэм, закрой, пожалуйста, ставни, — попросил психиатр. — И задерни занавески.

Когда в комнате стало темно, психиатр взял в руку цепочку и начал легонько раскачивать блестящий диск. Он поймал светящийся блик и приступил к гипнозу.

— Смотри сюда, Регана, смотри сюда, и ты скоро почувствуешь, как твои веки становятся все тяжелей и тяжелей...

Скоро девочка вошла в состояние транса.

— Очень похоже, — прошептал психиатр. Затем он обратился к девочке: — Тебе удобно, Регана?

— Да. — Голос был тихий и спокойный.

— Регана, сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Внутри тебя кто-нибудь есть?

— Иногда.

— Когда?

— Когда как.

— Этот «кто-то» живой?

— Да.

— Кто это?

— Я не знаю.

— Капитан Гауди?

— Я не знаю.

— Человек?

— Я не знаю.

— Но он находится в тебе?

— Да, иногда.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Если я попрошу его поговорить со мной, ты согласишься ему отвечать?

— Нет!

— Почему нет?

— Я боюсь.

— Чего?

— Не знаю!

— Если он поговорит со мной, Регана, я думаю, он выйдет из тебя. Ведь ты хочешь, чтобы он вышел из тебя?

— Да.

— Тогда разреши ему говорить. Ты разрешаешь ему говорить?

— Да.

— Сейчас я говорю с тем, кто находится внутри Реганы, — уверенно начал психиатр. — Если ты здесь, то ты тоже загипнотизирован и должен отвечать на все мои вопросы.

На секунду он замер, чтобы дать возможность словам дойти до ее сознания. Потом повторил еще раз:

— Если ты здесь, то ты тоже загипнотизирован и должен отвечать на все мои вопросы. Теперь отвечай: ты здесь?

Молчание. И тут произошло что-то невероятное: дыхание Реганы вдруг стало смрадным. Его можно было почувствовать на расстоянии нескольких шагов. Блик от диска застыл на лице девочки.

Крис в ужасе затаила дыхание. Черты девочкиного лица

исказились, превращаясь в отвратительную маску: губы растянулись в разные стороны, распухший язык вывалился изо рта.

— Боже мой! — выдохнула Крис.

— Ты и есть существо, живущее в Регане? — продолжал выспрашивать психиатр.

Девочка кивнула.

— Кто ты?

— Откинбая, — пробасила она грудным голосом.

— Это твое имя?

Регана кивнула.

— Ты человек?

Она прорычала:

— Ад!

— Это твой ответ?

— Ад!

— Если это «да», то кивни головой.

Она кивнула.

— Ты говоришь на иностранном языке?

— Ад.

— Откуда ты? Кто тебя прислал?

— Гоб.

— Ты из пустыни Гоби?

— Агобтаайтэнь, — возразила Регана.

Психиатр на секунду задумался, а потом решил сделать еще одну попытку:

— Когда я буду задавать тебе вопросы, отвечай движением головы: кивок, если «да», и покачивание в стороны, если «нет». Ты понимаешь меня?

Регана кивнула.

— Твои ответы имеют смысл? — спросил он. — Да.

— Тебя Регана знала раньше? — Нет.

— Ты ее собственное изобретение? — Нет.

— Ты существуешь на самом деле? — Да.

— Как часть Реганы? — Нет.

— Ты ее любишь? — Нет.

— Не любишь? — Да.

— Ты ее ненавидишь? — Да.

— За какой-то ее проступок? — Да.

— Ты винишь ее за развод родителей? — Нет.

— Это имеет отношение к ее родителям? — Нет.

— К ее друзьям? — Нет.

— Но ты ненавидишь ее? — Да.

— Ты наказываешь ее? — Да.

— Ты хочешь причинить ей боль? — Да.

— Убить ее? — Да.

— Если она умрет, ты тоже умрешь? — Нет.

Этот ответ обеспокоил психиатра, и он в раздумье опустил глаза. Врач поудобнее устроился на кровати, и пружины противно заскрипели. В тишине слышалось только тяжелое дыхание Реганы, от которого за версту несло зловонием.

Психиатр снова глянул на искаженное злобой лицо. Он лихорадочно пытался что-нибудь придумать.

— Может ли девочка сделать так, чтоб ты из нее вышел? — Да.

— Ты можешь мне сказать, что для этого надо сделать? — Да.

— Ты мне скажешь? — Нет.

— Но...

Вдруг он вскочил с кровати, задохнувшись от нечеловеческой боли. Психиатр с ужасом почувствовал, как Регана стальной хваткой вцепилась в него. Выпучив глаза, он попытался высвободиться из этих страшных когтей, но безуспешно.

— Сэм! Сэм, помоги мне! — в ужасе закричал он.

Крис бросилась к выключателю.

Кляйн рванулся вперед.

Регана, запрокинув голову назад, дьявольски расхохоталась, а потом по-волчьи завывала.

Крис шелкнула выключателем. Она повернулась и увидела жуткую картину, похожую на замедленное кино: Регана и оба доктора возились на кровати. Мелькали ноги и руки, гримасы сменяли одна другую, слышались неровное дыхание и отдельные выкрики, хохот, переходящий в вой, и потом снова — дикий смех. Регана хрюкала, ржала, и это странное кино крутилось все быстрее и быстрее, кровать двигалась взад-вперед со скоростью, которую трудно было себе представить. Мать беспомощно наблюдала, как Регана снова закатила глаза и испустила такой отчаянный вопль, что у Крис кровь застыла в жилах.

Регана рухнула на постель и потеряла сознание. Наваждение исчезло.

Все затаили дыхание и замерли на месте. Потом, постепенно приходя в себя, врачи осторожно встали. Оба не спускали глаз с девочки. Кляйн подошел к постели и, не обращая ни на кого внимания, нащупал пульс. Пульс был нормальный, и Кляйн, накрыв Регану одеялом, кивком указал на дверь. Все тотчас покинули комнату и спустились в кабинет.

Некоторое время врачи и Крис молчали. Женщина сидела на диване. Кляйн и психиатр устроились на стульях друг против друга. Психиатр о чем-то думал: он вперился взглядом в журнальный столик и пощипывал себя за губу. Потом, вздохнув, взглянул на Крис. Она уставилась на него невидящим взглядом.

— Что же это такое, черт возьми! — воскликнула Крис с болью в голосе.

— Вы не поняли, на каком языке она говорила? — поинтересовался психиатр.

Крис отрицательно покачала головой.

— Вы верите в Бога?

— Нет.

— А ваша дочь?

— Нет.

Потом психиатр расспросил ее о подробностях течения болезни. Рассказ Крис обеспокоил его.

— Что это? — пытала его Крис, нервно сжимая побелевшими пальцами скомканный платок. — Что это за болезнь?

— Это что-то не совсем понятное, — уклончиво объяснил

психиатр.— И если говорить начистоту, то ставить диагноз после такого кратковременного осмотра было бы с моей стороны крайне неразумно.

— Но какие-нибудь мысли у вас должны быть,— настаивала Крис.

— Я понимаю, вам не терпится узнать хоть что-нибудь, поэтому я выскажу кое-какие предположения.

Крис напряженно кивнула и подалась вперед. Пальцы судорожно цеплялись за платок.

Она перебирала пальцами кружевную кайму, как будто у нее в руках были тряпичные четки.

— Прежде всего могу сказать,— начал врач,— весьма непохоже, что она симулирует.

Кляйн одобрительно закивал головой.

— Для этого у нас есть несколько признаков,— продолжал психиатр.— Например, ее болезненные и ненормальные движения, а главным признаком я считаю изменение черт лица при разговоре с так называемым человеком внутри нее. Видите ли, подобные действия могут происходить лишь тогда, когда она сама верит, что это существо находится у нее внутри. Вы меня понимаете?

— По-моему, да.— От удивления Крис прищурила глаза.— Но я только никак не пойму, откуда это существо взялось! Я, конечно, часто слышала о раздвоении личности, но никаких объяснений мне при этом не давали.

— И никто не даст, миссис Макнейл. Мы используем разные термины: «сознание», «разум», «личность»,— но на самом деле мы не очень четко представляем себе, что каждое из них означает.— Врач покачал головой.— Не знаем. Совсем ничего не знаем. Поэтому когда я начинаю говорить о раздвоении личности, то прекрасно понимаю, что все объяснения вызывают только еще большее количество вопросов. Фрейд считал, что некоторые мысли и чувства каким-то образом подавляются сознанием, но могут проявиться в бессознательном состоянии. Они активно проявляются в различных психических отклонениях. Эти подавленные чувства и эмоции давайте назовем «диссоциирующими», так как слово «диссоциация» означает отклонение от основного потока сознания. Так вот, когда «диссоциирующее» становится самостоятельным или когда личность больного слабеет и дезорганизуется, может возникнуть психоз шизофрении. Он отличается от раздвоения личности,— предупредил психиатр.— Шизофрения означает расщепление личности. Если же «диссоциирующее» может как-то выделиться и организовать подсознание больного, вот тогда эта часть начинает действовать вполне независимо; она становится самостоятельной личностью и может принять на себя также функции тела.

Врач вдохнул в себя воздух. Крис внимательно слушала его. Потом психиатр продолжил:

— Это одна из теорий. Есть еще несколько. Но, возвращаясь к Регане, хочу сказать, что у нее и намек нет на шизофрению, и ЭЭГ показала, что кривая работы ее мозга совершенно нор-

мальная. Поэтому я склонен отвергнуть все подозрения на шизофрению. Остается истерия.

— В которой я и находилась всю прошлую неделю,— пробормотала Крис.

Психиатр чуть заметно улыбнулся.

— Истерия,— продолжал он,— это форма невроза, при которой эмоциональное расстройство превращается в телесное. При психоастении, например, человек теряет способность осознавать свои поступки и, делая что-то сам, приписывает это «что-то» другому лицу. Хотя в этом случае другая личность осознается им не до конца. У Реганы несколько иной случай. Мы подошли к тому, что Фрейд называл «трансформированной» истерией. Она вырастает из бессознательного чувства вины и необходимости понести наказание. Диссоциация здесь играет первостепенную роль, я бы даже сказал, не только диссоциация, но и само раздвоение личности. При этом могут наблюдаться и судороги, как при эпилепсии, галлюцинации, чрезмерное возбуждение.

— Да, все это похоже на ее состояние,— уныло подтвердила Крис.— А вы как считаете? То есть все, кроме чувства вины. Какую вину она может за собой чувствовать?

— Ну, первое, что приходит в голову,— продолжал психиатр,— это развод. Дети часто считают, что родители расстанутся именно из-за них, и поэтому принимают всю вину на себя. Но в данном случае такое можно только предположить. Я вот еще о чем думаю: у девочки могла развиваться депрессия на почве размышления о смерти — танатофобия. У детей она часто сопровождается чувством вины и возникает на почве страха потерять кого-нибудь из близких. В результате развиваются нервное расстройство и возбудимость. Вдобавок вина здесь может быть просто неизвестна. Ее трудно выявить конкретно,— закончил врач.

Крис замотала головой.

— Я запуталась,— пробормотала она.— Никак не пойму, откуда берется эта новая личность.

— Крайне необычно то, что ребенок в таком возрасте смог воедино собрать и систематизировать все части новой личности. Конечно, удивительно и многое другое. Например, игра девочки с планшеткой указывает на то, что она легко поддается внушению. Однако на самом деле мне не удалось загипнотизировать ее.— Психиатр пожал плечами.— Возможно, она сопротивлялась. Но что удивительнее всего: уровень развития новой личности довольно высок. Это не двенадцатилетний ребенок. Здесь человек гораздо старше. И еще тот язык, на котором она разговаривала...— Врач уставился на лежавший перед каминном ковриком и задумчиво подергал себя за нижнюю губу.— Есть, конечно, похожее состояние, но мы знаем о нем совсем мало: это форма лунатизма, при которой у больного неожиданно проявляются способности и знания, которых никогда не было раньше. При этой форме вторая личность стремится разрушить первую. Однако...— Психиатр не закончил фразу и неожиданно взглянул на Крис.

— Это очень запутанно,— пробормотал он.— И я все значи-

тельно упрощаю. Ей следует обследоваться у нескольких специалистов в течение двух или трех недель. Проводить обследование нужно тщательно, скажем, в дэйтонской клинике Бэрринджер.

Крис опустила глаза.

— У вас есть затруднения?

— Нет. Все в порядке.— Она вздохнула.— Просто я потеряла «Надежду». Вот и все.

— Я не понял вас.

— Это моя личная трагедия.

Психиатр позвонил из кабинета в клинику Бэрринджер. Регану согласились сразу же принять и советовали привезти ее на следующий день.

Врачи ушли.

Крис вспомнила о Дэннингсе, и ей стало грустно. С размышлением о смерти нахлынули мысли о пустоте, о невыносимом одиночестве и спокойствии под землей, где нет никакого движения, никакого движения... Она заплакала. Это слишком. Я не могу... Потом Крис успокоилась и начала собирать вещи.

Крис стояла в своей спальне и выбирала парик для поездки в Дэйтон. Неожиданно в дверях появился Карл. Он сообщил, что к ней кто-то пришел.

— Кто там?

— Детектив.

— И он пришел ко мне?

Карл кивнул. Потом передал ей визитную карточку. Крис бегом пробежала ее. УИЛЬЯМ Ф. КИНДЕРМАН.— стояло на визитке, — ЛЕЙТЕНАНТ, а в нижнем левом углу, как забытая всеми сирота, приткнулась еще одна надпись: «Отделению по расследованию убийств». Отпечатана она была замысловатым готическим шрифтом; отдать предпочтение такой изощренной форме букв мог, очевидно, только какой-нибудь любитель древности.

Крис оторвала взгляд от карточки. В душе у нее зародилось смутное подозрение.

— Карл, а нет ли у него в руках чего-нибудь такого, что может оказаться рукописью сценария? Какого-нибудь большого конверта, или свертка, или чего-нибудь в этом роде?

Карл отрицательно покачал головой. Крис стало любопытно, и она поспешила вниз. Бэрк? Может быть, это имеет какое-то отношение к Бэрку?

Детектив тоскливо слонялся по залу, зажав свою бесформенную шляпу в толстых, коротких, только что наманикюренных пальцах. Это был пухлый человек лет пятидесяти. Толстые щеки лоснились от частого и тщательного употребления хорошего мыла. На нем болтались мятые брюки, потертые и мешковатые, никак не соответствующие его прилежному уходу за собственным телом. Старомодное твидовое пальто бесформенно висело. Его карие, влажные, немного раскосые глаза были, казалось, постоянно обращены в прошлое, в них отражалась тоска по ушедшему времени. Крис заметила, что дыхание детектива было напряженное, с подкашливанием, как у астматика.

Она подошла ближе. Детектив протянул ей руку и заговорил каким-то болезненно хриплым шепотом:

— Ваше лицо я бы узнал в любом гриме, миссис Макнейл.

— Разве на мне сейчас грим? — искренне удивилась Крис, пожимая его руку.

— О Боже мой, конечно, нет, — поспешно поправился он и замахал рукой, как будто отгонял муху. — Это формальность. Вы сейчас заняты, давайте завтра. Я приду завтра еще раз.

Он повернулся и собрался было уходить, но Крис взволнованно спросила:

— А что случилось? Бэрк? Бэрк Дэннингс?

Беспечность детектива еще сильнее взбудоражила ее интерес и беспокойство.

— Мне даже неудобно. Неловко как-то, — вздохнул тот, опустив глаза.

— Его убили? Вы из-за этого пришли ко мне? Его убили? Да?

— Нет-нет. Это простая формальность, — повторил детектив. — Ничего особенного. Ведь вы понимаете, он был знаменитым человеком, поэтому мы не могли оставить все просто так. Мы не могли, — чуть ли не извиняясь, продолжал он. — Только один или два вопроса. Он упал? Или, может быть, его кто-то подтолкнул? — Детектив ритмично покачивал рукой и головой. Потом пожал плечами и хриплым голосом добавил: — Кто знает?

— Его не ограбили?

— Нет, его не ограбили, миссис Макнейл, его никто не грабил.

244 Но в наше время ограбление — это не единственная причина для убийства. Сегодня, миссис Макнейл, искать повод для убийства очень хлопотно, это только лишняя обуза. Наркотики, проклятые наркотики. — Детектив недовольно замолчал. — Эти наркотики, ЛСД... — Он посмотрел на Крис и забарабанил пальцами по груди. — Поверьте мне, я сам отец и когда вижу, что происходит вокруг, у меня сердце разрывается. У вас есть дети?

— Да, один ребенок.

— Сын?

— Дочка.

— Так-так...

— Пойдемте в кабинет, — нетерпеливо перебила Крис и повернулась, чтобы проводить его.

— Миссис Макнейл, можно попросить вас об одном одолжении?

— Да, пожалуйста.

— Мой желудок. — На лице его появилось выражение нестерпимого мучения. — У вас не найдется стаканчика минеральной воды? Если это трудно, то не надо. Я ничем не хочу вас беспокоить.

— Нет-нет, это меня совсем не затруднит. Присядьте пока в кабинете. — Она показала, где находится кабинет, и пошла на кухню. — По-моему, у меня в холодильнике стоит одна бутылка.

— Нет-нет, я тоже пойду на кухню, — возразил детектив, следуя за ней. — Я так не люблю причинять лишние хлопоты.

— Ничего страшного.

— Да нет, я же вижу, что вы заняты. У вас есть дети? — спросил он по дороге на кухню. — Ах да, все правильно, у вас есть дочка, вы же мне говорили, все правильно. Одна дочка.

— Одна дочка.

— Сколько ей лет?

— Только что исполнилось двенадцать.

— Тогда вам еще рано волноваться. — Детектив вздохнул. — Еще рано. Вот немного попозже вам придется смотреть в оба. — Он покачал головой. Крис заметила, что походка у него была вразвалку. — Когда вы наблюдаете за происходящими в мире событиями, вы перестаете во что-либо верить. Это невыносимо. Все сошли с ума. Вы знаете, я как-то глянул на свою жену и сказал: «Мэри, весь мир находится в каком-то постоянном нервном напряжении. Все сошли с ума. Весь белый свет».

Они вошли на кухню. Карл чистил плиту. Он не заметил их и не оглянулся.

— Мне и правда так неловко, — хрипло пробормотал детектив и уставился на Карла. Взгляд его с любопытством скользил по его спине, рукам и шее. Так, наверное, маленькая птичка скользит по поверхности озера.

— Я встретился с известной кинозвездой, — продолжал он, — и прошу ее дать мне стакан минеральной воды. О Боже!

Крис нашла бутылку и теперь искала открывалку.

— Вам со льдом? — поинтересовалась она.

— Нет, просто так. Я люблю просто так.

Крис открыла бутылку.

— Вы помните фильм с вашим участием, который называется «Ангел»? — напомнил детектив. — Я смотрел его шесть раз.

— Если вы ищете убийцу, — съязвила Крис, наливая пузырящуюся шипящую жидкость, — то арестуйте продюсера и редактора.

— Нет-нет, фильм был превосходный, и мне очень понравился.

— Садитесь. — Она кивком указала на стул.

— Спасибо. — Детектив сел. — Нет, фильм был чудесный. Такой трогательный. Только одно упущение. Одна крошечная незначительная пометка. Спасибо вам большое.

Крис поставила стакан с водой и села напротив него, сложив руки перед собой на столе.

— Так вот, что касается небольшой погрешности, — как бы извиняясь, продолжал детектив. — Совсем маленькой. И уж, пожалуйста, поверьте, что я — дилетант. Вы же понимаете, я всего-навсего простой зритель. Но все же мне показалось, что музыкальное оформление в некоторых сценах действовало на нервы. Оно было слишком навязчивым. — Теперь детектив говорил начистоту и был увлечен разговором. — Из-за этой музыки я постоянно чувствовал, что нахожусь в кинозале. Вы меня понимаете? И что все действующие лица — это только симпатичные актеры. Это меня расстроило. А кстати, о музыкальном оформлении — композитор ничего не позаимствовал у Мендельсона?

Крис тихо барабанила пальцами по столу. Станный детектив.

И почему это он постоянно поглядывает в сторону Карла?

— Вот этого я не знаю,— отрезала Крис.— Но я рада, что фильм вам понравился. Лучше выпейте вот это.— Она указала на стакан с водой.— А то весь газ выйдет.

— Да-да, конечно, я заболтался. Вы заняты. Простите меня.— Детектив поднял стакан, как будто хотел произнести тост, и осушил его.— Вода хорошая, очень хорошая.— Отставляя стакан, детектив заметил фигурку птицы, слепленную Реганой. Птица стояла на столе, и ее клюв забавно свисал над солонкой и перочницей.— Необычная фигурка.— Детектив улыбнулся.— Симпатичная. Профессиональный скульптор?

— Моя дочь,— возразила Крис.

— Очень симпатичная птица.

— Видите ли, я не люблю, когда...

— Да-да, я понимаю, я причиняю много хлопот. Только один-два вопроса — и все. Даже один вопрос.— Он взглянул на часы, будто торопился на свидание.— Так как несчастный мистер Дэннингс закончил съемки в нашем городе, то мы подумали, может быть, в день катастрофы он ходил к кому-нибудь в гости. Кроме вас, у него были знакомые где-нибудь поблизости от этого места?

— Он был у меня в тот вечер,— уточнила Крис.

— Да? — Детектив удивленно поднял брови.— Как раз перед тем, как случилось несчастье?

— А когда это случилось? — заволновалась Крис.

— В семь часов пять минут,— ответил детектив.

— Да, примерно в это время.

— Тогда все становится понятно.— Киндерман кивнул и заерзал на стуле, как будто собирался подняться и уйти.— Он был пьян, а когда уходил домой, свалился с лестницы. Да, все становится понятно. Тогда для протокола скажите мне, во сколько приблизительно он ушел из дома?

— Я не знаю,— ответила Крис.— Я его не видела.

— Я не повял вас.

— Видите ли, он приходил сюда, когда меня не было дома. Я ходила в Рослинскую лабораторию.

— А, понимаю. Конечно. Но тогда откуда вы знаете, что он был здесь?

— Мне сказала Шарон.

— Шарон? — перебил детектив.

— Шарон Спенсер. Это мой секретарь. Она была здесь, когда заходил Бэрк, она...

— Он приходил к ней?

— Нет, ко мне.

— Да-да, конечно. Простите, что я вас перебил.

— У меня заболела дочка, и Шарон, оставив его с ней, пошла за лекарством. Когда я вернулась домой, Бэрк уже ушел.

— Когда это было?

— Семь пятнадцать или семь тридцать.

— А когда вы ушли из дома?

— Где-нибудь около четверти седьмого.

— Когда ушла мисс Спенсер?

— Я не знаю.

— Между уходом мисс Спенсер и вашим возвращением кто еще находился в доме с мистером Дэннингсом? Кроме вашей дочери?

— Никого.

— Никого? И он оставил ее одну?

Крис кивнула.

— Слуг не было?

— Нет. Уилли и Карл в это время.

— Кто они такие?

Крис почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Она вдруг поняла, что эта невинная беседа оказалась на деле самым настоящим допросом.

— Карл, вот он.— Она кивком указала на слугу. Тот все еще чистил плитку...

— А Уилли — его жена,— продолжила Крис.— Они ведут хозяйство. Я их отпустила вчера после обеда, а когда пернулась, их еще не было дома. Уилли...

Крис запнулась.

— Что Уилли?

— Да нет, ничего.— Она пожала плечами и отвела взгляд от мускулистой спины Карла. Крис заметила, что плита была абсолютно чистой. Почему же Карл так усердно скреб ее?

Крис достала сигарету. Киндерман дал ей прикурить.

— Итак, только ваша дочь знает, когда Дэннингс ушел из дома?

— Это был несчастный случай?

— Конечно. Это формальность, миссис Макнейл, простая формальность. Мистера Дэннингса не ограбили, и у него не было врагов. По крайней мере мы не знаем, чтобы такие были в нашем городе.

Крис на секунду взглянула на Карла и быстро перевела взгляд снова на Киндермана. Заметил ли он? Кажется, не заметил. Он ощупывал фигушку птицы.

— Эта птица ведь как-то называется, но я никак не могу вспомнить, как именно. Нет, не могу.— Детектив заметил во взгляде Крис легкое смущение.— Извините меня, вы так заняты. Еще минуточку — и все. Так вы говорите, ваша дочь не знает, когда ушел мистер Дэннингс?

— Нет, вряд ли. Ей ввели большую дозу снотворного.

— О, извините, мне так неловко, так неловко.— В его раскосых глазах появилось участие.— С ней что-нибудь серьезное?

— Боюсь, что да.

— Могу я узнать?.. — осторожно полюбопытствовал детектив.

— Мы еще сами толком не знаем.

— Опасайтесь сквозняков,— предупредил он.

Крис, казалось, ничего не слышала.

— Сквозняк зимой — прекрасное поле деятельности для микробов. Так говорила моя мать. Может быть. Но все эти приметы и народные мудрости для меня все равно что меню в шикарном французском ресторане: великолепный камуфляж всяких гадостей, вроде лягушек. есть которых просто так никогда не

придет вам в голову,— честно признался он.— Ее комната на втором этаже?

Крис кивнула.

— Не открывайте окно, и она скоро поправится.

— Вы знаете, там окно всегда закрыто,— заверила детектива Крис, пока он искал что-то во внутреннем кармане пиджака.

— Она выздоровеет,— повторил детектив нравоучительно.— И помните: немного предосторожности...

Крис снова забарабанила пальцами по столу.

— Вы заняты. Все, я уже ухожу. Только запишу кое-что для формальности, и все.

Он извлек из кармана отснятую на ротапринтере смятую программку школьной постановки «Сирано де Бержерака». Потом порылся в кармане пальто и достал замусоленный огрызок карандаша, заточенный, как показалось Крис, с помощью ножиц.

Детектив развернул программку на столе и попытался ее разглядеть.

— Только пару фамилий,— вздохнул он.— Спенсер пишется через два «е»?

— Да, через два «е».

— Через два «е»,— бормотал детектив, записывая фамилию на полях программки.— А ваши слуги? Джон и Уилли...?

— Карл и Уилли Энгстром.

— Карл. Ну да, правильно, Карл. Карл Энгстром.— Он записывал имена крупным шрифтом.— Я вспоминаю времена,— отвлекся детектив, поворачивая программку в поисках чистого места,— я вспоминаю... Нет, подождите. Я совсем забыл. Да, так насчет ваших слуг, когда, вы говорили, они пришли домой?

— Я еще ничего об этом не говорила. Карл, вчера вечером ты когда вернулся домой?— обратилась Крис к слуге.

Швейцарец обернулся с невозмутимым лицом.

— Ровно в девять часов тридцать минут, мадам.

— Да, верно, ты забыл дома ключи. Я вспомнила, что посмотрела на часы, когда ты позвонил в дверь.

— Интересную картину смотрели?— поинтересовался у Карла детектив.— Я никогда не хожу на фильмы после рекламы,— объяснил он, обращаясь к Крис.— Мне важно, что о фильме думают живые люди, зрители.

— «Король Лир» с участием Скофилда,— отчетливо произнес Карл.

— А, этот фильм я уже видел. Прекрасный фильм. Отличнейший фильм.

— Да. В кинотеатре «Крэст»,— продолжал Карл.— Шестичасовой сеанс, вечерний. Сразу после фильма я сел в автобус.

— Это не так важно,— попытался убедить его детектив.— Помилуйте.

— Мне не трудно.

— Ну, если вы настаиваете...

— Я вышел на пересечении Висконсин-авеню и М-стрит. Было где-то около двадцати минут десятого. Потом я шел пешком до дома.

— Что вы, помилуйте, это уж совсем не важно, — заверил его детектив. — Но тем не менее большое спасибо. Вы мне очень помогли. Вам понравилось кино?

— Великолепный фильм.

— Да, я с вами вполне согласен. Ну, а теперь... — Киндерман повернулся к Крис, продолжая что-то записывать на программке. — Я потратил столько вашего времени, но это ведь моя работа. Еще минуточку, и я уйду. Трагично. Как трагично. Такой талант. И такой человек. Он умел обращаться с людьми. С такими людьми, от которых зависело, будет фильм хорошим или нет: с оператором, со звукооператором, с композитором, ну, и с другими... Пожалуйста, поправьте меня, если я заблуждаюсь, но мне кажется, что такой знаменитый человек должен стоять в одном ряду с Дэйлом Карнеги, например. Может быть, я не прав?

— Иногда Бэрка удавалось вывести из себя, — вздохнула Крис.

Детектив положил программку на место.

— Ну, возможно, такое бывает у всех великих людей, у всех знаменитостей, а он ею был. — Киндерман опять что-то записал. — Многое зависит и от маленьких людей, так сказать, от серой массы. Эти люди отвечают за всякие мелочи, а эти мелочи вместе составляют немаловажные детали. Как вы считаете?

Крис бросила взгляд на свои ногти и решительно покачала головой.

— Если Бэрк и сердился, он никогда никого не унижал, — заявила она, и на ее лице появилась чуть заметная горькая улыбка. — Сэр, когда он напивался, такое, может быть, и случилось.

— Ну вот и все. Теперь мы закончили. — Киндерман поставил последнюю точку. — О нет, подождите. — Он вдруг спохватился. — А миссис Энгстром? Они ушли и пришли вместе? — Детектив махнул рукой в сторону Карла.

— Нет, она ходила смотреть фильм с участием «Битлз» и пришла через несколько минут после меня.

— Зачем я это спросил? Это не имеет никакого значения. — Киндерман пожал плечами, сложил программку и засунул ее в карман пиджака с карандашным огрызком. — Ну вот и все. Когда я вернусь в контору, безусловно, вспомню, о чем забыл вас спросить. У меня всегда так бывает. Тогда я вам позвоню.

Детектив шумно выдохнул воздух и встал.

Крис поднялась вместе с ним.

— Вы знаете, я уезжаю из города недели на две, — сказала она.

— Это не срочно, — успокоил ее детектив, посмотрел на фигурку птицы и улыбнулся. — Симпатичная. Очень симпатичная птичка.

Потом взял ее в руки и потер клюв большим пальцем.

Крис нагнулась и подняла с пола какую-то нитку.

— У вас хороший врач? — вдруг спросил детектив. — Я имею в виду врача, который лечит вашу дочь.

Он поставил фигурку на место и собрался уходить. Крис

пошла за ним, наматывая по дороге нитку на большой палец.

— У меня их очень много,— тихо проговорила она.— Но сейчас я хочу, чтобы ее обследовали в клинике. Там занимаются примерно тем же, что и вы, только объектом внимания врачей являются бактерии и вирусы.

— Будем надеяться, что со своей работой они справляются лучше меня. Эта клиника находится не в городе?

— Нет, не в городе.

— Хорошая?

— Посмотрим.

— Держите девочку подальше от сквозняков.

Они дошли до парадной двери. Киндерман взялся за ручку.

— Я мог бы сказать, что мне было очень приятно, но в связи с такими обстоятельствами... Извините, ради Бога. Мне так неловко.

Крис, скрестив руки, рассматривала коврик. Не глядя на детектива, она кивнула в ответ.

Киндерман открыл дверь и вышел на крыльцо. Он еще раз повернулся к Крис и, уже надевая шляпу, откланялся:

— Желаю вашей дочери быстреешего выздоровления.

— Спасибо.— Крис тускло улыбнулась.— А вам — удачи в ваших делах.

Детектив кивнул, его взгляд был теплым и слегка грустным. Крис наблюдала, как Киндерман подошел к дежурной полицейской машине, ожидавшей его на углу перед пожарным гидрантом. Он рукой прижимал к голове шляпу, спасая ее от порывов южного ветра. Полы его пальто трепетали. Крис закрыла дверь.

Киндерман сел в полицейскую машину, потом обернулся и еще раз взглянул на дом. Ему почудилось, что в комнате Реганы произошло какое-то движение: гибкая, едва различимая тень мелькнула и тут же скрылась. Киндерман не мог точно сказать, было ли это на самом деле или ему показалось. Но он заметил, что ставни раскрыты. Странно. Он немного подождал. Но никто не появлялся. Детектив нахмурился, потом открыл бардачок и вынул оттуда маленький коричневый конверт и перочинный ножик. Он раскрыл конверт и с помощью крошечного лезвия выскреб из-под ногтя большого пальца краску, содранную с фигурки птицы. После этого он заклеил конверт и кивнул шоферу-сержанту. Машина поехала.

Конверт Киндерман положил в карман.

— Не спеши,— предупредил он шофера, увидев, что впереди образовался затор, и устало потер глаза руками.— Это работа, а не удовольствие. Что за жизнь. Что за жизнь!

Вечером, в тот момент, когда по дороге в дэйтонскую клинику доктор Кляйн делал Регане успокаивающий укол, лейтенант Киндерман задумчиво стоял в своем кабинете, опершись ладонями о стол. Он сосредоточенно пытался увязать воедино имевшиеся факты. Изучал заключение патологоанатома о смерти Дэннингса.

«...повреждение спинного мозга, перелом костей черепа и шеи. Многочисленные ушибы, разрывы и ссадины; кожа шеи растя-

нута. На ней кровоподтеки. Сдвиги грудинно-сосковой, пластырной, трапециевидной и различных мелких мышц шеи. Перелом позвоночника. Сдвиг передних и задних связок спины...»

Киндерман выглянул из окна. Светилась ротонда Капитолия. Конгресс засиживался допоздна. Он опять закрыл глаза и вспомнил разговор с патологоанатомом, состоявшийся в ту ночь, когда умер Дэннингс.

«Это могло произойти в результате падения?»

«Нет, вряд ли. Видите ли, он был пьян, и мышцы, безусловно, были расслаблены. Если толчок оказался сильным и...»

«И если предположить, что он падал с высоты двадцати или тридцати футов...»

«Да, конечно. Кроме того, сразу после удара его голова должна была стукнуться обо что-то. Другими словами, при стечении этих условий оно, конечно, и могло привести к летальному исходу. Может быть. Я повторяю: может быть.»

«А мог ли это сделать другой человек?»

«Да, но он должен обладать большой силой.»

Киндерман проверил алиби Карла Энгстрема на момент смерти Дэннингса. Время сеанса в кинотеатре совпадало, совпадал и график движения транзитного автобуса. Кроме того, шофер автобуса, на котором Карл, по его собственному утверждению, возвращался домой, закончил работу и сменился на остановке, где Висконсин-авеню пересекает М-стрит, именно там, где, по словам Карла, он и сошел приблизительно в 9.20. Автобус немного запаздывал, но шофер успел нагнать время в дороге и приехал на остановку в 9.18.

На столе у Киндермана лежал еще один документ: обвинение Энгстрема в уголовном преступлении от 27 августа 1963 года. Он обвинялся в неоднократном хищении наркотиков на протяжении нескольких месяцев. Брал он их из дома врача в Беверли Хиллс, где служил вместе с Уилли.

«...родился 20 апреля 1921 года в Цюрихе (Швейцария), женился на Уилли Браун 7 сентября 1941 года. Дочь Эльвира родилась в Нью-Йорке 11 января 1943 года, адрес неизвестен. Подсудимый...»

А дальше шло совсем непонятное.

Врач, который, без всякого сомнения, должен был выиграть дело, неожиданно, не дав никаких объяснений, отказался от обвинения.

Через два месяца Энгстремы нанялись на работу к Крис Макнейл. Это означало, что врач дал им положительную рекомендацию.

Энгстром, безусловно, воровал наркотики, но медицинская экспертиза показала, что у него не было ни малейших признаков, изобличавших его как наркомана.

Почему?

Детектив все еще не открывал глаз. Он начал тихо декламировать «Бармаглота» Льюиса Кэрролла:

«— Варкалось. Хливкие шорьки...»

Это тоже помогало ему прояснить сознание.

Дочитав стихотворение, он открыл глаза и уставился на ротонду Капитолия. Попытался ни о чем не думать. Но, как и прежде, ему это не удавалось. Детектив вздохнул, и взгляд его упал на отчет полицейского психолога — об осквернении в Святой Троице.

«...статуя... фаллос... экскременты... Дэмьен Каррас...» Некоторые слова были подчеркнуты красным карандашом. Киндерман сидел немного в тишине, потом, достав пособие по колдовству и черной магии, открыл его...

«Черная месса... форма поклонения дьяволу. Ритуалы включают в себя: 1. Проповедь зла среди членов общины. 2. Совокупление с бесом (по общему мнению, болезненное, так как пенис беса обычно описывается как «ледяной»). 3. Различные осквернения, чаще всего сексуальные».

Киндерман нашел абзац, в котором описывались ритуалы, связанные с человеческими жертвами. Он медленно прочитал его, покусывая себя за подушечку указательного пальца. Закончив чтение, он нахмурился и покачал головой. В задумчивости детектив взглянул на лампу и выключил ее. Потом вышел из здания и поехал в морг.

Дежурный, сидевший за письменным столом, жевал бутерброд с ветчиной и сыром. Когда Киндерман подошел к нему, он быстро страхнул крошки с кроссворда.

— Дэннингс, — хрипло прошептал детектив.

Дежурный кивнул, записал в кроссворде какое-то пятибуквенное слово, потом поднялся и, прихватив с собой бутерброд, пошел по холлу. Киндерман последовал за ним, зажав в руке шляпу. Ему казалось, что вокруг пахнет тмином и еще чем-то, напоминающим горчицу. Они подходили к морозильным установкам, которые хранят тех, кто спит вечным сном без сновидений.

Они остановились у номера 32. Дежурный с безразличным выражением на лице выдвинул ящик с трупом. Потом откусил кусок бутерброда, и маленькая крошка ржаного хлеба, облитая майонезом, упала на саван. Некоторое время Киндерман смотрел вниз. Потом медленно и очень аккуратно отодвинул край простыни и увидел то, во что никак не хотел верить.

Голова Дэннингса была повернута на 180° и лежала затылком вверх.

Глава пятая

По глинистой овальной дорожке зеленой университетской низины в полном одиночестве бегал разминочным темпом Дэмьен Каррас. На нем были шорты цвета хаки и хлопчатобумажная рубашка с короткими рукавами, насквозь пропитанная потом. Впереди на холме белел известковый купол астрономической обсерватории. Сзади находилась медицинская школа, которую со всех сторон обступали холмы развороченной земли.

С тех пор как Дэмьена освободили от обязанностей советника, он приходил сюда каждый день. И накручивал круги, гонимая за здоровым, спокойным сном. Он уже почти выздоровел, вырвав из сердца цепкие когти горя. Теперь оно почти отпустило его.

Двадцать кругов...

Почти отпустило.

Еще! Еще парочку!

Почти отпустило...

Кровь гудела в его сильных мышцах. Длинными пружинистыми шагами Каррас огибал поворот и тут заметил человека, сидящего на той самой скамейке, где он оставил свитер, полотенце и брюки. Дэмьену показалось, что человек наблюдает за ним. Может быть, он ошибся? Нет... Человек повернул голову в том направлении, куда побежал Каррас.

Священник увеличил скорость и пошел на последний круг. Ему казалось, что от его шагов дрожит земля. Потом Дэмьен замедлил бег; тяжело и шумно вдыхая воздух, он перешел к ходьбе. Дэмьен прошел мимо скамейки, прижимая руки к бокам и не обращая на незнакомца никакого внимания. Мускулистая грудь и плечи сильно растянули рубашку и деформировали надпись «Философы», нанесенную на ткань с помощью трафарета. Когда-то эти буквы были черными. Но в результате частой стирки они потускнели и теперь едва прочитывались.

— Отец Каррас? — хрипло позвал лейтенант Киндерман.

Священник оглянулся и, прищурив глаза от солнечного света, кивнул. Он подождал, пока Киндерман подошел к нему, а потом жестом пригласил его пройти.

— Вы не возражаете? А то я упаду, — задыхаясь, пошутил он.

— Конечно, конечно, пожалуйста, — без особого энтузиазма согласился детектив и засунул руки в карманы.

— Мы не встречались раньше? — начал иезуит.

— Нет, святой отец. Нет, но мне кто-то говорил, что вы похожи на боксера. По-моему, какой-то священник, я уже не помню. — Детектив вытащил свой бумажник. — У меня совершенно нет памяти на имена.

— А свое собственное имя вы помните?

— Уильям Киндерман, святой отец. — Сыщик показал свое удостоверение. — Отдел по расследованию убийств.

— Правда? — Каррас рассматривал значок и удостоверение с нескрываемым мальчишеским любопытством. Его взмокшее, покрасневшее лицо выражало наивность. — А что случилось?

— Вы знаете, святой отец, — задумался на секунду Киндерман, вглядываясь в грубые черты лица священника, — вы действительно похожи на боксера. Извините меня, но этот шрам, вот этот, около глаза, делает вас похожим на Брандо из кинофильма «Портовый район». Вы настоящий Брандо. Вам, наверное, все об этом говорят, святой отец?

— Нет, не говорят.

— А вы когда-нибудь занимались боксом?

— Совсем немного.

— Вы из Вашингтона?

— Из Нью-Йорка.

— Клуб «Золотые перчатки»? Я угадал?

— Вы дослужитесь до капитана. — Каррас улыбнулся. — Чем я могу быть полезен?

— Замедлите немного шаг, пожалуйста. Эмфизема.— Детектив указал на свое горло.

— Извините.— Каррас пошел медленнее.

— Ничего. Вы курите?

— Да.

— Вам не следует курить.

— Да, конечно. А теперь объясните мне, в чем все-таки дело.

— Разумеется. Я заболтался. Между прочим, вы сейчас не заняты? — поинтересовался детектив.— Я не отрываю вас от чего-нибудь?

— От чего именно? — удивился Каррас.

— Может быть, от молитвы.

— Да, вы непременно будете капитаном.— Каррас загадочно улыбнулся.

— Извините, я что-нибудь упустил?

Каррас покачал головой, но улыбка не сходила с его губ.

— Я сомневаюсь, что вы вообще когда-либо что-либо упускаете,— возразил он.

Киндерман остановился и попытался придать своему лицу сконфуженное выражение, но, встретив взгляд священника, опустил голову и рассмеялся.

— Ну да. Конечно... конечно... вы же психиатр. Кого я хочу провести? — Он пожал плечами.— Вы знаете, святой отец, у меня такая привычка. Вы уж меня простите. У меня свои методы. Ну, хорошо, давайте остановимся, и я вам расскажу, о чем, собственно говоря, идет речь.

— Осквернения,— угадал Каррас, кивнув головой.

— Да, мой метод не удался,— спокойно заметил детектив.

— Извините.

— Ничего, святой отец, я заслужил это. Да, эти происшествия в церкви,— подтвердил он.— Верно. Но, помимо этого, и еще кое-что более серьезное.

— Убийство?

— Да. Отгадайте еще что-нибудь. Мне это нравится.

— Но вы же из отдела по расследованию убийств.— Иезуит пожал плечами.

— Это ничего не значит, Марлон Брандо. Ничего не значит Вам не говорили раньше, что вы очень умный священник?

— Моя вина,— пробормотал Каррас. Он продолжал улыбаться, хотя начал понимать, что помимо воли задел своего собеседника.— Я все же не понимаю, какая здесь связь?

— Послушайте, святой отец, можно мне надеяться, что этот разговор останется между нами? Конфиденциально? Так сказать, небольшая исповедь?

— Конечно.— Дэмьен открыто смотрел на детектива.— Так в чем дело?

— Вы знаете режиссера, который снимал здесь фильм, святой отец? Бэрка Дэннинга?

— Да, я видел его.

— Вы его видели.— Детектив кивнул головой.— Вы знаете, как он умер?

— Ну, из газет...— Каррас снова пожал плечами.

— Это только часть правды.

— Да?

— Только часть. Послушайте, а что вы знаете о поклонении дьяволу?

— Что?

— Терпение. Я вас подвожу к главному. Поклонение дьяволу — вам это знакомо?

— Немного.

— А все, что касается самих ведьм, не охоты за ними, а самих ведьм?

— Да, я когда-то писал статью по этому вопросу. — Каррас улыбнулся. — С точки зрения психиатрии.

— В самом деле? Отлично! Это большой плюс. Вы можете мне очень помочь, даже в большей степени, чем я ожидал. Послушайте, святой отец. Итак, о поклонении дьяволу... Осквернения. Они у вас никак не ассоциируются с поклонением дьяволу?

— Возможно. Такие ритуалы есть в черной мессе.

— Это уже хорошо. А теперь насчет Дэннингса. Вы читали, как он умер?

— Он упал.

— Ну что ж, я скажу вам. Пожалуйста, между нами.

— Конечно.

— Бэрка Дэннингса, святой отец, нашли у огромной лестницы. Ровно в семь часов пять минут его голова была свернута на спину, как у цыпленка.

Отчаянные крики раздались с бейсбольного поля, где тренировалась университетская команда. Каррас замер и посмотрел лейтенанту в глаза.

— Так это произошло не в результате падения? — наконец произнес священник.

— В принципе это возможно. — Киндерман пожал плечами. — Но...

— Маловероятно, — задумчиво продолжил Каррас.

— И что вам приходит в голову относительно поклонения дьяволу?

— Ну, — вымолвил наконец иезуит, — предположим, что бесы таким образом ломают шеи ведьмам. По крайней мере так утверждает легенда.

— Легенда?

— В основном да. Хотя, по-моему, некоторые люди умирали подобным образом. Наиболее вероятно, что это были члены сборища, которые либо отреклись от черной мессы, либо выдали ее секреты. Но это только догадка.

Киндерман кивнул.

— Точно. Я вспомнил о подобном убийстве в Лондоне. Это было уже в наше время. Вернее, не так давно, четыре или пять лет тому назад, святой отец. Я читал об этом в газетах.

— Да, я тоже читал, но все это оказалось газетной уткой. Я ошибаюсь?

— Нет, все верно, святой отец, абсолютно верно. Но в данном случае вы можете проследить некоторую связь между убийством

и осквернением в церкви. Может быть, это какой-то сумасшедший священник или некто, настроенный против церкви? А может быть, подсознательный протест...

— Большой священник,— пробормотал Каррас.— Вы об этом?

— Вы психиатр, святой отец, вот вы и скажите мне.

— Безусловно, в осквернениях есть психическое отклонение, какая-то патология,— задумался Каррас.— И если Дэннингса убили, то я считаю, что убийца страдает расстройством психики.

— И, возможно, что-то знает о поклонении дьяволу?

— Возможно?

— Возможно,— хмыкнул детектив.— Тот, кто подходит под эту статью, очевидно, живет где-то поблизости и имеет по ночам доступ в церковь?

— Большой священник,— тихо повторил Каррас и протянул руку к выгоревшим брюкам цвета хаки.

— Послушайте, святой отец, вам это, конечно, тяжело. Я все понимаю. Но ведь для священников на территории университета вы — психиатр, святой отец.

— Нет, у меня теперь другие обязанности.

— В самом деле? В середине года?

— Таков приказ ордена.— Каррас пожал плечами и стал надевать брюки.

— И все-таки вы должны знать, кто болен, а кто здоров. То есть вы понимаете, какую болезнь я имею в виду. Это вы должны знать.

— Совсем не обязательно, лейтенант. Совсем не обязательно. Если бы я и знал, это было бы чистой случайностью. Я не занимаюсь психоанализом. Мои обязанности — давать советы. Я действительно не знаю, кто бы это мог быть.

— Ах, ну да. Врачебная этика. Если бы вы и знали, то все равно не сказали бы.

— Скорее всего нет.

— Между прочим, это я вспомнил так, к слову. Такая этика очень часто идет вразрез с законом. Я не хочу утомлять вас мелочами, но не так давно одного калифорнийского психиатра посадили в тюрьму за то, что он не дал полиции определенных сведений о своем пациенте.

— Это угроза?

— Не говорите ерунду. Я сказал к слову.

— Я всегда смогу объяснить судье, что это была исповедь,— усмехнулся иезуит.

Детектив мрачно взглянул на Карраса.

— Хотите заняться делом, святой отец?

— Послушайте, я действительно ничего не скрываю,— объяснил он.— На самом деле. Но если бы я и знал этого больного священника, я не назвал бы его имени. Скорее всего я доложил бы об этом архиепископу. Но я даже приблизительно не могу себе представить, кто бы это мог быть.

— Ну ладно,— вздохнул детектив.— Если говорить честно, я не думал, что это мог быть священник. Если бы я объяснил, какие у меня подозрения, вы бы назвали меня ненормальным. Не знаю. Все эти общества и культы, где жизнь человеческая

и гроша ломаного не стоит. Начнешь задумываться. Чтобы идти в ногу со временем, надо быть чуточку сумасшедшим.

Каррас кивнул.

— Что написано на вашей рубашке? — спросил вдруг Киндерман.

— Что именно?

— На вашей футболке, — уточнил детектив. — Надпись «Философы».

— А-а, я читал лекции в одно время, — объяснил Каррас, — в Вудстокской семинарии штата Мэриленд. Я играл в низшей бейсбольной команде. Она называлась «Философы».

— А высшая?

— «Богословы».

— Странно все это, очень странно, — печально произнес детектив. — Послушайте, святой отец. Или я сошел с ума, или в Вашингтоне существует община Вейдм. Возможно ли это в наше время?

— Ну-ну, продолжайте, — подстегнул его Каррас.

— Значит, возможно.

— Я вас не понимаю.

— Вы мне точно не ответили и опять поступили очень умно. Вы играете роль защитника дьявола, святой отец, да-да, защитника. Может быть, вы не хотите показаться доверчивым. Суеверный священник и рациональный умница Киндерман. — Он постучал пальцем у виска. — Но гений находится рядом, это наш Век разума. Правильно. Ну скажите, я прав?

Иезуит посмотрел на детектива с уважением.

— Ну что ж, это довольно пронизательное замечание.

— Тогда ладно, — понизил до хрипа голос Киндерман. — Я вас еще раз спрашиваю: может ли сейчас в Вашингтоне существовать община Вейдм?

— Но я действительно не знаю, — задумался Каррас, сложив руки на груди. — Говорят, что где-то в Европе есть почитатели черной мессы.

— В наши дни?

— В наши дни.

— Такие, как в средние века, святой отец? Вы знаете, я многое читал об этом, между прочим, и о сексе, и о статуях, и еще бог знает о чем. Я не хочу вызывать у вас отвращения, но неужели они действительно этим занимались?

— Я не знаю.

— Но выскажите хотя бы свое мнение по этому поводу.

Иезуит рассмеялся.

— Ну хорошо. Тогда я считаю, что все это правдоподобно. По крайней мере я так думаю. Но здесь я исхожу только из патологии. Ну да, об этой самой черной мессе. Все, кто этим занимался, были, видимо, психически больными. В медицине даже есть специальный термин для подобного расстройства: сатанизм. Эти люди не могут получать сексуального наслаждения, если оно не связано с богохульством и осквернением святых. Это встречается не так уж редко даже в наше время.

а черная месса только подтверждает правильность моих слов. В отчетах парижской полиции можно и сейчас найти описание интересного случая, который произошел с двумя монахами. Сейчас вспомню. По-моему, это было в Крэпи. Эти два монаха пришли в гостиницу и начали ругаться, требуя трехместную кровать. Третьего они тащили с собой: это была статуя божьей матери в человеческий рост.

— О боже, это потрясающе,— выдохнул детектив.— Потрясающе.

— Но это самая настоящая правда. И она подтверждает, что все, прочитанное вами, основано на фактах.

— Да, секс... Может быть, может быть. Я теперь понимаю. Но это немного другое. Не важно. А ритуалы, связанные с убийствами, святой отец? Это тоже правда? Расскажите! Они берут кровь грудных младенцев?

— Я ничего не знаю о ритуальных убийствах,— проговорил Каррас.— Нет, не знаю. Но в Швейцарии одна акушерка на исповеди призналась, что убила около 30 или 40 младенцев во время черной мессы. Возможно, у нее вывели это под пытками,— поспешил добавить он.— Кто знает? Но говорила она убедительно. Акушерка рассказывала, что прятала в рукав длинную тонкую иглу, и, когда надо было принимать ребенка, она незаметно высовывала иглу и втыкала ее в родимчик на голове ребенка, а потом опять прятала иглу в рукав. После этого не оставалось никаких следов,— пояснил Каррас и взглянул на Киндермана.— Все считали, что ребенок родился мертвым. Вы слышали, что европейцы-католики весьма предосудительно относятся к акушеркам? Так вот, эта предосудительность вытекает именно отсюда.

— Это страшно.

— И в нашем веке встречается безумие. Во всяком случае...

— Подождите. Все эти истории... ведь их рассказывали под пытками, верно? Так что на них нельзя полностью полагаться. Сначала они подписывали свои признания, а уж потом кто-то другой мог их дополнить. Я хочу сказать, что в этих случаях не было ни клятв, ни, так сказать, предписания о представлении виновных перед судом для рассмотрения законности их ареста. Я прав?

— Да, вы правы, но тем не менее многие признания были сделаны добровольно.

— Кто же будет добровольно рассказывать о таких вещах?

— Ну, хотя бы те, у кого болела душа.

— Ага! Еще один достоверный источник!

— Конечно же, вы правы, лейтенант. Я выступаю в роли адвоката дьявола. Но есть одна вещь, часто нами забываемая: люди, у которых хватает духу сознаться в подобных делах, возможно, способны и совершить их. Ну, например, вспомним легенду об оборотнях. Конечно, это звучит смешно, ведь никто не может превратиться в дикого зверя. Но если человек поверит в то, что он оборотень, он и будет вести себя как оборотень.

— Ужасно. Только теория или факт?

— Ну, существовал же, например, Уильям Стампер. Или

Питер. Я точно не помню. Он жил в Германии в XVI веке, был уверен в том, что он оборотень, и убил больше 20 человек.

— Вы хотите сказать, что он сам признался в этом?

— Да, но думаю, что это признание было обосновано.

— Чем?

— Когда его поймали, он пожирал мозги двух своих молодых невесток.

Детектив и иезуит подошли к стоянке. Поравнявшись с полицейской машиной, Киндерман посмотрел на Карраса.

— Так кого же мне искать, святой отец? — спросил он.

— Сумасшедшего, — тихо ответил Дэмьен Каррас. — Возможно, наркомана.

Детектив задумался и, ни слова не говоря, кивнул головой. Потом повернулся к священнику:

— Хотите, подброшу? — предложил он, открывая дверцу машины.

— Спасибо, мне здесь близко.

— Не важно, садитесь! — Киндерман нетерпеливым жестом пригласил священника в машину. — Потом расскажете своим друзьям, что катались в полицейской машине.

Иезуит улыбнулся и опустил на заднее сиденье.

— Ну вот и хорошо. — Детектив шумно выдохнул воздух, откинулся назад и захлопнул дверцу.

Каррас показал дорогу. Они поехали на Проспект-стрит, к современному зданию, куда недавно перевели иезуитов. Каррас не мог больше оставаться в коттедже, понимая, что священники, привыкшие к его помощи, будут продолжать свои посещения.

— Вы любите кино, отец Каррас?

— Очень.

— Вы видели «Короля Лира»?

— У меня нет возможности.

— А я видел. У меня есть пропуск.

— Это хорошо.

— У меня есть пропуск на самые лучшие фильмы. Моя жена очень устает и поэтому никогда со мной не ходит.

— Это плохо.

— Да, это плохо, я не люблю ходить в кино один. Понимаете, мне нравится поговорить о фильме, поспорить, покритиковать его.

Каррас молча кивнул, глядя вниз на большие и сильные руки, зажатые между колен. Так прошло несколько секунд. Потом Киндерман неуверенно повернулся и, с хитринкой в глазах, предложил:

— Может быть, вы когда-нибудь согласитесь сходить со мной в кино, отец Каррас? Это бесплатно... У меня пропуск, — быстро добавил он.

Священник взглянул на него и улыбнулся.

— Как говорил Эльвуд Дауд в кинофильме «Гарвей»: когда?

— О! Я позвоню вам, позвоню! — Лицо детектива засветилось.

Они подъехали к дому и остановились.

Каррас взялся за ручку и открыл дверцу.

— Пожалуйста, позвоните. Извините, что я не смог вам помочь.

— Ничего, вы мне все-таки помогли.— Киндерман неуклюже помахал рукой. Каррас уже выходил из машины.

— Послушайте, святой отец, я совсем забыл,— вдруг остановил его Киндерман.— Совсем вылетело из головы. Вы помните ту карточку с осквернительным текстом? Ту самую, что нашли в церкви?

— Карточка с молитвами?

— Ну да. Она еще у вас?

— Да, она у меня. Я проверял латинский язык. Она вам нужна?

— Да, она, может быть, мне чем-нибудь поможет.

— Одну секундочку, сейчас принесу.

Пока Киндерман ждал около полицейской машины, иезуит прошел в свою комнату на первом этаже, выходящую окнами на Проспект-стрит, и взял карточку. Потом вышел на улицу и отдал ее Киндерману.

— Может быть, остались отпечатки пальцев,— предположил Киндерман, осматривая карточку, а потом добавил.— Хотя нет, вы же держали ее в руках. Хорошо, что я вовремя сообразил.— Он вглядывался в пластиковую обертку карточки.— Ага, подождите-ка, что-то есть, что-то есть!— Потом с нескрываемым ужасом детектив посмотрел на Карраса.— Вы ее вынимали отсюда?

Каррас усмехнулся и кивнул.

— Ну, это не важно, может быть, мы что-нибудь все-таки найдем. Кстати, вы ее изучали?

— Да.

— Ваше заключение?

Каррас пожал плечами.

— На шутника не похоже. Сначала я подумал, что текст сочинил какой-то студент. Но теперь я в этом сомневаюсь. У того, кто писал эти строки, несомненно, сильное психическое расстройство.

— Как вы и говорили.

— И латынь...— Каррас нахмурился.— Текст не безликий, лейтенант, здесь чувствуется определенный стиль, вполне индивидуальный стиль. Человек, который это писал, должен думать на латинском языке.

— А священники думают на латыни?

— Ну-ну, продолжайте!

— Ответьте на вопрос, мистер Вечно-Подозревающий.

— Да, на определенной стадии освоения языка это бывает. По крайней мере у иезуитов и некоторых других священников. В Вудстокской семинарии некоторые философские дисциплины читались на латыни.

— Почему?

— Для четкости мышления. Это стройная система.

— Ага, понимаю.

Каррас посерьезнел:

— Послушайте, лейтенант, можно, я скажу вам, кто, по моему, действительно сделал это?

Детектив придвинулся к нему:

— Кто же?

— Доминиканцы. Поищите среди них.— Каррас улыбнулся, помахал на прощание рукой и пошел.

— Я вам сказал неправду! — вдруг крикнул ему вслед лейтенант.— Вы похожи на Саль Минео!

Киндерман следил взглядом за священником. Тот еще раз махнул рукой и вошел в здание. Детектив повернулся, уселся в машину, вздохнул и пробормотал:

— Он колеблется, колеблется. Совсем как камертон под водой.

Новая комната Карраса была обставлена скромно: односпальная кровать, удобный стул, письменный стол и книжные полки, встроенные в стену. На письменном столе стояла старая фотография его матери, а в изголовье кровати молчаливым упреком висело металлическое распятие.

Эта узкая комната вполне устраивала Карраса и являла собой его мир. Дэмьен не заботился о вещах, главное, чтобы они всегда были чистыми. Каррас принял душ, быстро побрился. Надев брюки цвета хаки и рубашку с короткими рукавами, он легкой походкой направился в столовую для священников. Здесь он заметил розовощекого Дайера, одиноко сидящего в углу.

— Привет, Дэмьен! — поздоровался Дайер.

Каррас кивнул и, встав рядом со стулом, скороговоркой пробубнил молитву. Потом благословил себя, сел и поздоровался с другом.

— Ну, как дела у бездельника? — пошутил Дайер, пока Каррас развешивал на коленях салфетку.

— Кто это бездельник? Я работаю.

— Читая одну лекцию в неделю?

— Здесь важно качество, — возразил Каррас. — Что на обед?

— А по запаху не определишь?

— Кошмар! Кислая капуста да конская колбаса.

— Здесь важно количество, — с напускной серьезностью парировал Дайер.

Каррас покачал головой и протянул руку к алюминиевому кувшину с молоком.

— Я бы не стал рисковать, — пробормотал Дайер, не меняясь в лице и намазывая масло на добрую половину пшеничного батона. — Видите там пузыри? Селитра.

— Мне полезно, — отрезал Каррас, пододвинул к кувшину свой стакан и услышал, как кто-то подошел к столу.

— Я наконец-то прочитал книгу, — весело сообщил подошедший.

Каррас поднял глаза и почувствовал болезненную тревогу, а потом свинцовую тяжесть в суставах. Он узнал священника,

приходившего к нему недавно за советом. Того самого, который не мог ни с кем подружиться.

— Да? И что же вы о ней думаете? — полюбопытствовал Каррас и поставил кувшин на место.

Молодой священник заговорил, а уже через полчаса вся столовая сотрясалась от смеха Дайера.

Каррас взглянул на часы.

— Не хочешь одеться? — спросил он молодого священника. — Можно пойти полюбоваться закатом.

Через некоторое время они уже стояли, облокотившись о перила лестницы, ведущей на М-стрит.

Рыжие лучи заходящего солнца освещали западную часть неба и мелкими красноватыми зайчиками разбегались по темной речной глади.

Однажды в это же время Каррас встретил Бога. Это было давно. Но, как покинутый любовник, он помнил об этом свидании.

— Красивое зрелище, — восхищался Дайер.

— Да, — согласился Каррас. — Я стараюсь приходить сюда каждый вечер.

Университетские часы начали отбивать время. Было семь часов вечера.

В 7 часов 23 минуты лейтенант Киндерман изучал спектрографические данные, подтверждавшие, что краска, отколушенная с птицы Реганы, была идентична краске с оскверненной статуи девы Марии.

А в 8 часов 47 минут в трущобах северной части города бесстрашный Карл Энгстром вышел из запущенного, полуразвалившегося жилого дома, прошел три квартала к автобусной остановке, минуту подождал, не меняя выражения лица, а потом вдруг согнулся и зарыдал, опершись о фонарный столб.

В это время лейтенант Киндерман был в кино.

Глава шестая

В среду, 11 мая, они вернулись домой. Регану положили в кровать, установили замки на ставнях и убрали все зеркала из ее спальни и ванны.

«...все меньше и меньше работает ее сознание, а во время припадков она полностью отключается. Это новый симптом, и, пожалуй, он исключает истерию. В то же время проявились другие симптомы в области, которую мы называем парапсихологическим феноменом...»

Пришел доктор Кляйн. Крис вместе с Шарон наблюдали, как он демонстрировал им необходимые действия по подключению Регане питания во время комы. Он показывал им носожелудочную трубку:

— Сначала...

Крис заставляла себя смотреть и в то же время не видеть

лица дочери, слушать врача и забыть о словах, произнесенных врачом в клинике...

Но они пробивались в ее сознание, как туман сквозь ветви деревьев.

Кляйн направил трубку в желудок Реганы.

— Сначала вы должны проверить, не попала ли жидкость в легкое,— инструктировал он, зажимая трубку, чтобы прекратить доступ сустава.— Если...

«...синдром разновидности такого расстройства, которое вряд ли встретишь еще где-нибудь, может быть только у примитивных народов. Мы называем это «сомнамбулическая одержимость». Честно говоря, мы мало об этом знаем, разве только то, что она начинается с конфликта или чувства вины, приводящего больного к впечатлению, будто в его теле находится посторонний разум, душа, если хотите.

Раньше, когда люди верили в дьявола, это вторгающееся существо считалось бесом. В современных случаях это чаще душа какого-либо умершего человека, знакомого больному прежде, которому он подсознательно может подражать мимикой, голосом, манерами и иногда даже воспроизводить черты лица этого знакомого. Говорят...»

264 После того, как мрачный доктор ушел, Крис связалась со своим агентом в Беверли Хиллз и безжизненным голосом сообщила, что не будет принимать участия в съемках. Потом она позвонила миссис Пэррин. Но последней не оказалось дома. Крис повесила трубку и почувствовала отчаяние.

Хоть бы кто-нибудь был рядом. Кто-нибудь, кто мог бы ей помочь...

«...есть более простые случаи, относящиеся к душам умерших, здесь редко встречается ярость, сверхактивность или мышечное возбуждение. Однако в большинстве случаев сомнамбулическая одержимость новой, вселившейся личности всегда злобно настроена и враждебно относится к первой. Ее основная цель — разрушить, замучить, а иногда даже уничтожить первую личность...»

В дом доставили несколько смиренных ремней. Крис, усталая и опустошенная, стояла и наблюдала, как Карл привязывал их к кровати и к рукам Реганы. Когда Крис поправляла Регане подушку, швейцарец выпрямился и с жалостью глянул в искаженное лицо девочки.

— Она выздоровеет? — спросил он. Крис уловила участие в его голосе, но не смогла ответить... В тот момент, когда Карл обратился к ней, Крис нащупала под подушкой какой-то предмет.

— Кто положил сюда распятие? — возмутилась она.

«...Этот синдром — только проявление конфликта или какой-

то вины, поэтому мы и пытаемся выяснить причину. Самый лучший способ в этом случае — гипнотерапия, однако здесь мы не могли успешно ее применить. Поэтому выбрали наркосинтез — это вид лечения наркотиками, но, честно говоря, опять зашли в тупик.

— Так что же дальше?

— Время покажет. Боюсь, что теперь только время может все выявить. Мы попытаемся что-нибудь сделать и будем надеяться на перемены. Пока что придется положить ее в больницу...»

Крис отыскала Шарон на кухне в тот момент, когда та ставила на стол пишущую машинку. Шарон только что принесла ее из детской. Уилли около раковины резала морковь для рагу.

— Шар, это ты сунула распятие ей под подушку? — выпытывала Крис с напряжением в голосе.

— Что ты имеешь в виду? — опешила Шарон.

— Ты не клала?

— Крис, я не пойму, о чем ты говоришь. Послушай, я же тебе говорила еще в самолете: я рассказала Регане, что «бог создал мир», и еще, возможно, о...

— Хорошо, Шарон, я тебе верю, но...

— Я тоже ничего не клала, — проворчала Уилли.

— Но ведь кто-то положил его туда, черт возьми! — взорвалась Крис и тут же накинулась на Карла, открывавшего холодильник.

— Я тебя еще раз спрашиваю: это ты положил распятие ей под подушку? — Голос ее почти срывался.

— Нет, мадам, — спокойно возразил Карл, заворачивая кусочки льда в полотенце. — Нет. Не знаю никакого креста.

— Но этот идиотский крест не мог сам попасть туда! Кто-то из вас врет! Отвечайте все: кто сунул его туда?! Кто? — Она вдруг тяжело опустилась на стул и зарыдала, закрыв лицо руками. — Простите меня, ради Бога, простите, я не соображаю, что делаю, — всхлипывала Крис. — О боже, я ничего не понимаю!

Уилли и Карл молча смотрели на нее. Шарон успокаивающе дотронулась до ее шеи.

— Ну перестань. Все хорошо, все хорошо.

Крис вытерла лицо рукавом.

— Да, я понимаю, что тот, кто это сделал, хотел как лучше.

«...Послушайте, я вам снова и снова повторяю, вы лучше поверьте мне: я не отдам ее ни в какой сумасшедший дом!

— Это...

— Мне не важно, как вы это называете! Но я должна видеть ее все время!

— Тогда извините.

— Конечно! «Извините»! О боже! Сотня докторов, и все, что вы мне можете сказать, это ваше идиотское...»

Крис затянулась сигаретным дымом, потом нервно затушила

бычок и поднялась в спальню Реганы. В сумерках Крис разглядела прямую фигуру, сидящую на стуле у кровати Реганы. «Что он тут делает? — удивилась она. — Карл?»

Крис подошла ближе, но швейцарец даже не взглянул на нее, продолжая пристально смотреть на девочку.

Рука Карла была протянута вперед, касаясь лица Реганы. Что у него в руке?

Крис приблизилась к кровати и различила самодельный компресс со льдом, который Карл наспех соорудил на кухне. Швейцарец пытался охладить девочке лоб.

Крис была тронута и с удивлением наблюдала за этой картиной. Заметив, что Карл не обращает на нее внимания и не двигается, она повернулась и тихо вышла из комнаты...

«... внешняя случайность, ведь одержимость редко связывают с истерией, поскольку корни синдрома почти всегда ведут к самовнушению. Должно быть, ваша дочь слышала об одержимости, верила в нее, знала симптомы, поэтому сейчас ее подсознание и воспроизводит синдром. Если это возможно установить, тогда и лечение надо проводить на основе самовнушения. В таких случаях, мне думается, сыграло бы на руку потрясение. Хотя, вероятно, большинство терапевтов с этим не согласятся.

Ну, и как я уже говорил, повлиять может любая внешняя случайность. Поскольку вы возражаете против госпитализации своей дочери, я...

— Говорите же, ради Бога, что «я»?

— Вы когда-нибудь слышали о ритуале изгнания дьявола, миссис Макнейл?..»

Книги в кабинете были для Крис лишь частью обстановки, она не читала ни одной из них.

Теперь же Крис жадно всматривалась в названия, упорно искала...

«... специфический ритуал, во время которого раввины или священники пытаются изгнать духа. В настоящее время сохранился только у католиков. Для тех, кто считает себя одержимым, этот ритуал вполне действенное средство. Обычно этот метод срабатывает, здесь играет роль сила внушения. Вера больного в одержимость вызывает синдром, и в той же мере вера в изгнание беса может заставить исчезнуть все признаки одержимости. Этот... ну вот, вы уже нахмурились. Ну, может быть, здесь будет к месту рассказать вам об австралийских аборигенах. Они считают, что если какой-нибудь колдун мысленно на расстоянии пошлет им «луч смерти», то они обязательно должны умереть. И ведь в самом деле умирают! Ложаться и постепенно умирают! Единственное, что иногда спасает их, это то же самое внушение: аннулирующий луч, посланный другим колдуном!

— И вы хотите, чтобы я отвела ее к колдуну?

— Да. То есть я хочу сказать, что ее надо показать священни-

ку. Я понимаю, что это немного странный совет, возможно, даже опасный, ведь мы не уверены в том, что Регана хоть что-нибудь знала раньше об одержимости, и в частности об изгнании бесов. Как вы думаете, она могла об этом прочитать?

— Не думаю.

— Может быть, она видела это в кино? Или по телевизору?

— Нет.

— Может быть, читала Евангелие, Новый Завет?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Там есть упоминание об одержимых и о том, как Христос изгонял бесов. Описание признаков одержимости.

— Нет. Забудьте об этом. Слышал бы сейчас все это ее отец...»

Указательный палец Крис скользнул по корешкам книг. Ничего нет. Ни Библии, ни Нового Завета, ни...

Спокойствие!

Ее взгляд вернулся к заглавию книги, стоящей в самом низу. Это был один из томов о колдовстве, который ей прислала Мэри Джо Пэррин. Крис достала книгу и отыскала оглавление. Палец заскользил вниз по странице.

Вот!

Название главы пульсом отдалось в висках: «Состояние одержимости».

Крис захолопнула книгу и прикрыла глаза. Она растерялась...
Может быть... Может быть...

Крис открыла глаза и медленно побрела на кухню. Шарон печатала на машинке. Крис показала ей книгу.

— Шар, ты прочитала это?

Шарон продолжала печатать, не отрывая глаз от листа.

— Что именно прочитала? — переспросила она.

— Книгу о колдовстве.

— Нет.

— Это ты ее отнесла в кабинет?

— Нет. Я вообще ее не трогала.

— А где Уилли?

— Ушла на рынок.

Крис кивнула, что-то обдумывая. Затем поднялась в спальню Реганы и показала книгу Карлу.

— Карл, ты не ставил эту книгу в кабинет? На стеллаж?

— Нет, мадам.

— Может быть, Уилли, — пробормотала Крис, уставившись на книгу. Смутные ужасные догадки начали мучить ее. Неужели врачи в клинике Бэрринджер были правы? Неужели это правда, и Регана сама внушила себе психическое расстройство после прочитанного? Можно ли найти здесь описание подобного состояния? Что-то специфическое, что присутствует и в поведении Реганы?

Крис села за стол, открыла главу об одержимости и начала искать:

«Непосредственное явление, вытекающее как следствие веры в бесов, так называемая одержимость, — состояние, при котором

люди считают, что их физическим и моральным поведением руководит либо бес (наиболее часто в описываемый период), либо дух умершего человека. Это явление встречалось в истории во все времена и по всей территории земного шара. Его еще предстоит объяснить. После тщательного исследования Трагота Ойстраха, впервые опубликованного в 1921 году, этот вопрос практически не изучался. Достижения психиатрии почти ничего не добавляют по существу этого явления».

Крис нахмурилась. После разговора с врачом у нее сложилось другое впечатление.

«Известно следующее: некоторые люди подвергались таким изменениям, что для окружающих они становились совсем другими личностями. Менялись не только голос, манеры, выражение лица и характерные телодвижения, но и сам человек начал чувствовать, что он отличается от своего прошлого «я», и осознавал, что у него теперь иное имя (человеческое или дьявольское) и другая судьба...»

Симптомы... Где же симптомы? — нервничала Крис.

«... В малайском архипелаге, где одержимость до сих пор — обычное явление, вселившийся дух умершего часто заставляет одержимого повторять жесты усопшего, подражать его голосу и манерам до такой степени, что родственники усопшего часто впадают в истерику. Здесь можно столкнуться и с так называемой квазидержимостью — это может быть либо простое надувательство, либо паранойя или истерия. Проблема всегда состояла лишь в том, как объяснить явление, и самое древнее толкование этому — вселение духа. Такое толкование подтверждали еще тем, что вселившаяся личность вела себя совсем по-иному. В бесовской форме одержимости «бес», например, мог разговаривать на иностранном языке, неизвестном первой личности или...»

Вот! Это уже кое-что! Ее бред! Попытка воспроизвести какой-то язык. Крис торопливо продолжала читать:

«... или проявление парапсихологических способностей, например, телекинеза: перемещение предметов без использования материальной силы...»

Стук? Подпрыгивание кровати?

«В случаях вселения духа умершего происходят и такие явления, как описанный Ойстрахом эпизод с монахом, ставшим во время приступов одержимости способным и одаренным танцором, хотя до заблуждения никогда и нигде не танцевал. Такие явления могут быть весьма впечатляющими. Психиатр Юнг после изучения сеансов одержимости мог дать лишь частичное объяснение тем явлениям, которые бесспорно нельзя симулировать...»

Это уже звучало тревожно.

«... И Уильям Джеймс, величайший психолог Америки, указывал на «правдоподобность» духовного объяснения этого явления, после того как тщательно изучил так называемое «Чудо Вацека», девочку-подростка из Вацека в штате Иллинойс, кото-

руку нельзя было отличить от девочки по имени Мэри Рофф, умершей в сумасшедшем доме двенадцать лет назад...

Крис, нахмурившись, читала и не слышала, как в прихожей раздался звонок. Она не слышала, как Шарон перестала печатать и пошла открывать.

«Обычно считают, что демоническая форма одержимости восходит к истокам Христианства... На самом деле и одержимость, и изгнание бесов появились задолго до времени Христа. Древние египтяне, а также жители древнейших цивилизаций Тигра и Евфрата считали, что физические и духовные расстройства вызываются вторжением в организм бесов. Приводим в качестве примера заклинение против детских болезней в Древнем Египте: «Уйди прочь, исчадие тьмы, нос твой как крючок, а лицо наизнанку... Ты пришел лобзать мое дитя... Ты не смеешь...»

— Крис?

Увлечшись она продолжала читать дальше:

— Шар, я занята.

— К тебе явился детектив по делу об убийстве.

— О боже, Шар, скажи ему... — Крис задумалась. — Хотя не надо. — Она нахмурилась, все еще глядя в книгу. — Не надо. Пусть войдет. Пригласи его.

Послышались шаги.

Крис замерла в ожидании.

Чего я жду?

Детектив вошел вместе с Шарон. Комкая в руках шляпу, он сопел, почтительно склонившись немного вперед.

— Мне так неловко. Вы заняты, я вижу, вы заняты. Я вас побеспокоил.

— Ну, как ваши дела с миром?

— Очень плохо, очень плохо. А как ваша дочь?

— Никаких перемен.

— О, извините, мне ужасно неловко. — Детектив неуклюже топтался у стола. В глазах его проскальзывало участие. — Вы знаете, я бы вас никогда не стал беспокоить, у вас больна дочь, это так неприятно. Боже мой, когда моя Руфь болела, или нет, нет, это была Шейла, моя младшая...

— Пожалуйста, присаживайтесь, — перебила Крис.

— Да-да, спасибо. — Киндерман шумно выдохнул и с благодарностью уселся на стул напротив Шарон. Та опять принялась печатать письма.

— Извините, так на чем вы остановились? — возобновила разговор Крис.

— Ах, да, моя дочь, у нее... ах, ну, это не важно. — Детектив сменил тему. — Вы ведь заняты. А я тут лезу со своей жизнью, хотя о ней можно было снять целый фильм. В самом деле! Это просто невероятно! Если бы вы знали хоть половину из того, что происходило в моей сумасшедшей семье! Я расскажу вам всего один случай. Моя мама каждую пятницу готовила нам рыбный фарш. Так всю неделю, понимаете, всю неделю никто не мог помыться, потому что моя мамуля запускала в ванну карпа,

вот он там и плавал себе целую неделю, потому что моя мама, видите ли, считала, что это очищает его организм от ядов! Вы приготовились? Потому что... Ах, ну ладно... Этого достаточно.— Киндерман вздохнул и махнул рукой.— Иногда полезно посмеяться хотя бы для того, чтобы не расслабаться.

Крис безразлично смотрела на детектива и ждала...

— Вы читаете? — Киндерман взглянул на книгу о колдовстве.— Это нужно вам для фильма? — поинтересовался он.

— Просто читаю.

— Нравится?

— Я только начала.

— Колдовство,— пробормотал детектив. Вытянув голову, он попытался прочитать название книги.

— В чем дело? — рассердилась Крис.

— Да-да, извините. Вы заняты, я сейчас уйду. Как я уже говорил, я бы никогда не стал вас беспокоить, но тут...

— Что?

Детектив стал серьезным и положил руки на стол.

— Понимаете, миссис Макнейл, мистер Дэннингс...

— Ну?

— Черт побери! — яростно воскликнула Шарон и вынула испорченное письмо из машинки. Она скомкала его и швырнула в корзину для бумаг, стоящую около Киндермана.

— О, извините,— осеклась Шарон, заметив, что ее внезапная вспышка гнева перебила их разговор.

Крис и Киндерман смотрели на нее.

— Вы — мисс Фенстер? — обратился к Шарон Киндерман.

— Спенсер,— поправила Шарон и отодвинула стул, собираясь встать и поднять листок.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь,— затараторил Киндерман, нагибаясь и поднимая скомканный листок.

— Спасибо,— поблагодарила Шарон.

— Ничего. Извините, вы — секретарь?

— Шарон, это...

— Киндерман,— напомнил детектив.— Уильям Киндерман.

— Ну да. А это Шарон Спенсер.

— Рад познакомиться,— кивнул Киндерман блондинке. Она положила руки на машинку и с любопытством рассматривала его.— Возможно, вы нам поможете,— добавил детектив.— В ночь гибели мистера Дэннингса вы ушли в аптеку и оставили его одного в доме, верно?

— Не совсем. Оставалась еще Регана.

— Это моя дочь,— пояснила Крис.

Киндерман продолжал задавать вопросы Шарон.

— Он пришел повидать миссис Макнейл?

— Да.

— Он считал, что она скоро придет?

— Я ему сказала, что она должна вернуться очень скоро.

— Очень хорошо. А когда вы ушли? Вы этого не помните?

— Надо подумать. Я смотрела новости, поэтому... Ну да, верно. Я помню еще разозлилась, когда аптекарь заявил, что рассыльный мальчик уже ушел домой. Я тогда еще сказала:

«Ну-ну, а всего-то шесть тридцать». Значит, Бэрк пришел через десять или двадцать минут после моего разговора.

— Значит,— подытожил детектив,— он пришел сюда где-то в 6.45.

— А что все это значит?— заволновалась Крис, чувствуя в душе растущее напряжение.

— Понимаете, тут возникает вопрос, миссис Макнейл,— с хрипотцой в голосе произнес Киндерман, поворачиваясь к ней.— Приехать в дом, скажем, без четверти семь и уйти всего через двадцать минут...

— Ну и что? Это же Бэрк,— возразила Крис.— На него похоже.

— А похоже ли на мистера Дэннингса,— поинтересовался Киндерман,— посещать бары на М-стрит?

— Нет.

— Я так и думал. Я просто проверил. А имел ли он привычку ездить в такси? Обычно он вызывал машину из дома, когда собирался уходить?

— Да.

— Тогда приходится задуматься, зачем же он разгуливал по лестнице. Удивительно и то, что в таксопарках нет записи о заказе в тот вечер из этого дома,— добавил Киндерман.— Кроме той, где зафиксировано, что таксист заехал за мисс Спенсер ровно в шесть сорок семь...

— Я ничего не знаю,— пробормотала Крис. Голос ее был бесцветным... Она ждала...

— Вы же знали об этом!— крикнула детективу Шарон, потрясенная его словами.

— Да, простите меня,— извинился детектив.— Однако дело теперь приняло серьезный оборот.

Крис часто задышала, не сводя с Киндермана глаз.

— В каком смысле?— пролетела она неестественно писклявым голосом.

Детектив уперся подбородком в кулаки, все еще сжимающие скомканный листок.

— Судя по отчету патологоанатома, миссис Макнейл, вероятность случайной гибели исключена... Однако...

— Вы хотите сказать, что его убили?— Крис напряглась.

— Положение... Я понимаю, это очень неприятно.

— Продолжайте.

— Положение его головы и определенные травмы мышц шеи...

— О боже!— вскрикнула Крис.

— Да. Это неприятно. Извините. Мне ужасно неловко. Но, понимаете, в таком состоянии — детали можно упустить — в таком состоянии тело мистера Дэннингса могло оказаться, только пролетев определенное расстояние, ну, скажем, двадцать или тридцать футов. И только потом оно должно было скатиться по лестнице. Так что вполне вероятно, что... Но, позвольте, я сначала спрошу вас...

Детектив повернулся к нахмурившейся Шарон.

— Когда вы ушли, мистер Дэннингс был здесь? С девочкой?

— Нет, он был внизу... В кабинете.

— Может ли ваша дочь вспомнить,— Киндерман повернулся к Крис,— был ли в тот вечер мистер Дэннингс в ее комнате?

Была ли она когда-нибудь вообще с ним наедине?

— А почему вы об этом спрашиваете? Нет, я же говорила раньше: ей дали сильное успокоительное и...

— Да-да, вы мне говорили, это верно, я вспомнил. Но, может быть, она проснулась. Ведь это возможно?

— Нет. И потом...

— Когда мы с вами разговаривали в прошлый раз, она тоже спала после успокоительного?

— Да, она действительно спала,— вспомнила Крис.— Ну так что?

— Мне показалось, что в тот день я видел ее у окна.

— Вы ошиблись.

Киндерман пожал плечами:

— Может быть, может быть, я не уверен.

— Послушайте, почему вы все это спрашиваете? — вымолвила наконец Крис.

— Видите ли, есть вероятность, как я уже говорил, что покойный напился до такой степени, что споткнулся и выпал из окна спальни вашей дочери.

Крис отрицательно покачала головой:

— Этого никак не могло случиться. Во-первых, окно всегда закрыто, а во-вторых, Бэрк был всегда пьяный, но при этом всегда аккуратный и осторожный. Ведь так, Шар?

— Так.

— Бэрк даже работал «под мухой». Как же он мог споткнуться и выпасть из окна?

— Может быть, вы еще кого-нибудь ждали в тот вечер? — спросил Киндерман.

— Нет.

— Может быть, у вас есть друзья, которые заходят без звонка?

— Только Бэрк,— уверила его Крис.— А что?

Детектив опустил голову и, нахмурившись, начал разглядывать смятый листок в руках.

— Странно... это так загадочно. Покойный приходит навесить вас, остается только на двадцать минут, уходит, не встретив вас, и при этом оставляет тяжело больную девочку. Говоря точнее, миссис Макнейл, вы исключаете, что он мог упасть из окна. Кроме того, после падения он не мог получить такие травмы шеи. Такое происходит в одном случае из тысячи...

Детектив указал на книгу о колдовстве.

— Вы читали в этой книге про ритуальные убийства?

Крис отрицательно покачала головой. Предчувствие сковало ее.

— Может быть, не в этой книге,— засомневался Киндерман.— Однако простите меня, я упомянул об этом просто так, чтобы вы лучше подумали. Ведь бедного Дэннингса нашли со свернутой шеей. Именно подобным образом совершаются ритуальные убийства так называемыми бесами, миссис Макнейл.

Крис побледнела.

— Какой-то сумасшедший убил мистера Дэннинга,— продолжал детектив, пристально глядя на Крис.— Сначала я не говорил этого, чтобы не расстраивать вас. И, кроме того, теоретически это мог быть и несчастный случай. Но лично я так не думаю. Это мое мнение. Моя догадка. Я считаю, что его убил очень сильный человек. Это раз. Трещины на черепе — это два. И еще разные мелочи, о которых я говорил, допускают возможность того факта, что покойного убили, а потом столкнули из окна комнаты вашей дочери. Это могло произойти, если кто-то зашел к вам в промежутке между уходом мисс Спенсер и вашим приходом. Поэтому я и спрашиваю еще раз: кто мог зайти?

— О боже, подождите секунду! — потрясенно прошептала Крис срывающимся голосом.

— Да-да, извините... Это так неприятно. Возможно, я вовсе не прав, признаю... Но вы подумайте. Кто? Кто мог зайти?

Крис опустила голову и, нахмурившись, задумалась. Потом взглянула на Киндермана.

— Нет. Не могу никого вспомнить.

— Может быть, тогда вы, мисс Спенсер? — обратился детектив к Шарон.— Кто-нибудь к вам сюда приходит?

— О нет, никто,— удивилась Шарон, широко раскрыв глаза. Крис повернулась к ней:

— А твой жокей знает, где ты работаешь?

— Жокей? — переспросил Киндерман.

— Это ее друг, — пояснила Крис.

Шарон отрицательно покачала головой.

— Он никогда не приходил сюда. Кроме того, в тот вечер он был в Бостоне. У них там какой-то съезд.

— Он торговец?

— Нет, адвокат.

Детектив опять повернулся к Крис.

— А ваши слуги? У них бывают посетители?

— Нет. Никогда.

— Может быть, вы ждали в тот день посылку? Или какой-нибудь пакет?

— Я об этом ничего не знаю. А что?

— Мистер Дэннингс был — о мертвых плохо не говорят, царство ему небесное,— но, как вы выразились, «под мухой». В этом состоянии он был, ну, скажем, вспыльчив, возможно, мог к чему-нибудь придрататься и разозлить человека, в данном случае посылного, который зашел для того, чтобы передать вам что-то. Вы никого не ждали? Может быть, белье из чистки? Или что-нибудь из магазинов? Какой-нибудь сверток?

— Я действительно не знаю,— недоумевала Крис.— Все приносит Карл.

— Да, я понимаю.

— Хотите спросить его?

Детектив вздохнул и откинулся на спинку стула, засовывая руки в карманы пальто. Он хмуро уставился на книгу о колдовстве.

— Не важно, не важно. Это было давно. У вас ведь очень

больна дочь, и, пожалуйста, не волнуйтесь. Очень рад был с вами познакомиться, мисс Спенсер.

— Я тоже.— Шарон слегка кивнула.

— Загадочно,— покачал головой Киндерман.— Странно. Извините меня, я потревожил вас впустую.

— Ничего, я провожу вас до двери,— предложила Крис, думая о чем-то своем.

— Не беспокойтесь.

— Мне нетрудно.

— Ну, если вы настаиваете. Кстати, один шанс на миллион, я понимаю, но ваша дочь,— может быть, вы спросите ее, видела ли она мистера Дэннингса в своей комнате в тот вечер?

Крис шла, сложив руки.

— Послушайте, прежде всего у него не было причин подниматься к ней.

— Я понимаю, я все понимаю, это верно. Но ведь если бы в свое время английские ученые не задали вопрос: «А что это за грибок?» — у нас сегодня не было бы пенициллина. Не так ли? Пожалуйста, спросите ее. Вы спросите?

— Когда она достаточно поправится. Да, я спрошу.

— Я не хотел огорчать вас... — Они уже подошли к входной двери, когда Киндерман вдруг замаялся и в нерешительности приложил пальцы к губам: — Вы знаете, мне очень неловко просить вас, однако...

Крис напряглась в ожидании очередного удара. Предчувствие опять неприятно защекотало где-то внутри.

— Что такое?

— Для моей дочери... не могли бы вы дать автограф? — Детектив покраснел, и Крис чуть не рассмеялась от облегчения.

— О, конечно. Где карандаш? — засуетилась она.

— Вот он! — Киндерман одной рукой вынул из кармана пальто замусоленный карандашный огрызок, а другой — из пиджака — визитную карточку. — Она будет так благодарна.

— Как ее зовут? — спросила Крис, прижимая визитку к двери и приготовившись надписать ее.

Последовало какое-то непонятное замешательство. Крис слышала за спиной только тяжелое дыхание. Она обернулась на детектива и заметила в его глазах смятение.

— Я солгал,— выдавил он наконец.— Это для меня.

Киндерман уставился на визитку и покраснел.

— Напишите: «Уильяму».

Крис уставилась на него с неожиданной и чуть заметной нежностью, потом, взглянув на обратную сторону карточки, написала: «Уильям Ф. Киндерман, я люблю вас!» — и расписалась.

— Вы очень милая женщина,— заметил детектив, не глядя на Крис, и засунул карточку в карман.

— А вы очень милый мужчина.

Киндерман покраснел еще сильнее.

— Нет, я не милый. Я надоедаю. Не обращайтесь внимания на то, что я здесь наговорил. Это так неприятно. Забудьте об этом. Думайте только о вашей дочери. Только о дочери.

Крис кивнула, и подавленное настроение опять захватило ее, как только Киндерман вышел на крыльцо.

— Но вы спросите ее? — напомнил детектив, повернувшись к Крис.

— Да, — прошептала Крис. — Я обещаю. Я спрошу.

— До свидания. Будьте осторожны.

Крис еще раз кивнула и добавила:

— И вы тоже.

Она закрыла дверь. И тут же опять открыла ее, услышав стук.

— Как неприятно. Я так вам надоел. Я забыл у вас карандаш. — Его лицо выражало смущение.

Крис обнаружила у себя в руках огрызок, слабо улыбнулась и отдала его Киндерману.

— И еще... — Он колебался. — Это бесполезно, я понимаю, я уже надоел, но все же я не усну спокойно, если буду знать, что где-то сумасшедший или наркоман гуляет на свободе. Как вы думаете, мог бы я поговорить с мистером Энгстромом? Насчет доставок... По поводу доставок на дом. Мне, пожалуй, следовало бы это сделать.

— Конечно, входите, — чуть слышно проговорила Крис.

— Нет, вы заняты. Этого достаточно. Я могу поговорить с ним здесь. Здесь хорошо.

Он прислонился к перилам.

— Если вы так настаиваете... — Крис едва заметно улыбнулась. — Он с Реганой. Я его сейчас пришлю.

Крис поспешно закрыла дверь. Через минуту на крыльцо шагнул Карл. Высокий и статный, он смотрел на Киндермана прямым холодным взглядом.

— Да?

— Вы имеете право не отвечать мне, — начал Киндерман, так же прямо глядя ему в глаза. — Если вы не воспользуетесь этим правом, то все, что вы скажете, может быть использовано против вас на суде. У вас есть право переговорить с адвокатом или пригласить адвоката на допрос. Если вы желаете иметь адвоката, но не имеете средств, вам будет назначен адвокат бесплатно перед допросом. Вы поняли?

Птицы щебетали в густой листве деревьев, и гудки автомобилей с М-стрит доносились сюда приглушенно, как жужжание пчел на дальнем лугу. Взгляд Карла не изменился. Он коротко бросил:

— Да.

— Вы отказываетесь от права молчать?

— Да.

— Вы хотите отказаться и от права переговорить с адвокатом или пригласить его на допрос?

— Да.

— Вы утверждали ранее, что 28 апреля, в день смерти мистера Дэннингса, вы посетили кинотеатр «Крест»?

— Да.

— В котором часу вы вошли в кинотеатр?

— Я не помню.

— Вы утверждали, что ходили на шестичасовой сеанс. Это поможет вам вспомнить?

— Да. На шестичасовой сеанс. Я вспомнил.

— Вы смотрели эту картину с самого начала?

— Да.

— И ушли после окончания фильма?

— Да.

— Не раньше?

— Нет, я досмотрел до конца.

— После этого вы сели в транзитный автобус перед кинотеатром и сошли на пересечении М-стрит и Висконсин-авеню приблизительно в 9.20 вечера?

— Да.

— И пошли домой пешком?

— И пошел домой пешком.

— И были дома примерно в 9.30?

— Я был дома ровно в 9.30.

— Вы в этом уверены?

— Да, я посмотрел на часы. Абсолютно уверен.

— Так вы досмотрели фильм до самого конца?

— Да, я уже сказал.

— Ваши ответы записываются на магнитофон, мистер Энгстром, и я хочу, чтобы вы были уверены в том, что говорите.

— Я уверен.

— Вы помните ссору между служащим кинотеатра и пьяным зрителем, происшедшую за пять минут до окончания фильма?

— Да.

— Вы мне не можете назвать причину этого недоразумения?

— Этот мужчина напился и мешал другим.

— И чем все кончилось?

— Выставили. Его выставили из кинотеатра.

— А ведь никакой ссоры не было. А помните ли вы вынужденную паузу по техническим причинам, она продолжалась примерно 15 минут, и фильм был прерван.

— Нет.

— Вы помните, как возмущались зрители?

— Нет. Никакой паузы не было.

— Вы уверены?

— Ничего не было.

— Было, и это записано в журнале киномеханика, поэтому фильм кончился в тот вечер не в 8.40, а примерно в 8.55, а значит, самый первый автобус, который смог вас довести до пересечения М-стрит и Висконсин-авеню, подошел не в 9.20, а в 9.45. Дома вы могли быть не ранее чем без пяти десять, а не в 9.30, что подтвердила и миссис Макнейл. Теперь не смогли бы вы объяснить это загадочное несоответствие?

— Нет.

Несколько секунд детектив молча разглядывал его, потом вздохнул и, опустив голову, выключил магнитофон, спрятанный под подкладку пальто.

— Мистер Энгстром,— проникновенно начал Киндерман.— Возможно, совершено серьезное преступление. Вы под подозре-

нием. Мистер Дэннингс оскорблял вас, я узнал об этом из других источников. Очевидно и то, что вы говорили неправду относительно места вашего пребывания в момент его смерти. Иногда случается — все мы люди, почему бы и нет? — что женатый человек оказывается в таком месте, о котором ему не хотелось бы упоминать. Вы заметили, я устроил все так, чтобы мы разговаривали с вами наедине? Теперь я не записываю. Магнитофон выключен. Вы можете доверять мне. Если уж получилось, что в тот вечер вы были не с женой, а с другой женщиной, вы можете сказать мне об этом, я проверю ваше алиби, и вы не будете больше на подозрении, а ваша жена... она ничего не узнает. Скажите, где вы были в тот момент, когда умер Дэннингс?

На секунду в глубине глаз швейцарца что-то блеснуло, но тут же пропало.

— В кино! — упорно настаивал на своем Карл.

Детектив пристально смотрел на него. В тишине было слышно только его сильное дыхание. Шли секунды...

— Вы меня арестуете? — разорвал наконец тишину Карл. Голос его слегка дрожал.

Детектив не ответил и продолжал, не мигая, разглядывать швейцарца. Карл собрался что-то сказать, но детектив неожиданно спустился с крыльца и направился к полицейской машине, засунув руки в карманы.

Карл бесстрастно и спокойно наблюдал за ним с крыльца. Киндерман открыл дверцу машины, достал пачку салфеток, вынул одну и высморкался, безразлично уставившись на реку. Потом сел в машину и даже не оглянулся.

Карл взглянул на свою руку и заметил, что она дрожит.

Когда захлопнулась входная дверь, Крис стояла у стойки бара в кабинете и наливала водку в стакан со льдом. Она услышала шаги. Карл поднимался по лестнице. Крис взяла стакан и медленно направилась в кухню, помешивая напиток указательным пальцем. Она шла и ничего вокруг не замечала. Что-то вокруг пугающе изменилось. Ужас просачивался в ее сознание. Что там, за дверью? Что это?

Не смотри!

Крис вошла на кухню, села за стол и отхлебнула из стакана. «Я считаю, что его убил очень сильный человек...»

Взгляд ее упал на книгу о колдовстве.

Что-то...

Шаги. Это Шарон. Вернулась из спальни Реганы. Вот она вошла. Села за машинку. Вставила чистый лист бумаги в каретку.

Что-то...

— Довольно-таки неприятно, — пробормотала Шарон, опустив пальцы на клавиатуру и рассматривая стенограмму, лежащую рядом.

Тишина. Что-то тяжелое зависло в воздухе. Крис отсутствующе продолжала пить.

Шарон нарушила тишину. С напряжением в голосе она произнесла:

— Сейчас развелось много хиппи в районе М-стрит и Висконсин. Разные оккультисты. Полиция называет их «адовы собаки». Я подумала, может быть, Бэрк...

— О Боже, Шар! Забудь об этом, прошу тебя! — взорвалась Крис. — Я должна думать сейчас только о Рэгс! Ты понимаешь?

Шарон повернулась к машинке и застучала с бешеной скоростью. Потом резко поднялась и вышла из кухни.

— Я пойду погуляю, — холодно бросила она.

— Ради бога, держись подальше от М-стрит! — напутствовала Крис и опять устала на книгу.

— Ладно!

— И от Н-стрит тоже!

Крис слышала, как открылась и закрылась входная дверь. Она вздохнула и почувствовала, что жалеет о том, что произошло. Но вспышка сняла напряжение, не полностью, конечно.

Крис попыталась сосредоточиться на книге. Она нашла место, где остановилась, с нетерпением принялась пробегать страницу за страницей, отыскивая описание симптомов Реганы: «...бесовская одержимость... синдром... случай с 8-летней девочкой... ненормально... четыре взрослых человека едва могли удержать...»

Перевернув очередную страницу, Крис устала на нее и застыла.

Она услышала шум. Это Уилли вернулась с продуктами.

— Уилли?... Уилли?... срывающимся голосом позвала Крис.

— Да, мадам, — отозвалась Уилли, ставя на пол сумки. Не глядя на нее, Крис подняла книгу.

— Это ты положила книгу в кабинет, Уилли?

Уилли взглянула на книгу и кивнула, потом повернулась и принялась разгружать сумки.

— Уилли, где ты ее нашла?

— Наверху, в спальне, — ответила Уилли.

Она засовывала в холодильник бекон.

— Когда ты ее там нашла? — продолжала допытываться Крис, не отрывая взгляда от страниц.

— После того как все уехали в больницу, мадам, когда я пылесосила в спальне Реганы.

— Ты уверена?

— Уверена, мадам.

Крис застыла. Взгляд ее замер, дыхание остановилось. В ее памяти болезненно четко вспыхнула картина того вечера, когда умер Дэннингс. Она ясно вспомнила открытое окно в спальне Реганы. Что-то совсем знакомое шевельнулось в ее мозгу, когда она взглянула на первую страницу книги.

По всей длине страницы была аккуратно оторвана тоненькая полоска бумаги.

Крис дернулась, услышав наверху в спальне Реганы звуки возни.

Стук, очень частый, с мощнейшим резонансом, будто кто-то кувалдой молотил в комнатах!

Истошный крик Реганы, ее испуганный, умоляющий голос!

Карл! Это Карл что-то со злостью кричит Регане.

Крис выскочила из кухни.

О Бог мой, что там происходит?

Обезумев, она бросилась к лестнице в спальню. Крис услышала удар. Кто-то споткнулся, кто-то рухнул на пол, как тяжелый мешок.

Раздался крик Реганы:

— Нет! Нет! Прошу тебя, нет! — и потом жуткий голос Карла. Нет-нет, это не Карл! Там кто-то еще!

Крис пролетела через холл, задыхаясь, ворвалась в спальню и замерла в ужасе. Невероятные удары сотрясали стены. Карл без сознания лежал около письменного стола. Девочка волчком вертелась на кровати, а кровать подпрыгивала и тряслась. В руках Реганы сжимала белое костяное распятие и направляла его во влагалище, с ужасом уставившись на крест. Ее глаза почти вылезли из орбит от страха, все лицо было перепачкано кровью, сочащейся из носа, трубка для питания валялась рядом.

— Я прошу тебя! Нет! Ну, пожалуйста! — кричала девочка, а руки все ближе придвигали крест. Казалось, она изо всех сил пытается оттолкнуть распятие, но не может.

— Ты сделаешь то, что я говорю, мерзавка! Ты сделаешь это!

Ужасный бас, эти жуткие слова шли от Реганы, голос ее вдруг стал низким и грубым, свирепым и яростным, и в одно мгновение выражение ее лица изменилось, превратившись в дику бесовскую маску, виденную Крис на сеансе гипноза. И теперь лицо и голос менялись с невероятной скоростью. Оглушенная, Крис продолжала смотреть.

— Нет!

— Ты сделаешь это!

— Прошу тебя!

— Ты сделаешь это, или я убью тебя!

— Прошу тебя!

Глаза Реганы раскрылись еще шире, она невидяще уставилась перед собой, отступив перед какой-то страшной неизбежностью, открыла рот и закричала с неистовым отчаянием. Потом черты беса опять проявились на лице Реганы, комната наполнилась зловонием, и стало очень холодно, казалось, что этот холод шел от стен. Удары прекратились, и пронзительный крик девочки перешел в грудной, захлебывающийся злобный крик ликующего победителя. Регана ткнула распятие во влагалище и яростно начала глубже и глубже вонзать его, при этом она свирепо приговаривала все тем же низким, оглушительным басом:

— Теперь ты моя, ты моя, вонючая скотина!

Крис не могла пошевелиться, а Регана яростно бросилась на мать. Лицо ее изменилось до неузнаваемости, она вытянула руку, схватила Крис за волосы и дернула вниз.

— А-а-а! Мамаша маленькой хрюшки! — пророкотал тот же низкий голос.— А-а-а-а! — Затем рука, вцепившаяся в голову Крис, дернулась вверх, а другая сильно ударила ее в грудь. Крис отлетела от кровати и стукнулась головой о стену, а Регана продолжала злобно хохотать.

Крис в полуобморочном состоянии лежала на полу, перед ней мелькали какие-то лица, раздавались непонятные звуки. Перед глазами вертелось что-то бесформенное, расплывчатое, в ушах шумело и свистело. Крис пыталась встать, но это ей никак не удавалось. Она посмотрела на заляпанную кровью кровать, на дочь, лежащую к ней спиной, и поползла мимо Карла к кровати. Вдруг Крис съезжилась и подалась назад. Она разглядела, как голова дочери начала медленно поворачиваться вокруг неподвижного туловища, все круче и круче, пока Крис не показалось, что голова повернулась на 180°.

— Ты знаешь, что она сделала, твоя трахнутая девка? — захихикал знакомый голос.

Крис взглянула на это безумное ухмыляющееся лицо, на пересохшие растрескавшиеся губы, на лисьи глаза и потеряла сознание.

Окончание следует.

**Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА ЯЧМЕНЕВА, МАРИИ ПАВЛОВОЙ
и МАРИНЫ ЯКОВЛЕВОЙ.**

ИИИ ИИИ

ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ ТАМОЖЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНТНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ:

ПО КАФЕДРЕ ЭКОНОМИКИ И ТОВАРОВЕДЕНИЯ

- зав. кафедрой (доктор, кандидат наук) — 1 человек
- профессор кафедры (доктор наук) — 1 человек
- доцент кафедры (кандидат наук, доцент) — 2 человека
- старший преподаватель (кандидат наук, доцент, без степени) — 2 человека

ПО КАФЕДРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

- старший преподаватель (кандидат наук, доцент, без степени) — 6 человек

ПО КАФЕДРЕ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

- зав. кафедрой (доктор, кандидат наук) — 1 человек
- доцент кафедры (кандидат наук, доцент) — 2 человека
- старший преподаватель (кандидат наук, доцент, без степени) — 1 человек

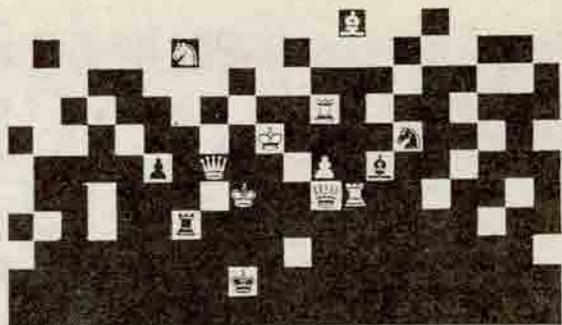
ПО КАФЕДРЕ ИНФОРМАТИКИ И ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

- зав. кафедрой (доктор наук, кандидат наук) — 1 человек
- доцент (кандидат наук, доцент) — 1 человек
- старший преподаватель (кандидат наук, доцент, без степени) — 2 человека

ПО КАФЕДРЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

- зав. кафедрой (доктор, кандидат наук) — 1 человек
- профессор кафедры (доктор наук) — 1 человек
- старший преподаватель (кандидат наук, доцент, без степени) — 7 человек

- ✉ Адрес института: 127591, Москва,
Керамический проезд, 59
- ☎ Тел. 481-99-25
- Начальник отдела кадров ИПК
Алла Петровна КУЗНЕЦОВА

33-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

282

Продолжаем публикацию заданий шахматной олимпиады. В соревновании могут принять участие все желающие.

Ответы на задания следует присылать только на открытках (без конвертов!) с пометкой «33-я шахматная олимпиада. 11-й тур». Последний срок отсылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 мая.

Конкурс составления задач-миниатюр

Журнал «Смена» объявляет всесоюзный конкурс составления задач-миниатюр по двум разделам: **двухходовки** и **трехходовки**. В каждом разделе установлены призы, почетные и похвальные отзывы. Оригинальные (нигде ранее не публиковавшиеся) задачи, изображенные на диаграммах, с полным авторским решением следует посылать в редакцию до 1 июля. На конверте необходимо сделать пометку «Конкурс составления миниатюр».

Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Рецензии на задачи не даются. Итоги конкурса будут опубликованы в журнале «Смена».

ВТОРОЙ ТУР

I

Белые: Крh1, Фf1, Лg2, Сg5 (4)
 Черные: Крh3, Се4, Кd4 (3)
Мат в 2 хода (1 балл)

II

Белые: Крh2, Фе5, Кf2, Кf6, п.g4 (5)
 Черные: Крh4, Фg6 (2)
Мат в 2 хода (1 балл)

III

Белые: Крг2, Лd2, Лd8 (3)
 Черные: Кре1, Ла1 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

IV

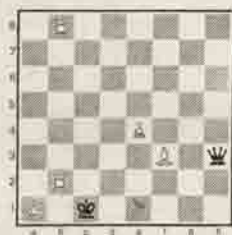
Белые: Крс1, Фb8 (2)
 Черные: Кра1, Фf6, Сс8, пп. с2, f4 (5)
Мат в 3 хода (2 балла)

V

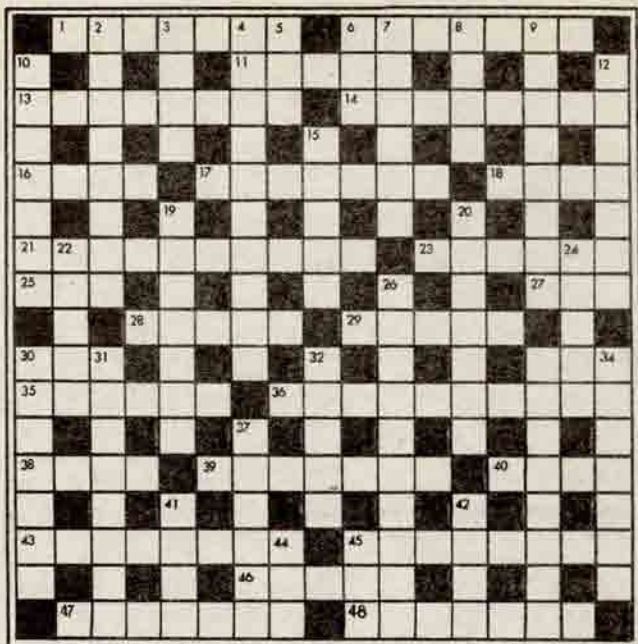

Белые: Крс5, пп. а6, с6, с7, d7 (5)
 Черные: Кра7, Фа8 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

VI

Белые: Кра1, Лb2, Лb8, Сf3, п. e4 (5)
 Черные: Крс1, Фh3 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

ЗРУДИТ

По горизонтали:

1. Дон-Кихот по сословию. 6. Золушка на Руси.
 11. Венчание в старину. 13. Связанный с темпом музыкальный знак, правильно расшифровать который по силам лишь музыканту с хорошим вкусом. 14. Незаконченная опера А. Бородина, за новое пасквильное либретто к которой Д. Бедный в 1936 году был низвержен с высоты своего положения. 16. «Римляне Нового Света». 17. Античный поэт, предтеча поэзии пессимизма. 18. Место, где перед битвой часто раскидывал ставку русский князь. 21. Древнегреческий ученый, считавший музыку главным «очистительным фактором» души. 23. Самый яркий представитель садового классицизма. 25. Французский поэт, творчество которого пронизано библейскими ассоциациями. 27. Змей-деспот в сербском эпосе. 28. Старинный английский и французский инструмент, который при игре опирали на левое колено. 29. Русский писатель, сообщавший в 1891 году из Неаполя: «А магазины!! У меня головокружение от магазинов. Сколько блеска!» И немного спустя: «Сим извещаю, что я уже вернулся из гнилого Запада». 30. Сказка о мироздании. 33. Конец. 35. Египетский бог, считавший сердца умерших. 36. Композитор, чей «Импровизация» с 1560 года Сикстинская капелла ежегодно исполняет в Страстную пятницу. 38. Французский историк, один из создателей теории классовой борьбы. 39. Произведение А. Ахматовой. 40. Птица, которая, по восточным поверьям, гнездясь в развалинах, сторожит зарытый в них клад. 43. «Поёт» при написании вместо

«пайот» (фонетическое явление). 45. ...очков (обман). 46. Мысль у Россини «всегда светла, светозарна, музыкальный ... так же прост и могуч, как у Гайдна и Моцарта» (А. Серов. «Россини»). 47. «Вечный двигатель прогресса». 48. «Луговая гадалка».

По вертикали:

2. Читательский наркотик. 3. Вечный тормоз прогресса. 4. Древнейшие обитатели Африки. 5. Старинная мера веса (три фунта). 6. Оселедец гайдамака или запорожского казака. 7. Первое философское порождение буржуазии. 8. Животное, с помощью которого на Тянь-Шане проводили по склонам гор арыки. 9. Поэма, написанная М. Цветаевой в березовой беседке. 10. Музей, о котором М. Алпатов сказал, что «его бесконечные анфилады текут, как русские реки, а его залы раскинулись, как необъятные равнины и моря». 12. Немецкий князь, сказавший, что страсти, как форели в озере: последняя съедает предпоследнюю. 15. Лишайник, без которого северный олень может погибнуть даже летом. 19. Первый легкий день недели. 20. Самый «опытный» сосуд. 22. Самоцвет, каким особенно славится Бирма. 24. Явление, закрывающее берега и открывающее настоящих моряков. 26. ...— рабство, знание — свобода. 30. Египетский ихневмон. 31. Японская гора, на которую поднимаются ночью. 32. Мешок для овса и продуктов в кавалерийском снаряжении. 33. Бумаго-марака. 34. Основоположник френологии. Он однажды заявил: «Я умру не естественной, природой обусловленной смертью, а приму ее от низкого злодея». Его убил пьяный солдат. 37. Ткань, названная по породе овец, в свою очередь, названной по горной местности в Великобритании. 41. «На светские ..., на блеск утомительный бала цветущие степи Украины она променяла» (начало стихотворения М. Лермонтова, посвященное М. Щербатовой). 42. Жилище, дверь которого киргизы украшали серебром. 44. Кетский бог, ведающий хорошими мыслями, которые в душе каждого человека борются с плохими. 45. «Паршивая овца», из-за которой неразумный купчина велел пересечь кошек в басне И. Крылова «Хозяин и Мыши».

ОТВЕТЫ

НА

«ЗРУДИТ»

НАПЕЧАТАННЫЙ

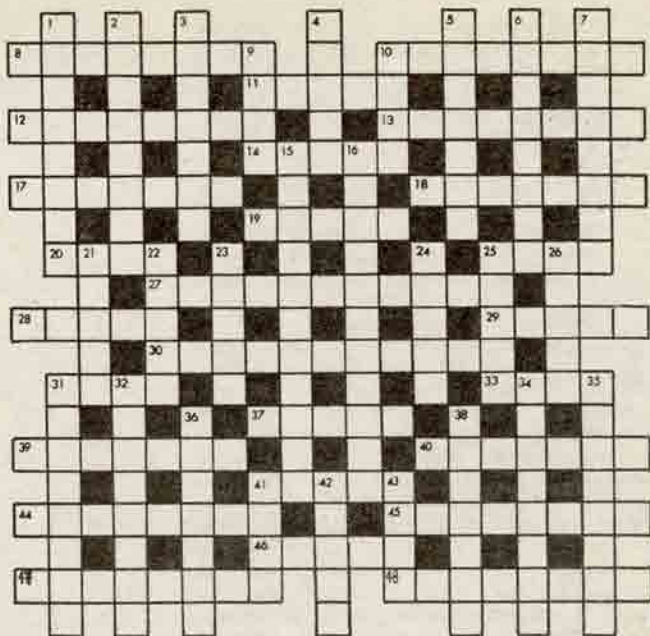
В № 1

По горизонтали:

1. Щукарь. 6. Эмоция. 10. ...вдова... 11. Допинг. 12. «Матрос». 13. Кларнет. 14. Ирис. 17. Рами. 19. Скука. 20. Гомер. 21. Чай. 25. Брандахлыст. 26. Лорка. 28. Осмий. 29. Дивизионизм. 31. Жок... 33. ...кучер... 34. Бареж. 37. Есть (буква). 39. Реал. 40. Лопахин. 42. Четник. 43. Минтай. 44. Пихта. 45. Гурман. 46. Гитара.

По вертикали:

1. Щедрин. 2. Каприс. 3. Ринг. 4. Удаль. 5. Твардовский. 7. Маат. 8. Циркач. 9. Янский. 12. Медяк. 15. Скандий. 16. Океан. 18. Маркиза. 22. Христос. 23. Аллитерация. 24. Пойнтер. 27. Шишак. 30. Лубок. 31. Жемчуг. 32. Ктитор. 35. Жертва. 36. Флейта. 38. Диета. 40. Липа. 41. Зизи.

КРОССВОРД
Составил
П. СИЛЬЧЕНКО,
село Лиски
Воронежской
области

По горизонтали:

8. Срочная почта в прежние времена. 10. Вкладчик капитала в дело, предприятие. 11. Сани бегут, а оглобли стоят (оглобля в отгадке). 12. Танец, название которого в переводе означает «гаванка». 13. Горный хребет в Магаданской области. 14. Город в дельте самой длинной реки мира. 17. Соотношение валют по содержанию золота. 18. Лес, в котором зимой находят корм лоси. 19. Сословие, против которого в первую очередь была направлена опричнина Ивана Грозного. 20. Озеро на юге Эфиопии. 25. Загородный дом. 27. Русская плясовая песня. 28. Входное отверстие печи. 29. Укрепленный военный лагерь на Руси. 30. Прощание. 31. ... честная! (при изумлении, испуге). 33. У пингвина два, а у кайры ни одного. 37. ... мраморный. По легенде, стены из него в иерусалимском храме Соломона, будучи без окон, пропускали достаточно света. 39. Идол. 40. Австрийский юрист; стал известным как актер и драматург. 41. Старинная быstroходная шляпка. 44. Город с домом-музеем В. И. Чапаева. 45. Ступень жизни. 46. Народ, живущий на острове Ява. 47. Морская рыба, развивающая скорость до ста тридцати километров в час. 48. Главный враг железа.

По вертикали:

1. Мост для пешеходов, транспорта или грузовых работ. 2. Имение Н. А. Некрасова. 3. Русский физик, чьи опыты по световому давлению принесли ему мировую славу. 4. Система оплаты услуг. 5. Сухое печенье. 6. Ко-

ренная жительница Владикавказа. 7. Система взаимоотношений власти и народа. 9. Денежная единица Восточной Грузии в XVII веке. 10. Блеск, переливы драгоценных камней. 15. Вновь созданный механизм, технология. 16. Пристань на Аяте, притоке Тобола. 21. Войлочный плащ на Кавказе. 22. Предмет, изображенный на бескозырке моряка. 23. Ассорти (суть). 24. Соединительный шип в столярном деле. 25. Лесная птица, чьи хвостовые перья от линьки до линьки истираются на сантиметр и больше. 26. Пигалица. 31. Обман, притворство. 32. Опера Д. Верди. 34. Специальность В. Гершеля. 35. «Музыкальная» болотная трава. 36. Героиня многих полотен Леонардо да Винчи. 38. Греческая богиня, научившая людей земледелию. 41. Свечной продукт. 42. Металл, которого в 1926 году было получено всего два миллиграмма. 43. Частая форма пламени.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1**

По горизонтали:

5. Цилиндр. 8. Пострел... 12. Рогоз. 14. Триптолем. 15. Селевния. 17. Искра. 18. Вороток. 19. Добро. 22. Канатоходец. 24. Диакон. 26. Нил. 28. Ата. 29. Жокей. 30. Мавры. 31. Лай. 34. Чак. 36. Юность. 37. Диаманетик. 39. Строй. 40. Совесть. 41. Явата. 44. Зимородок. 46. Филигрань. 47. Танец. 48. Змеелов. 49. Салазки.

По вертикали:

1. Щиток. 2. Хром. 3. Эпос. 4. Уткел. 6. Империял. 7. Древооточец. 9. Озеров. 10. Ерихонка. 11. Грасман. 13. Витрина. 16. Мотет. 20. Полость. 21. Хитрюга. 23. Нисан. 25. Откат. 27. Шахматница. 31. Люстрин. 32. Йодоформ. 33. Бисер. 34. Четверик. 35. Кистень. 38. Золото. 42. Голец. 43. Жираф. 45. Кава. 46. Фест.

розовые ФЛАМИНГО

Алексей Соболев, московский художник и поэт, принадлежит к поколению, активно развивавшему традиции свободного искусства в начале 80-х годов и успешно продолжающему их сейчас в новых условиях.

Его живопись можно отнести к направлению, условно называемому экологическим, хотя конкретное содержание далеко выходит за рамки утилитарно-экологических проблем. Своим искусством Алексей пытается выразить не только отношение человека к природе, как это делали мастера прошлого, но и активное отношение самого мира как к человеку, так и к любому живому существу. Отсюда особая роль животных в его картинах. Мы видим мир как бы глазами иных существ, чья воспринимающая способность выше нашей, более непосредственна и не обусловлена нашим потребительским и агрессивным отношением к жизни.

Некоторое упрощение графики позволяет сконцентрировать внимание зрителей на цветном и композиционном решении как более важном для выражения идеи картины. Как правило, художник фиксирует в качестве главной одну из характеристик психологического состояния животного или даже

какой-либо признак формы: размер, цвет, пластику или движение. Это основа развития картины.

Животные вступают в общение с природой, частью которой признают себя, и в ответ мир раскрывает красоту и гармонию, недоступные нам и неизвестные. В ярких и экспрессивных абстрактных композициях Алексея источник этой новой красоты и гармонии — взаимоотношение между миром и человеческим сознанием, способными бесконечно обогащать друг друга. По убеждению художника, природа не может не откликнуться, если мы обратимся к ней открыто и доброжелательно. Главным мотивом его творчества можно назвать оптимистическое предчувствие праздника, ожидающего нас.

АНАТОЛИЙ СМЕРНОВ

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

"БУЛДУГ"

ИНДЕКС 70820. 1р. 65 коп.